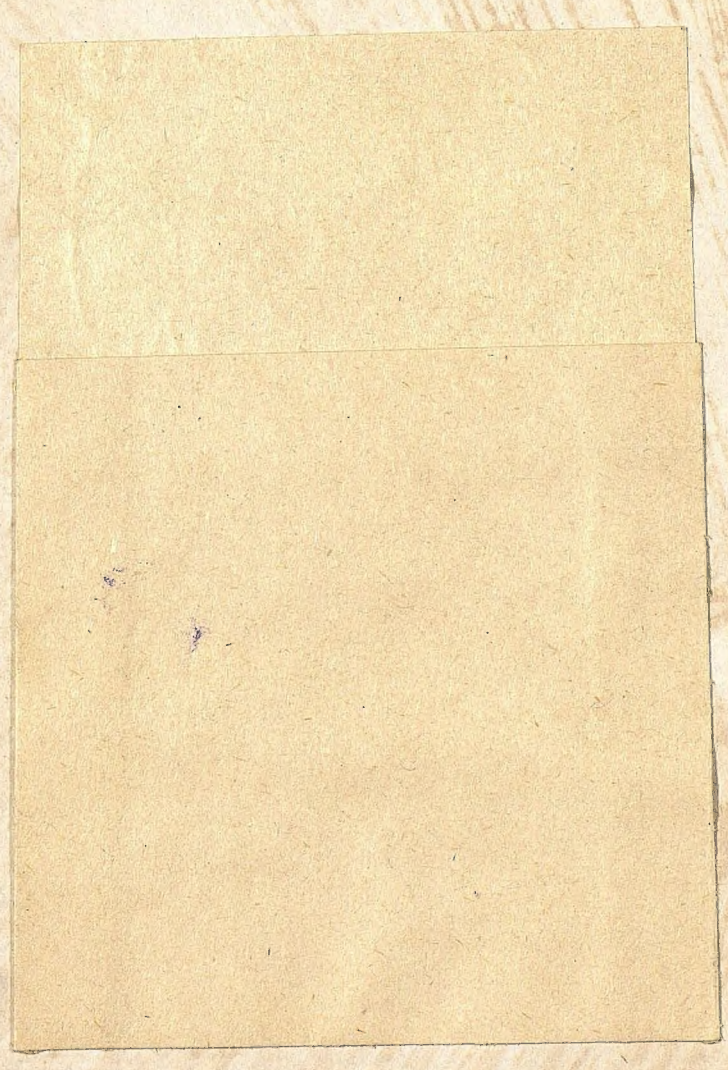
Русская старина.

Апрель.

1902 г.

ская
рина



Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
МОСКОВСКАГО СОВѢТА
Профессіональныхъ Союзовъ.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского союза
Профессиональных Союзов

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. АПРѢЛЬ. 1902 годъ.

Книга на дом не выдается

1030

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Ссылка Сперанскаго въ 1812 году.** (Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова). Сообщилъ И. А. Бычковъ. 5—44

II. **Василій Андреевичъ Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ:** I.—В. А. Жуковскій и семейство Якушкиныхъ; II.—В. А. Жуковскій и братья Тургеневы; III.—В. А. Жуковскій и В. К. Кюхельбекеръ; IV.—В. А. Жуковскій и Ѳ. Н. Глинка; V.—В. А. Жуковскій и А. Ѳ. фонъ-деръ Бригенъ. Н. Дубровина. . . . . 45—119

III. **Письма и записки В. А. Жуковскаго къ графинѣ Ю. Ѳ. Барановой.** Сообщилъ Ѳ. А. Бычковъ. 121—133

IV. **Два неизданныхъ стихотворенія В. А. Жуковскаго.** Сообщилъ графъ Н. А. Бревернъ деля-Гарди. . . . . 134—136

V. **Собственноручныя письма В. А. Жуковскаго къ Д. П. Северину.** . . . . . 137—166

VI. **Альбомъ, подаренный Фридрихомъ-Вильгельмомъ наслѣдникомъ прусскимъ Васил. Андреевичу Жуковскому.** А. Ѳомина. 167—176

VII. **Письма В. А. Жуковскаго къ разнымъ лицамъ.** Сообщили И. А. Бычковъ и Б. М. Модзалевскій. . . . . 177—188

VIII. **Замѣтки В. А. Жуковскаго, написанныя въ альбомахъ Александры Андреевны Воейковой.** Сообщ. графъ Н. А. Бревернъ деля-Гарди. . . . . 189—192

IX. **Письмо короля прусскаго Фридриха-Вильгельма къ В. А. Жуковскому** . . . . 193—194

X. **Петербургъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.** 195—207

XI. **Россія и Англія въ Афганистанѣ.** (Оконч.). В. В. Тимощукъ . . . . . 209—223

XII. **Записная книжка „Русской Старины“:** Кн. П. А. Вяземскій о В. А. Жуковскомъ. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. Ѳ. Бычкову. 17 іюня 1872 г. Сообщилъ И. А. Бычковъ (стр. 120).—Московскій университетъ въ 1826 г. Предписаніе И. Дибича полков. гр. Строганову. 17 апр. 1826 г. Письмо И. Дибича А. А. Писареву. 17 апр. 1826 г. (208).—Къ біографіи В. Н. Каразина. Письмо В. Каразина къ В. Г. Муратову, 3 марта 1827 г. (224).

XIII. **Библіографич. листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ Василія Андреевича Жуковскаго.
3) Фототипія первой страницы альбома В. А. Жуковскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1902 года.

Библіографическій листокъ.

Русскій біографическій словарь. Павелъ (преподобный)—Петръ (Илейка). Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. Спб. 1902 г.

Въ разсматриваемомъ нами новомъ выпускѣ Словаря обращаетъ на себя вниманіе статья «Павелъ I».

Павелъ Первый родился въ С.-Петербургѣ 20-го сентября 1754 года. «Только-что спеленали его, — разсказываетъ Екатерина, — какъ явился, по приказанію императрицы, духовникъ ея и нарекъ ребенку имя Павла, послѣ чего императрица тотчасъ велѣла повивальной бабушкѣ взять его и нести за собою, а я осталась на родильной постели. Въ городѣ и Имперіи была великая радость по случаю этого событія. На другой день я начала чувствовать нестерпимую ревматическую боль, начиная отъ бедра вдоль голени и въ лѣвой ногѣ. Боль эта не давала мнѣ спать, и, сверхъ того, со мною сдѣлалась сильная лихорадка; но, не смотря на то, и въ тотъ день я не удостоилась большаго вниманія. Впрочемъ, великій князь на минуту явился въ моей комнатѣ и потомъ ушелъ, сказавъ, что ему некогда больше оставаться. Лежа въ постели, я безпрерывно плакала и стонала... Наконецъ, великій князь соскучился по моимъ фрейлинамъ: по вечерамъ ему не за кѣмъ было волочиться, и потому онъ предложилъ проводить вечера у меня въ комнатѣ. Тутъ онъ началъ ухаживать за графиней Елиз. Воронцовой». Этотъ простой разсказъ царственной матери Павла Петровича объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его рожденіе ясно показываетъ, подъ какими несчастными предзнаменованіями появился на свѣтъ великій князь: семейная драма, происходившая въ средѣ императорской фамиліи, уже дала направленіе его будущности. Жертва политическихъ разсчетовъ, баловень царственной бабушки, Павелъ Петровичъ при самомъ рожденіи встрѣченъ былъ полнымъ равнодушіемъ ничтожнаго отца и слезами геніальной матери.

Крещеніе великаго князя было совершено при пышной обстановкѣ 25-го сентября и сопровождалось длившимися около года торжественными праздниками: балами, маскарадами, фейерверками. Празднуя рожденіе внука, императрица Елизавета по-прежнему не щадила материнскихъ чувствъ Екатерины: для нея на первомъ планѣ были «интересы имперіи». Увидѣть сына въ первый разъ послѣ родовъ Екатерины пришлось только чрезъ шесть недѣль, когда она принимала очистительную молитву.

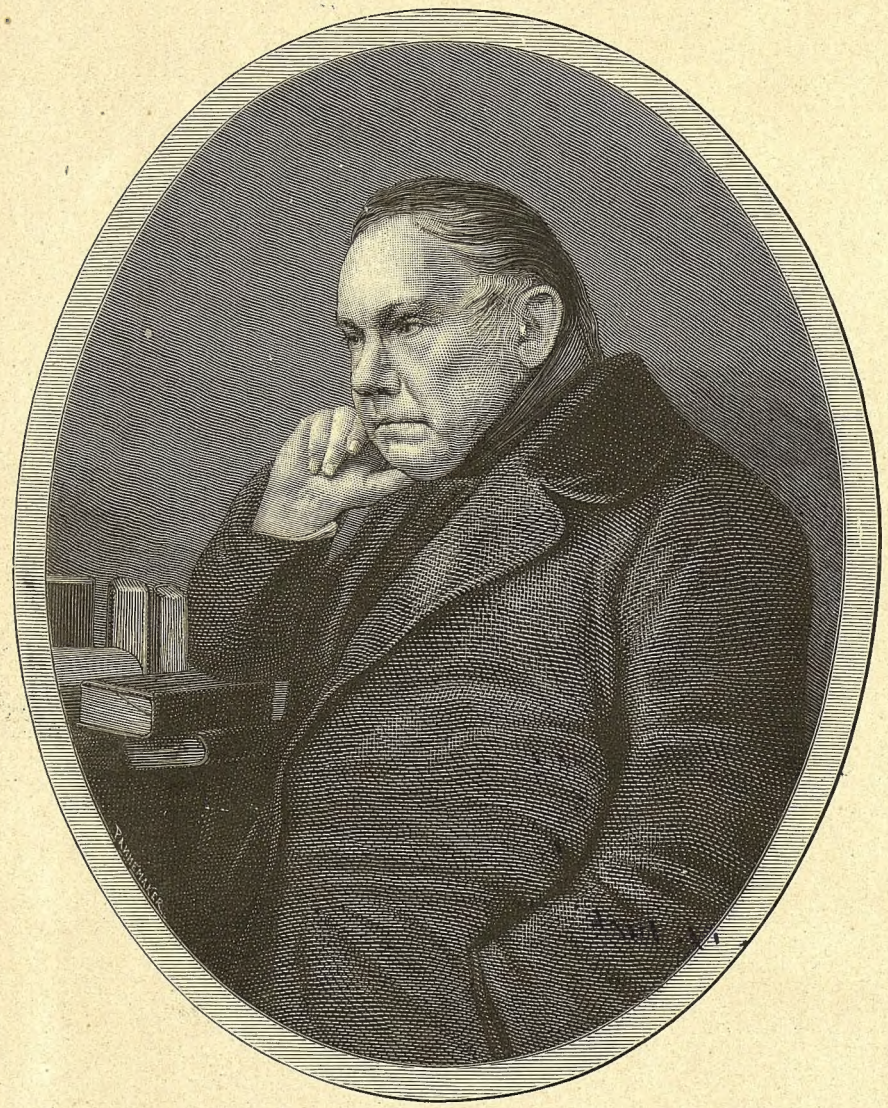
Малолѣтній Павелъ Петровичъ, конечно, не понималъ отношеній, существовавшихъ между его родителями. Въ ночь на 27-е іюня 1762 г. онъ былъ страшно напуганъ, когда его внезапно разбудили и, подъ охраною войскъ, перевезли изъ Лѣтняго дворца въ Зимній, и здѣсь Панинъ всю ночь провелъ въ одной постели съ своимъ воспитанникомъ. Испугъ мальчика былъ такъ великъ, что у него появились болѣзненные припадки. Между тѣмъ, рано утромъ на другой день, Панинъ повезъ его къ Казанскому собору, куда, для принятія присяги, бѣжали возлѣ кареты великаго князя едва одѣтые солдаты. Екатерина провозглашена была самодержавной императрицей, а Павелъ объявленъ былъ ея наслѣдникомъ; чрезъ нѣсколько дней затѣмъ услышалъ онъ о скоропостижной смерти отца.

Въ 1772 г. великій князь достигъ совершеннолѣтія; 29-го сентября 1773 года онъ вступилъ въ первый бракъ съ принцессою гессенъ-дамштадтской Вильгельминой, нареченной при св. мѵропомазаніи Наталіей Алексѣевной, вскорѣ умершей во время родовъ, и 26-го сентября 1776 г. онъ женился на принцессѣ виртембергской Софіи-Доротеѣ, нареченной при св. мѵропомазаніи Маріей Ѳеодоровной; отъ этого втораго брака онъ имѣлъ четырехъ сыновей: Александра, Константина, Николая и Михаила, и шесть дочерей.

6-го августа 1783 года Екатерина подарила Павлу Петровичу великолѣпную мызу Гатчину, принадлежавшую прежде Г. Г. Орлову. Съ этого времени начинается новый, гатчинскій періодъ жизни великаго князя, когда онъ, постоянно удаляемый отъ дѣлъ правленія и удаляясь самъ отъ матери и отъ большаго екатерининскаго двора, замыкается постепенно самъ въ себѣ, предаваясь, въ качествѣ «гатчинскаго помѣщика», хозяйственной и благотворительной дѣятельности, а также излюбленнымъ своимъ военнымъ занятіямъ.

Въ 1787 году, съ началомъ второй турецкой войны, Павелъ Петровичъ надѣялся, что ему, наконецъ, откроется достойное его сана поприще для дѣятельности, и 10-го сентября просилъ мать о дозволеніи отправиться въ армію волонтеромъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Это намѣреніе Павла не нравилось Екатеринѣ: она не желала ни создавать затрудненій Потемкину, командовавшему арміей, ни содѣйствовать популярности сына, объ устраненіи котораго отъ престола въ пользу великаго князя Александра Павловича она уже думала въ это время. Подъ всевозможными предлогами императрица или отказывала Павлу въ своемъ разрѣшеніи, или откладывала дѣло; лишь въ маѣ 1788 года она дала, наконецъ, ему столь желанное для него дозволеніе, но внезапно открывшаяся война со Швеціей направила цесаревича не на югъ, а на сѣверъ, въ финляндскую армію; туда же направленъ былъ и гатчинскій отрядъ великаго князя. Военныя дѣйствія противъ шведовъ происходили главнымъ образомъ на морѣ, покрывъ славою русскій флотъ и адмираловъ Чичагова и Грейга; но сухопутныя наши войска ограничивались рекогносцировками и аванпост-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ

ЖУКОВСКІЙ.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго совѣта
Профессіональныхъ Союзовъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1902.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ІЮНЬ.

РИБ

25153

49 Г. ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ТОМЪ СТО ДЕСЯТЫЙ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе быть русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го** числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

ИСТОРІЯ

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. Ѳ. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

заключающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами. Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться въ **Товарищество «Общественная Польза»**, Большая Подъяческая, № 39.

Ссылка Сперанскаго въ 1812 году [1]).

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

1. Нѣсколько словъ о послѣдней аудіенціи Сперанскаго у императора Александра 17 марта 1812 года.

Въ числѣ тѣхъ умолчаній, за которыя особенно гнѣвалась на насъ періодическая наша пресса,—читаемъ мы въ дополнительныхъ замѣткахъ барона М. А. Корфа къ «Жизни графа Сперанскаго»—указано было ею и сокрытіе подробностей послѣдняго свиданія Сперанскаго съ императоромъ Александромъ (17 марта 1812 года). «Если дошедшія до автора сказанія объ этихъ подробностяхъ разнствуютъ и даже противорѣчатъ между собою,—говорилось въ журналахъ—то отчего же онъ не передалъ публикѣ хоть эти противоположные разсказы съ нужнымъ ихъ опроверженіемъ или разъясненіемъ, какъ сдѣлалъ то въ разныхъ другихъ случаяхъ, и отчего же именно только въ этомъ одномъ, важнѣйшемъ, онъ оставляетъ любопытство читателей неудовлетвореннымъ?».

Оттого—повторяемъ мы сказанное уже нами на 16-й страницѣ II-го тома «Жизни графа Сперанскаго»,—что никто не былъ свидѣтелемъ этой аудіенціи, а Сперанскій, если когда-нибудь и отвѣчалъ на вопросы о ней, то или отъигрывался отъ назойливаго любопытства общими фразами, или, можетъ быть, разсказывалъ дѣло такъ, какъ ему предста-

[1]) Дополнительные матеріалы къ „Жизни графа Сперанскаго“ барона М. А. Корфа.

влялось соотвѣтственнѣйшимъ въ отношеніи личности слушателей, послѣдніе же, при передачѣ слышаннаго ими другимъ, могли опять расцвѣчивать этотъ разсказъ прикрасами собственной фантазіи; оттого, скажемъ далѣе, что дошедшія до насъ преданія сложились, большею частью, по наслышкѣ, или даже по догадкамъ; оттого, наконецъ, что вездѣ въ нашей книгѣ, гдѣ намъ казалось невозможнымъ высказать полную истину, мы предпочитали совсѣмъ молчать.....

Но въ настоящихъ листахъ, мы постараемся собрать въ одной общей картинѣ то, что было намъ передано съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ направленіяхъ, отнюдь только не принимая на себя отвѣтственность передъ исторіею за достовѣрность этихъ матеріаловъ. Важнѣйшая ихъ часть основана на сообщеніяхъ престарѣлаго Ѳедора Петровича Лубяновскаго, которому будто бы пересказывалъ все это самъ Сперанскій въ длинныхъ и откровенныхъ пензенскихъ бесѣдахъ ихъ въ 1821 году (т. II, стр. 256). Но показанія его дополнены и разными другими. Нѣкоторыя изъ замѣченныхъ нами противорѣчій и несообразностей сами собою выйдутъ здѣсь наружу посредствомъ сличенія съ другими частями нашей работы.

Съ января 1812 года Александръ, развлеченный военными приготовленіями, почти совсѣмъ пересталъ ѣздить въ Государственный Совѣтъ [1]), и съ тѣмъ вмѣстѣ прекратились и постоянные доклады государственнаго секретаря. Когда ему нужно было о чемъ доложить, онъ посылалъ записку, и государь отвѣчалъ ему назначеніемъ дня и часа или отмѣткою на той же запискѣ, или послѣ, черезъ нарочнаго фельдъегеря. Въ февралѣ понадобился такой докладъ, и Сперанскій послалъ свою обычную записку. Но на нее не было отвѣта недѣлю, двѣ, три. При особенныхъ въ это время занятіяхъ государя и при замѣчаемомъ въ немъ уже давно охлажденіи къ гражданскимъ дѣламъ, Сперанскій ничего не подозрѣвалъ, и думая только, нѣтъ ли въ такомъ долговременномъ молчаніи какого недоразумѣнія, справлялся по-часту во дворцѣ, не отдано ли по его запискѣ изустнаго приказанія, на что, однако, никто не умѣлъ отвѣтить. (Здѣсь уже тотчасъ и неправда, обличаемая подлинными актами Государственнаго Совѣта. Сперанскій имѣлъ личный докладъ еще 12 марта и на двадцати шести поднесенныхъ въ тотъ день мнѣніяхъ Совѣта своеручно отмѣтилъ мѣсто и число высочайшей конфирмаціи. Бумаги эти хранятся и теперь въ архивѣ Совѣта). Наконецъ 17 марта, въ воскресенье, когда онъ спокойно обѣдалъ у своей пріятельницы г-жи Вейкардтъ, пріѣхалъ фельдъегерь съ повелѣніемъ

---

[1]) Свидѣтельства Ѳ. П. Лубяновскаго и А. Н. Оленина..

ему явиться къ государю вечеромъ, въ 8 часовъ. Сперанскій тутъ же переодѣлся, по тогдашнему обычаю, въ мундиръ съ чулками и башмаками и отправился въ Зимній дворецъ въ указанное время [1]).

Между тѣмъ, при свиданіи въ этотъ же день утромъ съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ [2]), государь сказалъ ему, что по-вечеру назначилъ быть къ себѣ кому-то изъ военныхъ съ работою, но послѣ будетъ свободенъ и желаетъ «поболтать» съ нимъ, Голицынымъ; почему онъ и можетъ ѣхать, по своей обыкновенной привычкѣ, на avant-soirée къ Гурьевой (женѣ министра финансовъ), а оттуда уже явиться во дворецъ. Слѣдуя этому, Голицынъ пріѣхалъ около 8 часовъ; но, противъ своего чаянія, нашелъ въ секретарской нѣсколько высшихъ сановниковъ, изъ которыхъ одни ждали съ бумагами, а другіе изустныхъ приказаній; въ кабинетѣ же съ государемъ находился, по словамъ камердинера, совсѣмъ не военный, а Сперанскій. Такъ пробило и 9 часовъ, и 10. Государь уже давно выслалъ сказать ожидавшимъ, что сегодня не имѣетъ времени ихъ принять, и всѣ удалились; но Голицынъ, слышавшій о существованіи интриги противъ Сперанскаго, знавшій, что онъ уже давно (?) не былъ допущенъ передъ государя, знавшій, можетъ статься, и болѣе, рѣшился дождаться того, что будетъ далѣе. Съ нимъ въ секретарской оставался только дежурный генералъ-адъютантъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Наконецъ въ 11-мъ часу Голицынъ, сидѣвшій въ креслѣ у топившагося камина, услышавъ движеніе замочной ручки, поспѣшно вскочилъ и выступилъ на середину комнаты, чтобы встрѣтиться лицомъ къ лицу съ выходившимъ изъ кабинета.

Здѣсь, въ описаніи послѣдовавшей затѣмъ сцены, появляется то разногласіе въ разсказѣ обоихъ единственныхъ очевидцевъ, о которомъ упомянуто у насъ въ «Жизни графа Сперанскаго» на страницѣ 15-й II-го тома. Что касается министра юстиціи И. И. Дмитріева, то, быть можетъ, онъ находился въ числѣ тѣхъ «высшихъ сановниковъ», про которыхъ Голицынъ разсказывалъ, что они сперва дожидались государя, а потомъ удалились.

Но, повторимъ опять, въ чемъ же состояли тайны этого длиннаго свиданія, которое такъ разстроило и Александра, и его любимца?

Сперанскій [3]) привезъ съ собою кипу бумагъ, накопившихся въ долгій промежутокъ (?) за то время, что онъ не имѣлъ личнаго доклада. Въ числѣ ихъ было и нѣсколько представленій къ наградамъ. Государь встрѣтилъ его, по обыкновенію, милостиво, извинился, что такъ давно

---

[1]) Разсказъ г-жи Вейкардтъ и г-жи Поггенполь.

[2]) Разсказъ князя А. Н. Голицына.

[3]) Ѳ. П. Лубяновскій по разсказу будто бы Сперанскаго.

не могъ принять его за множествомъ работы по военной части, утвердилъ всѣ его представленія и вообще не далъ замѣтить ничего, кромѣ всегдашняго своего благорасположенія. Когда докладъ, занявшій, по большому числу дѣлъ, очень много времени, окончился, Сперанскій, собравъ свои бумаги, хотѣлъ идти, и ожидалъ только обычнаго поклона, съ которымъ отпускалъ его государь. Но такого не было. Вставъ и пройдясь нѣсколько шаговъ по комнатѣ, Александръ вдругъ перемѣнилъ и видъ, и осанку, и началъ самымъ суровымъ голосомъ, съ перемѣною всегдашняго ты на холодное вы: «Намъ надо объясниться, Михайло Михайловичъ: я уже давно замѣчаю, что вы идете противъ меня, а теперь вполнѣ въ томъ убѣдился». Остолбенѣвшій Сперанскій хотѣлъ что-то вымолвить, но государь не допустилъ до того и вообще, продолжая рѣчь съ чрезвычайною живостью и свойственнымъ ему многословіемъ, не далъ своему слушателю выговорить, и послѣ, почти ни слова. Въ самыхъ раздраженныхъ выраженіяхъ, въ тонѣ грознаго судьи передъ обличеннымъ преступникомъ, съ такими подробностями, которыя едва ли могъ бы уловить и стенографъ и которыя тѣмъ менѣе могутъ найти себѣ мѣсто въ настоящемъ разсказѣ со словъ взволнованнаго Сперанскаго, Александръ сталъ обвинять его главнѣйше въ томъ [1]): 1) что, стоя у кормила правленія, онъ, при всѣхъ случаяхъ, худо о немъ отзывается и даже въ секретарской комнатѣ не разъ громко говорилъ о предстоящемъ будто бы паденіи имперіи; 2) что онъ стремился разстроить ее финансовыми своими мѣрами и посредствомъ усиленныхъ налоговъ возбудить ненависть противъ правительства; 3) что онъ жертвуетъ благомъ государства изъ привязанности своей къ французской системѣ; 4) что, не довольствуясь общимъ преобразованіемъ всего государственнаго строя, въ которое вовлекалъ государя своими софизмами, онъ замышлялъ уничтожить даже и послѣднее звено, соединявшее Россію Александровскую съ Петровскою—черезъ ломку Сената; 5) что, несмотря на ввѣренный уже ему обширный кругъ дѣлъ, онъ старался еще болѣе его расширить и покушался проникнуть въ дипломатическія тайны, употребляя для того во зло вліяніе свое на нѣкоторыхъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ; 6) что онъ готовъ былъ, чтобы только не встрѣчать никакихъ болѣе препонъ своимъ замысламъ и своему властолюбію, пожертвовать даже личными своими чувствами и соединиться съ прежними извѣстными своими врагами Армфельдомъ и Балашовымъ.

— Я знаю [2]) — продолжалъ государь — что вы предлагали имъ составить вмѣстѣ съ вами какой-то тріумвиратъ, черезъ который проходили бы всѣ государственныя дѣла, а я, стало-быть, представлялъ бы у васъ уже только роль пѣшки!

[1]) Тотъ же Лубяновскій и пермское письмо Сперанскаго.

[2]) Записка полковника А. В. Воейкова.

Здѣсь Сперанскій не могъ болѣе воздержаться, хотя Александръ и старался было сначала его перекричать.

— Помилуйте, государь,—воскликнулъ онъ — это гнуснѣйшая клевета, подлый вымыселъ, который долженъ пасть всею своею силою на самихъ моихъ враговъ. Нѣсколько дней тому назадъ Армфельдъ, точно, пріѣзжалъ ко мнѣ и, точно, было предложеніе, только не отъ меня ему, а отъ него мнѣ, все вносимое къ вашему величеству имъ и Балашовымъ передавать сперва, частно, мнѣ и обращать по принадлежности тогда уже, когда я одобрю или укажу, что̀ исправить, такимъ образомъ, чтобы все достигало до васъ не иначе, какъ черезъ наши руки. Я долженъ быть вполнѣ искреннимъ: «Упаси Боже—отвѣчалъ я этимъ господамъ:—вы не знаете государя; онъ увидитъ тутъ прикосновеніе къ своимъ правамъ, и намъ всѣмъ можетъ быть худо». Такъ предложеніе ихъ было мною отклонено, и я обѣщалъ только Армфельду не сказывать о немъ вашему величеству, а теперь они же воспользовались моимъ довѣрчивымъ молчаніемъ, чтобы меня очернить.

— Если и такъ—перебилъ снова государь,—то вы все равно виноваты: я слышалъ обо всемъ этомъ уже три дня тому назадъ, слышалъ и нарочно молчалъ, въ надеждѣ, что вы мнѣ скажете, но теперь, наконецъ, принужденъ былъ самъ начать. У меня не было отъ васъ ни одной сокровенной мысли, а вы хитрили со мною и не показали взаимной довѣренности. Впрочемъ стараніе ваше сойтись съ Балашовымъ для скрытыхъ отъ меня цѣлей я вижу и изъ другаго. «Чья это рука? [1]) — спросилъ онъ вдругъ, вынувъ изъ кармана и держа передъ глазами Сперанскаго своеручную записку послѣдняго—Чья это рука?».

Что же было въ этой запискѣ [2])? Родственникъ и клевретъ Балашова Бологовской, обѣдавъ, за нѣсколько времени передъ тѣмъ гдѣ-то съ Магницкимъ, въ шумѣ винныхъ паровъ спросилъ у него:

— Зачѣмъ вашъ Михайло Михайловичъ дѣлаетъ такія глупости?

— Какія глупости?

— Зачѣмъ онъ въ распрѣ съ Балашовымъ? Оба люди добрые и умные, а между тѣмъ не только не говорятъ, даже и не кланяются другъ съ другомъ, тогда какъ вмѣстѣ могли бы дѣйствовать гораздо успѣшнѣе. Отчего бы имъ не помириться, когда нѣтъ и настоящей причины къ ссорѣ?

Слово за словомъ, Магницкій взялся переговорить объ этомъ съ Сперанскимъ, а Бологовской съ Балашовымъ и, черезъ ихъ посредство, оба непріятеля изъявили согласіе на примиреніе: одинъ съ незлобивымъ своимъ добродушіемъ, другой съ тѣми же коварными намѣреніями,

---

[1]) Лубяновскій, по разсказу Сперанскаго.

[2]) См. «Русскую Старину» 1902 г., мартъ, стр. 497—498.

которыя нѣкогда внушили предательское лобзаніе Іудино. Оставался только вопросъ, кому первому протянуть руку? Балашовъ, ссылаясь на то, что онъ министръ и генералъ-адъютантъ, уклонялся отъ перваго визита; Сперанскій, въ простодушной своей довѣрчивости къ людямъ, былъ менѣе щекотливъ и согласился сдѣлать первый шагъ съ своей стороны. Но въ самый день, назначенный для примирительнаго свиданія, у Сперанскаго сильно заболѣла голова, и потому онъ написалъ своему посреднику Магницкому, qu'un mal de tête violent l'empêchait de paraître à l'entrevue convenue avec Balachoff [1]). Эту самую записку Магницкій переслалъ въ подлинникѣ Балашову, а Балашовъ, въ тайныхъ своихъ цѣляхъ, представилъ государю, который ее-то именно и предъявилъ теперь Сперанскому.

— Чья это рука?—продолжалъ онъ.—И можете ли вы, послѣ этой записки, оспорить, что желали скрытнаго сближенія и союза съ такимъ человѣкомъ, къ которому въ публикѣ вы всегда оказывали явное презрѣніе и котораго не разъ и мнѣ самому выставляли какъ злѣйшаго врага? Нужны ли послѣ этого еще другіе факты въ доказательство вашей двуличности со мной?

Точно ли Александръ былъ убѣжденъ въ справедливости высказанныхъ имъ Сперанскому обвиненій и подозрѣній, или все это была одна только маска передъ послѣднимъ и, можетъ статься, даже передъ самимъ собою, одинъ предлогъ для удаленія отъ себя, во что бы то ни стало, безъ вида явнаго неправосудія, человѣка, которому самъ онъ далъ слишкомъ большое вліяніе? Скорѣе, кажется, послѣднее. Онъ не могъ вѣрить въ выдумку о предложеніи Сперанскимъ такого тріумвирата, который самого государственнаго секретаря подвергнулъ бы раздѣленію съ другими власти, дотолѣ ему одному принадлежавшей. Съ другой стороны умолчаніе о предложеніи Армфельда, отвергнутомъ и оставшемся, какъ частный разговоръ, безъ всякихъ послѣдствій, не составляло никакой вины даже и передъ самымъ подозрительнымъ характеромъ, а въ приступѣ къ сближенію съ Балашовымъ трудно было найти что-нибудь другое, какъ естественное желаніе избавиться по крайней мѣрѣ отъ одного лишняго врага. Наконецъ, что касается прочихъ статей обвиненія, то на нихъ всего убѣдительнѣе отвѣчалъ самъ Сперанскій уже изъ заточенія, въ знаменитомъ пермскомъ своемъ письмѣ, и эти отвѣты такъ просты, такъ дышатъ истиною, такъ исполнены логики, что Александру, конечно, должно было предугадать ихъ еще въ ту минуту, когда онъ произносилъ грозную свою филиппику...

Возвращаемся къ аудіенціи 17-го марта.

---

[1]) Т. е. что сильная головная боль препятствуетъ ему явиться на предположенное свиданіе съ Балашовымъ.

Перечисливъ [1]) всѣ предметы своихъ обвиненій, государь, тономъ уже нѣсколько смягченнымъ, продолжалъ:

— Изо всего этого вы видите, что намъ нельзя больше оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ и что, сколько я ни уважаю ваши дарованія, мы необходимо должны разстаться.

— Государь, — отвѣчалъ Сперанскій, какъ только нашелъ минуту произнести слово,—всѣ ваши обвиненія такъ для меня неожиданны, духъ мой такъ взволнованъ этою внезапностью, что я не могъ бы теперь вдругъ представить моихъ оправданій, хотя бы вы мнѣ то и позволили, но вы не позволяете. Вижу [2]), слѣдственно, что мнѣ должно молчать, каково бы ни было внутреннее сознаніе моей совѣсти, и безусловно исполнить вашу волю, еще болѣе тяжкую для моего сердца, чѣмъ для разсудка. Вижу также, и очень хорошо понимаю, что, лишась вашей довѣренности, уже не могу больше съ пользою занимать никакого мѣста. Прошу послѣ этого, за всю мою службу, одной только милости: отпустить меня не съ безчестіемъ и позволить подать отъ самого себя просьбу объ отставкѣ.

— Въ другое время—возразилъ государь—я поступилъ бы иначе; во всякомъ иномъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, я употребилъ бы годъ или два, чтобы ближе изслѣдовать и повѣрить взведенныя на тебя обвиненія. Но теперешнія обстоятельства этого не позволяютъ. У тебя сильные враги [3]); общее мнѣніе требуетъ твоего удаленія, только на этомъ условіи соглашаются дать нужныя намъ деньги, а у меня на рукахъ—Наполеонъ и неизбѣжная война. Но на желаніе твое [4]) самому проситься въ отставку я охотно соглашаюсь. Пріѣзжай ко мнѣ завтра утромъ въ 12 часовъ съ просьбою, и мы покончимъ все между собою, а теперь прощай, до свиданья.

Сперанскій пошелъ, но, дойдя до дверей, невольно оглянулся. Александръ стоялъ скрестя руки и мрачно смотрѣлъ вслѣдъ ему. Сперанскій не могъ удержать сердечнаго порыва и бросился опять назадъ поцѣловать руку государя, который его обнялъ и прижалъ къ груди.

— Въ жизни моей—сказалъ онъ при этомъ—судьба покарала меня двумя жестокими несчастіями: смертію отца и теперешнею необходимостью съ тобою разстаться... Прощай, будь счастливъ, а я даю тебѣ слово въ одномъ: если переживу тебя, никогда не оставлять твоей очери.

Сперанскій облилъ его руку слезами и удалился.....

---

[1]) Лубяновскій по разсказу Сперанскаго.
[2]) Записки Михайловскаго-Данилевскаго по разсказу Магницкаго.
[3]) Автобіографія Сперанскаго.
[4]) Лубяновскій по разсказу Сперанскаго.

Въ особенной, или секретной канцеляріи министерства полиціи, состоявшей подъ начальствомъ де-Санглена, дежурнымъ въ этотъ день былъ Густавъ Васильевичъ Лерхе, впослѣдствіи извѣстный петербургскій адвокатъ. По вечеру де-Сангленъ [1]), заѣхавъ въ канцелярію, взялъ у Лерхе два слѣдующіе нумера по исходящему журналу, выставилъ ихъ секретно на привезенныхъ съ собою бумагахъ и велѣлъ молодому человѣку не уходить впредь до приказанія. Въ ту же ночь внезапно разбудили тогдашняго оберъ-полиціймейстера Ивана Саввича Горголи. Частный приставъ Шипулинскій явился донести о полученномъ имъ отъ министра полиціи предписаніи.

— Что такое?

— Мнѣ велѣно сейчасъ ѣхать изъ Петербурга.

— Куда, зачѣмъ?

— Не велѣно сказывать.

По вліянію своему на подчиненнаго, Горголи, однако, тутъ же вывѣдалъ всю истину и остолбенѣлъ: Шипулинскій долженъ былъ везти Сперанскаго въ Нижній... Кромѣ самихъ непосредственныхъ дѣятелей, никому въ Петербургѣ не приходило въ мысль ничего подобнаго. Менѣе всѣхъ, послѣ словъ Александра, сама обреченная жертва провидѣла готовившуюся ей участь.

Въ третьемъ часу утра де-Сангленъ воротился въ канцелярію и позволилъ Лерхе идти домой. Все было кончено.....

---

2. Участіе де-Санглена въ высылкѣ Сперанскаго.

Въ статьѣ барона М. А. Корфа «Дѣятели и участники въ паденіи Сперанскаго», помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за нынѣшній годъ, упоминалось о той роли, которую игралъ въ паденіи Сперанскаго Я. И. де-Сангленъ, и были сообщены свѣдѣнія о томъ, какъ удалось барону Корфу получить отъ де-Санглена разсказъ, касающійся ссылки Сперанскаго. Этому разсказу въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» посвящена барономъ Корфомъ особая глава; содержащійся въ ней разсказъ де-Санглена представляетъ лишь небольшія отличія сравнительно съ его Записками, изданными въ «Русской Старинѣ» 1883 года (томъ XXXVII стр. 19—46 и 375—392), а потому печатать въ настоящее время эту главу въ полномъ видѣ было бы излишне. Приведемъ здѣсь лишь конецъ ея, въ которомъ де-Сангленъ описываетъ свое свиданіе съ императоромъ Але-

[1]) Разсказъ Г. В. Лерхе.

ксандромъ на другой день послѣ высылки Сперанскаго изъ Петербурга въ Нижній-Новгородъ.

На другой день [послѣ высылки Сперанскаго, 18-го марта 1812 года] утромъ въ 12 часовъ—читаемъ въ разсказѣ де-Санглена—я былъ потребованъ къ государю [1]) и впущенъ въ большой кабинетъ.

— Балашовъ—тотчасъ началъ государь—сказалъ мнѣ, что крайне вами недоволенъ, что даже ни онъ съ вами, ни вы съ нимъ служить не хотите [2]). Догадываюсь (улыбаясь). Однако изъ его донесенія я немного понялъ: у него все какъ-то не ясно, сбивчиво, не чисто. Онъ все сваливаетъ на васъ и что вы не умѣли быть ему помощникомъ.

— Я отвѣчалъ, что первый отказался служить съ Балашовымъ; мѣшать министру не могъ, а быть ему помощникомъ—еще менѣе, потому, что онъ дѣйствовалъ одинъ, а я былъ только зрителемъ.

— Вы не можете себѣ представить—продолжалъ государь,—какой вчера былъ тяжелый для меня день! Я вывелъ Сперанскаго, приблизилъ его къ себѣ, имѣлъ къ нему неограниченную довѣренность и принужденъ былъ его выслать. Я плакалъ!

И дѣйствительно, у него навернулись на глазахъ слезы. Я молчалъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, онъ потребовалъ, чтобы я разсказалъ подробно, что и какъ все было. Когда мое повѣствованіе дошло до того, какъ Балашовъ поѣхалъ за шубой и пр. для Магницкаго, государь сказалъ:

— Это и онъ мнѣ говорилъ, вѣроятно, чтобъ эти деньги съ меня воротить. Онъ очень жалостно описалъ положеніе Магницкаго, но я будто не понялъ.

При разсказѣ о томъ, что на вопросъ Магницкаго, ѣдетъ ли съ ними Воейковъ, я отвѣчалъ: Болховской, и что Магницкій просилъ по-

---

[1]) Напомнимъ, что де-Сангленъ, во время подготовленія высылки Сперанскаго, неоднократно былъ призываемъ къ императору Александру и имѣлъ продолжительные съ нимъ разговоры.

[2]) При отправленіи Сперанскаго у де-Санглена было нѣсколько столкновеній съ Балашовымъ; такъ Балашовъ вошелъ одинъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ въ его кабинетъ, тогда какъ де-Сангленъ оставался въ залѣ рядомъ, откуда видѣлъ, какъ Сперанскій жегъ долгое время часть своихъ бумагъ; на требованіе Балашова распечатать кабинетъ Сперанскаго, чтобы дать ему возможность вынести забытый тамъ портфель съ бумагами, де-Сангленъ отвѣчалъ отказомъ и пр. Послѣ отъѣзда Сперанскаго рѣзкій разговоръ между Балашовымъ и де-Сангленомъ продолжался, и тутъ, между прочимъ, де-Сангленъ сказалъ Балашову: „Александръ Дмитріевичъ, между нами все кончено, ибо я болѣе съ вами не служу“, а послѣдній заявилъ де-Санглену: „Знайте, что вы имѣете во мнѣ навсегда непримиримаго врага“.

зволенія писать къ Сперанскому, государь съ гнѣвомъ прервалъ мою рѣчь:

— Это состраданіе было напрасное; вы этимъ открытіемъ поставили меня въ затруднительное положеніе. Когда Сперанскій ко мнѣ вошелъ и сталъ раскрывать портфель, я сказалъ ему: «Не надо, Михайло Михайловичъ: у меня есть другое дѣло переговорить съ вами, понужнѣе». И каково же было мое удивленіе, когда онъ хладнокровно отвѣчалъ мнѣ: «Государь, я все знаю; по выходѣ отъ васъ я буду отправленъ въ Нижній; но позвольте мнѣ воспользоваться послѣдними минутами свиданія и излить передъ вами мою вѣрноподданническую преданность». Тутъ онъ началъ описывать Балашова такими красками, которыя меня ужаснули. Это вы ему открыли глаза.

Государь,—отвѣчалъ я—оправдываться не смѣю; но могъ ли я объявить Сперанскому или Магницкому объ ихъ отъѣздѣ и заставить немедленно ѣхать къ Балашову? Они все знали и приготовились. Балашовъ очернилъ меня, выдумалъ сказку о Воейковѣ и не назвалъ Болховскаго, чтобы не впасть въ подозрѣніе ему, а свалить вину на меня. Магницкій спросилъ; я отвѣчалъ правду, потому что лгать не умѣю, да тутъ не было и нужды лгать. Я уже высказалъ эту правду въ минуту извѣстнаго уже несчастія, въ минуту отъѣзда, а не прежде. Для чего было мнѣ оставаться въ ихъ глазахъ шпіономъ, чернымъ человѣкомъ?

— Съ другой стороны—замѣтилъ государь—я, конечно, только по этому случаю могъ узнать всю черноту души Балашова и потому могу простить вамъ эту неосторожность. Она послужила мнѣ въ пользу. Министерства полиціи и министра полиціи не будетъ. Мнѣ второй экземпляръ Палена не нуженъ. Продолжайте.

Когда я дошелъ до того, какъ Магницкій надѣлъ шапку и спросилъ жену свою: «Suis-je bien coiffé par la police?» [1]), государь громко засмѣялся и потомъ сказалъ:

— Это славно. А Балашовъ это пропустилъ, ни слова не сказалъ! Магницкій уменъ, остеръ, но ужасно вѣтренъ.

Далѣе государь очень удивился, что Балашовъ оставилъ меня у Магницкаго, а самъ поѣхалъ къ Сперанскому.

— Онъ мнѣ и этого не говорилъ!

Разговоръ мой съ Балашовымъ до пріѣзда Сперанскаго, особливо предположеніе мое, что, вмѣсто него, отправятъ насъ, разсмѣшилъ моего слушателя; онъ сказалъ:

— Едва ли это не было бы лучше для меня; но въ отношеніи къ государству лучше было отправить Сперанскаго: доказательство—ра-

---

[1]) Т. е. Хорошо ли принарядила меня полиція?

дость, которую произвелъ его отъѣздъ въ столицѣ и, вѣрно, произведетъ и вездѣ.

Потомъ, погодя немного:

Люди — мерзавцы! Тѣ, которые еще вчера утромъ ловили его улыбку, нынче поздравляютъ меня и не могутъ нарадоваться его ссылкѣ.

Государь взялъ со стола книгу и потомъ гнѣвно бросилъ ее опять на мѣсто, сказавъ съ негодованіемъ:

— Подлецы, вотъ кто окружаетъ насъ.... Но я все васъ останавливаю. Какъ вошелъ Михайло Михайловичъ?

— Государь, чрезвычайно спокойно; я даже такъ удивился его хладнокровію и твердости, что подумалъ, не прощенъ ли онъ вашимъ величествомъ.

Потомъ я разсказалъ все до приглашенія въ кабинетъ и просьбы Балашова дать ему пробыть полчаса наединѣ съ Сперанскимъ.

— Вамъ не слѣдовало на это соглашаться,—возразилъ мой собесѣдникъ.

— Государь, онъ былъ еще тогда моимъ начальникомъ, и ваше величество запретили мнѣ ему мѣшать, велѣвъ только довести до вашего свѣдѣнія о томъ, что я увижу и услышу.

— Да, это такъ. Но можно ли мнѣ было предполагать, что Балашовъ, которому я приказалъ взять васъ съ собою, отважится на такой поступокъ?

Я продолжалъ свой разсказъ. Серьезность лица государя и его движенія доказывали, что онъ все болѣе и болѣе былъ недоволенъ,—мною ли, или Балашовымъ, я разгадать не могъ; но когда я упомянулъ, что, послѣ запечатанія, двери были снова распечатаны, онъ вышелъ изъ себя.

— Какой бездѣльникъ! Онъ мнѣ объ этомъ смолчалъ. Петръ Великій своеручно отрубилъ бы ему голову, а я, я мало-по-малу спущу его изъ поповъ въ дьяконы. Удивляюсь только Сперанскому.... Видно дѣлишки его, въ самомъ дѣлѣ, не такъ-то чисты!

Я передалъ государю послѣднія слова сосланнаго, т. е. о желаніи его монарху и отечеству счастія и успѣховъ, и прибавилъ, что эти слова были произнесены съ чувствомъ, отъ сердца.

Государь отвѣчалъ, кажется, откровенно:

— Вѣрю; я Сперанскаго знаю; въ немъ нѣтъ злобы, онъ болѣе способенъ на добро. Онъ религіозенъ, и я никогда не замѣчалъ въ немъ пристрастія, еще менѣе вражды. Но сожженныя и увезенныя бумаги?.. Онѣ оправдываютъ его ссылку, а общая радость подкрѣпляетъ ея необходимость.

Государь очень любопытствовалъ знать, что было въ минуту

прощанья. Я подробно все разсказалъ, прибавивъ, что Сперанскаго до самаго отъѣзда не оставляло присутствіе духа, и что ссылаемый былъ, во все время, выше того, который его отправлялъ.

Наконецъ разсказалъ я и о моемъ прощаньи съ Балашовымъ.

— Вы поступили дерзко,—замѣтилъ государь—но это былъ языкъ правдиваго человѣка. Вы только не подумали о послѣдствіяхъ. Балашовъ сдержитъ слово: онъ будетъ всѣми силами вамъ вредить, и уже началъ. А что вы сдали дѣла Фоку [1]), это еще для васъ вреднѣе: онъ подниметъ противъ васъ все министерство полиціи. Mais ce qui est fait, est fait [2]). Внутренно вы удовлетворили вашему благородству, а наружно много проиграете.

Погодя немного, государь отпустилъ меня со словами:

— Завтра вечеромъ въ 7 часовъ придите въ секретарскую и ожидайте моего призыва.

— Не хотите ли быть статсъ-секретаремъ?—спросилъ меня, между прочимъ, государь въ это свиданіе.

— Ваше величество,—отвѣчалъ я—развѣ вамъ угодно, чтобъ потомство утвердилось на пустыхъ слухахъ, распущенныхъ Балашовымъ и его кліентами, будто бы я подкопался подъ Сперанскаго и Магницкаго?

— Это и такъ не уйдетъ,—сказалъ государь, разсмѣявшись, — но, если вы меня обманываете возвышенными вашими чувствами, то никто еще меня такъ не обманывалъ.

Что далѣе происходило при этомъ новомъ свиданіи и для чего оно было назначено, де-Сангленъ намъ не передалъ, — пишетъ баронъ Корфъ.—Но вотъ что онъ еще прибавилъ частью о личныхъ своихъ и прочихъ участниковъ этого дѣла судьбахъ, а частью о причинахъ, которыми, по его мнѣнію, вызвано было паденіе Сперанскаго;

«Итакъ всѣ пострадали въ этой великой драмѣ. Сперанскаго и прочихъ сослали; Балашовъ упалъ во мнѣніи государя, но въ мнѣніи публики не тотчасъ, потому что оставался еще генералъ-адъютантомъ и съ титуломъ министра полиціи; дипломаты Армфельдъ и Вернегъ спрятались, какъ улитки, въ скромные свои домики. Моя участь была тяжелѣе всѣхъ, и хотя я оставался въ довѣренности у государя, но оттого и число враговъ моихъ множилось ежедневно. Самъ государь, по

---

[1]) М. Я. Фоку, впослѣдствіи бывшему управляющимъ III Отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи. „По возвращеніи домой [послѣ отправленія Сперанскаго], прежде чѣмъ лечь спать—говоритъ въ своемъ разсказѣ де-Сангленъ—послалъ я Фоку ордеръ о принятіи имъ всѣхъ дѣлъ по причинѣ моей болѣзни".

[2]) Т. е. Но ничего уже не подѣлаешь.

слабости ли характера, или изъ политики, ничего для меня не дѣлалъ. Но все это было только личное и ничто въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, который претерпѣло правительство. Учрежденія Сперанскаго, не получивъ еще настоящей опредѣлительности и окрѣплости и утративъ тотъ духъ, которымъ они двигались и жили, лишились съ нимъ и должнаго развитія, что̀ еще надолго отзовется для Россіи.

«Для меня лично, все кончилось напослѣдокъ слѣдующимъ отзывомъ государя: «Вамъ Балашовъ навлекъ столько враговъ въ Петербургѣ, что я рѣшился отправить васъ въ армію» [1]). Дѣйствительно, Балашовъ не устыдился не только взводить на меня разныя небылицы, какъ, между прочимъ, и отправленіе Сперанскаго, но и просить Барклая, Ермолова, Кутузова, всѣхъ начальниковъ и, наконецъ, московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына всячески меня притѣснять и не давать мнѣ хода, что̀ всѣми ими, безъ разсужденія, въ одну угодность Балашову, и было исполнено, думаю, свыше даже собственныхъ его ожиданій. Такъ князь Голицынъ, кромѣ лживыхъ на меня, уже въ послѣдующее царствованіе донесеній, представилъ въ превратномъ видѣ человѣколюбивый мой подвигъ и тѣмъ, при императорѣ Николаѣ, окончательно убилъ политическій мой бытъ.

«Сперанскій—продолжаетъ де-Сангленъ—ввергъ себя въ несчастіе самонадѣянностью, увѣренностью, что онъ необходимъ, ибо кому другому, думалъ онъ, было бы подъ силу развить нити клубка, столь таинственно имъ замотаннаго, наконецъ, излишнею своею довѣренностью къ министру полиціи и къ Магницкому, человѣку не безъ таланта, но вѣтренному, опрометчивому, болтуну. Отправленіе Магницкаго и Болховскаго было нужно, чтобы сбить съ толку публику. По-

25153

[1]) Де-Сангленъ былъ отправленъ оберъ-гевальдигеромъ къ Барклаю; но еще прежде того, а именно 22-го марта 1812 г., слѣдственно черезъ пять дней послѣ высылки Сперанскаго, пожалованъ орденомъ св. Анны 2-й степени при слѣдующей высочайшей грамотѣ:

„Господину коллежскому совѣтнику де-Санглену.

„Особенная дѣятельность ваша по службѣ и отличное усердіе къ исправленію возложенныхъ на васъ должностей, съ совершеннымъ безкорыстіемъ соединенныхъ, во все время нахожденья васъ при министерствѣ полиціи начальствомъ засвидѣтельствованныя, обращаютъ особенное благоволеніе наше, въ изъявленіе коего жалуемъ васъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-го класса, знаки коего для возложенія на васъ при семъ препровождаемъ. Въ С.-Петербургѣ, 22-го марта 1812 года. Александръ.

(Контрасигнировалъ) Министръ полиціи А. Балашовъ".

„Этимъ рескриптомъ—пишетъ де-Сангленъ—государь отвлекъ отъ меня всѣ нелѣпые слухи, которые Балашовъ съ 18-го марта старался взводить на меня. А что глупая публика могла приписать этотъ крестъ въ награду за обличеніе Сперанскаго, то обличеніе это столь же мало до меня относится, какъ и до самаго Сперанскаго, ибо рѣшительно никакого обличенія не было".

чему Балашовъ съ перваго разу призналъ за необходимое утаить передъ государемъ свою связь съ Сперанскимъ—не знаю; но видно въ томъ была надобность по его цѣлямъ, ибо онъ отрекся отъ этого знакомства. Первая эта ложь породила послѣдующія и, находясь между двумя огнями, Балашовъ метался то туда, то сюда, чтобъ не обжечься. Сожженныя бумаги должны были относиться и къ самому Балашову, который, точно, имѣлъ переписку съ Сперанскимъ, ибо личными посѣщеніями боялся пробудить извѣстную недовѣрчивость государя: слѣдственно онъ долженъ былъ и Сперанскому дать возможность увезти съ собою тѣ бумаги, которыя послѣднему казались нужными. Балашова побудила къ тому самая необходимость, такъ какъ иначе всѣ обманы его вышли бы на свѣтъ, и онъ не отдѣлался бы такъ дешево. Сверхъ того я подозрѣваю—и не безъ причины,—не разрѣшилъ ли ему самъ государь позволить Сперанскому увезти съ собою кое-какія бумаги, чтобы чрезъ то имѣть болѣе причинъ къ обвиненію послѣдняго, ибо никакихъ преслѣдованій за это позволеніе не было, тогда какъ можно было и воротить портфели, и узнать ихъ содержаніе. Балашовъ перешагнулъ за границы полученнаго имъ разрѣшенія, далъ гораздо болѣе, но, при ссылкѣ на это разрѣшеніе, не могъ быть прямо обвиненъ. Армфельдъ и Вернегъ дѣйствовали за кулисами и, когда пьеса окончилась—скрылись. Публика ихъ не видѣла. Одинъ я съ своею правдивостію сдѣлался le fou de l'aventure [1]). Выставить меня публикѣ въ настоящемъ свѣтѣ было невыгодно для иного, а благородный мой характеръ, слѣпая довѣренность къ владыкѣ и слѣпое повиновеніе его волѣ были, впослѣдствіи, причиною всѣхъ претерпѣнныхъ мною неудовольствій и гоненій. Но я остался съ чистою совѣстью и могу сказать, какъ нѣкогда Франциск I: «Tout est perdu, hors l'honneur» [2]).

Въ современномъ дневникѣ Логгина Ивановича Голенищева-Кутузова [3]) находятся два слѣдующія замѣчательныя мѣста:

Подъ 25 марта 1812 г.: «Я видѣлся вчера съ Сангленомъ, и все, что я отъ него услышалъ, не умѣстилось бы и на 50-ти страницахъ. Онъ не былъ у меня цѣлыхъ два мѣсяца изъ страха проговориться о томъ, что между тѣмъ подготовлялось. Преступленіе Сперанскаго есть—измѣна. Всѣ доказательства на то въ рукахъ государя. Онъ, Сангленъ, былъ нѣсколько разъ призванъ къ царю и однажды пробылъ у него

---

[1]) Т. е. козломъ отпущенія.

[2]) Т. е. Все потеряно, кромѣ чести.

[3]) Подлинная рукопись дневника Л. И. Голенищева-Кутузова, писанная на французскомъ языкѣ, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

цѣлыхъ шесть часовъ сряду: это немножко сильно, но, что̀ еще сильнѣе, это то, что, въ минуту высылки преступника, министръ полиціи, которому велѣно было взять съ собою въ эту экспедицію Сангленa, оставилъ его въ залѣ, а самъ заперся наединѣ съ Сперанскимъ на три часа въ его кабинетѣ, и что, по выходѣ ихъ оттуда, Сангленъ сдѣлалъ сцену своему начальнику, объявивъ, что не хочетъ болѣе служить при немъ, и, дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ, и вышелъ отъ него. Словомъ, Сангленъ явно обвиняетъ Балашова въ измѣнѣ и уѣзжаетъ въ армію генералъ-гевальдигеромъ. Все, что онъ говоритъ о Балашовѣ—невообразимо. Онъ называлъ его прямо участникомъ Сперанскаго; говоритъ, что сказалъ ему, что если бы онъ, Сангленъ, отказался идти съ нимъ въ кабинетъ Сперанскаго, то Балашовъ долженъ бы былъ втолкнуть его туда силою; словомъ, сдѣлать все на свѣтѣ, чтобъ не оставаться съ этимъ молодцомъ одному. Но нѣтъ ли тутъ какой-нибудь изнанки? Я такъ просто думаю, что Балашову хотѣлось выручить свои, слишкомъ нѣжныя письма, съ которыми онъ обращался къ Сперанскому для полученія поста министра полиціи, и что при этомъ онъ уже черезъ чуръ заплутался. Сангленъ—въ какомъ-то восторженномъ бѣшенствѣ».

Подъ 15 сентября того же 1812 года: «Сангленъ возвратился изъ арміи и былъ у меня. Шишковъ разсказывалъ мнѣ, что онъ (т. е. Сангленъ) былъ болѣе часа у государя и вышелъ отъ него весь сіяющій, съ словами: «Ну, вотъ теперь не Барклай!» Слышавъ отъ тетушки, что онъ худо отзывается о моемъ дядѣ (фельдмаршалѣ князѣ Смоленскомъ), я прямо спросилъ у него о томъ; онъ поклялся мнѣ, что слышанное мною сущая ложь и что это самъ государь распускаетъ разныя неблагопріятныя мнѣнія насчетъ моего дяди, приписывая ихъ ему, Санглену. Впрочемъ онъ, точно, не совсѣмъ доволенъ дядею, и поэтому и оставилъ армію».

«Первая выписка изъ этого современнаго событіямъ дневника—пишетъ баронъ Корфъ—во многихъ подробностяхъ подтверждаетъ разсказъ, переданный намъ де-Сангленомъ спустя 35 лѣтъ послѣ того; но какъ въ тогдашнемъ его сообщеніи Кутузову является прямое обвиненіе Сперанскаго въ измѣнѣ, а между тѣмъ въ упомянутомъ, позднѣйшемъ, разсказѣ де-Сангленъ совершенно очищаетъ государственнаго секретаря отъ этого упрека и, напротивъ, вездѣ выставляетъ себя его защитникомъ передъ Александромъ, то мы не остановились сообщить эту выписку нашему корреспонденту, болѣе, сознаемся, изъ желанія увидѣть, какъ онъ, съ своимъ умомъ, выпутается изъ такого противорѣчія».

Вотъ отвѣтъ де-Санглена (отъ 18-го марта 1847 года), съ опущеніемъ титулатуръ и фразъ вѣжливости:

«Письмо ваше пробудило во мнѣ давно протекшее—царствованіе

*

императора Павла, сего худо понятаго рыцаря среднихъ вѣковъ, и служеніе мое при Иванѣ Логгиновичѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ [1]). Здѣсь соединили насъ съ его сыномъ Логгиномъ Ивановичемъ науки, молодость и практическій взглядъ на все, насъ окружавшее. Я былъ въ ихъ домѣ ежедневно, по службѣ—капитанъ, а по ласкѣ—гость, и придерживаясь правила никогда не забывать хлѣба-соли, я, и послѣ смерти Ивана Логгиновича, старался поддержать благодарностью то, что случай мнѣ доставилъ и разрушилъ. Послѣ успѣлъ я оказать немалыя услуги Логгину Ивановичу. Къ сердцу доброму, благородному, хотя нѣсколько надменному, къ уму образованному онъ присоединялъ недостатки, изъ которыхъ главнѣйшій состоялъ въ нерасположеніи къ покойному государю (т. е. Александру Павловичу), доходившемъ до безумія,—вѣроятно изъ благодарности къ памяти Павла и изъ оскорбленнаго самолюбія. Нашлись услужливые люди, которые пили-ѣли у Логгина Ивановича и о рѣчахъ и рѣзкихъ сужденіяхъ его доносили императору. Я два раза имѣлъ счастіе отклонить отъ него бѣду и очистить домъ его отъ этихъ услужливыхъ паразитовъ. Вотъ, вкратцѣ, близкое мое знакомство съ Логгиномъ Ивановичемъ. Благодарность моя ставитъ меня и нынѣ мысленно у могилы его, и я отъ души восклицаю: sit tibi terra levis! Но Логгинъ Ивановичъ былъ хвастливъ, болтливъ, нескроменъ до безконечности [2]). Разсудите сами, могъ ли я съ нимъ говорить съ тою откровенностію, на которую вызвали вы меня вашею ко мнѣ довѣренностію. Сверхъ того, цѣлью его разспросовъ было—любопытство, тогда какъ ваша—истина для потомства. Обыкновенную его быстроту и опрометчивость въ сужденіяхъ я встрѣчаю теперь опять и въ его дневникѣ. Спрашивается, могъ ли я оставить вопросы стариннаго этого добраго знакомца безъ отвѣта, но и не долженъ ли былъ мои отвѣты сообразовать съ его характеромъ и моимъ положеніемъ?.... Иногда приходитъ мнѣ на мысль, не имѣете ли вы какого-либо предубѣжденія противъ меня? Ибо никакъ не хотите вникнуть въ настоящую причину ссылки [3]), какъ-то: что въ глазахъ государя Сперанскій изобличался въ желаніи на-

---

[1]) Адмиралъ, президентъ Адмиралтействъ-коллегіи.

[2]) Прибавимъ еще съ нашей стороны—болѣе всего тщеславенъ. Мы очень коротко знали Логгина Ивановича, съ которымъ находились и въ нѣкоторомъ родствѣ. Въ портретѣ де-Санглена, впрочемъ очень вѣрномъ, пропущена еще одна черта—непомѣрная, отнюдь не по средствамъ, роскошь жизни, происходившая изъ того же тщеславія и между тѣмъ вовлекшая Кутузова въ неоплатные долги, съ разоренiемъ многихъ семействъ, которыя довѣрили ему свои капиталы. Нерасположеніе свое къ Александру онъ перенесъ потомъ и на его преемника. (Примѣчаніе барона М. А. Корфа).

[3]) Это и слѣдующее далѣе относилось къ разнымъ, выраженнымъ въ письмахъ моихъ къ нему сомнѣніямъ,—замѣчаетъ Корфъ.

несть своими учрежденіями ударъ самодержавію (онъ утвердилъ государя въ этомъ мнѣніи совѣтомъ собрать боярскую думу), и что государь хотѣлъ парализировать Государственный Совѣтъ, а для этого нужно было удалить душу Совѣта, и съ тѣмъ вмѣстѣ соединить народъ около престола противъ общаго врага Европы. Вотъ основная идея! Теперь, пусть чернь волнуется, царедворцы интригуютъ, распускаютъ самые нелѣпые слухи, кричатъ объ измѣнѣ—тѣмъ лучше! Бранятъ то Балашова, то Сперанскаго, то Армфельда, де-Санглена, Блума и пр.: прекрасно! Чѣмъ больше путаютъ, опять таки тѣмъ лучше: все ведетъ скорѣе къ цѣли! И вы этого видѣть какъ будто не хотите. Основная историческая идея у васъ въ сторонѣ; вы разсматриваете второе отдѣленіе интриги, слухи, записки людей далекихъ отъ сцены и даже, опираясь на нихъ, самопроизвольно опредѣляете награды за небывалое. Какъ пришло вамъ на мысль данныя мнѣ такъ деликатно царемъ 5 тысячъ рублей [1]) растолковать въ видѣ награды за обличеніе Сперанскаго, котораго не было? Вы мало что меня черезъ это унижаете, вы унижаете память царя, который изъ собственныхъ рукъ будетъ платить за доносы или небывалыя обличенія!! Царское ли это дѣло? Государь зналъ, что куча арестантовъ, привозимыхъ ко мнѣ изо всѣхъ губерній, получала пищу со стола моего, что я жилъ тогда однимъ жалованьемъ,—и деликатно подалъ мнѣ руку помощи. Не одинъ разъ страдалъ я сердечно, слыша вокругъ себя, будто царь награждалъ за подлость, и еще изъ собственныхъ рукъ. Я выходилъ изъ себя; прошу и теперь извинить меня за эту сердечную выходку. Вы спрашиваете: какъ можно объяснить, что государь нѣкоторымъ образомъ за противодѣствіе своимъ намѣреніямъ давалъ эти награды? Именно такъ, ибо благородное это противодѣйствіе произвело сильное впечатлѣніе на его возвышенную душу, не привыкшую къ тому. Отъ этого же произошли и тѣ безпримѣрно - ласковые пріемы, о которыхъ вы изволите говорить. Они доказываютъ вамъ, что я имѣлъ счастіе пользоваться уваженіемъ моего царя, которое мнѣ превыше всего. Подлецамъ подобныхъ пріемовъ не дѣлаютъ: имъ платятъ деньги и ихъ презираютъ. И зачѣмъ подозрѣвать зло тамъ, гдѣ его нѣтъ, зачѣмъ обижать дателя и даяніе? Впрочемъ, часто говорено было о Сперанскомъ; я отвергалъ всѣ нелѣпости, лжи, клевету, просто какъ мерзости; но не оправдывалъ его въ томъ, въ чемъ обвинялъ государь, защищавшій родовое свое наслѣдіе—самодержавіе, въ минуту войны сдѣлавшееся ему необходимымъ. Но я не скрылъ отъ государя, что и въ этомъ прямо Сперанскаго укорить нельзя, ибо подписывалъ не онъ, да и не разгадано еще, имѣлъ ли онъ, дѣйствительно, такое

[1]) См. объ этомъ въ Запискахъ де-Санглена („Русская Старина“ 1883 г., т. XXXVII, стр. 42—45).

намѣреніе, или при составленіи учрежденій, одного за другимъ, не явилось ли это само собою, безъ цѣли и видовъ? И вы полагаете, что подобныя сѣмена, падшія на добрую землю, не приносятъ плода. Неужели не случалось вамъ никогда быть готовымъ поднять мечь правосудія на обнесеннаго, оклеветаннаго человѣка, но вы встрѣчаете въ защитникѣ его хладнокровіе, высокое чувство чести, убѣждаетесь въ истинѣ его рѣчи: вы обнимаете защитника; это дань, непроизвольно платимая вами человѣческому величію. Эта фраза покажется вамъ самолюбивою; что дѣлать! но оно такъ. Sauver je ne pouvais pas; mais mitiger, en contrebalançant les calomnies par la plus stricte vérité, je l'ai pu, et ma conscience n'a rien à me reprocher; à mes yeux le plus grand crime de Spéransky est d'être resté seul avec Balachoff pendant trois heures me sachant dans le salon. C'est un respect (?) dont je n'aurais pas voulu à la honte des deux champions. Qui fermera la bouche à la postérité que ce n'était point une trahison! S'il n'était pas fautif auparavant, il le devenait à présent [1]). Вообще, чтобъ писать вѣрно исторію Сперанскаго, надо входить болѣе въ характеръ Александра I-го. Все высокое, великое, доступно было его величеству; онъ умѣлъ уважать эту возвышенность, но не далѣе той комнаты, въ которой оказывалъ свое уваженіе. Это было сердечное сочувствіе тому, кто въ наградахъ нужды не имѣлъ. Тутъ одна награда—личное уваженіе. Я жилъ уже въ отпуску въ Москвѣ, какъ у Ауербаха сгорѣла фабрика; я осмѣлился просить о вспомоществованіи ему; государь приказалъ, безъ слѣдствія и запроса, выдать ему 25 тысячъ рублей на нѣсколько лѣтъ безъ процентовъ. Вотъ настоящая награда для моего сердца, а не та, которая въ уровень со всѣми обыкновенными наградами. Впрочемъ, если и государь, видя мои поступки почти ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, могъ иногда выражать сомнѣніе насчетъ моихъ чувствъ, то мудрено ли, если вы, зная меня, можетъ быть, по слухамъ, задолго до письменнаго знакомства, и по слухамъ не всегда вѣрнымъ, не можете разстаться съ внушенными вамъ на мой счетъ мыслями. Но гдѣ доказательства? Языкъ правдиваго человѣка узнается по тону и образу выраженія.

«Перейдемъ къ мнимому разнорѣчію съ дневникомъ.

---

[1]) Т. е. Спасти я не могъ; но облегчить, противопоставляя клеветамъ самую строгую истину, это я могъ, и совѣсть моя ни въ чемъ не можетъ меня упрекнуть. По моему мнѣнію, Сперанскій виновенъ всего болѣе въ томъ, что онъ оставался въ теченіе трехъ часовъ наединѣ съ Балашовымъ, хотя зналъ, что я нахожусь въ сосѣдней залѣ. Я бы отказался отъ подобной чести, къ стыду обоихъ этихъ героевъ. Кто заставитъ потомство молчать, что тутъ была измѣна! Если Сперанскій не былъ ранѣе виновенъ, то теперь онъ становился виновнымъ.

«Онъ не былъ у меня цѣлыхъ два мѣсяца изъ страха проговориться о томъ, что между тѣмъ подготовлялось». Это довольно вѣжливая фраза, чтобъ не сказать: я не хотѣлъ и не долженъ былъ у васъ быть. Да и въ этотъ разъ не я былъ у него, а онъ у меня. «Преступленіе Сперанскаго есть измѣна... и до конца». Могъ ли я иначе говорить, какъ согласно съ мнѣніемъ царя и всей публики? И отвѣтъ, когда спрашивали о доказательствахъ, весьма естественъ былъ: «Въ рукахъ у государя». И кому я о томъ сказывалъ? Тому, который у себя за столомъ объ этомъ не смолчалъ бы, а уже навѣрно два задушевные пріятеля, М(ихаилъ) А(лексѣевичъ) Обрѣзковъ (въ то время директоръ департамента внѣшней торговли, а послѣ сенаторъ) и П(етръ) А(ндреевичъ) Кикинъ (статсъ-секретарь у принятія прошеній) это тотчасъ бы узнали, а съ ними вся публика и самъ государь. Я не говорю уже, что, кромѣ собственнаго убѣжденія, одной царской воли достаточно было, чтобъ молчать.

«Сангленъ былъ нѣсколько разъ призванъ къ царю».—Нѣтъ, почти всякій день, а въ Царскомъ Селѣ почти цѣлыя сутки. Мнѣ поручалъ государь и другія дѣла, которыя имѣли видъ полной довѣренности. «Но что еще сильнѣе»—доказываетъ, что довѣряемое мною Кутузову я довѣрялъ каждому, ибо Балашова я не щадилъ, а Сперанскаго отдѣлять отъ Балашова не смѣлъ. Для публики—измѣнники оба, и дѣло съ концомъ. «Я такъ просто думаю, что Балашову хотѣлось выручить свои, слишкомъ нѣжныя письма, съ которыми онъ обращался къ Сперанскому для полученія поста министра полиціи» — почти слово въ слово моя фраза; забыто только еще: es war ein Tauschhandel [1]).

«Не могу довольно подивиться, какъ вы могли тутъ найти разнорѣчіе. Я тогда былъ предметомъ вниманія каждаго уже и по ссорѣ моей съ Балашовымъ, тогдашнимъ для меня миніатюрнымъ колоссомъ, а для всѣхъ—Геркулесомъ. Всѣ меня разспрашивали, всѣмъ я давалъ отвѣты, но несообразные съ истиною, которую обязанъ былъ таить. Я недавно видѣлъ краткую записочку о сей эпохѣ Ивана Ивановича Дмитріева, гдѣ сказано, что де-Сангленъ изобличилъ Сперанскаго въ измѣнѣ—я засмѣялся... Ему же сообщилъ, какъ самъ онъ говоритъ, родственникъ его—Балашовъ: источникъ не очень чистый. У насъ вообще манера сильныхъ сваливать вину съ больной головы на здоровую. Можетъ быть, найдутся и еще дневники, записки и пр. съ подобными пустыми слухами, а истина все останется непреложно истиною; пусть

[1]) Т. е. Это былъ обмѣнъ услугъ.

зароютъ ее глубоко въ нѣдрахъ земли: она съ шумомъ и бурею, какъ вулканъ, вырвется на бѣлый свѣтъ».

«Приведенная выше вторая выписка изъ дневника Кутузова осталась несообщенною де-Санглену, — замѣчаетъ Корфъ — потому что мы отыскали это мѣсто уже гораздо позже, когда сношенія наши съ нимъ прекратились и когда вообще, за другими занятіями, вся наша работа давно была отложена въ сторону. Впрочемъ, упомянутое мѣсто и не имѣетъ прямой связи съ нашимъ предметомъ, относясь болѣе къ лицу самого де-Санглена».

Въ дневникѣ Сперанскаго подъ 31-мъ августа 1821 года находится слѣдующее мѣсто (въ «Жизни графа Сперанскаго», т. II, стр. 17—18, оно напечатано съ нѣкоторыми пропусками):

«Пространный разговоръ съ государемъ, по случаю разговора о Балашовѣ. Началомъ всему полагается де-Сангленъ. Доносъ якобы состоялъ въ сношеніи съ Лористономъ и Блумомъ [1]). Повидимому, Болховской Магницкому и Балашову твердилъ о соединеніи, обманывая равно того и другаго; но Балашовъ предупредилъ государя и получилъ повелѣніе слѣдовать. Вообще, кажется, начало и происшествіе сего дѣла смѣшаны и забыты. Confusion, intrigues, commérages. En s'occupant des choses, on néglige les hommes [2]). Но все въ рукѣ Провидѣнія, всегда справедливаго, всегда милосердаго».

Выписка эта была сообщена барономъ Корфомъ де-Санглену, послѣ уже того, какъ Корфъ имѣлъ въ рукахъ его извѣстный разсказъ, и вотъ что де-Сангленъ отвѣчалъ Корфу (10-го февраля 1847 года) порознь противъ каждой изъ вышеприведенныхъ фразъ дневника:

«Началомъ всему полагается де-Сангленъ»—A ce trait je reconnais Sa Majesté de glorieuse mémoire [3])! Такъ это было съ Гурьевымъ. Чтобы скрыть нѣмца, доносившаго на него, императоръ назвалъ—меня. Такъ это было и съ Козодавлевымъ, Армфельдомъ и пр. Но въ настоящемъ случаѣ это было необходимо, чтобъ скрыть собственныя свои дѣйствія. Какъ возможно было выказать мои дѣйствія, не окомпрометировавъ себя? Поступя иначе, государь могъ бы заставить Сперанскаго обратиться ко мнѣ и узнать истину, могъ бы даже внушить ему желаніе вырвать меня, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, изъ забвенія. Все это было не въ нашей политикѣ! Но я откровенно пойду

---

[1]) Тогдашними французскимъ и датскимъ посланниками въ Петербургѣ.

[2]) Т. е. Неясность, интриги, сплетни. Занимаясь дѣлами, пренебрегаешь людьми.

[3]) Т. е. По этой чертѣ узнаю блаженной памяти государя.

далѣе. Какъ могъ Сперанскій не догадаться, что онъ окруженъ ложью, имѣя слѣдующія доказательства: во 1-хъ, я совѣтовалъ Болховскому бросить факторство. Онъ имъ это пересказалъ. Они велѣли мнѣ быть осторожнѣе насчетъ Балашова и грозили бѣдой; во 2-хъ, я открылъ Магницкому, что Балашовъ ихъ оболгалъ: не Воейковъ, а Болховской съ ними ѣдетъ. Магницкій предупредилъ Сперанскаго запискою; въ 3-хъ, не самъ ли Сперанскій, въ первой, по возвращеніи отъ государя, вспышкѣ благодарности, далъ мнѣ почувствовать, что онъ это цѣнить умѣетъ, и тѣмъ меня компрометировалъ; въ 4-хъ, не при немъ ли я сказалъ Балашову, что онъ, неумѣстною своею снисходительностію, навлекъ на Сперанскаго подозрѣнія всей Россіи? Это—факты. Но что дѣлалъ Сперанскій? Собиралъ тутъ и тамъ слухи, то вѣрилъ, то сомнѣвался, а обо мнѣ—забылъ!

«Доносъ якобы состоялъ въ сношеніи съ Лористономъ и Блумомъ». Выдумано глупо, изъ одного желанія путать; жаль только, что я этихъ господъ не зналъ и никогда съ ними ни слова не говорилъ. Просто вздоръ, путаница!

«Повидимому Болховской Магницкому и Балашову твердилъ о соединеніи, обманывая равно того и другаго». Trop d'honneur [1])! Болховской слишкомъ вѣтренъ и теперь (онъ въ 1847 году былъ еще живъ). Хвастовство и кокетство—его элементъ. Онъ, просто, чванился своими связами, но онъ соединилъ! Доказательства: пріѣздъ Магницкаго вечеромъ къ Балашову въ день ссылки; одѣтые въ дорогу люди Сперанскаго, когда воля императора была, чтобы ссылаемые узнали о своей ссылкѣ только въ минуту отправленія.

«Но Балашовъ предупредилъ государя и получилъ повелѣніе слѣдовать».—Боже мой! Ложь за ложью. Балашовъ назвалъ доктора Эллизена [2]) факторомъ своимъ между Магницкимъ и Сперанскимъ. Врагъ всякой лжи, я открылъ государю истину. Онъ потребовалъ отъ Балашова записки Болховскаго. Балашовъ принужденъ былъ ихъ привезти, и все открылось само собою, и ничего не слѣдовали, и слѣдовать не было и нужды. Одно только видѣлъ Сперанскій хорошо: «confusion, intrigues, commérages»; и на этомъ надо ему было и остановиться, если онъ не хотѣлъ меня спросить, ибо я одинъ не имѣлъ нужды лгать, потому что никакихъ доносовъ не дѣлалъ: j'étais donc en dehors de toutes les intrigues [3]). А послѣдняя фраза справедлива только наоборотъ: en s'occupant des hommes on a négligé les

[1]) Т. е. Слишкомъ много чести.

[2]) См. Записки де-Санглена („Русская Старина“ 1883 года, т. XXXVII, стр. 32).

[3]) Т. е. Я стоялъ внѣ всякихъ интригъ.

choses [1]). Самъ Сперанскій не придавалъ, кажется, своему дневнику исторической истины, ибо говоритъ: «вообще, кажется, начало и происшествіе сего дѣла забыты».—Это такъ, Сперанскому все должно было казаться смѣшаннымъ и забытымъ,—но не мнѣ, при которомъ наматывались нитки клубка, а завитокъ его—былъ въ рукахъ сильнаго [2]), любившаго путать и ссорить, по правилу: divide et impera!»

Прошло тринадцать лѣтъ со времени сношеній барона Корфа съ де-Сангленомъ; можно было думать, что его уже нѣтъ въ живыхъ, какъ вдругъ въ октябрѣ 1860 года Корфъ получилъ отъ него слѣдующее письмо: «Разныя житейскія случайности, болѣзни и пр. лишили меня лестной переписки съ вашимъ высокопревосходительствомъ. Нынѣ, оправясь немного, осмѣливаюсь я, на случай моей смерти, доставить вамъ прилагаемый документъ, который есть слѣдствіе предварительнаго сценическаго разсказа, вамъ представленнаго прежде, и который предшествовалъ самому факту. Прошу ваше высокопревосходительство убѣдиться, что 85-ти-лѣтній старикъ, котораго смерть ежеминутно настигнуть можетъ и который остался единымъ живымъ свидѣтелемъ того происшествія, не станетъ осквернять ни языка, ни пера своего неправдой или лестью, но всегда предпочиталъ святую истину всѣмъ благамъ міра сего».

Упоминаемый здѣсь «документъ» есть не иное что, какъ записка самого де-Санглена, содержащая въ себѣ дальнѣйшія разсужденія о преждеописанныхъ имъ событіяхъ и не представляющая, въ существѣ, ничего новаго. Записка эта, служащая доказательствомъ того, что этотъ замѣчательный человѣкъ вполнѣ сохранялъ свои умственныя силы и въ такой глубокой старости, была слѣдующаго содержанія:

«Съ нѣкотораго времени читаемъ мы въ нашихъ журналахъ и пр. о происшествіи, случившемся съ человѣкомъ крайне замѣчательнымъ; я говорю о Михайлѣ Михайловичѣ Сперанскомъ, не бывшемъ еще графомъ, но вышедшемъ уже изъ ряда людей обыкновенныхъ и пренебрегавшемъ угождать современнымъ кумирамъ, чтобы не стать въ разладъ съ самимъ собою. Но какъ поступили въ критическую минуту современники его? Тѣ, которые сплетали наканунѣ ему вѣнки, отреклись на другой день отъ всякаго съ нимъ сообщенія. А онъ, съ твердостью Сократа, принялъ и поднесъ къ устамъ своимъ поданную ему чашу страданія; и, видя въ роковую минуту его спокойствіе, его благородную осанку, слыша рѣчь его, я увѣренъ, что, если бъ предложили ему принесть себя на жертву для блага отечества, онъ съ радостью пошелъ бы

---

[1]) Т. е. Занимаясь личностями, пренебрегали дѣлами.

[2]) Т. е. императора Александра.

на такой великій подвигъ. Не огромно у насъ число мыслящихъ людей, которые догадались бы, что человѣкъ не можетъ устоять на своемъ постѣ, когда его понятія, правила и твердость духа были большимъ препятствіемъ исполненію предположеннаго другими плана, не соотвѣтствовавшаго его воззрѣніямъ. Еще менѣе насчитаемъ мы такихъ людей, которые поняли бы, какъ иной человѣкъ можетъ сдѣлаться лишнею жертвою, чтобы скрыть имена двигателей факта, самый зародышъ проекта, и тѣмъ болѣе запутать и затмить весь фактъ. Тогда весь Петербургъ предался разнымъ толкамъ, преувеличеннымъ разсказамъ, произвольнымъ догадкамъ, и все было пустое, ибо отправленіе Сперанскаго не было слѣдствіемъ гнѣва, хотя казалось таковымъ, или какого-либо преступленія, а было только временное удаленіе [1]), немного крутое, это правда, но нужное для толпы, ненавидѣвшей, безъ причины, Сперанскаго. А корень ненависти состоялъ въ быстромъ его возвышеніи и въ упрекѣ, будто учрежденіемъ министерствъ онъ хотѣлъ подкопаться подъ самодержавіе, правленіе единственно свойственное обширному государству. Иногда, кажется, невидимою рукою перепутаны житейскія наши случайности до того, что мы задаемъ себѣ вопросъ: не тамъ ли, въ странахъ выспреннихъ, составленъ огромный планъ этой трагикомедіи, которая, какъ мы видимъ, разыгрывается на землѣ плохими актерами, не понимающими ни сюжета, ни цѣли, а еще менѣе развязки мудро обдуманной пьесы, имѣющей однако сильное вліяніе на цѣлыя столѣтія.

«Теперь появляются люди новаго вѣка, готовые разбирать фактъ, герметически закупоренный, и хотятъ приподнять таинственную завѣсу, покрывавшую минувшее. Но мы не живемъ болѣе въ миѳологическія времена, не обращаемъ нашихъ героевъ въ полу-боговъ, или даже выше. Мы безъ лести и высокопарныхъ словъ разсматриваемъ человѣка, съ его доблестями и недостатками, отдаемъ должную справедливость его помышленіямъ и поступкамъ. Нынѣ требуемъ мы—исторіи. А ей нужно почерпать свѣдѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ, болѣе или менѣе исходящихъ изъ самаго факта; нужно полное знакомство со всѣми подробностями, предшествовавшими происшествію, и даже, по изреченію Паскаля, il faut croire aux histoires, dont les témoins ont été égorgés [2]), физически или морально, все равно! Сверхъ того не должно основываться на по-

---

[1]) На другой день послѣ отправленія Сперанскаго, утромъ, при докладѣ государю о томъ, что происходило въ комнатахъ Сперанскаго, государь, крайне растроганный этимъ отправленіемъ, сказалъ: „Мы возвратимъ его; дай Богъ только благополучно кончить эту неизбѣжную войну“.

(Примѣчаніе де-Санглена).

[2]) Т. е. надо вѣрить происшествіямъ, свидѣтели которыхъ обречены на молчаніе.

казаніяхъ людей, получившихъ свѣдѣнія тоже по наслышкѣ, или заимствованныхъ изъ записокъ современниковъ, бывшихъ за кулисами, а не на сценѣ, или изъ замѣтокъ двигателей факта, желавшихъ отвлечь отъ себя подозрѣніе, или изъ выкраденныхъ изъ кабинетовъ записокъ, писанныхъ наскоро, про себя, для памяти. Какіе все жалкіе источники для святой истины! Мы слишкомъ близки къ тѣмъ временамъ—рано! Нужно въ добавокъ опираться на людей, которые не могли имѣть въ виду, низвергнувъ человѣка мощнаго, поступить на его мѣсто, или воспользоваться его вліяніемъ на дѣла государственныя и не имѣвшихъ ни сго обширныхъ свѣдѣній, ни дарованій, ни нравственнаго значенія.

«Какая странность! Въ дѣлахъ военныхъ выигрышъ или потеря сраженія падаетъ на главнаго начальника, конечно, не безъ участія офицеровъ и солдатъ; но ему принадлежитъ честь и слава, или обвиненіе. Въ дѣлахъ по статской службѣ удача или неудача рѣдко падаетъ на главнаго начальника, а сплошь на товарищей, производителей дѣла, на секретаря. Въ дѣлѣ противъ Сперанскаго, двигателей было пять лицъ, стоявшихъ на высшихъ степеняхъ государственной службы: графъ Марковъ, графъ Растопчинъ, графъ Армфельдъ, Балашовъ и chevalier de Vernègues, тайный посланникъ короля Людовика XVIII. У нихъ было три ассистента: графъ Н. А. Толстой, графъ Гурьевъ, князь П. М. Волконскій,—тоже въ немаловажныхъ чинахъ. А секретарь [1]) былъ одинъ, даже безъ переписчика. Въ его рукахъ были всѣхъ пятерыхъ письма, доносы, проекты и отзывы, по которымъ никакого формальнаго изслѣдованія не было, а все состояло въ докладахъ, по большей части изустныхъ, высшему лицу [2]), рѣшеніе же основывалось на большей или меньшей довѣренности къ пятерымъ лицамъ и ихъ ассистентамъ. Всѣ переселились нынѣ въ другой міръ, а дѣла ихъ перенесены безъ апелляціи въ верховный судъ за гробомъ. De mortuis et absentibus nihil nisi bene; все пало на секретаря, и обвиненіе поддержано даже высшими двигателями дѣла. Публика легко вѣритъ всѣмъ слухамъ; въ семъ случаѣ тѣмъ болѣе, когда всѣ знали о свободномъ доступѣ секретаря къ высшему лицу. Большая часть людей понять не можетъ, какъ человѣкъ бѣдный, стоящій на среднихъ степеняхъ службы, могъ быть выше низости, подлости, интригъ и пошлыхъ поступковъ. Полагаютъ, что благородство живетъ только въ сердцахъ вельможъ, людей богатыхъ, стоящихъ на высшихъ степеняхъ. А секретарь остался живъ и молчитъ, ergo виноватъ! Но онъ молчитъ, и молчать не перестанетъ; онъ предпочитаетъ слѣдовать примѣру покойнаго графа Аракчеева, опредѣлившаго черезъ девяносто лѣтъ награду тому, кто напишетъ лучшую исторію цар-

[1]) Т. е. самъ де-Сангленъ.
[2]) Т. е. императору Александру.

ствованія императора Александра I. Мѣра благоразумная! Тогда страсти притихнутъ, зависть, предразсудки, ненависть, клевета угаснутъ. Правда, высказанная во-время, не будетъ колоть глаза наслѣдникамъ, и проявится на бѣлый свѣтъ. Въ вѣчномъ кругообращеніи природы все гаснетъ, но ничто не погибаетъ, а правда и идеи никогда съ корнемъ вырваны быть не могутъ изъ нѣдръ нравственнаго міра. Таковъ законъ судебъ. Но довольно. Sapienti sat.

«Эта статья назначалась для печати въ какомъ-либо журналѣ; но я предпочелъ отправить оную къ вамъ съ слѣдующимъ результатомъ всего происшествія.

«Тильзитскій миръ тяготѣлъ надъ Россіею, и въ умѣ царя родилась мысль свергнуть бремя, наложенное на коммерческія наши дѣла; но война противъ сильнаго, искуснаго и счастливаго врага требовала большихъ издержекъ и жертвъ. Нужно было обратить эту войну въ національную. Для достиженія сей цѣли должно было еще сильнѣе пробудить во всѣхъ сословіяхъ духъ патріотическій и найти благовидную причину, или предлогъ. Сперанскій былъ тогда предметомъ ненависти почти всѣхъ; а въ народѣ, или толпѣ слылъ онъ даже измѣнникомъ. Теперь обратились всѣ сословія противъ него, иные думали быть убѣжденными въ его виновности, другіе изъ малодушія соглашались съ общимъ мнѣніемъ, просто! Пошли доносы, клеветы; утверждали, будто Сперанскій состоялъ регентомъ въ ложѣ иллюминатовъ Вейсгаупта и былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ I-мъ на гибель Россіи. Главный распространитель этихъ слуховъ былъ государевъ флигель-адъютантъ князь Андрей Борисовичъ Голицынъ, подтверждавшій это и на письмѣ [1]). Толпа всему вѣритъ и принимала всякій вздоръ за истину, волновалась, кричала; словомъ, ненависть къ Сперанскому возрастала до такой степени, что удаленіе его становилось необходимостію для спасенія его жизни, какъ это отозвалось въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, откуда правительство вынуждено нашлось отправить его въ Вятку [2]). Ко всѣмъ симъ интригамъ, клеветамъ присоединилась и партія легитимистовъ, желавшихъ ниспровергнуть Наполеона I-го и воцарить во Франціи—Бурбоновъ; сверхъ сего явилось и огромное предпріятіе поднять противъ Наполеона всю Европу, обиженную и имъ разоренную. Такимъ образомъ къ желанію возбудить патріотизмъ приступила политика. Она не щадитъ людей, а щадитъ идеи, не увлекается чувствительностью, а имѣетъ въ виду одни интересы; не убиваетъ человѣка, а удаляетъ его только со сцены, какъ препятствіе. Сперанскій былъ противъ всеобщаго этого кровопролитія и особливо противъ отступленія войскъ до самаго сердца

[1]) Ср. „Русскую Старину“ 1898 года, т. 96, стр. 517—538.

[2]) Здѣсь память измѣнила де-Санглену. Сперанскій былъ высланъ въ Нижній-Новгородъ, а потомъ въ Пермь.

имперіи, ибо видѣлъ въ этой ретирадѣ разореніе государства, какъ это видно отчасти изъ моего сценическаго разсказа [1]). Кажется, все это надоѣло, и внезапно рѣшено было отправленіе Сперанскаго, которое принято публикою за ссылку. Но, чтобъ запутать этотъ гордіевъ узелъ крѣпче, въ тотъ же вечеръ, когда отправленъ Сперанскій, отправлены были Магницкій и Болховской, по разнымъ трактамъ; за ними уже отправлены были Воейковъ и де-Сангленъ въ армію; какъ будто всѣ были Сперанскаго или участниками или обличителями, какъ кому растолковать угодно было. Всѣ пали жертвою; уцѣлѣли двигатели и доносители факта. Кто правъ, кто виноватъ? — разрѣшитъ неподкупное и нелицемѣрное потомство.

«Итакъ все началось, развилось и созрѣло въ затаенной глубокой мысли о д н о г о [2]), а разыгралось, передъ лицомъ е г о, актерами, желавшими утолить свою ненависть, угождать, и не смекнувшими, въ чемъ дѣло состояло. Съ другой стороны, нельзя не согласиться, чтобы эта, въ корнѣ своемъ, мелочная исторія безумной ненависти не произвела обильныхъ плодовъ. Россія, съ пожертвованіями своими, даже древней столицей, стала на принадлежащую ей высокую степень между европейскими державами, удивленными ея рѣшимостію и патріотизмомъ, коимъ въ новѣйшія времена примѣра нѣтъ. Неизбѣжное, во время дальнихъ походовъ, знакомство съ законами и обрядами чуждыхъ народовъ открыло новый путь не къ одному частному, а къ всенародному просвѣщенію. Зло, по таинственному процессу Промысла, обращается иногда въ добро. Сперанскій возвышенъ, награжденъ титломъ графа, не по уваженію къ происхожденію, а по достоинству; и днесь — уничтожается рабство! Дай Богъ продолжать намъ жизненный путь нашъ подъ покровомъ святой вѣры, справедливости и чести! Яковъ Ивановъ де-Сангленъ».

---

3. Впечатлѣніе, произведенное въ Россіи и за границею ссылкою Сперанскаго.

Если Сперанскаго, во время милости къ нему, ненавидѣли и подозрѣвали, то, послѣ паденія, уже нисколько не усомнились признать его за совершеннаго измѣнника. Вѣсть о его высылкѣ разнеслась чрезвычайно скоро и, разумѣется, въ преувеличенномъ видѣ, касательно ея

---

[1]) Такъ называетъ де-Сангленъ свой сообщенный въ 1847 году барону Корфу разсказъ, въ виду того, что ему во многихъ мѣстахъ придана драматическая форма изложенія.

[2]) Т. е. императора Александра.

причинъ, въ ложныхъ краскахъ, съ тѣми прибавками, на которыя всегда такъ щедра народная молва. Масса не могла ни понять, ни повѣрить, чтобы монархъ пожертвовалъ своимъ любимцемъ только *для нея*, съ попраніемъ личныхъ своихъ чувствъ. Не пріученная къ такому торжеству надъ самодержавною волею, она доискивалась особыхъ, сокровенныхъ причинъ тамъ, гдѣ, кромѣ лицемѣрія Александра, все было очень просто и естественно. Эта наклонность массъ къ таинственному, эта хвастливая страсть тѣхъ, которые выдаютъ себя за прозорливыхъ и всевѣдущихъ, смотрѣть и видѣть далѣе толпы, основала въ то время такое прочное зданіе, что и долго послѣ многіе были вполнѣ убѣждены, (даже, можетъ быть, убѣждены и теперь) въ измѣнѣ и предательствѣ Сперанскаго.

Во всякомъ случаѣ любопытно прослѣдить первыя впечатлѣнія этого событія и ту форму, въ которой они проявились. У падшаго временщика было много враговъ, и враги сильные, и мало друзей, и друзья слабые. Торжествующій голосъ первыхъ, не скупившійся ни на какую клевету, готовый на всякій вымыселъ, звучалъ повсюду, встрѣчая воспріимчивый откликъ въ общей непріязни къ низвергнутому. Голосъ послѣднихъ, если и удавалось ему куда-нибудь проникнуть, не находилъ ни вѣры, ни сочувствія. Вотъ нѣсколько отрывочныхъ подробностей, собранныхъ изъ достовѣрныхъ современныхъ свидѣтельствъ.

Письмо Масальскаго къ бывшему своему покровителю, передъ которымъ судьба вдругъ такъ насмѣшливо измѣнила его роль, письмо это, отправленное, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, намъ извѣстно [1]). Мы знаемъ также мнимое письмо Растопчина и напечатанную у насъ вполнѣ записку барона Г. А. Розенкампфа [2]). Другіе [3]) разсказывали, будто бы Сперанскій, въ предусмотрѣніи вторженія французовъ въ Россію, подалъ планъ о мѣрахъ, которыя надлежало бы принять на такой случай; что этотъ планъ былъ сообщенъ государемъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и что она, доказавъ очевидное направленіе его къ пагубѣ Россіи, изобразила при томъ сочинителя въ самыхъ черныхъ краскахъ.

---

[1]) См. „Дружескія письма М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому“, Спб. 1862, стр. 12—21.

[2]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 31—40.—По увѣренію старика Х. А. Бека, достовѣрнаго хроникера своей эпохи, Розенкампфъ, спустя три дня послѣ удаленія Сперанскаго изъ Петербурга, представилъ свою жену ко двору, и потомъ, при пѣшеходныхъ прогулкахъ Александра по городу, старался безпрестанно попадаться ему на глаза вмѣстѣ съ новопредставленною. „Mais qu'est-ce donc?“—наконецъ съ удивленіемъ сталъ говорить государь приближеннымъ.—„Qu'est-ce que Rosenkampf va s'imaginer?“ (т. е. Но что это такое? Что это Розенкампфъ воображаетъ?).

[3]) К. М. Бороздинъ.

Въ домъ къ графу Павлу Александровичу Строганову [1]) первую вѣсть о случившемся принесъ А. С. Шишковъ, въ присутствіи подчиненныхъ Сперанскаго: А. Н. Оленина и А. И. Тургенева.

— Польстился же на какую бездѣлицу,—сказалъ Шишковъ, выдавая за достовѣрную истину, что Сперанскій былъ подкупленъ Наполеономъ предать ему Россію, подъ обѣщаніемъ учредить для него, Сперанскаго, отдѣльное царство Польское!!

Олениинъ и Тургеневъ тотчасъ тому повѣрили. «И откуда бы—замѣтилъ первый—у этого поповича-выскочки взялись такое лукавство и мастерство, что онъ умѣлъ такъ хитро и долго обманывать нашего проницательнаго государя!» Тургеневъ сталъ объяснять это тѣмъ, что и у архіереевъ есть своего рода дворъ въ маленькомъ видѣ. Всѣ трое единодушно отзывались объ упадшемъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, представляя его и безнравственнымъ человѣкомъ, и государственнымъ злодѣемъ. Олениинъ прибавилъ, что Сперанскій нерѣдко въ самой канцеляріи, передъ всѣми, гласно порицая государя, называлъ его «ребенкомъ, котораго необходимо водить на помочахъ».

Было еще другое сказаніе [2]). По возвращеніи А. И. Чернышева изъ извѣстной парижской его посылки, государь, отдавъ его донесенія Сперанскому, сказалъ, что никто другой о нихъ знать не долженъ. Это не помѣшало, однако, Сперанскому передать ихъ содержаніе Магницкому, а послѣдній, встрѣтясь, гдѣ-то, вскорѣ послѣ того, съ французскимъ консуломъ Лессепсомъ, давнишнимъ своимъ знакомцемъ, сказалъ ему: «Мы, кажется, скоро будемъ съ вами непріятелями». Лессепсъ тотчасъ донесъ о слышанномъ имъ французскому послу, а этотъ—Наполеону, и возникшая отсюда переписка и была причиною гнѣва Александра, вмѣнившаго неосторожную довѣрчивость Сперанскаго въ измѣну отечеству.

Спустя нѣсколько дней послѣ событія, Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ [3]) вмѣстѣ съ барономъ Розенкампфомъ обѣдалъ у О. П. Козодавлева, который еще недѣлю передъ тѣмъ выдавалъ себя за друга Сперанскаго и показывалъ ему истинную, повидимому, пріязнь.

— Ну что,—спросилъ онъ съ усмѣшкою у Кайсарова — увезли вашего друга? Впрочемъ, не совѣтую вамъ теперь ни передъ кѣмъ хвастаться этою дружбою. Лучше совсѣмъ о б ъ н е м ъ не говорить. Обстоятельства перемѣнились.

Розенкампфъ съ своей стороны тутъ промолчалъ; но потомъ въ

---

[1]) Разсказъ Алексѣя Алексѣевича Логгинова, находившагося при этомъ разговорѣ.

[2]) Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ.

[3]) Разсказъ П. С. Кайсарова.

своихъ мемуарахъ, не упоминая ни о своемъ участіи въ этомъ дѣлѣ, ни о другихъ своихъ сподвижникахъ, и вообще задѣвая этотъ случай, столь важный въ собственныхъ его судьбахъ, какъ бы лишь мимоходомъ, писалъ только: «Le moment arriva où l'empereur ne pût plus douter de la guerre avec la France. Il ne manquait pas d'hommes qui voulurent lui persuader le contraire. Il y en avait même qui crurent qu'on ne pouvait pas résister, qu'il fallait s'arranger de manière ou d'autre et qui pensèrent à des organisations préparatoires au cas que les Français occuperaient la capitale et les points centraux du gouvernement. L'empereur saisit une partie de cette idée; mais le penchant, que ces projets manifestaient pour tout ce qui pouvait rapprocher le gouvernement russe du français, ouvrit ses yeux sur le danger de laisser dans une époque aussi critique les rênes entre les mains d'un homme qui était le plus grand admirateur et prôneur de la France impériale et qui, d'ailleurs, avait épuisé sa patience par ses projets continuels de réformes et de réorganisations. L'empereur connaissait aussi trop bien le coeur humain pour ne pas savoir jusqu'où aurait pu s'égarer l'ambition d'un parvenu qui alors avait pris le masque du mysticisme et qui, dans ses conceptions législatives, ne trouvait jamais de point fixe où il aurait voulu s'arrêter. De sa prédilection pour les innovations il n'y avait peut être qu'un pas à faire pour compromettre l'autocratie du souverain russe. Toute sa carrière n'a été qu'une chaine d'innovations irréfléchies ou préméditées. C'est ainsi qu'il fit toute sa fortune, d'abord en flattant l'amour propre de ses chefs par des projets de changements qu'il leur fit adopter et auxquels chaque ministre russe est plus ou moins susceptible, et ensuite en grimpant par les mêmes moyens vis-à-vis du souverain jusqu'au poste éminent de secrétaire de l'empire, qui alors, dans le fait, équivalait à celui de premier ministre» [1]).

---

[1]) Т. е. Наступило время, когда государю нельзя уже было болѣе сомнѣваться въ неизбѣжности войны съ Франціею. Были, однако, нѣкоторыя лица, которыя желали убѣдить его въ противномъ. Нашлись даже и такія, которыя полагали, что нельзя будетъ противостоять непріятелю, что поэтому надо такъ или иначе войти въ соглашеніе съ Франціею, и занимались выработкою мѣропріятій на случай, если бы французы заняли столицу и главные пункты государства. Государь воспользовался нѣкоторыми изъ этихъ идей. Но во всѣхъ этихъ проектахъ ясно проглядывало стремленіе къ возможному сближенію русскаго правительства съ правительствомъ французскимъ, и государь понялъ тогда, насколько опасно было бы оставить въ столь критическую эпоху руководительство государственными дѣлами въ рукахъ человѣка, который былъ ярымъ поклонникомъ императорской Франціи и къ тому же своими постоянными проектами реформъ и преобразованій истощилъ терпѣніе монарха. Для государя, хорошо знавшаго человѣческую душу, было

Въ Москву вѣсть обо всемъ этомъ пришла, естественно, въ еще болѣе преувеличенномъ видѣ. Едва ли не прежде всѣхъ получилъ ее тамъ Карамзинъ. Пріѣхавъ къ Ивану Владиміровичу Лопухину [1]), онъ разсказывалъ, что Сперанскаго повезли, въ цѣпяхъ, въ Березовъ, подъ прикрытіемъ драгунскаго конвоя, и, разсуждавъ долго объ этомъ происшествіи, кончилъ свою рѣчь словами: «je pense que cela doit finir par l'échafaud» [2]).

Достовѣрно одно: когда разнеслась вѣсть о паденіи Сперанскаго, она была встрѣчена общею почти радостію, даже ликованіями. Явленіе это легко объяснить. Народъ инстинктивно не расположенъ къ людямъ новымъ, особенно когда они суть вмѣстѣ и нововводители, а здѣсь было еще столько могущественныхъ завистниковъ и враговъ, которые находили свою выгоду возбуждать народныя страсти. Сперанскій обратился въ какую-то собирательную личность, на которую слагалось все дурное, тяжкое, всѣ неудачи и ошибки послѣднихъ лѣтъ. Сверхъ того, въ это именно время наступила эпоха всеобщаго броженія умовъ, общаго патріотическаго фанатизма. Гордость націи была оскорблена раболѣпнымъ покорствомъ Наполеону. Народный голосъ требовалъ мести, войны, освобожденія отъ позорнаго ига, и низверженіе Сперанскаго представлялось какъ бы первымъ рѣшительнымъ къ тому шагомъ. Такимъ образомъ деспотическій актъ принялъ, въ то время, видъ дѣйствія самаго популярнаго, удовлетворявшаго желанію огромнаго большинства.

Но убѣжденіе большинства не могло, однако, сдѣлаться убѣжденіемъ общимъ. Были люди, и не между одними клевретами Сперанскаго, которые понимали и цѣну его, и невозможность замѣнить падшій колоссъ современными ему пигмеями.

ясно, до чего могло бы дойти честолюбіе выскочки, который прикрывался въ то время мистицизмомъ и въ своихъ законодательныхъ проектахъ никогда не зналъ границъ. Пристрастіе Сперанскаго къ нововведеніямъ заставляло даже опасаться за возможность попытки съ его стороны къ ограниченію самодержавной власти русскаго государя. Вся государственная дѣятельность Сперанскаго представляетъ лишь рядъ необдуманныхъ или предумышленныхъ нововведеній. Этимъ путемъ онъ и сдѣлалъ карьеру. Сначала онъ игралъ на самолюбіи своихъ начальниковъ, усвоивая имъ свои проекты преобразованій, къ которымъ государственные дѣятели въ Россіи всѣ болѣе или менѣе склонны. Держась тѣхъ же пріемовъ и въ отношеніи государя, Сперанскій достигъ наконецъ высокаго поста государственнаго секретаря, который, на самомъ дѣлѣ, соотвѣтствовалъ въ то время должности перваго министра.

[1]) А. И. Ковальковъ (побочный сынъ Лопухина), находившійся при этомъ разговорѣ.

[2]) Т. е. Полагаю, что это должно кончиться эшафотомъ.

Военный министръ Барклай [1]), человѣкъ въ высшей степени правдивый и у котораго каждое слово было истиннымъ выраженіемъ его мысли, Барклай, когда ему принесли извѣстіе объ удаленіи Сперанскаго, вскричалъ: «Итакъ зависти и злобѣ удалось таки взять верхъ надъ правдою!». Этого мнѣнія былъ не онъ одинъ. Открытые приверженцы Сперанскаго говорили еще сильнѣе. Фесслеръ, въ то время начальникъ основаннаго Злобинымъ въ Вольскѣ учебнаго заведенія, въ мемуарахъ своихъ, приготовленныхъ къ печати (но не напечатанныхъ), уже послѣ смерти Сперанскаго, писалъ: «Вскорѣ пришла къ намъ ужасная вѣсть о томъ, что почтенный и добродѣтельный мужъ, истинный христіанинъ, неизмѣнно-вѣрный патріотъ, неутомимый государственный дѣятель, знаменитый Сперанскій палъ подъ злоухищреніями и ударами своихъ враговъ, и, бывъ внезапно схваченъ, безъ допроса отвезенъ въ Нижній. Его судьбы напомнили мнѣ слова Сенеки: «Ecce spectaculum dignum, ad quod respiciat intentus operi suo Deus!» [2]).

Наконецъ, и въ другомъ даже кругу, въ томъ, гдѣ преобладающимъ чувствомъ была радость о совершившемся, она не оставалась совершенно неомраченною. Въ умахъ предусмотрительныхъ этотъ актъ, первый въ своемъ родѣ при Александрѣ, актъ, живо опять напомнившій ужасы прошлаго царствованія, не могъ не произвести глубокаго потрясенія. Каждый со страхомъ подумалъ о будущемъ, грозящемъ, можетъ статься, и ему. Сами виновники нѣкоторымъ образомъ испугались своей удачи!..

Но что же думалъ, что дѣлалъ въ это время Аракчеевъ, для котораго, съ паденіемъ докучливаго соперника, восходила новая звѣзда, еще подернутая туманомъ неизвѣстности, еще неясно обрисовывавшаяся въ будущемъ ея объемѣ, но уже легко прозрѣваемая сквозь лучи милости Александра? Преданіе ничего не сохранило для насъ въ этомъ отношеніи. Осталось лишь одно то историческое письмо, гораздо позднѣйшей уже эпохи (24-го марта 1819 года), напечатанное и въ «Жизни графа Сперанскаго» (т. II, стр. 159), въ которомъ Аракчеевъ увѣрялъ Сперанскаго, что любилъ его и во время его несчастія, и «протестовалъ противу онаго, по крайнему своему разумѣнію, не только въ душѣ своей, но и всюду, гдѣ только голосъ его могъ быть слышенъ».

Правда ли это? Аракчеевъ былъ далеко не Барклай.... [3]).

---

[1]) Свидѣтельство И. Ѳ. Самбурскаго.

[2]) Т. е. Вотъ достойное удивленія зрѣлище, къ которому были направлены неисповѣдимые пути Промысла!

[3]) Де-Сангленъ въ своей запискѣ говоритъ: „Аракчеевъ усердно работалъ о возвращеніи Сперанскаго уже по одной ненависти и злобѣ противъ

Отъ Россіи обратимся теперь къ остальной Европѣ.

Роль Сперанскаго въ нашей администраціи и въ милости Александра была слишкомъ многозначительна, чтобы не привлекать на него вниманія и Запада, особенно въ наступавшую тогда рѣшительную для Европы эпоху.

Что писали о паденіи его дипломатическіе агенты своимъ дворамъ, это хранится еще въ архивахъ [1]) и едва ли бы въ чемъ-либо разъяснило нашъ вопросъ. Журналы заграничные, бывъ единственно отголоскомъ тѣхъ вѣстей, которыя разнеслись въ то время по Россіи, еще менѣе заслуживаютъ здѣсь вѣры и вниманія, какъ то видно и по образчикамъ, напечатаннымъ въ «Жизни графа Сперанскаго» (т. II, стр. 26 и 27, въ выноскѣ).

Въ дополненіе къ нимъ приведемъ еще, въ русскомъ переводѣ, выписку изъ вѣстей объ этомъ событіи Мадритской газеты, отъ 27 августа н. ст. 1812 года, присланную нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Испаніи Валленштейномъ канцлеру графу Н. П. Румянцову:

«Замышленный Бонапартомъ заговоръ противъ императорскаго дома, къ счастію, открытъ по волѣ Провидѣнія, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ сохранившаго Россію отъ грозившихъ ей бѣдъ и напастей, и составляетъ въ настоящее время главный предметъ разговоровъ.

«Къ дѣлу оказался причастнымъ государственный секретарь Сперанскій, достигшій этого важнаго поста исключительно благодаря особому къ нему благоволенію императора Александра. Съ нѣкотораго времени стали подозрѣвать, что у Наполеона имѣются въ Петербургѣ шпіоны и тайные агенты, которые и сообщали ему государственныя тайны русскаго правительства. Это подозрѣніе подкрѣплялось въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что курьеры изъ Петербурга во Францію отправля-

---

Балашова".—Припомнимъ слѣдующія строки изъ письма Аракчеева къ его брату Петру Андреевичу, отъ 3-го апрѣля 1812 года: „Теперь приступаю вамъ къ описанію, что, я думаю, извѣстно вамъ уже, выѣздъ изъ С.-Петерга госп(одина) Сперанскаго и госп(одина) Магнитскаго. На ихъ счетъ много здѣсь говорятъ нехорошаго; слѣдовательно, если это такъ, то онѣ и заслужили сами свою нынѣшнюю участь; но вмѣсто оныхъ теперь партія знатныхъ нашихъ господъ сдѣлалась уже чрезмѣрно сильна, состоящая изъ графовъ Салтыковыхъ, Гурьевыхъ, Толстыхъ и Голицыныхъ. Слѣдовательно, я, не бывъ съ первыми въ связи, былъ оставленъ безъ дѣла; а сими новыми патріотами равномѣрно не любимъ, также буду безъ дѣла и безъ довѣренности" („Русская Старина", 1874 года, т. X, стр. 191; Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1874 годъ, стр. 107—108).

[1]) Депеши французскаго посла Лористона и датскаго посланника Блума, въ которыхъ идетъ рѣчь о высылкѣ Сперанскаго, напечатаны въ послѣднее время въ „Русскомъ Архивѣ" 1882 года, книга первая, стр. 169—176.

лись все чаще, тогда какъ, наоборотъ, курьеровъ изъ Франціи въ Россію почти не прибывало.

«Побуждаемый подобными соображеніями, князь Багратіонъ, командовавшій арміею, стоявшею на границѣ, рѣшилъ задержать курьера, слѣдовавшаго въ Парижъ съ депешами на имя Бонапарта, которыя были за печатью императора Александра.

«Несмотря на все уваженіе къ тайнѣ, довѣренной пакету за императорскою печатью, князь рѣшился его вскрыть. Оказалось, что въ немъ заключались депеши, въ которыхъ были изложены историческій обзоръ и подробности плана, выработаннаго на случай предстоявшей войны съ Франціею, приводились точныя данныя о состояніи и численности русскихъ военныхъ силъ, а также подробныя свѣдѣнія о дислокаціи войскъ, военныхъ магазинахъ и складахъ и вообще о мѣропріятіяхъ нашего правительства на случай войны съ Франціею. Князь Багратіонъ немедленно распорядился отправкою въ Петербургъ особаго курьера съ перехваченными депешами и при этомъ всеподданнѣйше просилъ государя не вмѣнять ему, въ монаршемъ милосердіи, въ вину совершенное имъ самовольное вскрытіе пакета за императорскою печатью, тѣмъ болѣе, что послѣдствія вполнѣ оправдали такую рѣшимость. Курьеръ получилъ отъ князя наказъ передать депеши лично въ руки императору. Исполненіе этого представило немало затрудненій. Только благодаря упрямой настойчивости посланца ему удалось преоборотъ противодѣйствіе лицъ, не хотѣвшихъ допускать его до государя, такъ какъ они, наконецъ, поняли, что князь Багратіонъ, по всему вѣроятію, пришлетъ, въ такомъ случаѣ, вслѣдъ за первымъ и второго курьера. Только черезъ три часа по прибытіи въ столицу посланный князя Багратіона могъ передать привезенныя имъ депеши лично государю. Изъ содержанія полученныхъ бумагъ императоръ убѣдился, что эти важнѣйшія государственныя тайны были переданы Бонапарту Сперанскимъ и его личнымъ секретаремъ Магницкимъ (Magnesy).

«Потребовавъ къ себѣ Сперанскаго, государь одновременно далъ приказаніе министру полиціи произвести обыскъ и опечатать бумаги обоихъ обвиняемыхъ и при этомъ повелѣлъ Магницкаго немедленно отправить въ Сибирь. Распоряженія императора тотчасъ были приведены въ исполненіе, и Сперанскій прибылъ во дворецъ въ полномъ невѣдѣніи всего совершившагося.

«Государь принялъ Сперанскаго какъ всегда, и въ разговорѣ упомянулъ, что онъ очень опечаленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что убѣдился въ измѣнѣ лица, которому онъ оказывалъ полное довѣріе. «Можетъ ли быть, чтобы нашелся человѣкъ, который рѣшился бы стать измѣнникомъ въ отношеніи вашего величества, столь добраго и великодушнаго монарха?» возразилъ государственный секретарь.—«Такъ знайте же—

отвѣчалъ императоръ,—что другъ, о которомъ идетъ рѣчь, это именно вы....».—Сперанскій началъ отрицать свою вину и оправдываться; говорилъ, что все это гнусная клевета, распущенная его врагами, которые не могутъ простить ему его быстрое возвышеніе; указывалъ, что среди другихъ министровъ не найдется никого, кто, по сравненію съ нимъ, служилъ бы императору съ такою преданностью и ревностью; наконецъ, выразилъ готовность немедленно сложить съ себя всѣ должности, чтобы заставить замолчать своихъ завистниковъ и несправедливыхъ обвинителей. Тогда государь, принявъ тонъ, приличествовавшій обстоятельствамъ, объявилъ Сперанскому, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не объ отставкѣ, а что Сперанскій долженъ дать объясненія по поводу взводимыхъ на него обвиненій, добытыхъ изъ вѣрныхъ источниковъ и основанныхъ къ тому же на подлинныхъ документахъ, и при этомъ государь передалъ Сперанскому перехваченныя депеши.

«Между тѣмъ доложили государю, что явился военный министръ и желалъ бы немедлено быть выслушаннымъ. Принятый государемъ, министръ доложилъ, что онъ обнаружилъ пропажу высочайше одобреннаго плана, выработаннаго на случай предстоявшей войны съ Франціею, и что одинъ изъ его адъютантовъ признался въ томъ, что планъ этотъ былъ довѣренъ имъ Сперанскому.

«Вернувшись въ кабинетъ, въ которомъ оставался Сперанскій, императоръ Александръ объявилъ ему, что его измѣна подтверждается только-что привезеннымъ военнымъ министромъ извѣстіемъ.

«Тогда государственный секретарь, видя, что дѣло его проиграно, прибѣгнулъ къ милосердію государя. Императоръ Александръ, желая въ послѣдній разъ оказать милость и снисхожденіе своему бывшему любимцу, предложилъ ему на выборъ: или судъ на основаніи добытыхъ противъ него уликъ, или же ссылку въ Сибирь.

«Сперанскій предпочелъ послѣднее, и императоръ повелѣлъ ему тотчасъ же ѣхать домой, гдѣ уже все готово къ немедленному отъѣзду опальнаго.

«Не смотря на столь ясно выраженную волю императора, Сперанскій вмѣсто того, чтобы прямо ѣхать домой, приказалъ своему кучеру заѣхать на квартиру Магницкаго (Magnesy); послѣдняго онъ, впрочемъ, не засталъ, такъ какъ его уже успѣли отправить въ Сибирь. Тогда Сперанскій поѣхалъ къ себѣ; у подъѣзда дома уже стоялъ наготовѣ экипажъ, въ которомъ бывшій государственный секретарь долженъ былъ отправиться въ ссылку. Между тѣмъ внимательное изученіе бумагъ, захваченныхъ у обвиняемыхъ, придало дѣлу совершенно иную окраску. Оказалось, что планы заговорщиковъ были самые ужасные. Было задумано захватить императора и великаго князя Константина живыми или мертвыми и, въ первомъ случаѣ, отвезти ихъ во Францію; захва-

тить далѣе всѣхъ членовъ царствующаго дома, а также главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей и важнѣйшихъ чиновниковъ, несочувственно относившихся къ французамъ; низвергнуть существующее правительство и произвести повсемѣстное смятеніе и анархію. Въ случаѣ успѣха предпріятія, мятежники думали, для водворенія порядка, обратиться за помощью къ Бонапарту и такимъ путемъ предать ему въ руки Россію.

«Когда планы эти были обнаружены, тотчасъ послѣдовалъ приказъ о немедленномъ возвращеніи Сперанскаго обратно въ Петербургъ. По прибытіи онъ былъ заключенъ въ крѣпость въ ожиданіи производства слѣдствія и обнаруженія другихъ соучастниковъ.

«Между тѣмъ генералъ князь Багратіонъ приказалъ задержать двухъ шпіоновъ, которые давно были у него на примѣтѣ. При опросѣ послѣдніе показали, что не задолго до ихъ ареста прослѣдовалъ изъ Франціи курьеръ съ депешами первостепенной важности и что курьеръ этотъ, снабженный фальшивымъ паспортомъ, долженъ былъ окольными путями ѣхать въ Тангаровъ (Tangaroff) (Таганрогъ?).

«Генералъ распорядился отправить людей въ погоню за этимъ курьеромъ, и вскорѣ его удалось задержать. Курьеръ этотъ оказался родомъ полякъ, отлично владѣющимъ русскимъ языкомъ и состоящимъ на французской службѣ въ чинѣ полковника. Онъ везъ съ собою золотыхъ дукатовъ на громадную сумму, при чемъ на него возложено было порученіе возбудить мятежъ среди казаковъ и татарскихъ войскъ въ окрестностяхъ Тобольска; возстаніе должно было вспыхнуть тотчасъ послѣ того, какъ пришло бы извѣстіе о выступленіи русскихъ войскъ въ походъ и объ отъѣздѣ императора и великаго князя къ арміи.

«По слухамъ, Бонапартъ съ этою цѣлью уже ранѣе отправилъ 500 тысячъ золотыхъ дукатовъ.

«Вотъ планъ государственнаго переворота, который Бонапартъ замышлялъ произвести въ нашемъ отечествѣ. Въ общихъ чертахъ онъ очень напоминаетъ планъ, которому Бонапартъ слѣдовалъ четыре года тому назадъ съ цѣлью овладѣть Испаніею...»

Въ депешѣ, при которой находится эта статья, нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Испаніи, между прочимъ, писалъ (на французскомъ языкѣ) слѣдующее:

«Съ прискорбнымъ и смущеннымъ чувствомъ приходится мнѣ возвратиться къ той же газетѣ (Мадритской) касательно помѣщенной на ея столбцахъ статьи изъ С.-Петербурга, въ которой идетъ рѣчь о мнимомъ проектѣ Наполеона составить заговоръ противъ русскаго правительства. Не нахожу словъ выразить вашему сіятельству насколько мнѣ прискорбно ознакомить васъ подробно съ этимъ ужаснѣйшимъ заговоромъ, если онъ дѣйствительно существовалъ, въ противномъ же

случаѣ съ самою низкою клеветою. Только безграничная преданность заставляетъ меня исполнить этотъ тяжкій долгъ и представить вамъ во всѣхъ чертахъ это дѣло, которое—имѣло ли оно мѣсто въ дѣйствительности, или является ложнымъ вымысломъ—одинаково возбуждаетъ одно чувство омерзѣнія.

«Считаю не лишнимъ приложить при семъ дословный переводъ этой статьи, которая помѣщена также въ одной изъ кадикскихъ газетъ за прошлый іюнь мѣсяцъ. Содержаніе этой статьи было извѣстно барону Моренгейму [1]), но онъ не довелъ о ней до вашего свѣдѣнія, съ одной стороны, вѣроятно, отъ того, что не зналъ, съ кѣмъ послать свою корреспонденцію, съ другой, и, быть можетъ, главнымъ образомъ, потому, что ему было противно сообщать вамъ содержаніе статьи, въ которой повѣствуется о столь ужасномъ и вѣроломномъ проектѣ.

«Впрочемъ и я, съ своей стороны, рѣшилъ слѣдовать примѣру Моренгейма и хранить молчаніе о дѣлѣ, которое мнѣ представляется ложнымъ и лишеннымъ всякаго вѣроятія.

«Если вашему сіятельству угодно было бы сдѣлать какія-либо распоряженія по настоящему дѣлу, то я просилъ бы васъ преподать мнѣ указанія, какія мѣры надлежало бы мнѣ принять или для опроверженія этой басни, или для изображенія даннаго событія въ вѣрномъ и согласномъ съ дѣйствительностью освѣщеніи...».

Но нѣтъ ли какихъ-нибудь другихъ еще иностранныхъ источниковъ, по крайней мѣрѣ позднѣйшихъ, въ которыхъ была бы рѣчь о катастрофѣ нашего государственнаго секретаря?

Прежде всего замѣтимъ, что во всей огромной библіотекѣ, составившейся изъ словъ, изреченій, разсказовъ и пр. самаго Наполеона, истинныхъ или вымышленныхъ, имѣющихъ характеръ правдивости или очевидно подложныхъ, мы, при самомъ тщательномъ просмотрѣ, нигдѣ не встрѣтили ни одного упоминанія о томъ лицѣ, которому общая молва такъ безразсудно приписывала преступныя съ нимъ связи [2]). Налагая

[1]) Барону Павлу Осиповичу Моренгейму, бывшему ранѣе нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Испаніи.

[2]) Вообще мы ничего не знаемъ о Наполеонѣ въ отношеніи къ Сперанскому. Только членъ Государственнаго Совѣта Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ разсказывалъ намъ, что когда онъ въ 1812 году былъ взятъ въ плѣнъ (въ Смоленскѣ) и представленъ императору французовъ, то послѣдній спросилъ у него: „гдѣ теперь Сперанскій?“, на что Тучковъ отвѣчалъ (какъ дѣйствительно и было), что ничего положительнаго о томъ не знаетъ, слышавъ лишь, что онъ высланъ изъ Петербурга. (Примѣчаніе барона Корфа).—Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ „Жизни графа Сперанскаго“ нашлась также выписка изъ депеши нашего посла въ Парижѣ князя Куракина къ графу Н. П. Румянцову, отъ 12-го апрѣля 1812 г., въ которой переданъ вопросъ Наполеона Куракину о причинахъ ссылки Сперанскаго. (См. эту выписку у Н. К. Шильдера, „Императоръ Александръ I“, т. III, стр. 50).

печать отверженія на множество людей, оправдывая другихъ отъ взведенныхъ на нихъ современниками нареканій, обнажая тайны многихъ историческихъ событій, указывая ихъ нити, самую сокровенную ихъ связь, Наполеонъ никогда не проронилъ ни одного слова не только о тайныхъ, но и вообще о какихъ бы то ни было сношеніяхъ своихъ съ Сперанскимъ, или Сперанскаго съ нимъ. При болтливости бывшаго императора французовъ, при той прямотѣ, съ которою, творя исторію словомъ, какъ прежде творилъ ее дѣломъ, онъ объяснялъ всѣ малѣйшія подробности и всѣ эпизоды своего царствованія, наконецъ, при хвастливой нескромности лицъ, слушавшихъ и передававшихъ его разсказы, не позволено ли думать, что клеветы и слухи о тайныхъ, будто бы, его связахъ съ любимцемъ Александра совсѣмъ и не дошли до его свѣдѣнія. Во всякомъ, однако, случаѣ примѣчательно, что, знавъ Сперанскаго лично еще съ Эрфурта, безъ сомнѣнія, знавъ также о вліяніи его на всѣ дѣла и на Александра, наконецъ, имѣвъ, вѣроятно, свѣдѣніе и о томъ, что непріязненный для Франціи тарифъ 1810 года былъ его же твореніемъ, Наполеонъ ни въ одной изъ (напечатанныхъ) многочисленныхъ бесѣдъ своихъ о Россіи, о государственныхъ ея людяхъ, и именно даже объ этомъ тарифѣ, не произнесъ имени Сперанскаго, хотя часто и пространно говорилъ о множествѣ второстепенныхъ лицъ той эпохи.

Записокъ французскаго при нашемъ дворѣ посла Лористона не осталось, или по крайней мѣрѣ не напечатано. Записокъ другаго посла, Коленкура, также не существуетъ, а то, что издано, подъ названіемъ его Воспоминаній, Шарлоттою Соръ [1]), есть больше сборникъ мелкихъ анекдотовъ. Имени Сперанскаго въ этой книгѣ нигдѣ не упомянуто.

Послѣ Савари хотя и остались подробные мемуары [2]), но самого его смѣнилъ у насъ Коленкуръ въ декабрѣ 1807 года, когда Сперанскій еще не являлся на высшихъ ступеняхъ государственной дѣятельности.

Наконецъ, драгоцѣнныя для нашей исторіи послѣднихъ временъ Записки шведскаго посла графа Стединга [3]), или, лучше сказать, письма его къ своему королю, кончаются разрывомъ нашимъ съ Швеціею передъ финляндскою войною, слѣдственно также прежде Эрфурта. Вотъ, за этимъ, все, что мы находимъ въ иностранныхъ литературахъ о катастрофѣ Сперанскаго [4]):

---

[1]) Souvenirs du duc de Vicence, par Charlotte de Sor. Paris. 1837.

[2]) Mémoires du duc de Rovigo. Paris. 1829.

[3]) Mémoires de Stedingk.

[4]) Показаній Н. И. Тургенева, Шницлера и пр., какъ повторяющихъ только общеизвѣстное изъ другихъ источниковъ, мы здѣсь не приводимъ. Равно не говоримъ ничего и о статьѣ въ „Zeitgenossen“, какъ вылившейся изъ-подъ собственнаго пера Сперанскаго.

1) Мемуары, извлеченные, какъ уже упомянуто въ другомъ мѣстѣ (Дѣятели и участники въ катастрофѣ Сперанскаго) [1]) изъ воспоминаній дюка де Серра-Капріола [2]), говорятъ о Сперанскомъ въ двухъ мѣстахъ. Въ одномъ, описавъ переходъ въ наше подданство барона Армфельда, авторъ продолжаетъ [3]): «Статсъ-секретарь Сперанскій, человѣкъ просвѣщенный и стоявшій выше всякихъ мелочныхъ расчетовъ тщеславія, думалъ, что баронъ, какъ богатый помѣщикъ, пользующійся вліяніемъ въ новоприобрѣтенной области, можетъ быть полезенъ. Вслѣдствіе того Армфельдъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Финляндской коммиссіи, что̀ открыло ему доступъ въ царскій кабинетъ и случай къ частой работѣ съ монархомъ».—Въ другомъ мѣстѣ, говоря о неугодномъ Александру поведеніи Кутузова въ турецкую кампанію, онъ пишетъ [4]): «Но не однимъ этимъ ограничились тогдашнія огорченія императора Александра. Въ массѣ вѣрныхъ подданныхъ нашлось и нѣсколько измѣнниковъ, часть которыхъ была заключена или удалена. Но, по тяжкой участи монарховъ, слишкомъ часто принужденныхъ не довѣрять своимъ приближеннымъ, при этомъ случаѣ успѣли внушить царю самыя несправедливыя подозрѣнія и противъ человѣка, достойнаго всей его довѣренности. Статсъ-секретарь Сперанскій, человѣкъ, равно отличный и знаніями, и характеромъ, и ревностью къ дѣлу, пользовался вполнѣ заслуженною милостію своего государя, которая породила зависть нѣсколькихъ честолюбивыхъ царедворцевъ. Зная Сперанскаго за почитателя талантовъ Наполеона, они съумѣли обратить это обстоятельство въ оружіе противъ него. Толстые, возбуждаемые кавалеромъ де-Вернегъ, однимъ изъ агентовъ Людовика XVIII-го, представили его Армфельду тайнымъ орудіемъ императора французовъ, опаснымъ для блага государства; одинъ изъ второстепенныхъ интригановъ, отчасти самому же Сперанскому обязанный своею карьерою, но искавшій еще болѣе возвыситься [5]), составилъ записку, исполненную самыхъ тяжкихъ обвиненій противъ государева любимца, и послѣдній—былъ удаленъ въ ссылку. Впослѣдствіи Александръ, убѣдясь въ своей ошибкѣ, раскаялся въ ней и великодушно ее исправилъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ впалъ въ опалу уже Армфельдъ, за необдуманное усердіе, которымъ онъ вовлекъ государя въ эту несправедливость».

2) Въ другой книгѣ, которой авторъ не назвался, но однакоже всѣмъ извѣстенъ—именно генералъ-адъютантъ баронъ Жомини,—разсказываются, отъ лица будто бы самого Наполеона, всѣ главныя фазы

[1]) „Русская Старина“ 1902 г., мартъ.
[2]) Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état. Paris. 1836.
[3]) Tome XI, pp. 283 et 284.
[4]) Ibid., pp. 367 et 368.
[5]) Это былъ баронъ Г. А. Розенкампфъ.

его жизни. Книга эта, достойная, по многимъ отношеніямъ, полнаго уваженія, но которой впрочемъ никакъ нельзя признать за автобіографію или исповѣдь самого Наполеона, не принимавшаго ни прямо, ни косвенно никакого личнаго участія въ ея составленіи, издана въ Парижѣ, въ 1827 году, подъ заглавіемъ: «Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui même devant le tribunal de César». Вотъ, что авторъ ея влагаетъ въ уста императора французовъ насчетъ Сперанскаго [1]): «Около того же времени (въ началѣ 1812 года), одна изъ тѣхъ интригъ, которыя такъ часты на придворномъ поприщѣ, еще болѣе усилила недовѣрчивый характеръ императора Александра. Тайный совѣтникъ Сперанскій, человѣкъ съ большими достоинствами, находился въ перепискѣ, посредствомъ Локрѐ [2]), съ моимъ статсъ-секретаріатомъ касательно образованія Государственнаго Совѣта, который императору хотѣлось ввести и у себя. Враги Сперанскаго стали разглашать, что эта переписка служитъ только прикрытіемъ преступныхъ его сношеній со мною и моимъ министерствомъ. Тутъ, насколько можно вѣрить слухамъ, шла рѣчь о превращеніи всего государственнаго порядка, и если Сперанскому не приписывали прямого участія въ этихъ замыслахъ, то винили его, по крайней мѣрѣ, въ той слабости, съ которою онъ доставлялъ средства къ ихъ переносу. По словамъ другихъ, его обвиняли только въ способствованіи мнѣ къ упроченію моего преобладанія надъ его монархомъ. Какъ бы то ни было, Сперанскій былъ внезапно схваченъ и увезенъ въ Сибирь. Послѣ войны, Александръ, удостовѣрясь въ своей ошибкѣ, поспѣшилъ назначить его генералъ-губернаторомъ въ тотъ самый край, въ который онъ былъ сосланъ; но между тѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ питалъ противъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ подданныхъ, а также и противъ меня недовѣрчивость, которая была плодомъ одного лишь гнуснаго заговора и возымѣла, безъ сомнѣнія, большое вліяніе на его рѣшимость къ войнѣ». Надо, впрочемъ, замѣтить, что авторъ, какъ бы самъ колеблясь въ достовѣрности приписываемаго имъ Наполеону мнѣнія, прибавляетъ тутъ же въ особой выноскѣ [3]): «Автору надлежало здѣсь слѣдовать взгляду тѣхъ писателей, которые старались объяснить перемѣну расположенія императора Александра особыми причинами; но едва-ли есть надобность такъ далеко ихъ искать. Довольно было, для разрыва, присоединенія Ольденбургскаго герцогства и Вѣнскаго трактата: первое касалось семейной чести Александра, второй затрагивалъ самые живые интересы Россіи. Послѣ этихъ двухъ событій миръ былъ невозможенъ».

---

[1]) Tome IV, pp. 29 et 30.

[2]) Секретарь французскаго Государственнаго Совѣта.

[3]) Стр. 30 и 31, въ выноскѣ.

3) Домашній секретарь Наполеона, баронъ Менваль, представляя самое происшествіе, въ изданныхъ имъ Запискахъ [1]), почти въ томъ же самомъ видѣ, приписываетъ его вліянію англійскаго кабинета. «Англія—пишетъ онъ—въ то время совершенно овладѣла Александромъ. Для возбужденія его противъ Наполеона она не останавливалась употреблять интриги всякаго рода: даже вымышленные акты, подлоги въ бумагамъ и въ подписяхъ,—лондонскій кабинетъ не гнушался, для своей цѣли, никакимъ средствомъ. Въ концѣ 1811 года партія, которой главнымъ дѣятелемъ былъ баронъ Армфельдъ, уже давно состоявшій на жалованіи Англіи, вымыслила какой-то мнимый подкупъ, главою котораго былъ будто бы Наполеонъ, а первымъ орудіемъ статсъ-секретарь Сперанскій. Послѣдній, по порученію своего монарха и по соглашенію съ французскимъ правительствомъ, дѣйствительно, велъ переписку съ первымъ секретаремъ французскаго Государственнаго Совѣта (Локрѣ); но эта переписка относилась до образованія разныхъ частей внутренняго управленія, а между тѣмъ клевета умѣла этимъ сношеніямъ, совершенно чуждымъ политикѣ, дать видъ и смыслъ заговора. Сперанскаго внезапно схватили и сослали безъ допроса».

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

---

[1]) Napoléon et Marie-Louise. Souvenirs historiques de Mr. le baron Ménéval, Paris. 1843, t. I, pp. 352 et 353.

Василій Андреевичъ Жуковскій

и его отношенія къ декабристамъ.

I.

В. А. Жуковскій и семейство Якушкиныхъ.

15-го іюня 1826 года супруга государственнаго преступника Анастасія Васильевна Якушкина, дочь Василія Петровича Шереметева (р. 1765 † 1808) и Надежды Николаевны, урожденной Тютчевой (р. 1775 † 1850) писала императору Николаю I:

«Всемилостивѣйшій государь! Мучительная неизвѣстность объ участи мужа, котораго обожаю и съ которымъ была счастлива, понудила меня совершить дальнее путешествіе. Удрученная скорбью и болѣзнью, съ грудным̈ъ пятимѣсячнымъ ребенкомъ и съ двухъ-лѣтнимъ сыномъ, проѣхала я 700 верстъ, въ надеждѣ на благость вашего императорскаго величества. Не объ облегченіи судьбы мужа моего молю васъ, государь, не оправданія о немъ дерзаю приносить вамъ,—я рѣшилась съ покорностью ждать часа правосудія и милосердія вашего.

«Но, государь! Вы отецъ и супругъ нѣжный, сердцу вашему знакомы чувства, коими теперь исполнено сердце мое: два невинные младенца у подножія престола вашего императорскаго величества просятъ обнять несчастнаго отца своего; 18-ти лѣтняя жена, проливая горькія слезы, умоляетъ васъ дозволить ей видѣться съ мужемъ и писать ему. Государь не отриньте прошеніе несчастной, на Бога и на васъ упованіе полагающей».

Императоръ Николай разрѣшилъ ей какъ свиданіе съ мужемъ, такъ и переписку во время пребыванія его въ Петропавловской крѣпости. Но это скоро прекратилось. Судъ приговорилъ Ивана Дмитріевича

Якушкина къ ссылкѣ въ Сибирь и, пока онъ прибылъ на мѣсто, супруга не имѣла о немъ никакихъ извѣстій. Положеніе ея было невыносимо, и молодая женщина рѣшилась просить о разрѣшеніи ей отравиться къ мужу. Тогда мать ея, Шереметева, обратилась съ просьбою о томъ къ В. А. Жуковскому.

«Имѣю честь,—писалъ онъ князю А. Н. Голицыну [1]),—представить вашему сіятельству письмо, недавно мною полученное. Прибѣгаю къ вамъ, чтобы, наконецъ, имѣть какую-нибудь возможность отвѣчать на него. Оно писано тещею несчастнаго Якушкина, которая желаетъ знать, можетъ ли дочь ея вмѣстѣ съ дѣтьми поѣхать къ мужу, изгнаннику.

«Благоволите прочитать это письмо, благоволите взять на себя трудъ сказать мнѣ, можно ли надѣяться получить такого рода позволеніе и какое для этого средство.

«Простите, что обременяю васъ моими письмами.

«Хлопочу за другихъ и знаю, что такого рода хлопоты вамъ не могутъ быть непріятными».

И дѣйствительно В. А. Жуковскій зналъ къ кому обращался. Онъ зналъ доброе и отзывчивое сердце кн. А. Н. Голицына, зналъ расположеніе къ нему императора Николая и былъ увѣренъ, что князь горячо отзовется на доброе дѣло. 3-го февраля Василій Андреевичъ получилъ уже отъ графа Дибича увѣдомленіе, «что Г. И. отозваться соизволилъ, что исполненіе (Якушкиной) сего желанія, на существующихъ для того правилахъ, ей не возбраняется. Но, при этомъ его величеству благоугодно, дабы ей поставлено было на видъ, что въ мѣстѣ пребыванія мужа своего не найдетъ она никакихъ способовъ къ воспитанію дѣтей, устройству будущаго состоянія коихъ полагаетъ она чрезъ то не малую преграду, а потому нужно ей предварительно размыслить о всѣхъ послѣдствіяхъ своего предпріятія, дабы избѣгнуть поздняго и безполезнаго раскаянія».

Совѣты эти не могли пересилить чувства любящей женщины, но домашнія обстоятельства не дозволили ей отправиться немедленно. Въ 1832 году, когда Анастасія Васильевна собралась въ путь и просила опять разрѣшенія, графъ Бенкендорфъ отвѣчалъ ей [2]):

«Государь императоръ, по всеподданнѣйшему моему докладу о желаніи вашемъ отправиться въ Сибирь къ вашему мужу, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ увѣдомить васъ, что сначала дозволено было всѣмъ женамъ государственныхъ преступниковъ слѣдовать въ Сибирь за своими мужьями; но какъ симъ дозволеніемъ вы, въ свое время, не

---

[1]) Въ собственноруч. письмѣ отъ 22-го января 1828 г.

[2]) Въ отношеніи отъ 28-го ноября 1832 г.

воспользовались, то и не можете нынѣ онаго получить, ибо вы нужны теперь для вашихъ дѣтей и должны для нихъ пожертвовать желаніемъ видѣться съ вашимъ мужемъ».

Такимъ образомъ поѣздка эта не состоялась.

II.

В. А. Жуковскій и братья Тургеневы [1]).

Дружба, которая соединяла Жуковскаго со многими декабристами, положеніе его, близкое къ императору, а въ особенности къ императрицѣ, какъ преподавателя и наставника наслѣдника престола, и наконецъ необыкновенная доброта и чистота души были причиною того, что онъ всѣми силами старался облегчить положеніе своихъ бывшихъ друзей, подвергшихся суду и ссылкѣ.

Особенно близки были ему братья Тургеневы [2]). Одинъ изъ нихъ Николай Ивановичъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ декабристовъ и, находясь въ то время за границею, былъ потребованъ въ Россію, но не явился, что̀ усилило его вину, и онъ заочно былъ приговоренъ къ смертной казни. При первомъ извѣстіи о томъ, что Н. И. Тургеневъ обвиняется въ соучастіи въ тайномъ злоумышленномъ обществѣ, оба брата его тотчасъ же покинули службу, при чемъ на младшаго, Сергѣя, обвиненіе это такъ подѣйствовало, что онъ сошелъ съ ума и вскорѣ умеръ [3]). Старшій же братъ Александръ Ивановичъ употреблялъ всѣ силы къ тому, чтобы оправдать опальнаго брата и доказать его невиновность. Онъ убѣждалъ его составить и прислать оправдательную записку, для представленія ея суду. Николай Ивановичъ долго не соглашался составить такую записку (см. его письма къ братьямъ, напечатанныя въ «Рус. Старинѣ» 1901 г. Т. CVI, май, стр. 235—275), но, наконецъ, уступая просьбамъ, прислалъ ее. Получивъ эту за-

---

[1]) При составленіи настоящей статьи, мы пользовались сверхъ архивныхъ источниковъ и тѣми документами, которые были обязательно намъ сообщены графомъ Н. А. Бреверномъ де-ла Гарди, Ив. А. Бычковымъ и П. Н. Тургеневымъ. Приносимъ имъ глубокую благодарность за доставленіе столь интересныхъ и новыхъ данныхъ.

[2]) Ихъ было четверо: Андрей († 1803 г.), Александръ († 1845 г.), Николай († 1872 г.) и Сергѣй († 1827 г.) Ивановичи.

[3]) Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ, въ то время еще молодой человѣкъ, дипломатъ, которому предстояла блистательная будущность, былъ съ графомъ Строгановымъ въ Константинополѣ.

писку, Александръ Ивановичъ препроводилъ ее къ князю Александру Николаевичу Голицыну и при этомъ писалъ [1]):

«Теперешнія отношенія мои къ вашему сіятельству не даютъ мнѣ права обратиться къ вамъ съ какою-либо просьбою, но сколько ни прискорбно мнѣ послѣ 14-ти-лѣтней службы подъ начальствомъ вашимъ, послѣ всего, что со мною было, видѣть въ васъ теперь въ минуту несчастія, какое-то отъ меня удаленіе,—горесть о судьбѣ моего брата, заглушающая во мнѣ всякое другое чувство, принуждаетъ меня къ вамъ прибѣгнуть.—Вы должны простить мнѣ и самый упрекъ сей: онъ вырвался изъ растерзаннаго сердца. Будучи членомъ комитета, производящаго слѣдствіе по извѣстному дѣлу, вы имѣете и доступъ къ государю: въ семъ нахожу я оправданіе, что къ вамъ, а не къ другому теперь обращаюсь.

«По пріѣздѣ въ Петербургъ, узналъ я городскіе слухи о братѣ Николаѣ. Зная характеръ его и правила, слышавъ и въ послѣднее время его слова, исполненныя негодованія къ преступникамъ, замышлявшимъ цареубійство, любовь и благодарность къ покойному императору и безпечность о себѣ, я не могъ сему повѣрить. Не я одинъ, но и всѣ, которые знали его въ частной жизни, коимъ извѣстна его дѣятельность по службѣ, доведшая его до неизлѣчимой болѣзни, не могутъ считать его участникомъ въ злодѣяніи. Но какую пользу принесетъ ему сія увѣренность противъ обвиненій, въ точности мнѣ неизвѣстныхъ и основанныхъ, можетъ быть, на личномъ недоброжелательствѣ къ нему нѣкоторыхъ изъ преступниковъ, на ихъ желаніи увеличить число мнимыхъ своихъ сообщниковъ или на гадательномъ ихъ толкованіи его мыслей о правительствѣ, ложно сообразуя оныя съ собственными видами!

«Еслибы братъ мой стоялъ теперь передъ судіями, отвѣтствуя на сіи обвиненія, то искреннимъ изложеніемъ своихъ мнѣній могъ бы убѣдить, что всегда горѣлъ безкорыстною любовію къ отечеству, что желалъ перемѣны многаго и мечталъ о лучшемъ, но что былъ далекъ отъ гибельныхъ покушеній, клонящихся къ разрушенію установленнаго порядка, съ коимъ тѣсно связано бытіе и цѣлость государства. Особа монарха была и въ умѣ его и въ сердцѣ неприкосновенною святынею. Можетъ быть, въ теоріи предпочиталъ онъ образъ одного правленія другому, но у насъ самодержавіе полагалъ необходимымъ для искорененія р а б с т в а [2]), называемаго имъ я з в о ю Р о с с і и. Въ семъ отношеніи онъ сего ожидалъ отъ покойнаго императора и всегда съ довѣренностію говорилъ о благихъ его намѣреніяхъ.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 1-го мая 1826 г. Письмо это получено отъ П. Н. Тургенева.

[2]) Т. е. крѣпостнаго права.

«Кончина государя повергла брата въ такое унынiе, которое едвали не усилило его болѣзни. Чувства, кои онъ питалъ къ покойному, были неизмѣняемы: иначе, смѣю сказать, онъ бы не принялъ его благодѣяній. Клянусь всемогущимъ Богомъ, что сіи чувства видѣлъ я въ немъ за нѣсколько дней до нашей разлуки, ибо онъ говорилъ о незабвенномъ Александрѣ со мною и съ другими съ любовію и съ благодарностію.

«Брата здѣсь нѣтъ; его спасло отсутствіе изъ Россіи отъ неминуемой гибели, которую бы, при его болѣзненномъ состояніи, принесло ему заточеніе самое кратковременное; ибо онъ поддерживаетъ жизнь однимъ движеніемъ и безпрерывнымъ лѣкарствомъ. Цвѣтущимъ здоровьемъ пожертвовалъ онъ службѣ. Покойный государь зналъ его только по трудамъ его. Удостовѣрившись въ причинѣ его болѣзни, онъ былъ его спасителемъ, уволивъ его для излѣченія. За годъ предъ симъ, государь приказалъ предложить ему мѣсто по министерству финансовъ, сказавъ, однако же, что онъ необходимъ ему и въ Государственномъ Совѣтѣ. Первое движеніе брата было явиться на новую службу, но болѣзнь остановила его опять въ Карлсбадѣ.

«По возвращеніи изъ Варшавы государь, говоря съ Н. М. Карамзинымъ объ успѣхахъ законодательства въ Польскомъ королевствѣ, изъявилъ сожалѣніе, что болѣзнь брата моего мѣшаетъ ему возвратиться въ Россію. Государь говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ, котораго хотѣлъ употребить по сей части съ пользою для государства: слова его да спасутъ несчастнаго!

«Теперь для чего будетъ онъ жить въ землѣ чужой, гдѣ все чуждо его сердцу? Отсутствіе лишило его способовъ оправдать себя во многомъ, въ чемъ по характеру своему онъ быть виновенъ не можетъ.

«И сіе самое отсутствіе есть для него наказаніе жесточайшее. Цѣль его жизни уничтожена. Онъ жилъ и хотѣлъ жить для одной Россіи. Могъ заблуждаться умомъ, но не могъ имѣть намѣреній преступныхъ; а теперь, безъ него, кто отличитъ въ немъ заблудшаго отъ преступника.

«Мнѣ было бы утѣшительно знать, что сіе можетъ дойти, посредствомъ вашимъ до высочайшаго свѣдѣнія. Его императорское величество выслушивалъ всѣхъ; но о братѣ моемъ говорить некому. Пусть хотя голосъ брата достигнетъ до сердца государя, который, будучи строгимъ судіею за ввѣренную ему Россію, есть въ то же время и самое надежное прибѣжище, какъ невинныхъ, такъ и обвиняемыхъ».

Получивъ это письмо и при немъ записку Н. И. Тургенева, князь А. Н. Голицынъ пригласилъ къ себѣ В. А. Жуковскаго и князя П. А. Вяземскаго и вмѣстѣ съ ними прочиталъ записку.

— Мы поступаемъ немного беззаконно,—сказалъ князь А. Н. Го-

лицынъ, улыбаясь своимъ собесѣдникамъ, — составляя изъ себя комитетъ, не разрѣшенный правительствомъ; но такъ и быть, приступимъ къ дѣлу.

«Извѣстія,—писалъ Н. И. Тургеневъ [1])—полученныя мною на сихъ дняхъ изъ Петербурга, поразили меня чрезвычайно. Меня обвиняютъ въ участіи въ тайныхъ обществахъ, и братъ мой заклинаетъ меня представить оправданіе. Хотя предъ тѣмъ Судіею, который былъ для меня всегда строгимъ—предъ моею совѣстію—я и чувствую себя невиннымъ; но, не смотря на сіе, оправданіе представляетъ для меня затрудненія особеннаго рода. По всѣмъ извѣстіямъ, напечатаннымъ въ газетахъ, я вижу, что въ Петербургѣ составилось мнѣніе, что въ Россіи образовались тайныя общества, устроенныя по извѣстнымъ уставамъ, дѣйствовавшія по извѣстнымъ правиламъ, обдуманными средствами и къ предначертанной цѣли. Я же въ душѣ моей убѣжденъ—и говоря сіе, говорю истину,—что въ Россіи такого общества не существовало. Если описать то, что было въ семъ отношеніи поверхностно, то конечно тайныя общества могутъ представить видъ чего-то, но между тѣмъ твердое мое увѣреніе было и есть, что ничего серіознаго не было. Но могу ли я сообщить сію мою увѣренность другимъ, особливо тѣмъ, кои видятъ въ семъ обществѣ нѣчто важное? Оправдываясь, не могу ли навлечь на себя подозрѣніе во лжи? Думая и думая объ ужасныхъ происшествіяхъ, случившихся въ Россіи, я болѣе и болѣе не постигаю, какъ можно приписывать ихъ причинѣ столь ничтожной, каковою были эти тайныя общества. Сіи общества, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ, какъ я ихъ понималъ, никогда не могли произвести ничего похожаго на то, что случилось. Повторяю, что устроеннаго общества, съ опредѣленною цѣлію, съ опредѣленными средствами дѣйствовать къ достиженію извѣстной цѣли, не было.

«Все, что могу сказать, есть то, что въ Россіи нѣкоторые люди толковали объ обществахъ, пытались составлять общества, сочиняли уставы для общества, сами не зная, какъ все это сдѣлать, какъ дѣйствовать, къ какой цѣли и какими средствами. Вотъ главное и существенное. Подробности состоятъ въ томъ, что, собираясь вмѣстѣ, сіи люди въ совѣщаніяхъ своихъ говорили, что надобно помогать другъ другу, что надобно распространять чтеніе книгъ, распространять извѣстныя такъ называемыя либеральныя идеи, которыя впрочемъ не были распространяемы; что, толкуя или объ обществахъ, или о предметахъ гражданскихъ и политическихъ вообще, были говорены вещи, которыхъ нельзя было бы, напри-

[1]) Въ запискѣ безъ даты, полученной нами отъ П. Н. Тургенева. Записка эта была представлена А. И. Тургеневымъ князю Голицыну въ копіи, и гдѣ находится оригиналъ, на которомъ несомнѣнно проставлены даты, намъ не извѣстно.

мѣръ, напечатать. Но кто не говорилъ въ жизнь свою такихъ вещей, которыхъ бы не захотѣлъ повторить? Такъ и я, особливо бывъ моложе, говорилъ много такого, что бы послѣ или теперь не сказалъ. Въ обществѣ молодыхъ людей, въ разговорахъ шумныхъ и быстрыхъ, мудрено ли, что у многихъ вырывались такія рѣчи, коихъ они не могли бы одобрить по размышленіи хладнокровномъ? Такъ и фраза, мнѣ приписываемая (le president sans phrases) могла вырваться въ одномъ изъ сихъ разговоровъ. Но едва могу теперь вспомнить, при какомъ случаѣ я сказалъ это. «Дѣло не въ пустыхъ фразахъ», скажутъ мнѣ. Но я буду отвѣчать, что кромѣ фразъ я ничего во всемъ дѣлѣ не видалъ, и если я виноватъ за фразы, тысячи людей, разговаривающихъ ежедневно въ бесѣдахъ пріятельскихъ, виновны почти также. Впрочемъ я не полагаю, чтобы намѣреніе чье-либо было обвинять за слова и еще менѣе за мнѣніе. Мнѣнія и слова могутъ быть тогда только преступными, когда объявляются всенародно или публично. Французскіе законы, въ семъ отношеніи столь строгіе, именно дѣлаютъ сіе различіе, и подвергая наказанію за объявленіе извѣстныхъ мнѣній всенародно, освобождаютъ отъ всякой отвѣтственности того, кто изъявлялъ сіи мнѣнія не публично, въ кругу знакомыхъ, въ жилищѣ частномъ. Не всегда мы сами себѣ можемъ отдать отчетъ въ нашихъ мнѣніяхъ. И напримѣръ я самъ не имѣю теперь рѣшительныхъ мнѣній о многихъ предметахъ и даже о такихъ, кои казались мнѣ прежде ясными.

«Размышляя о предметахъ, мы ищемъ истины. Иногда новыя обстоятельства или рождаютъ новыя мнѣнія, или измѣняютъ прежнія. И такъ со всею охотою я не могу дѣлать оправданіе моихъ мнѣній. Но всегда обязанъ и надѣюсь всегда быть въ состояніи оправдать мои поступки. Если бы въ такъ называемыхъ тайныхъ обществахъ было что-либо важное, серіозное, то у меня достало бы духа смѣло выйти впередъ и, изложивъ истину, защищать мои дѣла, оправдывать намѣренія и— обвинять себя предъ существующими законами. Но этого ничего нѣтъ, и мое оправданіе, предъ сими законами, должно быть успѣшно. Я не знаю подробно, что показывали тѣ, кои теперь задержаны по участію въ тайныхъ обществахъ. Догадываюсь только, что они въ показаніяхъ своихъ не позабыли ничего, ибо упоминаютъ о фразахъ, за нѣсколько лѣтъ произнесенныхъ. Признаніе ихъ должно быть полное. Я съ своей стороны могу дать объясненіе въ томъ, что до меня касается, и отчетъ въ томъ, какъ я видѣлъ и разумѣлъ вещи. Пусть тѣ, кои такъ подробно меня обвиняютъ, прочитавъ мое объясненіе, скажутъ: есть ли въ немъ что-нибудь противное истинѣ. Вотъ оно:

«За нѣсколько предъ симъ лѣтъ (думаю въ 1819 или 1820 году) мнѣ принесли уставъ общества «Благополучія» или «Благоденствія». Это была такъ называемая «Зеленая книга». Я пробѣжалъ (въ

точномъ смыслѣ сего слова) эту книжку. Сколько могу теперь вспомнить (ибо съ тѣхъ поръ я никогда этой книги въ рукахъ не имѣлъ), въ семъ уставѣ излагались нѣкоторыя правила относительно учрежденія училищъ, благодѣянія, и т. п. Далѣе помню только, что эту книжку у меня взяли назадъ. По правиламъ сего устава надлежало принадлежать къ одному изъ отдѣленій Общества, по части училищъ или благодѣяній. Но я не избралъ для себя никакой части, и дѣло кончилось для меня прочтеніемъ «Зеленой книги». Въ то же время я слышалъ, что эта книга была показываема многимъ, которые также, какъ и я, не находили въ ней ничего предосудительнаго.

«Между тѣмъ, продолжая жить въ Петербургѣ, я познакомился съ нѣкоторыми людьми, которымъ «Зеленая книга» была извѣстна и которыхъ я почиталъ сочинителями ея; но узналъ послѣ, что они приняли ее отъ другихъ, и что первоначальные образователи сего устава не принимаютъ въ дѣлѣ никакого участія. Вступилъ ли я въ тайное общество прочтеніемъ «Зеленой книги» и изъявленіемъ одобренія намѣреніямъ, въ ней изложеннымъ? На сей вопросъ мнѣ отвѣчать трудно. Я могу только сказать, что было и что помню. Я прочелъ уставъ—и только. Никакихъ требованій дѣлаемо мнѣ не было. Я продолжалъ видѣться иногда съ людьми такимъ же образомъ, какъ и я, принадлежавшими сему обществу. Рѣдко говорили объ обществѣ, и я видѣлъ, что все это не имѣло ничего значительнаго.

«Такъ прошло, я думаю, два или три года. Но въ теченіе сего времени я былъ иногда приглашаемъ на совѣщанія. Въ сихъ совѣщаніяхъ толковали о томъ, какъ бы устроить Общество, ибо на самомъ дѣлѣ Общество не существовало. Каждый говорилъ, что приходило въ голову. Но всѣ сіи разсужденія оставались всегда совершенно безъ всякаго результата. Иногда наскучивъ безсиліемъ придумать что-нибудь такое, отъ чего можно было бы надѣяться какого-либо успѣха, разсужденія превращались въ разговоры объ общихъ предметахъ гражданскихъ и политическихъ. Одинъ хвалилъ такую-то форму правленія, другой восхищался другою, и однажды, я помню (но это было не въ сихъ засѣданіяхъ, а въ моей комнатѣ), что мнѣ доказывали выгоду какого-то ультра-спартанскаго порядка вещей, въ которомъ не должно существовать права поземельной собственности, и что земля должна быть общею собственностію, какъ воздухъ. Мудрено ли, что посреди такихъ теорій и я говорилъ о президентахъ безъ фразъ!! Въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ такихъ совѣщаній, я думаю, было три или четыре. Посѣщать ихъ, я имѣлъ свои особенныя причины, вотъ онѣ:

«Люди, которыхъ я встрѣчалъ тутъ, питали въ душахъ своихъ желаніе добра и пользы общей. Но понятія ихъ о всѣхъ предметахъ, до гражданскаго устройства касающихся, были весьма не совершенны.

Это во многомъ происходило отъ недостатка просвѣщенія. Тѣ же изъ нихъ, кои со способностями ума соединяли свѣдѣнія въ наукахъ, казалось мнѣ, не чувствовали достаточно значительности тѣхъ невыгодъ гражданскаго устройства въ Россіи, которыя, по моему мнѣнію, суть важнѣйшія, и объ отстраненіи коихъ надлежитъ пещись предпочтительно; я разумѣю крѣпостное состояніе крестьянъ. Но между сими людьми были и такіе, кои чистыми внушеніями души постигали то, чего прежде не пріобрѣли ученіемъ или размышленіемъ. Я надѣялся, что нѣкоторыхъ могу уговорить сдѣлать что-нибудь въ пользу ихъ крестьянъ. Я толковалъ имъ объ этомъ и однажды предложилъ поставить въ обязанность каждому отпустить на волю своихъ слугъ, если кто имѣетъ къ тому возможность. Меня слушали, соглашались со мною; но результата никакого не было, но только думаю отъ того, что все это такъ называемое Общество въ сущности было совершенно ничтожно. Сія увѣренность въ ничтожности Общества была впрочемъ всеобщая. Всѣ это видѣли, и весьма часто члены Общества смѣялись и надъ Обществомъ, и сами надъ собою. Наконецъ, по какому-то внутреннему убѣжденію, всѣ были согласны въ томъ, хотя это и не было именно объявлено, но что Общество не существуетъ. Не было болѣе ни совѣщаній, ни разсужденій и, проводя иногда по нѣсколько часовъ вмѣстѣ, не упоминали и однимъ словомъ ни объ Обществѣ, ни о всемъ томъ, что до него могло касаться. Я съ моей стороны совершенно отстранился отъ всего этого, тѣмъ болѣе, что занятія мои требовали всего моего времени, хотя впрочемъ я не могу сказать, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я пожертвовалъ Обществу болѣе пяти вечеровъ.

«Все сіе было въ Петербургѣ. Что было въ другихъ мѣстахъ, я не зналъ, и по тому самому полагаю, что въ другихъ мѣстахъ не было ничего. Но между тѣмъ, нѣкоторые члены Общества, видя, съ одной стороны, что оно не имѣетъ никакой дѣйствительности, съ другой, что большое число людей, коимъ была извѣстна «Зеленая книга», могутъ компрометтировать прочихъ, желали постановить что-либо рѣшительное. Спросили моего мнѣнія. Я объявилъ, что дѣйствительно эти шутки могутъ имѣть для насъ непріятныя послѣдствія въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда мнѣнія о существованіи тайныхъ обществъ во всей Европѣ были распространены повсемѣстно. Мнѣ сказали, что для сего лучше собраться въ Москвѣ, гдѣ удобнѣе могутъ собраться многіе изъ членовъ, въ разныя времена поступившіе въ Общество и разсѣянные по всему государству. Это было для меня удобно, ибо я долженъ былъ и безъ того туда ѣхать.

«Въ Москвѣ, послѣ многихъ разсужденій и споровъ, я убѣдился болѣе, нежели когда-либо, въ совершенной безполезности Общества. Другіе думали такъ же и положили уничтожить Общество формально, т. е. осо-

бымъ объявленіемъ, предоставляя каждому полную волю дѣлать, что угодно, не почитая себя нимало обязаннымъ къ чему-либо относительно Общества. Такимъ образомъ оно умерло, можно сказать, прежде своего рожденія. Единственныя совѣщанія, которыя имѣли результатъ, и этотъ результатъ былъ: уничтоженіе Общества. Я признаюсь, что это едва-ли нужное уничтоженіе Общества (ибо Общество едва-ли существовало) было для меня пріятно. Размышляя вообще о тайныхъ обществахъ хладнокровно, я никогда не находилъ, чтобы они могли быть дѣйствительны, хотя не полагалъ также, чтобы все тайное было дурно и преступно потому только, что тайно.

«Я долженъ также сказать—къ обвиненію или къ оправданію себя, не знаю—что во все продолженіе существованія Общества, я никому не сообщалъ о существованіи его, или, говоря словами, принятыми для обществъ образованныхъ, я никого не вводилъ въ Общество кромѣ одного человѣка, который впрочемъ прежде слыхалъ уже о семъ Обществѣ. Я ему сообщилъ то, что зналъ и что думалъ. Показавъ ему Общество и объявивъ мое о немъ мнѣніе, онъ, кажется, раздѣлялъ это мнѣніе и былъ съ своей стороны всегда увѣренъ въ ничтожности Общества. Съ этимъ человѣкомъ впослѣдствіи я часто видѣлся, даже живалъ вмѣстѣ, но во все время едва-ли однажды мы говорили объ Обществѣ.

«Возвратившись въ Петербургъ по уничтоженіи Общества, я попалъ по службѣ къ такой должности, которая не позволяла мнѣ заниматься ничѣмъ кромѣ процессовъ. Знакомство мое съ бывшими членами Общества не пресѣклось, такъ какъ оно и составилось не по Обществу. Видаясь съ ними, почти никогда не говорили мы ни о чемъ, до бывшаго Общества относящемся. Но вмѣстѣ съ симъ, въ это время, я слышалъ о существованіи нѣсколькихъ обществъ, не говорили впрочемъ, какихъ и изъ кого состоящихъ именно. Зная по опыту, что значатъ эти общества, я не обращалъ на сіи вѣсти никакого вниманія. Иногда нѣкоторые говорили о составленіи новаго Общества. Я отклонялся отъ этого. Однажды настоянія о составленіи новаго Общества были весьма сильны. Они были обращаемы ко мнѣ однимъ изъ лицъ, не бывшихъ въ петербургскомъ обществѣ [1]). Но при сихъ-то самыхъ настояніяхъ я слышалъ изложеніе той теоріи, о которой упомянулъ выше. Могъ ли я, уже по одной сей причинѣ, рѣшиться на составленіе общества на такихъ правилахъ, еслибъ я не имѣлъ другихъ причинъ? Оспаривая теорію, я отклонилъ принятіе сихъ правилъ. При семъ случаѣ я долженъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, ясно доказывающемъ ничтожность

---

[1]) Еслибъ Общество было, еслибъ я принадлежалъ къ нему, могли ли бы имѣть мѣсто такія настоянія? Примѣч. Тургенева.

усилій, къ образованію Обществъ стремившихся. Тотъ, кто дѣлалъ мнѣ предложеніе, получивъ отказъ, отвѣчалъ мнѣ, что такіе отказы весьма вредны для образованія Общества, что если тѣ, на коихъ можно считать для вступленія въ Общество, узнаютъ истину, узнаютъ, что только человѣкъ пять готовы образовать Общество, то все предпріятіе должно рушиться. Эти слова лучше всѣхъ доводовъ и изъясненій показываютъ дѣло и всю тайну Обществъ въ настоящемъ видѣ. Я удержался и при моемъ отказѣ привелъ между другими причинами намѣреніе мое ѣхать за границу лѣчиться. Этотъ же человѣкъ и въ это же время говорилъ мнѣ о соединеніи остатковъ существовавшаго Общества въ Петербургѣ съ подобнымъ Обществомъ (или съ одною изъ отраслей бывшаго Петербургскаго Общества, точно не знаю) во второй арміи. Я никогда не имѣлъ подробнаго понятія о семъ Обществѣ во 2-й арміи, но тутъ ясно увидѣлъ, что и оно не было значительнѣе Петербургскаго. Отказавъ за себя, я не желалъ, чтобы и другіе приняли сіе предложеніе. Я сообщилъ сіе мнѣніе нѣкоторымъ лицамъ, которыя, кажется, не принадлежали прежде къ Петербургскому Обществу, но хлопотали о составленіи или возобновленіи Общества. Было совѣщаніе, на которомъ, сколько могу помнить, всѣ отказались соединиться съ Обществомъ 2-й арміи, находя правило повиновенія, которое было предлагаемо, неудобнымъ. Вскорѣ послѣ сего я оставилъ Петербургъ, почитая себя не принадлежащимъ ни къ какому Обществу. Можно ли обвинять меня въ томъ, что предъ отъѣздомъ въ чужіе края я не вышелъ изъ Общества? Откуда и какъ я могъ выйти? Гдѣ я могъ найти Общество или членовъ, его представлявшихъ? И сія невозможность выйти изъ Общества не есть ли лучшее доказательство, что никакого Общества тогда не существовало. Прежнее было уничтожено въ Москвѣ. Новаго при мнѣ составлено не было. И такъ я имѣлъ полное право почитать себя не принадлежащимъ ни къ какому Обществу, при выѣздѣ изъ Санктпетербурга.

«Въ извѣстіяхъ, напечатанныхъ въ газетахъ, говорятъ, что, по разрушеніи Общества въ Москвѣ, составилось новое изъ нѣкоторыхъ избранныхъ членовъ. Я рѣшительно могу сказать, что новаго Общества составлено не было; даже принимая составленіе сего новаго Общества какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, говорили о соединеніи остатковъ Петербургскаго Общества съ обществомъ 2-й арміи; представляли даже проекты правилъ новаго Общества; говорили также о существованіи многихъ другихъ Обществъ, но Общества, даже подобнаго прежнему, составлено не было. Если кто-либо изъ участвовавшихъ въ сихъ разговорахъ показываетъ теперь, что послѣ одного составлено было другое Общество, то я не знаю, чему сіе приписать: или одушевляющему ихъ сильному желанію составить новое Общество, желанію, которое заставляло ихъ видѣть дѣло въ словахъ, или можетъ быть намѣренію—вовлеченіемъ

другихъ лицъ въ обвиненіе—нѣсколько оправдать самихъ себя. Для меня такое предположеніе тягостно. Но, вспоминая все, что̀ было, все, что̀ я видѣлъ послѣ разрушенія Общества въ Москвѣ, я не могу найти никакого повода къ показанію, что было составлено новое Общество.

«Вотъ изъясненія, касающіяся до дѣла, общаго для всѣхъ обвиняемыхъ въ участіи въ тайныхъ обществахъ. Я изложилъ мѣру участія моего собственнаго. Но дабы сдѣлать объясненіе, относительно меня исключительно, полнымъ, я долженъ присоединить къ сему нѣсколько другихъ обстоятельствъ, и сіе даже съ опасеніемъ повредить самому себѣ болѣе, нежели сколько предѣлы признанія строго требуютъ.

«Одна главная господствующая мысль наполняла и наполняетъ все мое нравственное бытіе. Всѣ прочія мысли, всѣ мои дѣянія, болѣе или менѣе, и невольно направляются къ сей главной мысли. Мнѣ кажется, что для сей мысли я живу, что за нее готовъ и умереть. Эта мысль: уничтоженіе крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Эта мысль, эта страсть, если хотите, заставили меня принимать участіе въ Обществѣ до его разрушенія. Эта мысль приводила меня искать успѣха къ освобожденію крестьянъ въ масонствѣ: было время, когда я думалъ, что полезно учредить новую степень въ масонствѣ съ цѣлію уничтоженія рабства. Эта мысль поселила во мнѣ намѣреніе издавать журналъ и посредствомъ онаго распространять мнѣнія о необходимости освобожденія крестьянъ. Ни масонство, ни журналъ не удались, также какъ не удалось и Общество. Наконецъ эта же мысль представилась мнѣ и при разрушеніи Общества. Я всегда почиталъ долгомъ не пропускать никакого случая даже самаго маловажнаго, дѣйствовать въ пользу освобожденія. Скажу теперь откровенно, но справедливо: я находилъ удачу, хотя и весьма не значительную, только по службѣ, т. е. въ дѣлахъ, которыя могли проходить чрезъ мои руки. Всѣ частныя мои попытки остались безуспѣшными. По уничтоженіи Общества, не смотря на опытъ неуспѣшности, я невольно опять началъ думать, не могу ли сдѣлать чего-либо для своей цѣли. Видя около себя людей, которые продолжали желать тайныхъ обществъ, я предпринялъ изложить нѣсколько правилъ для составленія такого Общества съ главною цѣлію, съ необходимымъ условіемъ освобождать собственныхъ своихъ людей. Я сообщилъ мои правила нѣкоторымъ лицамъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Нельзя было ничего сказать противъ справедливости моихъ предложеній. Всѣ ихъ одобряли, но вмѣстѣ съ симъ я видѣлъ, что и по изъявленіи согласія ни одной отпускной дано не было. Это болѣе и болѣе убѣдило меня въ невозможности сдѣлать что-либо сими средствами въ пользу моей цѣли, и я наконецъ ограничился только дѣйствіями моими по службѣ.

«Изложивъ такимъ образомъ обстоятельства, касающіяся до меня въ совокупности съ другими, равно какъ и тѣ, кои касаются до меня

исключительно, я могу надѣяться, что люди, судящіе хладнокровно, безъ вліянія посторонняго, безъ невыгодныхъ предубѣжденій; люди, знающіе по опыту силу убѣжденій душевныхъ, глубокихъ, не останутся въ нерѣшительности произнести мое оправданіе. Но надежда моя простирается далѣе: я полагаю, что и по законамъ я могу быть оправданъ.

«Меня обвиняютъ: 1) Въ участіи въ тайныхъ обществахъ. 2) Въ изъявленіи какихъ-то беззаконныхъ мнѣній въ совѣщаніяхъ и бесѣдахъ.

«Вотъ мое оправданіе передъ закономъ: не довольно, чтобы Общество было тайно, дабы быть преступнымъ. Надлежитъ, чтобы цѣль и дѣйствія Общества были преступны. Единственный уставъ Общества была такъ называемая «Зеленая книга». Въ ней не было ничего преступнаго. Дѣйствія Общества были ли преступны? Сего никакъ доказать нельзя, ибо Общество не дѣйствовало, и я, какъ членъ сего Общества, не могу привести ни одного поступка, который бы я произвелъ въ дѣйство въ качествѣ члена сего Общества. Къ сему надлежитъ прибавить, что сіе Общество было разрушено самими членами онаго.

«На 2-е: Мнѣнія предъ закономъ не могутъ быть признаваемы преступными, покуда они не гласны. Гласность состоитъ въ объявленіи мнѣній или всенародно въ публичныхъ мѣстахъ, или посредствомъ печати. Я могъ въ разговорахъ съ знакомыми излагать мнѣнія рѣзкія, неосновательныя; но при всемъ томъ то, что я говорилъ—были мнѣнія, не публично разглашаемыя. Самое понятіе слова «мнѣніе» означаетъ, что оно можетъ быть несправедливо, можетъ измѣниться. Впрочемъ, если бы мнѣнія, мною въ то время произносимыя, были постояннымъ послѣдствіемъ моихъ правилъ, которыя не могутъ мѣняться подобно мнѣніямъ,—то я конечно помнилъ бы ихъ. Но я истинно могу сказать, что не помню, какія именно мнѣнія я излагалъ въ разговорахъ съ членами Общества; не вспомнилъ бы и приводимыхъ выше словъ, еслибъ мнѣ теперь ихъ не напомнили. Смыслъ сихъ словъ, если впрочемъ смыслъ въ нихъ есть—такъ далекъ отъ всѣхъ моихъ правилъ, что я почти сомнѣваюсь, что произнесъ ихъ. Но, положа руку на сердце, кто можетъ сказать, что сіи слова и по формѣ, и по смыслу, простирались за предѣлы шутки.

«Далѣе меня могутъ обвинять: 3) Въ участіи въ Обществѣ, составленномъ по разрушеніи перваго. Здѣсь оправданіе предъ законами легче. Гдѣ слѣды того новаго Общества, къ которому, полагаютъ, что я принадлежалъ? Нѣтъ устава, по которому бы можно судить о виновности сего Общества. Если нѣтъ предмета преступленія (corpus delicti, le corps du délit), то нѣтъ и преступника. Это правило есть общее для всѣхъ законовъ.

«Сего для оправданія предъ закономъ достаточно. Если въ изъясненіи моемъ выше я говорилъ, что и по уничтоженіи прежняго Общества

толковали о составленіи новаго, что я самъ дѣлалъ попытки въ семъ намѣреніи; то принявъ и сіе за пунктъ обвинительный, судья, пожалѣвъ, можетъ быть, о заблужденіи, тщетно будетъ искать въ законахъ казни за толкованія, за желанія, за попытки такія.

«Наконецъ, дабы истощить всѣ отрасли обвиненія, могутъ обвинять меня: 4) и въ томъ, что я не донесъ о существованіи Общества. Но тутъ самъ законъ меня оправдываетъ и ограждаетъ, требуя въ доносѣ показаній ясныхъ, достовѣрныхъ, и подвергая казни за показанія недоказательныя. Съ самою сильною ревностію къ доносамъ, что могъ бы я показать на членовъ Общества? Что они написали «Зеленую книгу»? Что они собираются въ годъ два раза или три? Что они разговариваютъ о политическихъ предметахъ, не имѣя по большей части нужныхъ для сего свѣдѣній? Что иногда они собираютъ деньги для помощи бѣднымъ (ибо я не знаю другаго употребленія денегъ, которыя иногда нѣкоторые давали)? Но все сіе было бы не достаточно, и судья могъ бы отвѣчать мнѣ, что вмѣсто доноса, я долженъ бы посовѣтовать членамъ Общества познакомиться посредствомъ ученія и чтенія съ предметами, о коихъ они говорятъ. Вотъ именно что я и дѣлалъ: не доносилъ, а совѣтовалъ въ семъ смыслѣ.

«Впрочемъ я долженъ здѣсь объявить, что многіе изъ членовъ Общества, съ коими мнѣ случалось о семъ говорить, полагали, по многимъ причинамъ, что какъ «Зеленая книга», такъ и все Общество было извѣстно правительству. Я по крайней мѣрѣ не сомнѣвался въ семъ въ послѣднее время, и оказываемыя мнѣ милости покойнымъ императоромъ принималъ тѣмъ съ большею признательностію. То, что покойный императоръ поручилъ мнѣ сказать при отпускѣ меня за границу, подтвердило меня въ семъ мнѣніи. Я обѣщалъ исполнить то, что мнѣ с о в ѣ т о в а л и (ибо государь, по безпредѣльной добротѣ души, приказалъ мнѣ сказать, что онъ мнѣ даетъ с о в ѣ т ъ, какъ христіанинъ, а не приказаніе), и прося ту особу, которая мнѣ сообщила эти священныя, незабвенныя для меня слова, изъявить предъ императоромъ мою живѣйшую душевную признательность, я полагалъ, что эпоха всѣхъ моихъ, такъ называемыхъ, либеральностей миновалась безвозвратно. Въ семъ увѣреніи я пребывалъ съ тѣхъ поръ по нынѣ. И сіе обстоятельство дѣлаетъ для меня чрезмѣрно горестнымъ необходимость оправдываться нынѣ не только въ участіи въ этомъ несчастномъ Обществѣ, но, можетъ быть, и въ предполагаемомъ заговорѣ—противъ кого?—Великій Боже! сотворилъ ли Ты меня такимъ чудовищемъ!

«Газеты нѣсколько разъ повторяли, что, кромѣ тайныхъ обществъ, былъ еще заговоръ... противъ жизни покойнаго императора. Я истинно не знаю, долженъ ли я отклонять отъ себя подозрѣніе такого рода! Въ такомъ обвиненіи конечно не я долженъ оправдываться. Не распро-

страняясь о чувствахъ, которыя питалъ я къ покойному государю, скажу только, что, по моему убѣжденію, онъ болѣе всѣхъ земнородныхъ сдѣлалъ въ пользу той вещи, которую я почитаю важнѣйшею и священнѣйшею,—въ пользу освобожденія крестьянъ. Скажу еще въ отношеніи къ другимъ членамъ Общества, что во всѣхъ совѣщаніяхъ никогда не было сказано ни полслова, которое могло бы позволить заключеніе о намѣреніяхъ столь глупо жестокихъ. Это я очень помню, ибо никогда не забылъ бы такихъ словъ, которыя могли бы имѣть въ смыслѣ своемъ что-либо похожее на такое обвиненіе.

«Все, что я изложилъ доселѣ, кажется мнѣ достаточнымъ для моего оправданія и предъ законами и предъ людьми, которые будутъ судить о моихъ поступкахъ такъ, какъ надлежитъ судить о дѣяніяхъ человѣческихъ вообще, сообразно словамъ, произнесеннымъ Екатериною II: «justice n'est pas justice, justice est équité». Повторю еще истинное, всегдашнее мое убѣжденіе: я никогда не почиталъ Общества серіознымъ, никогда не воображалъ, что могу быть подверженъ отвѣтственности по участію въ такомъ Обществѣ. Намѣренія мои были всегда чисты, дѣянія мои никогда не были преступны. Мои разговоры могли быть и конечно были неосновательны. Вотъ все, что противъ меня сказать можно.

«Если бы все относящееся къ тайнымъ обществамъ кончилось въ то время, о которомъ говорю; если бы всѣ лица, принадлежавшія къ тайнымъ обществамъ, находились въ такомъ же положеніи, въ какомъ находился я въ послѣдніе два года, т. е. былъ совершенно чуждъ всему, что происходило въ Россіи, то конечно никто не сталъ бы обвинять ихъ ни въ какихъ преступныхъ замыслахъ. Но было возмущеніе! Нѣкоторыя изъ лицъ, принадлежавшихъ къ Обществу, участвовали въ семъ возмущеніи. И теперь сіе возмущеніе на основаніи сдѣланныхъ показаній, приписывается Обществу! Въ семъ Обществѣ участвовалъ и я, слѣдовательно, и я обязанъ дать отчетъ въ возмущеніи.

«Я могъ дать отчетъ въ моемъ участіи въ Обществѣ, потому что я зналъ это Общество. Но не могу дать совершенно никакого отчета въ возмущеніи, ибо первое понятіе о немъ я получилъ съ первымъ извѣстіемъ, въ газетахъ напечатаннымъ. При семъ первомъ извѣстіи я никакъ не могъ заключить, чтобы возмущеніе произошло отъ бывшаго Общества, ибо почти никто изъ тѣхъ, коихъ означили участниками возмущенія, не принадлежалъ къ Обществу,—по крайней мѣрѣ тогда, когда я зналъ Общество. Нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ возмущеніи конечно принадлежали къ Обществу. Но неужели я могу отвѣчать за послѣдующіе поступки тѣхъ лицъ, кои нѣкогда вмѣстѣ со мною принадлежали къ Обществу? Я вижу, напротивъ того, что тѣ, съ коими, будучи вмѣстѣ въ Обществѣ, я всѣхъ болѣе былъ связанъ сходствомъ и мнѣній

и чувствованій, будучи на самомъ мѣстѣ возмущенія, ни мало въ немъ не участвовали, и, какъ я слышу, совершенно теперь оправданы. Какъ же могу отвѣтствовать въ возмущеніи я, оставившій Россію почти за два года прежде возмущенія? Въ продолженіе моего отсутствія я не имѣлъ совершенно никакихъ сообщеній съ Россіею, кромѣ писемъ отъ братьевъ, пока они тамъ были. Въ продолженіе всего этого времени я былъ совершенно чуждъ не только тому, что̀ могли дѣлать или замышлять лица, участвовавшія со мною въ Обществѣ, но чуждъ даже всему, что̀ дѣлалось вообще въ Россіи. Я оставилъ Россію для поправленія моего здоровья. Оно было въ такомъ состояніи, что я не могъ не только ничѣмъ заниматься, но даже ни о чемъ думать, кромѣ только средствъ избавиться отъ сильно вкоренившейся болѣзни. Всѣ тѣ, кои видали меня въ чужихъ краяхъ, могутъ засвидѣтельствовать, что я кромѣ своей болѣзни ни о чемъ не думалъ и не говорилъ. Первое извѣстіе о возмущеніи поразило меня такъ же, какъ и всѣхъ прочихъ русскихъ, которыхъ я тогда видѣлъ въ чужихъ краяхъ; и при семъ извѣстіи мнѣ никакъ не могло придти въ голову, что я впослѣдствіи буду принужденъ оправдываться въ такомъ дѣлѣ! Узнавая болѣе и болѣе подробностей о возмущеніи, я также ни мало не подозрѣвалъ, что замыслъ возмущенія былъ составленъ въ то время, когда и самое возмущеніе было предпринято. Я не буду оправдывать себя тѣмъ, что возмущенія не могутъ быть приписываемы мнѣ тѣми, которые меня знаютъ; ибо къ несчастію вижу, что въ семъ возмущеніи участвовали такія лица, которыхъ я и самъ никогда не могъ почитать способными къ такимъ дѣламъ. Но вмѣстѣ я долженъ сказать, что между участвовавшими въ возмущеніи я нахожу такихъ людей, съ которыми (судя по ихъ репутаціи, ибо лично я ихъ не зналъ) я никогда не могъ бы имѣть ничего общаго, ни въ чемъ быть съ ними вмѣстѣ.

«Обвиняемыхъ, какъ я вижу по газетамъ, раздѣляютъ на два класса: тѣ, кои участвовали въ возмущеніи, и тѣ, кои, не участвовавъ въ ономъ, принадлежали къ Обществу.

«Тѣ изъ первыхъ, кои, участвовавъ въ возмущеніи, принадлежали къ Обществу, въ допросахъ должны были показать причину своего преступленія. Я полагаю, что единственная причина ихъ дѣяній была ихъ воля. Но сія причина слишкомъ отвлеченною могла быть для нихъ. Гораздо проще было указать на Общество и существованію сего Общества приписать причину возмущенія, тѣмъ болѣе, что, принадлежавъ къ Обществу, они могли въ разговорахъ своихъ одобрять происшествія сего рода, бывшія въ Гишпаніи и Италіи. Но если бы ихъ спросили: возлагало ли Общество обязанность бунтовать и рѣзать? Кто изъ нихъ могъ бы отвѣчать утвердительно на сей вопросъ? Если же Общество, или уставъ сего Общества, такой обязанности на нихъ не возлагали,

то очевидно, что единственною причиною, единственнымъ источникомъ ихъ дѣяній была собственная ихъ воля. Новымъ доказательствомъ служитъ и то, что тѣ, кои наиболѣе участвовали въ возмущеніи, къ Обществу не принадлежали, и собственная, индивидуальная воля была и для нихъ единственною побудительною причиною.

«Что касается до тѣхъ, кои, принадлежавъ къ Обществу, не участвовали въ возмущеніи, то они въ показаніяхъ своихъ конечно не могли отрицать, что принадлежали Обществу, они могли также сознаться, что въ совѣщаніяхъ и разговорахъ они произносили слова неосторожныя, неосновательныя. Но отъ мнѣній и рѣчей до дѣяній разстояніе безпредѣльно. И отъ самыхъ сихъ мнѣній или рѣчей они добровольно отказались тѣмъ самымъ, что, бывъ на самомъ мѣстѣ возмущенія, они въ немъ не участвовали. Такое отреченіе отъ прежнихъ мнѣній должно служить для нихъ лучшимъ оправданіемъ, доказывая, что если грѣшилъ языкъ, то сердце оставалось всегда невиннымъ. Я не знаю, что они показывали, въ чемъ признавались; но, судя по подробностямъ, напечатаннымъ въ газетахъ, судя по тому, что они не забыли даже фразы, которую я произнесъ за нѣсколько лѣтъ, которую я самъ давно позабылъ и теперь едва могу вспомнить, мнѣ кажется, что они высказали совершенно все съ особенною подробностію. Сіе не позволяетъ сомнѣваться ни въ полнотѣ, ни въ искренности ихъ признанія. Послѣ сего я смѣлъ бы желать, чтобы имъ сдѣлали слѣдующій вопросъ: почитали ли они когда-либо Общество вещію серіозною? Имѣли ли они когда-либо ясное понятіе о цѣли Общества, о средствахъ, кои долженствовали вести къ сей цѣли? Я увѣренъ, что на сіе они отвѣчали бы отрицательно. О семъ спросить ихъ нужно, какъ для пользы ихъ собственной, такъ и для убѣжденія правительства, которое не только желаетъ отличить невинныхъ отъ виновныхъ, но конечно не захочетъ лишить себя средствъ удостовѣриться и удостовѣрить свѣтъ, что тайныя общества въ Россіи не имѣли той значительности, которую предполагаютъ по теперешнимъ о нихъ извѣстіямъ. Скажу болѣе: конечно, правительство не захочетъ отвергнуть средствъ объявить, что обвиняемые сего класса лица не столь виновны, какъ, можетъ быть, показываютъ собственныя ихъ признанія.

«Вотъ все, что я могу сказать о возмущеніи. Въ продолженіе всего моего изъясненія, я не называю лицъ по именамъ. Кромѣ того, что я полагаю это безполезнымъ, ибо всѣ лица сіи уже извѣстны, я опасаюсь, исчисляя имена, ошибиться и вмѣсто одного назвать другого. Относительно числа лицъ я могу только сказать, что, принадлежавъ къ Обществу, я видался, можетъ быть въ разныя времена, съ 10 или 15 человѣками, но слыхалъ, что къ Обществу со времени его учрежденія принадлежало около 100 человѣкъ.

«Здѣсь повторю еще, что всѣ мои объясненія, относительно времени, простираются не далѣе начала 1824 года, когда я выѣхалъ изъ Россіи. Было ли составлено вновь какое-либо Общество, не знаю; былъ ли заговоръ, о которомъ пишутъ, не только не знаю, но и вѣрить теперь сему не могу;—хотя послѣ бывшихъ происшествій всему вѣрить позволительно. Я долженъ сказать также, что говорю только о томъ, что̀ могу теперь вспомнить. Въ послѣднее время я совершенно не думалъ ни о какихъ обществахъ; существованіе того, къ которому принадлежалъ, изгладилось было изъ моей памяти и возобновилось только при видѣ извѣстій о семъ Обществѣ.

«Въ заключеніе моего объясненія да позволено мнѣ будетъ упомянуть объ одномъ обыкновеніи англійскаго уголовнаго судопроизводства. По изслѣдованіи дѣла, по обнаруженіи вины подсудимаго, судья въ изложеніи существа дѣла присяжнымъ всегда представляетъ имъ прежнюю жизнь подсудимаго, его качества, его поведеніе. Я желалъ бы, чтобы взглянули и на мои занятія, и, положивъ на вѣсы съ одной стороны мое участіе въ Обществѣ, которое я выше описалъ, и мои дѣла, съ другой, рѣшили: могу ли я быть виновенъ въ какомъ-либо содѣйствіи въ происшествіяхъ, покрывшихъ печалію мое отечество?

«Наконецъ я долженъ сдѣлать еще одно признаніе, которое для меня весьма трудно, и именно: мучительна для меня необходимость оправдываться въ дѣлѣ... ребяческомъ, и мучительна потому болѣе, что я и прежде таковымъ почиталъ Общество и всѣ его затѣи. Давно переставъ думать объ Обществѣ, мнѣ казалось, что я простилъ самъ себѣ,—не скажу мои заблужденія, ибо—по истинѣ—я едва даже и заблуждался; но вѣтренность, съ какою я все слушалъ, все говорилъ,—и сказалъ бы, все дѣлалъ, если бы я что-нибудь дѣлалъ. Теперь будучи въ жестокой необходимости оправдываться въ такомъ ребяческомъ дѣлѣ,—я терплю болѣе, нежели заслужилъ».

Записка эта не удовлетворила слушателей.

— Cette justification est trop à l'eau de rose [1]),—сказалъ князь Голицынъ по окончаніи чтенія.

«Князь Голицынъ, прибавляетъ князь Вяземскій [2]), былъ человѣкъ отмѣнно благоволительный, онъ вообще любилъ и поддерживалъ подчиненныхъ своихъ. Александра Тургенева онъ уважалъ и отличалъ особенно. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обрадовался бы первой возможности придраться къ случаю быть защитникомъ любимаго брата, любимаго имъ Александра Тургенева; однако же записка не убѣдила его» [3]).

---

[1]) Въ этомъ оправданіи слишкомъ много розовой воды.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1876 г. Т. I, стр. 356.

[3]) Не имѣя въ своихъ рукахъ показаніе участниковъ тайнаго общества и не зная подробностей, въ чемъ обвиняютъ его, Н. И. Тургеневъ, не могъ

Возвращая записку, князь Голицынъ, конечно, высказалъ свое мнѣніе о ней Александру Тургеневу, но послѣдній, продолжая хлопотать о братѣ, вновь обратился къ государю и писалъ ему [1]):

«Всемилостивѣйшій государь! Прилагаемое у сего письмо получилъ я сегодня. Любовь къ брату и ужасъ о судьбѣ его объемлютъ всю мою душу. Я увѣренъ, я убѣжденъ въ томъ, что онъ не причастенъ въ злодѣйскихъ замыслахъ.

«Уже теперь, однимъ подозрѣніемъ, наказанъ онъ сверхъ мѣры за то, что участвовалъ въ совѣщаніяхъ Общества, еще не образованнаго, коего проектъ устава ему извѣстный не содержалъ ничего преступнаго. Душа, правила моего брата чужды злодѣйствамъ.

«Его обвиняютъ въ словахъ, въ мнѣніяхъ, но кто обвинитель? кто показываетъ о томъ, что онъ думалъ, говорилъ? Оправданіе его въ рукахъ вашего императорскаго величества. Умоляю васъ—прочесть его и приказать судить безъ предубѣжденія.

«Милосердіе, нѣтъ, самая справедливость сего требуетъ. И здѣсь, въ присутствіи судей, не сказалъ бы онъ ничего болѣе того, что написалъ.

«Болѣзнь его, жестокая и неизлѣчимая, не есть пустое извиненіе; но истинна, и слѣдовательно законная причина для отсутствія. Оно не должно пасть ему въ новое обвиненіе. Слова, ему приписываемыя, коихъ онъ и не помнитъ, не имѣли, не могли имѣть того ужаснаго, преступнаго значенія, которое придаютъ имъ. Сказанное въ разговорѣ, котораго такъ же, какъ и словъ, онъ и припомнить не можетъ, можетъ ли составить обвиненіе, какъ злодѣяніе, какъ измѣна! Боже мой! Онъ-ли, пылавшій и пылающій любовію къ государю, жизнь посвятившій службѣ его, можетъ быть въ семъ обвиняемъ! Государь! Прочтите письмо его, прочтите чистосердечную его исповѣдь къ брату. Такъ ли чувствуетъ, такъ ли говоритъ преступникъ? Простите мнѣ сіи строки. Положеніе мое теперь ужасно. Богъ отнимаетъ у меня не только брата, но и тѣхъ, кои знали его, его службу, его душу. Никакая казнь сравниться не можетъ съ тѣмъ, что чувствую въ сіи минуты! Богъ видитъ наше сердце. Онъ судитъ не по словамъ; слова и мнѣнія — не дѣло, не преступленіе, не измѣна. Слезами омываю руки ваши».

Письмо это осталось, однако же, безъ послѣдствій. Николай Ивановичъ Тургеневъ былъ осужденъ, приговоръ вошелъ въ свою силу, и онъ поселился въ Англіи. Тяжела была для него жизнь на чужбинѣ. Убѣжденный въ невиновности своего друга и желая придти къ нему

составить основательнаго оправданія. Впослѣдствіи онъ написалъ то, которое было напечатано въ „Русской Старинѣ“.

[1]) Въ письмѣ отъ 23-го мая 1826 года. Письмо это получено нами отъ П. Н. Тургенева.

на помощь, В. А. Жуковскій упорно ходатайствовалъ за Н. И. Тургенева и старался оправдать его въ глазахъ государя.

Императоръ Николай выслушивалъ Жуковскаго, не препятствовалъ ему быть въ сношеніяхъ съ братьями Тургеневыми, не особенно негодовалъ на Николая [1]), но не считалъ возможнымъ измѣнить приговоръ верховнаго суда. Такъ прошло три года; въ апрѣлѣ 1829 г. Н. И. Тургеневъ прислалъ Жуковскому письмо для представленія его императору.

«Всемилостивѣйшій государь,—писалъ Николай Ивановичъ Тургеневъ. Уже скоро годъ (?) какъ я ношу на себѣ имя измѣнника противъ отечества и государя. Я самъ навлекъ на себя это несчастіе; своею неявкою лишилъ я себя средствъ доказать свою невинность. Не оправдываю себя въ сей настоящей винѣ моей. Но, государь, за сію единственную вину, за которую въ нашихъ законахъ не положено и наказанія, мнѣ назначена казнь выше казни уличенныхъ измѣнниковъ. Носивъ въ продолженіе года въ молчаніи и съ покорностію къ Промыслу на себѣ бремя сего осужденія, смѣю теперь думать, что я заслужилъ право говорить о самомъ себѣ передъ верховнымъ судилищемъ,—передъ государемъ. Смѣю теперь думать, что я получилъ право просить прощенія въ томъ, въ чемъ не могу совершенно оправдать себя; т. е. въ моей неявкѣ, и снять съ себя ту вину, которой не былъ причастенъ. Сія вина, вовсе мнѣ чуждая, не тяготитъ моей совѣсти, хотя осужденіемъ меня въ оной я и лишенъ на всегда и безвозвратно лучшаго изъ благъ земныхъ: возможности быть на что-либо годнымъ землѣ своей и самаго необходимаго благополучія: жить въ землѣ сей. Чувство чистой совѣсти и обязанности мои, какъ человѣка и христіанина ,требуютъ, чтобы я съ твердостію переносилъ несчастія незаслуженныя. Съ помощію Бога Всевышняго и Всевидящаго, я надѣюсь переносить ихъ терпѣливо. Но моя неявка, сія дѣйствительная вина моя—сильно бременитъ меня, и не смотря на безнадежность моего положенія, я не могу не искать облегченія отъ сего бремени въ великодушіи вашего императорскаго величества. Предъ вашимъ императорскимъ величествомъ я виновенъ. Къ вамъ, всемилостивѣйшій государь, и обращаюсь. Снятіе съ меня сего бремени, единственно моею виною причиненнаго, сдѣлаетъ меня совершенно невиннымъ и позволитъ мнѣ жить и умереть, какъ

---

[1]) Князь Вяземскій записалъ, что въ то время разсказывали слѣдующее: вскорѣ по учрежденіи слѣдственной коммиссіи по дѣламъ политическихъ обществъ, Жуковскій спрашивалъ государя: нужно ли Николаю Тургеневу возвратиться въ Россію? Государь отвѣчалъ: „Если спрашиваешь меня, какъ императора, скажу: нужно; если спрашиваешь какъ частнаго человѣка, то скажу: лучше ему не возвращаться“ („Рус. Арх.“ 1876 г, Т. I, стр. 254).

жилъ дотолѣ: съ чувствомъ не нарушенныхъ обязанностей ни въ какомъ отношеніи. Что побудило меня не явиться? Скажу откровенно: я былъ въ отдаленіи, не совсѣмъ оправившись отъ продолжительной болѣзни. Характеръ вашего императорскаго величества былъ мнѣ тогда не извѣстенъ. Я зналъ, что противъ меня было сильное предубѣжденіе, основанное на образѣ мыслей моихъ, которыя я никогда не скрывалъ и обнаруживалъ, можетъ быть, съ излишнею рѣзкостію, не щадя ничьяго самолюбія, и тѣмъ самымъ подалъ поводъ къ заключеніямъ на счетъ моихъ правилъ, неблагопріятнымъ даже враждебнымъ, но вообще не справедливымъ; ибо, думая объ одномъ только освобожденіи отъ рабства крестьянъ, занятый исключительно сею мыслію, мыслію любимою и покойнаго государя—я всегда былъ и мнѣніями и поступками врагомъ безпорядка и буйствъ. Но предубѣжденіе сіе существовало, и я не могъ думать, что меня будутъ судить безпристрастно, тѣмъ болѣе, что и самое правительство, прежде нежели судъ рѣшилъ, злодѣй ли я или нѣтъ, уже нѣкоторымъ образомъ признало меня преступникомъ, ибо мнѣ сказано было, именемъ вашего императорскаго величества, что я буду немедленно объявленъ (signalé) государственнымъ измѣнникомъ, если не явлюсь къ отвѣту. Все сіе могло рѣшить меня на поступокъ неизвинительный, котораго не хочу оправдывать. Но, повторяю, не страхъ за преступленіе, коему я не былъ причастенъ, но опасеніе, что меня обвинятъ по одному предубѣжденію, рѣшило меня не явиться.

«Предъ тѣмъ я послалъ письменное объясненіе: оно не могло быть ни подробно, ни удовлетворительно; ибо я не зналъ всей обширности и важности того ужаснаго дѣла, въ которомъ я оказался замѣшаннымъ, и не могъ отразить тѣхъ обвиненій, коихъ не могъ ни угадывать, ни почиталъ возможными. Мое объясненіе не было принято въ уваженіе, и я, въ отсутствіи, безъ собственнаго признанія и безъ всякихъ убѣдительныхъ причинъ, осужденъ какъ участникъ въ заговорѣ противъ отечества и жизни государя. Довѣренность къ вашей строгой справедливости, обязанность противъ моего отечества, которому служилъ съ пламенною любовію и съ безкорыстіемъ, обязанность противъ самого себя и особенно благодарность къ тому, который, зная образъ моихъ мыслей, отдавалъ мнѣ справедливость и противъ жизни котораго признанъ я неистовымъ заговорщикомъ,—побудили меня обратить безпристрастный взоръ на прошедшую жизнь мою. Покойному государю извѣстно было, что я въ разное время говорилъ, извѣстно было, къ какому обществу я принадлежалъ. Но онъ все простилъ мнѣ—и мои рѣзкія слова и мои рѣзкія мнѣнія, и принадлежность къ тайному обществу (впрочемъ, не преступному). Онъ не только продолжалъ употреблять меня по дѣламъ службы; но принялъ съ благоволеніемъ проектъ мой «О рабствѣ», велѣлъ благодарить меня за оный, отпустилъ меня за границу, осыпавъ

благодѣяніями, велѣлъ мнѣ сказать только, чтобы я оставилъ мои либеральности. Я принялъ совѣтъ, какъ повелѣніе, и исполнилъ оное свято, и почиталъ себя чуждымъ всего, кромѣ благодарности къ тому, кто покрылъ забвеніемъ прошедшее и съ нимъ мои заблужденія. И въ чужихъ краяхъ получилъ я предложеніе по волѣ покойнаго государя принять новое мѣсто; слышалъ, что и не за долго до кончины его, меня поразившей, онъ не перемѣнилъ обо мнѣ мнѣніе.

«Приношу, государь, къ вашему трону мою исповѣдь: въ ней все сказано. Если бы съ нею въ рукахъ явился я предъ судомъ, то она опровергнула бы неосновательныя показанія моихъ обвинителей и спасла бы отъ осужденія. Судьи мои, тѣ, кои могли поставить меня на-ряду съ измѣнниками и убійцами, не примутъ ее. Но вы, государь, судья моихъ судей, обратите на нее взглядъ внимательный! Именемъ вашимъ погублена моя честь предъ лицемъ моего отечества. Вы бы спасли ее, когда бы мой голосъ дошелъ до васъ прежде приговора! Но и послѣ приговора этотъ голосъ будетъ до васъ доступенъ. Екатерина сказала: лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго. Я невиненъ—а вы на престолѣ Екатерины».

Письмо это было представлено императору, при чемъ самъ В. А. Жуковскій писалъ ему [1]):

«Всемилостивѣйшій государь, на колѣняхъ прошу ваше императорское величество оказать мнѣ монаршую милость. Увѣренъ, что не прогнѣваю васъ сею просьбою, которой не могу не принесть вамъ, ибо не буду имѣть покоя душевнаго, пока не исполню того, что почитаю свяссвященнѣйшею должностью. Государь, снова прошу о Николаѣ Тургеневѣ, но уже не о его оправданіи—если чтеніе бумаги его [2]) не произвело надъ вашимъ величествомъ убѣжденія въ пользу его невинности, то уже онъ ничѣмъ оправданъ быть не можетъ. Прошу ваше величество объ одномъ милосердіи, которое достойно вашего сердца и которое въ семъ случаѣ не можетъ быть несправедливостью. Государь, приговоръ, произнесенный надъ Николаемъ Тургеневымъ, былъ убійственен не для одного его, но и для его братьевъ. Младшій [3]), находившійся по болѣзни въ Италіи, былъ вызванъ къ суду: онъ немедленно покорился вызову и поѣхалъ въ Россію. Въ Дрезденѣ получилъ онъ позволеніе остановиться за границею, ибо на него не было никакихъ показаній (и не могло быть, ибо онъ совершенно ничему непричастенъ). Но

---

[1]) Начало и заключеніе этого письма, впрочемъ не дословно, напечатаны въ статьѣ кн. П. А. Вяземскаго „Жуковскій, какъ адвокатъ Н. Тургенева передъ императоромъ Николаемъ“ см. „Русскій Арх.“ 1876 г. Т. I, стр. 255 и 256.

[2]) Оправдательной записки.

[3]) Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ.

вызовъ и, наконецъ, приговоръ брата разстроили его такъ сильно, что онъ потерялъ разсудокъ: онъ умеръ въ Парижѣ на рукахъ у меня и у старшаго брата. Государь, сіе несчастное сумасшествіе, сія преждевременная смерть суть слѣдствія вызова, сдѣланнаго по подозрѣнію, оказавшемуся несправедливымъ: они даютъ мертвому право на милосердіе ваше къ живому осужденному. Онъ боленъ, жизнь въ климатѣ Англіи умертвитъ его; онъ могъ бы быть спасенъ въ южномъ климатѣ Европы. Прошу не о позволеніи ему жить, гдѣ пожелаетъ—на такое позволеніе онъ права имѣть не можетъ; прошу только о доставленіи ему возможности оставить Англію, не опасаясь никакого преслѣдованія. По волѣ вашей сего преслѣдованія быть не можетъ, но наши иностранныя миссіи обязаны не позволять ему жить свободно въ мѣстахъ, отъ вліянія ихъ зависящихъ.

«Государь, дерзаю въ семъ случаѣ просить васъ быть личнымъ моимъ благотворителемъ: я страшусь за бѣднаго его брата, съ которымъ друженъ съ дѣтства и который теперь неразрывно соединилъ судьбу свою съ бѣдственною судьбою осужденнаго. Дайте мнѣ счастіе спасти его вашею милостію. Если бы могло быть сообщено подъ рукою повелѣніе, хотя англійскому посольству (а оно уже могло бы сообщить его и другимъ отъ себя), чтобы Николаю Тургеневу не препятствовать жить, гдѣ онъ пожелаетъ за границею, то милость ваша была бы неизреченна. Примите въ залогъ мое честное слово, что онъ нигдѣ ни словомъ, ни дѣломъ не навлечетъ на себя никакого нареканія отъ правительства. Государь, не откажите въ сей милости. Съ восхитительнымъ чувствомъ благодарности къ вамъ она прольетъ и ясность и спокойствіе на всю мою жизнь, столь совершенно вамъ преданную.

«Вашего императорскаго величества вѣрноподданный В. Жуковскій» [1]).

Не ограничиваясь этимъ письмомъ и желая ознакомить Бенкендорфа, въ рукахъ котораго находились теперь всѣ дѣла осужденныхъ декабристовъ, со всѣми подробностями о прошломъ и настоящемъ положеніи Николая Тургенева, В. Жуковскій отправилъ ему въ копіи почти всю переписку по этому дѣлу [2]). За отсутствіемъ изъ Петербурга Бенкендорфа, онъ писалъ правителю канцеляріи шефа жандармовъ Максиму Яковлевичу Фонъ-Фоку [3]):

«Имѣю честь препроводить къ вашему превосходительству тѣ бу-

---

[1]) Сообщено И. А. Бычковымъ, изъ бумагъ его покойнаго отца, академика А. Ѳ. Бычкова.

[2]) Оправдательную записку Н. Тургенева, напечатанную нами выше; письмо Н. Тургенева; выписки изъ его писемъ къ братьямъ (Письма эти полностью были напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1901 г. № 5) и свое письмо къ государю.

[3]) Отъ 30-го іюня 1829 года. Арх. П. Н. Тургенева.

маги, о коихъ я имѣлъ честь говорить съ вами лично. Не прошу васъ ни о чемъ—ввѣряю ихъ вашему благородному сердцу и вашему здравому уму. Прочтите ихъ безъ предубѣжденія и выведите изъ нихъ то заключеніе, которое внушитъ вамъ строгая справедливость и всегда согласное съ нею человѣколюбіе.

«Результатъ, коего на первый случай желаю и коего, по всей справедливости, ожидать можно и должно, есть слѣдующій: исходатайствовать, чтобы государь императоръ благоволилъ сдѣлать милость подъ рукою приказать дать миссіямъ нашимъ не препятствовать свободному пребыванію Николая Тургенева за-границею, тамъ, куда приведетъ его разстроенное здоровье. Если это удастся, то оказана будетъ милость, не противная самой строгой справедливости. Не прошу васъ быть ревностнымъ ходатаемъ за двухъ несчастныхъ [1]), скажу только, что если вы поможете, съ своей стороны, удачѣ сего дѣла, то можете радоваться мыслію, что спасли жизнь двумъ достойнымъ людямъ. И тотъ и другой вамъ извѣстны.

«Я увѣренъ, что вы обратите на нихъ (на бумаги) заботливое вниманіе. Прошу еще объ одномъ: напомните генералу Бенкендорфу (по возвращеніи его) о семъ дѣлѣ; онъ расположенъ благопріятно. Нужно только воспользоваться симъ расположеніемъ и не дать дѣлу заглохнуть».

Повидимому, опасенія Жуковскаго оправдались, и до декабря мѣсяца не было получено никакого рѣшенія. Тогда Александръ Тургеневъ, жившій въ то время въ Парижѣ, рѣшился обратиться самъ съ просьбою къ императору и сообщилъ о томъ Жуковскому.

«Всемилостивѣйшій государь,—писалъ А. И. Тургеневъ [2]),—вашему императорскому величеству благоугодно было принять въ Берлинѣ милостиво письмо мое, въ коемъ умолялъ я васъ, всемилостивѣйшій государь, о безопасности для моего несчастнаго брата жить на континентѣ. Съ преданностію волѣ Божіей и съ вѣрою въ ваше сердце ожидалъ я разрѣшенія судьбы моей, страдая въ терпѣніи. Я не смѣлъ приступить снова къ престолу вашему, особливо въ дни испытанія, когда вмѣстѣ съ Россіею и почти со всею Европою, дрожалъ и молился [3]). Провидѣніе васъ сохранило: сердце подданныхъ успокоилось.

«Нынѣ снова я рѣшился прибѣгнуть къ милосердію вашему, храня въ благородной душѣ высочайшее соизволеніе, вами въ Берлинѣ изъявленное. Я бы не дерзнулъ прибѣгнуть къ вамъ, всемилостивѣйшій государь, но усиливающаяся болѣзнь и опасеніе за жизнь и послѣдняго брата преодолѣваютъ силы души, изнемогшей въ бѣдствіяхъ и въ оди-

---

[1]) Александра и Николая Тургеневыхъ.

[2]) Въ письмѣ изъ Парижа отъ „ “ декабря 1829 (января 1830 г.); числа не проставлены.

[3]) По случаю пребыванія императора Николая въ Турціи въ 1829 году.

ночествѣ. Я умоляю не о немъ, а о себѣ и для себя. Онъ не хочетъ, чтобы я раздѣлялъ съ нимъ жизнь въ Англіи; а здѣсь живу я съ мыслію, что для облегченія неизлѣчимой болѣзни ему нуженъ южный климатъ и цѣлительныя воды. Умоляю васъ, всемилостивѣйшій государь, о возможности исполнить мою обязанность, умоляю объ одномъ себѣ. Ввѣряю себя вашему сердцу неограниченно и буду сносить жизнь не безъ упованія».

Зная, что письмо это не минуетъ рукъ шефа жандармовъ, и, желая подкрѣпить просьбу Тургенева своею, Жуковскій отправился къ нему. При входѣ въ кабинетъ Бенкендорфъ встрѣтилъ его словами:

— Знаю, зачѣмъ вы пришли; но долженъ сказать вамъ нерадостный отвѣтъ. Государь рѣшительно отказалъ. Ему даже было непріятно, что Тургеневъ говоритъ въ письмѣ своемъ объ обѣщаніи, котораго ему никогда дано не было.

Жуковскій напомнилъ Бенкендорфу, что если государь не обѣщалъ въ Берлинѣ ничего рѣшительнаго, то, по его же словамъ, изъявилъ согласіе обратить вниманіе на просьбу Александра Тургенева, спросить Нессельроде и даже пересмотрѣть дѣло Николая Тургенева. Бенкендорфъ не рѣшился доложить объ этомъ государю и отвѣчалъ Александру Тургеневу, что императоръ не можетъ ничего сдѣлать для удовлетворенія его просьбы, такъ какъ братъ его «отрекся отъ своего царя, не предавшись въ свое время великодушію его; что государь уже не считаетъ его своимъ подданнымъ» [1])...

Къ этому Жуковскій прибавлялъ Тургеневу [2]): «Въ Берлинѣ государь былъ склоненъ обратить вниманіе на твою просьбу потому, что тогда Бенкендорфъ представилъ твое положеніе, какъ оно есть. Теперь, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ представилъ письмо твое, вѣроятно безъ всякаго объясненія, и оно могло показаться государю новымъ требованіемъ. Онъ отказалъ, а Бенкендорфъ не объяснилъ ничего снова».

Такое объясненіе Жуковскій рѣшился сдѣлать самъ и писалъ императору [3]):

«Всемилостивѣйшій государь! Смѣю быть увѣренъ, что не навлеку на себя гнѣва вашего императорскаго величества моимъ поступкомъ. Исполняю обязанность, налагаемую на меня дружбою, и тѣмъ только

---

[1]) Письмо Бенкендорфа Алек. Тургеневу 29-го янв. 1830 г. № 415.

[2]) Черновой отпускъ собственноручнаго письма, доставленный намъ графомъ Н. А. Бреверномъ-де-ля-Гарди.

[3]) Въ письмѣ отъ 20-го января 1830 г. Изъ бумагъ покойнаго академика А. Ѳ. Бычкова. Черновой отпускъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ доставленъ намъ графомъ Бреверномъ-де-ля-Гарди.

вновь свидѣтельствую мою благоговѣйную довѣренность къ вашему характеру.

«Александръ Тургеневъ снова повергъ всеподданнѣйшую просьбу свою къ стопамъ вашего императорскаго величества. Онъ увѣдомилъ меня объ этомъ черезъ письмо. Я не ходатайствовать за него осмѣливаюсь передъ вашимъ величествомъ, ибо на это не имѣю никакого права. Но, всемилостивѣйшій государь, никому, кромѣ меня; здѣсь не извѣстно его бѣдственное положеніе; если оно въ сію минуту не будетъ столько же извѣстно и вамъ, то просьба его должна будетъ показаться вамъ дерзновенною; а дѣло идетъ о судьбѣ цѣлой его жизни. Я счелъ себя обязаннымъ представить всеподданнѣйшее вашему величеству нѣкоторыя объясненія.

«Излагаю въ немногихъ словахъ то, что было съ Александромъ Тургеневымъ въ послѣдніе годы. Въ ту минуту, когда узналъ онъ въ Петербургѣ объ осужденіи старшаго своего брата, находившагося тогда въ Лондонѣ, получилъ онъ извѣстіе, что другой его братъ, бывшій въ Дрезденѣ, отъ горя лишился ума; пораженный приговоромъ одного брата, онъ принужденъ былъ спѣшить на помощь къ другому, безумному, прожилъ съ нимъ годъ, но не помогъ ему и наконецъ схоронилъ его. Отъ могилы мертваго переселился онъ къ другому, можно сказать, полумертвому, котораго нашелъ убитаго и потерею брата, и собственнымъ несчастіемъ, и климатомъ. Проведя съ нимъ нѣсколько времени, онъ долженъ былъ и его покинуть, ибо его присутствіе не облегчаетъ, а увеличиваетъ бремя жизни осужденнаго, который въ братѣ своемъ видитъ новую жертву судьбы, его постигшей. Онъ находится теперь въ Парижѣ для того, чтобы быть хотя вблизи брата. И такъ не можетъ быть ни съ нимъ вмѣстѣ, ни розно. Такое состояніе можетъ быть названо мученическимъ, и тѣ, которые видѣли его въ послѣднее время, говорятъ, что онъ самъ, отъ безпрестанной тоски по братѣ, находится въ опасности потерять разсудокъ. Его состояніе тѣмъ болѣе бѣдственно, что онъ увѣренъ, что братъ его былъ бы совершенно оправданъ, еслибы явился къ суду, и что онъ себя почитаетъ одною изъ главныхъ причинъ его несчастія, ибо, видя, какое невыгодное мнѣніе на счетъ брата распространено было въ Петербургѣ во время производства слѣдствія, онъ самъ уговорилъ его прислать одно письменное оправданіе вмѣсто того, чтобы явиться лично. Но привсемъ полномъ убѣжденіи въ невинности брата, онъ умоляетъ васъ, государь не объ его оправданіи, а только о нѣкоторомъ облегченіи собственной участи, умоляетъ единственно о возможности спасти жизнь брата переселеніемъ его на континентъ. Все было бы сдѣлано для А. Тургенева, если бы дано было секретное повелѣніе нашимъ миссіямъ не тревожить его брата тамъ, гдѣ онъ на континентѣ жить будетъ.

«Государь! Александръ Тургеневъ жертвуетъ братской любви всею своею жизнію, спокойствіемъ, отечествомъ, дѣятельностію, счастіемъ служить вамъ — къ сему мнѣ прибавить нечего. Кто лучше васъ опредѣлитъ цѣну такому братскому самоотверженію? Повергаюсь ко стопамъ вашимъ съ неограниченною преданностію и любовію.

«Вашего императорскаго величества вѣрноподданный Жуковскій».

Въ пятницу 24-го января Жуковскій отнесъ это письмо въ кабинетъ государя и 30-го января писалъ А. И. Тургеневу:

«Вчера я получилъ письмо твое изъ Парижа съ письмомъ къ Бенкендорфу и съ выпискою изъ письма Николая. И то, и другое отдамъ но это будетъ безполезно. Рѣшительный отвѣтъ сдѣланъ, и ты уже объ этомъ увѣдомленъ мною и, можетъ быть, самимъ Бенкендорфомъ. Теперь увѣдомляю тебя о томъ, что случилось послѣ отправленія послѣдняго письма твоего; во-первыхъ, прочитай приложенную копію съ письма, которое написалъ я къ государю. Оно было написано, но еще не подано, когда я написалъ къ тебѣ—я не хотѣлъ пропустить курьера; а о моемъ намѣреніи не говорилъ потому, что не хотѣлъ напрасно тебя тревожить новою надеждою. На другой день по представленіи письма моего государю, получилъ я отъ него отвѣтъ и получилъ черезъ посредника, который въ этомъ случаѣ представляется мнѣ добрымъ Ангеломъ Хранителемъ — черезъ государыню [1]). Вотъ что сказала она мнѣ именемъ государя: L'Empereur ne peut rien faire pour A. Tourgueneff dans la cause de son frère, encore moins pour son frère. Mais si ce dernier se trouve innocent, qu'il vienne lui-même se livrer à la générosité de l'Empereur; il saura lui rendre justice [2]). И она прибавила нѣчто весьма трогательное со стороны государя: mais il ne faut pas qu'il risque à présent le voyage, il pourrait être pris; qu'il vienne au printemps par mer; alors il lui sera possible de parvenir tout droit jusqu'à l'Empereur [3]). Это отвѣтъ рѣшительный. Онъ даетъ то, чего бы я не посмѣлъ требовать и не полагалъ уже возможнымъ. — Я принялъ его съ чувствомъ благодарности къ государю и передаю его тебѣ слово въ слово.— Но совѣта не могу дать никакого. Я не могу дать совѣта, что дѣлать. Объяснимъ только положеніе твоего брата. 1-е. Онъ осужденъ въ

---

[1]) Въ черновомъ наброскѣ написано: „Какъ она была трогательна, говоря со мною просто, съ участіемъ, съ чистымъ чувствомъ человѣчества, которое въ ней такъ всегда ясно сіяетъ".

[2]) Императоръ не можетъ ничего сдѣлать для А. Тургенева въ дѣлѣ его брата, а тѣмъ болѣе для его брата; но если этотъ послѣдній невиненъ, то пусть онъ пріѣдетъ и положится на великодушіе императора; онъ съумѣетъ оказать ему справедливость

[3]) Но ему не слѣдуетъ рисковать ѣхать теперь, онъ могъ бы быть арестованъ! Пусть онъ пріѣдетъ веспою моремъ, тогда онъ будетъ имѣть возможность явиться прямо императору.

отсутствіи, неявка его принята за доказательство преступленія, письменное объясненіе его не было принято. Если бы онъ въ то время самъ явился и могъ на очной ставкѣ опровергнуть показанія обвинителей, то совершенно бы оправдался. — 2-е. Уже приговоренный верховнымъ судомъ, онъ прислалъ второе свое объясненіе, руководствуясь донесеніемъ слѣдственной коммиссіи. Самъ же явиться болѣе не могъ, ибо не могъ надѣяться, чтобы его послѣ приговора стали судить, и явился бы только для приличія, для принятія опредѣленнаго наказанія. Но его новое объясненіе не было признано удовлетворительнымъ. — 3-е. Теперь снова государь даетъ ему надежду быть судимымъ и ставитъ его въ то положеніе, въ которомъ онъ находился до произнесенія приговора. Онъ можетъ надѣяться быть оправданнымъ, если, ввѣрившись самому государю, представитъ достаточныя доказательства своей невинности. Не даю никакого совѣта.—Но спрашиваю: можетъ ли братъ надѣяться представить своимъ будущимъ судьямъ сіи достаточныя доказательства своей невинности. — Обвинителей, выслушанныхъ на прежнемъ судѣ, на лицо не будетъ, очныхъ ставокъ дѣлать не съ кѣмъ; то же, что онъ представилъ въ послѣднемъ письменномъ объясненіи, было найдено неудовлетворительнымъ; будетъ ли удовлетворительнѣе это объясненіе, если оно сдѣлано будетъ словесно? Станемъ на мѣсто судей. Могутъ ли они смотрѣть на него нашими глазами? Мнѣ и тебѣ извѣстна вся прошедшая жизнь его, намъ извѣстны и его чувства, правила и характеръ: отъ сего совершеннаго знанія его такимъ, каковъ онъ есть, мы переходимъ къ его приговору и, сличая этотъ приговоръ (произнесенный въ отсутствіи по однимъ показаніямъ, не утвержденнымъ доказательствами) съ нашимъ понятіемъ о немъ и съ его словами (коимъ напередъ вѣримъ), мы оправдываемъ его совершенно. Я съ своей стороны никогда не потеряю вѣры въ его невинность. Но можно ли по справедливости того же ожидать отъ судей его. Они не только не знаютъ и не могутъ знать его такимъ, каковъ онъ есть, но, переходя къ нему отъ его приговора, отъ его неявки, отъ мнѣнія, противъ него говорящаго, должны быть напередъ убѣждены въ его виновности, и нужна совершенная очевидность, чтобы поколебать и уничтожить сіе убѣжденіе; одни его слова не произведутъ нужной очевидности. Ему не только надобно сказать за себя я не виненъ, но должно сказать и своимъ обвинителямъ: вы не правы; должно имъ это доказать, должно ихъ своими доказательствами принудить отказаться отъ словъ своихъ. Но гдѣ же эти обвинители? Онъ долженъ будетъ говорить одинъ, передъ нимъ не будетъ тѣхъ обвинителей, коихъ показанія подвергли его приговору и коихъ бы онъ своими опроверженіями могъ или убѣдить во лжи или заставить отречься отъ показаній ошибочныхъ. Государь обѣщаетъ ему судъ и правосудіе. Ввѣрив-

шись безусловно великодушію государя, онъ конечно произвелъ бы великое убѣжденіе въ свою пользу. Но государь не можетъ ему обѣщать помилованія, да и самому ему нельзя желать помилованія. Воспользовавшись великодушіемъ государя, онъ необходимо долженъ въ надеждѣ оправданія подвергнуть себя и опасности осужденія въ случаѣ неудовлетворительности его доказательствъ въ пользу своей невинности. И такъ прежде, нежели на что-нибудь рѣшиться, ему надобно непремѣнно быть напередъ увѣреннымъ, что онъ можетъ соотвѣтствовать сей готовности государя оказать ему правосудіе, что его доказательства будутъ достаточны, что онъ представитъ судьямъ своимъ нѣчто болѣе убѣдительное, нежели послѣднее его оправданіе. Опять повторяю: не могу дать никакого совѣта. Пускай Николай поступитъ, какъ скажетъ ему его добрый геній. Я съ своей стороны сохраню убѣжденіе въ его невинности и тогда, когда бы онъ нашелся принужденнымъ сказать государю, столь великодушно его призывающему: болѣе тѣхъ доказательствъ, кои мною представлены на бумагѣ, я не имѣю! Если они не достаточны, то не могу быть оправданъ, хотя и невиненъ! Но послѣ такого отзыва судьба его рѣшится навсегда. Государю безъ суда оправдать его не возможно; въ отсутствіи же судить его не будутъ: этого нельзя ни ожидать, ни требовать. Напиши немедленно, на что вы рѣшитесь» [1]).

Между тѣмъ ободренный словами императрицы и видя въ нихъ, что императоръ Николай не имѣетъ къ осужденнымъ непріязненнаго чувства, а напротивъ относится къ нимъ милостиво, В. А. Жуковскій рѣшился на смѣлый подвигъ, возможный только ему, по близкому положенію къ царскому семейству.—Онъ намѣренъ былъ обратиться къ милости императора и просить объ облегченіи участи всѣхъ осужденныхъ.

«Милостивое вниманіе,—писалъ онъ,—съ какимъ ваше императорское величество благоволили принять послѣднюю просьбу мою, даетъ мнѣ смѣлость наконецъ выразить передъ вами то, что давно у меня на сердцѣ и что уже давно бы излилось передъ вами, если бы я имѣлъ на то случай. Смѣю думать, государь, что вы нѣсколько меня знаете, что вы вѣрите чистотѣ моихъ намѣреній и искренней любви моей къ вамъ. Итакъ не могу бояться, чтобы теперешній поступокъ мой могъ быть изъясненъ неблагопріятно. Думаю даже, что буду виноватъ передъ вами, если побоюсь передать душѣ вашей такую мысль, которая кажется мнѣ ея достойною, которая вамъ однимъ и никому, кромѣ васъ, сообщена быть не можетъ.

«Государь! Я осмѣлился просить васъ за Александра Тургенева и

---

[1]) Письмо это доставлено намъ графомъ Н. А. Бреверномъ-де-ля-Гарди.

упомянуть передъ вами о братѣ его; теперь осмѣливаюсь сдѣлать болѣе: говорить о другихъ осужденныхъ [1]).

«Государь! Время строгости для нихъ миновало! Время милости наступило! Пришла пора залѣчить тѣ раны, которыя въ столькихъ сердцахъ болятъ и вѣчно болѣть не перестанутъ. Государь! произнесите амнистію! Обрадуйте ваше сердце, Россію и Европу! Я переношусь мысленно къ первой минутѣ вашего царствованія, къ этой удивительной минутѣ, которой нѣтъ примѣра ни въ какой исторіи, въ которую вы, сначала отказавшись отъ короны изъ уваженія къ святости права, потомъ принявъ ее изъ покорности къ Промыслу, явились намъ столь достойнымъ вашего назначенія [2]). Въ эту минуту Провидѣніе изъ безумства нѣсколькихъ несчастныхъ произвело для васъ случай вдругъ явиться передъ Россіею въ естественномъ [3]) вашемъ величіи, вдругъ овладѣть довѣренностію вашихъ подданныхъ и уваженіемъ остальнаго свѣта. Но преступленіе

---

[1]) Первыя строки письма были сначала написаны въ двухъ редакціяхъ.

а) Не имѣю словъ, чтобъ изъяснить передъ вами то чувство благодарности, которое произвело во мнѣ ваше милостивое вниманіе къ моей просьбѣ и вашъ трогательный, великодушный, истинно царскій отвѣтъ, сообщенный мнѣ государынею императрицею.

б) Милость (затѣмъ исправлено: милостивое вниманіе), съ какою вы благоволили припять просьбу мою, столь трогательная для меня особенно потому, что вижу въ ней личное ваше ко мнѣ благоволеніе, которое такъ для меня драгоцѣнно, даетъ мнѣ смѣлость наконецъ выразить то, что давно у меня на сердцѣ, что я давно бы сказалъ вамъ, если бы имѣлъ на то случай. Не знаю, какъ приступить къ этому изъясненію, ибо можетъ показаться, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, что хочу себя передъ вами выставить или имѣю гордое (фраза не окончена). Смѣю думать, что вы, государь нѣсколько меня знаете, что вы вѣрите чистотѣ монхъ намѣреній, что вы вѣрите моей искренней къ вамъ любви. Безъ всякихъ постороннихъ видовъ я принадлежу къ вашему семейству; я знаю сторону вашей жизни, которая менѣе другихъ видна свѣту; я знаю лучше, нежели кто-нибудь изъ окружающихъ васъ, ту душу, которая наиболѣе къ вамъ привязана, душу государыни, и поэтому уже къ вамъ близокъ. Вы видите, чему исключительно посвящена жизнь моя. Главная мысль, которая наполняетъ меня, такая высокая, что никакіе мелкіе, посторонніе виды не могутъ при ней зайти ко мнѣ въ душу. Итакъ не могу бояться, чтобы теперешній поступокъ мой былъ вами неблагопріятно истолкованъ. Мнѣ даже кажется, что буду виноватъ передъ вами, если не подѣлюсь съ вашею душою такою мыслію, которая кажется мнѣ васъ достойною и вамъ однимъ и никому кромѣ васъ сообщена быть не можетъ. Я осмѣлился просить васъ за Тургенева. Теперь осмѣливаюсь сдѣлать болѣе: сказать о другихъ осужденныхъ то, что давно уже порывается къ вамъ изъ глубины моего сердца.

[2]) Сначала было написано: „къ этой удивительной минутѣ, которой нѣтъ примѣра ни въ древней, ни въ новой исторіи, въ которую вы явились столь покорнымъ Провидѣнію, столь достойнымъ своего назначенія!“

[3]) Сначала было написано: „во всемъ естественномъ“.

сихъ несчастныхъ есть преступленіе политическое, плодъ заблужденія, произведеннаго и духомъ времени, подъ вліяніемъ котораго образовалась ихъ молодость, и войнами, въ которыя столько пылкихъ, неопытныхъ, невозмужалыхъ умовъ столкнулись съ идеями неуспокоенной Европы, и, смѣю сказать, самимъ государемъ Александромъ [1]), который съ благими намѣреніями возбудилъ столько свободныхъ идей и не далъ имъ надлежащаго направленія [2]).

«Вы строго наказали преступленіе [3]); виновнѣйшіе, то-есть злодѣи по умыслу и дѣйствію не существуютъ. Всѣ остальные не иное что, какъ жертвы заблужденія! Ни одинъ не зналъ ни чего хотѣлъ, ни что дѣлалъ; всѣ были заражены какою-то умственною чумою [4]), которая теперь должна казаться неизъяснимою загадкою и для нихъ самихъ, уже исцѣленныхъ несчастіемъ заслуженнымъ [5]). Твердость, съ какою поразило ихъ ваше царское правосудіе [6]), положила конецъ всему; увидѣли [7]), что власть державная досталась рукѣ могучей, и все пришло въ порядокъ. Россія забыла о нихъ, но ихъ несчастныя семейства, по всей Россіи разсыпанныя, покорныя своему жребію, существуютъ, и для нихъ забвенія быть не можетъ. Строгое правосудіе удовлетворено. Милосердіе ждетъ своей очереди. И именно теперь, когда ничто, кромѣ вашего сердца, не можетъ требовать сего милосердія, насладитесь вы, государь [8]), во всей полнотѣ вашимъ лучшимъ царскимъ правомъ. Вы помилуете какъ Богъ [9]), только по тому, что на то есть ваша воля. Произнесите амнистію.

«Иногда, наединѣ самъ съ собою и только мыслію приближаясь къ вамъ, думаю съ восхищеніемъ о томъ дѣйствіи, какое произвела бы сія амнистія, никѣмъ не требуемая, никѣмъ не ожидаемая. То была бы другая

---

[1]) Сначала было написано: «и особенно самимъ государемъ Александромъ».

[2]) Затѣмъ сначала было написано еще слѣдующее: „Смѣю думать, что на него наиболѣе падаетъ отвѣтственность за то, что было необходимымъ послѣдствіемъ его царствованія, въ которомъ лучше всего была прекрасная душа его“.

[3]) Сначала было написано: „Вы наказали преступленіе, и должны были наказать его“.

[4]) Сначала было написано: „горячкою“.

[5]) Сначала было написано: «для нихъ самихъ, просвѣщенныхъ уроками несчастія».

[6]) Сначала было написано: „Твердость, съ какою наказала ихъ ваша царская справедливость“.

[7]) Сначала было написано: „Вся Россія почувствовала“.

[8]) Сначала была написано: „Не можетъ понудить васъ быть милосердымъ, можете вы, государь, насладиться“.

[9]) Сначала было написано: „Какъ Богъ творящій добро, ибо Онъ всемогущій, можете вы помиловать“.

истинно великая минута вашего царствованія, столь уже богатаго славою. Въ первую минуту вы явились намъ мужественнымъ царемъ—мы были изумлены вашимъ твердымъ характеромъ. Въ сію другую [1]) вы явитесь ангеломъ милости—всѣ сердца полетятъ къ вамъ съ благодарностію и любовію, и ваша благость сниметъ единственный упрекъ [2]), лежащій на драгоцѣнной памяти Александра. И сколько сердецъ, теперь безнадежныхъ, подымутъ крикъ молитвы за васъ и за дѣтей вашихъ къ небу. И что скажетъ Европа! И что скажете [3]) вы сами вашимъ подданнымъ въ томъ манифестѣ, который обнародуетъ всепрощеніе. Какъ будутъ наставительны слова, произнесенныя съ высоты престола царскою душею, оживляющею безнадежныхъ и воскрешающею мертвыхъ [4]).

«Но мнѣ должно объяснить, какой смыслъ соединяю я съ словомъ амнистія [5]). Я разумѣю подъ нимъ не возстановленіе осужденныхъ въ первобытномъ ихъ состояніи. Нѣтъ! Приговоръ, лишившій ихъ политическаго бытія, навсегда разлучилъ ихъ съ тѣмъ обществомъ, коего членами были они прежде. На мѣсто, посрамленное ихъ преступленіемъ, они уже никогда не могутъ и не должны возвращаться. Изъ своего изгнанія принесли бы они воспоминаніе прошедшаго, которое сдѣлало бы ихъ совершенно безполезными для настоящаго [6]).

«Амнистія не можетъ имъ возвратить ихъ прежняго отечества; она должна создать для нихъ отечество новое, тамъ, гдѣ они теперь; отечество, въ которомъ не будетъ для нихъ воспоминаній оскорбительныхъ, а будутъ цѣлительныя надежды. Тамъ могутъ они сдѣлаться гражданами дѣятельными и полезными. Всѣ они болѣе или менѣе образованы; а несчастіе остепенило ихъ характеръ и, безъ сомнѣнія, исправило ихъ мысли.

«Сибирь—безлюдная пустыня или хуже, чѣмъ безлюдная пустыня; до сихъ поръ она была населяема преступниками, испорченными цѣлою жизнію низкихъ пороковъ. Это не поселенцы, способные образовать населенную ими страну; это разбойники, загнанные въ лѣсъ безъ оружія.

---

[1]) Сначала было написано: „Въ эту другую“.

[2]) Сначала было написано: „Сниметъ упрекъ“.

[3]) Сначала было написано: „И что можете сказать“.

[4]) Затѣмъ были написаны слѣдующія строки: «О какое было бы для меня счастіе написать этотъ манифестъ, въ которомъ бы выразилъ всю знакомую мнѣ душу несравненнаго моего государя и передалъ ее Россіи такою, какою Богъ ее создалъ“.

[5]) Сначала было написано: „Я долженъ теперь объяснить, что разумѣю подъ словомъ амнистія“.

[6]) Сначала было написано: „Воспоминаніе прошедшаго, которое испортило бы ихъ настоящее и, раздражая ихъ, могло бы сдѣлать безполезными если не опасными“.

«Осужденные, о которыхъ говорю, не принадлежатъ къ сей ужасной категоріи: они жертвы заблужденія, смутившаго разсудокъ, поколебавшаго самую волю, но весьма далекаго отъ низости и неизлѣчимости порока. Въ другихъ обстоятельствахъ они были бы гражданами полезными; многими даже могло бы гордиться отечество. Что же? Однимъ дѣйствіемъ царской благости (отъ которой по всей Россіи затрепетали бы сердца благодарностію и любовію къ царю и столько бы страждущихъ сердецъ вдругъ исцѣлились)—однимъ дѣйствіемъ царской благости толпа несчастныхъ, теперь униженныхъ, лишенныхъ надежды [1]), безполезныхъ отечеству, погибшихъ для настоящей жизни и, можетъ быть, гибнущихъ для будущей—вдругъ превратилась бы въ колонію смирныхъ гражданъ, полезныхъ той землѣ, которую теперь бременятъ безъ пользы, ободренныхъ, ожившихъ, облагороженныхъ и тѣмъ болѣе дѣятельныхъ для добра, что благодарность и чувство достоинства человѣческаго, имъ возвращеннаго, обратились бы для нихъ въ необходимость изгладить остаткомъ жизни посрамительное пятно ея начала. Сибирь имѣетъ нужду въ людяхъ, чтобъ быть разработанною для просвѣщенія: вѣчно ли ей быть пустынею или вертепомъ разбойниковъ, смирныхъ отъ безсилія? Но гдѣ найти людей для населенія Сибири? [2]) Кто захочетъ пожертвовать своимъ отечествомъ для будущаго невѣрнаго благоденствія чуждой ему пустыни! Ссыльные преступники не поселенцы: они жильцы острога; тѣ же, которыхъ [3]) бросаетъ въ ту сторону необходимость, бываютъ минутными гостьми, приходящими, чтобъ удалиться. Но Провидѣніе бѣдствіемъ одной стороны хочетъ пролить добро на другую. Люди сіи, могущіе положить основаніе общественной образованности [4]) въ глубинѣ Сибири, теперь существуютъ въ ней, и во множествѣ [5]). Надобно только воспользоваться ими заблаговременно, пока ихъ нравственныя силы еще не раздроблены несчастіемъ. До сихъ поръ несчастіе имъ учитель; скоро оно можетъ сдѣлаться ихъ убійцею. Теперь еще они люди, скоро будутъ дышущіе [6]) трупы.

«Пускай же мѣсто ссылки обратится для нихъ въ отечество со всѣми выгодами, какія всякое отечество представляетъ дѣтямъ своимъ, и они воскреснутъ. Со многими теперь ихъ жены, трогательныя своимъ героическимъ самоотверженіемъ; у нѣсколькихъ есть уже тамъ дѣти; нѣкото-

---

[1]) Сначала было написано: „безнадежныхъ“.

[2]) Сначала было написано: „для ея населенія“.

[3]) Сначала было написано: „кого“.

[4]) Вмѣсто „общественной образованности“ сначала было написано: „цивилизаціи“.

[5]) Затѣмъ было написано, но потомъ зачеркнуто: „Не надобно только имъ дать погибнуть нравственно“.

[6]) Сначала стояло: „живые“.

рые оставили своихъ женъ и дѣтей здѣсь, не смѣя ихъ приковать къ своей бѣдственной участи: они призовутъ ихъ къ себѣ, какъ скоро будетъ что подѣлить съ ними; многіе могутъ жениться тамъ и также имѣть дѣтей; отъ отцовъ, исправленныхъ несчастіемъ, и отъ матерей, великодушно пожертвовавшихъ счастіемъ долгу, дѣти получатъ воспитаніе нравственное; новое невинное поколѣніе возрастетъ посреди прежняго, облагороженнаго, очищеннаго искупленіемъ царскаго милосердія. Однимъ словомъ, въ этой божественной милости вижу одно счастіе для настоящаго и обширную пользу для будущаго. Пройдетъ вѣкъ, и многочисленные потомки помилованныхъ изгнанниковъ будутъ посреди разработанныхъ цвѣтущихъ полей прославлять святое милосердіе, обрадовавшее въ наше время Россію.

«Одно только необходимо: чтобы въ самомъ началѣ положены былъ основанія твердыя, чтобы съ самаго начала дано было полное счастіе гражданское, чтобы исполненіе благаго намѣренія было поручено людямъ, способнымъ постигнуть его и исполнить съ совершеннымъ забвеніемъ личной корысти. Такіе надежные люди есть; назову: Адлерберга [1]), Василія Перовскаго [2]), Сергѣя Строганова [3]) и еще одного, который бы могъ тамъ и остаться, который есть воплощенная честность и здравый смыслъ, статскаго или дѣйствительнаго с(татскаго) с(овѣтника) Тургенева [4]), служившаго при министрѣ в(нутреннихъ) д(ѣлъ), теперь взявшаго отставку. Онъ былъ въ Сибири, знаетъ всю Россію, знакомъ со всѣми состояніями и всѣми ихъ нуждами и занималъ такія должности, въ коихъ легко бы могъ нажиться, но совершенно бѣденъ и теперь былъ бы безъ куска хлѣба, если бы вы же сами о немъ не позаботились.

«Что же было (бы) слѣдствіемъ?—Теперь эти несчастные гибнутъ безъ пользы для края, который служитъ для нихъ темницей. И самому правосудію уже не нужно ихъ страданіе, ибо они навсегда отрѣзаны отъ отечества [5]). Но что послѣ нихъ останется, если не измѣнится судьба ихъ? Кости и гробы! А пока они живы, хотя Россія вообще и забыла (о) нихъ, все (же) иногда ихъ печальная участь будетъ тревожить умы, какъ страшное сновидѣніе.

«Перемѣните ихъ участь теперь, пока еще они въ силахъ жизни, пока еще могутъ быть людьми для блага будущихъ временъ, и мы уви-

---

[1]) Владиміра Ѳедоровича (впослѣдствіи графа).

[2]) Василія Алексѣевича Перовскаго (впослѣдствіи графа).

[3]) Графа Сергѣя Григорьевича Строганова.

[4]) Затѣмъ было написано, но потомъ зачеркнуто: „бывшаго губернатора въ Сибири“. Александръ Михайловичъ Тургеневъ (авторъ извѣстныхъ „Записокъ“) былъ тобольскимъ губернаторомъ съ конца 1823 по мартъ 1825 г.

[5]) Затѣмъ было написано, но зачеркнуто: „и все для нихъ кончилось“.

димъ прекрасное созданіе благости. Другаго подобнаго случая уже не представится! Провидѣніе, двинувшее ихъ туда цѣлою толпою, говоритъ царю: твори добро постоянное изъ бѣдствія минувшаго» [1]).

Письма этого Жуковскій подать не рѣшился въ виду неблагопріятно сложившихся для него обстоятельствъ. Упорное его ходатайство за братьевъ Тургеневыхъ навлекло непріязнь и нерасположеніе къ нему въ высшихъ сферахъ. На него стали клеветать, старались очернить его въ глазахъ государя и представить его главою партіи враждебной правительству. Узнавъ объ этомъ, Жуковскій написалъ письмо императору, въ которомъ объяснялъ, что хотя его чернятъ, «но взглядъ, писалъ онъ, на мою прошедшую и настоящую жизнь, даетъ мнѣ право не бояться никакихъ обвиненій тайныхъ». Онъ просилъ объясненій.

«Мое письмо, записалъ онъ 1-го апрѣля, повидимому, производитъ свое дѣйствіе: on est gêné avec moi.— Enfin on m'assigne une entrevue [2]). Это свиданіе было не объясненіе, а родъ головомойки, въ которой мнѣ нельзя было помѣстить почти ни одного слова».

— Что ты это написалъ ко мнѣ?—спросилъ Жуковскаго императоръ Николай.

— Вы знаете,—отвѣчалъ онъ,—или по крайней мѣрѣ должны знать, что я къ вамъ привязанъ.—А меня Богъ знаетъ кто очернилъ въ вашемъ мнѣніи.

— Слушай! Знаешь ли пословицу: dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es [3]). Ее можно примѣнить къ тебѣ. Не смотря на то, что Тургеневъ осужденъ и я тебѣ говорилъ о немъ, что ты знаешь, что доказательство существуетъ противъ него, ты безпрестанно за него вступался и не только мнѣ, но и вездѣ говорилъ, что считаешь его невиновнымъ.

— Да я вѣдь зналъ его прежде и знаю о немъ то, чего правительство не знаетъ. Когда вы мнѣ сказали....

— Слушай!—перебилъ его государь.—Ты имѣлъ связь съ Вяземскимъ, который дѣлалъ множество непозволительныхъ поступковъ, лгалъ самъ, подбивалъ лгать и дѣйствовать другихъ, былъ настоящій boute-feu (зажигатель). До вчерашняго дня былъ онъ таковъ. Теперь я и самъ позволю тебѣ его обнять—можно. Я все, все скажу ему самъ, когда увижу его: теперь онъ все сгладилъ своимъ раскаяніемъ! [4]) Онъ поступилъ такъ,

---

[1]) Письмо это находится въ бумагахъ покойнаго академика А. Ѳ. Бычкова; черновой же набросокъ принадлежитъ графу Н. А. Бреверну-де-ла-Гарди.

[2]) Со мною стѣсняются.—Наконецъ мнѣ назначено свиданіе.

[3]) Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу тебѣ, кто ты.

[4]) См. объ этомъ раскаяніи сочиненія кн. Вяземскаго, т. II, стр. 84—111; т. IX стр. 106 и „Русскій Арх." 1890 г. кн. II, стр. 279.

какъ очень рѣдко поступаютъ, смирился, писалъ къ великому князю. Если бы онъ за четыре года сдѣлалъ это съ покойнымъ императоромъ, то получилъ бы тоже прощеніе и тотъ открылъ бы ему объятія; теперь все забыто. Но ты навлекъ на себя нареканія. Тебя называютъ главою партіи, защитникомъ всѣхъ тѣхъ, кто только худъ съ правительствомъ.

— Да кто называетъ? Я никого незнаю и знать не хочу; живу у себя, дѣлаю свое дѣло и ни о чемъ постороннемъ не забочусь.—Моя забота въ томъ, чтобы вы имѣли обо мнѣ хорошее мнѣніе, и вы должны почерпать его изъ моей жизни, а не изъ того, что другіе говорятъ обо мнѣ.

— Нѣтъ, ты долженъ объ этомъ заботиться.—Ты при моемъ сынѣ. Какъ же тебѣ слыть сообщникомъ людей безпорядочныхъ или осужденныхъ за преступленія?

На этомъ разговоръ окончился и хотя императоръ не допустилъ Жуковскаго высказать всего, что лежало на его чистой душѣ, тѣмъ не менѣе онъ записалъ: «вообще результатомъ я доволенъ; онъ произвелъ миръ, но заставилъ меня о многомъ перемѣнить мнѣніе и многаго страшиться въ будущемъ.

«Если бы я имѣлъ возможность говорить,—вотъ что бы я отвѣчалъ и сдѣлалъ бы хорошо, но вѣрно бы повредилъ себѣ; и такъ невозможность говорить нѣкоторымъ образомъ послужила мнѣ къ добру.—Я сказалъ бы: то, что могло подать вамъ поводъ быть мною недовольнымъ, должно было напротивъ дать вамъ лучшее мнѣніе обо мнѣ. Я защищаю тѣхъ, кто вами осужденъ или обвиненъ передъ вами; но это служитъ только доказательствомъ моей довѣренности къ вашему характеру. Развѣ вы не можете ошибаться? Развѣ правосудіе (особливо у насъ) безошибочно? Развѣ донесенія вамъ людей, которые основываютъ ихъ на тайныхъ презрѣнныхъ доносахъ, суть для васъ рѣшительные приговоры Божіи? [1]) Развѣ вы можете осуждать, не выслушавъ оправданія? Развѣ я могу знать объ этихъ доносахъ? И, зная о нихъ, долженъ я ихъ потому уже признавать истинными, что они доносы, тайные доносы, сдѣланные вамъ и обвинившіе предъ вами безотвѣтныхъ! И развѣ могу, не утративъ собственнаго къ себѣ уваженія и вашего, жертвовать связями цѣлой моей жизни. Итакъ правиломъ моей жизни должна быть не совѣсть, а все то, что какому-нибудь низкому наушнику вздумается донести на меня, по личной злобѣ, Бенкендорфу, и противъ такихъ презрѣнныхъ клеветъ не можетъ устоять то, что одно только должно быть принято за правило, когда судишь о человѣкѣ: его видимыя дѣла, его характеръ, его собственный образъ мыслей. Я не

[1]) Сначала было написано: „Развѣ человѣкъ, обвиненный передъ вами тѣми, кто вамъ доносятъ и которые основываютъ доносы свои на тайныхъ показаніяхъ, слѣдственно презрѣнныхъ показаніяхъ, виноватъ безотвѣтно? И могу ли я соглашать связи мои съ тѣмъ“.

могу бѣгать по улицамъ и спрашивать у всѣхъ возможныхъ на меня доносчиковъ, что̀ мнѣ думать, что̀ мнѣ дѣлать и кого любить. Если эти доносчики могутъ быть доступны до васъ, то это ваше и наше несчастіе, ибо въ такомъ случаѣ вы безпрестанно будете осуждать несправедливо, и мы никогда не можемъ быть правыми. Поэтому въ Россіи одинъ человѣкъ добродѣтельный: это Бенкендорфъ! Всѣ прочіе должны смотрѣть на него въ поступкахъ своихъ, какъ на флигельмана. Что онъ назоветъ хорошимъ, то и для нихъ должно быть хорошо; что онъ осудитъ, то и они должны осудить. А онъ произноситъ свои осужденія по доносамъ, слѣдственно нравственность наша теперь вся предана на произволъ доносчиковъ: нѣтъ никого правыхъ!.. Но это гибель всего! Презрѣніе ко всему и ко всѣмъ укоренится въ душѣ вашей! Около васъ будутъ жить только тѣ, кои живутъ предательствомъ. Изъ остальныхъ одни, меньшая часть, то-есть вамъ преданные и честные, будутъ вамъ чужды, будутъ молчать съ горемъ и лишены возможности быть вамъ полезными. Между царемъ и Россіею будетъ бездна, огороженная заборомъ изъ наушниковъ.

«Я съ своей стороны буду продолжать жить, какъ я жилъ. Не могу покорить себя ни Булгаринымъ, ни даже Бенкендорфу: у меня есть другой вожатый—моя совѣсть, моя вѣрность къ государю.

«Во всемъ прочемъ надо отдать себя на волю Провидѣнія, которое спасаетъ добрыхъ, или губитъ ихъ для ихъ же добра. Въ этой одной мысли спасенье. Буду осторожнѣе, вступаясь за тѣхъ, кто въ ссорѣ съ правительствомъ, ибо тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать, а можно только погубить себя, благоразуміе велитъ думать о себѣ; это не будетъ эгоизмъ... Вотъ бѣдствія, происходящія отъ невѣжества.

«Мало того, чтобы имѣть чистую совѣсть, надобно имѣть и понятія, принадлежащія времени, въ коемъ живемъ. Ихъ даетъ одно просвѣщеніе. Просвѣщеніе для ума есть то же, что чистая религія для совѣсти. Тамъ, гдѣ нѣтъ просвѣщенія, каждый имѣетъ свой собственный умъ, умъ своего мѣста, своей партіи, и всѣ они въ противорѣчіи, въ безпрестанной битвѣ»...

Эти строки, написанныя на листочкѣ бумаги, подъ вліяніемъ огорченія, не сдѣлали В. А. Жуковскаго ни эгоистомъ, ни осторожнымъ, какимъ онъ обѣщалъ себѣ быть.

Увлеченный желаніемъ облегчить участь осужденныхъ, онъ рѣшилъ передать свои мысли «Ангелу хранителю», какъ онъ называлъ императрицу Александру Ѳеодоровну, вполнѣ увѣренный, что мысли эти дойдутъ до государя и, быть можетъ, окажутъ свое дѣйствіе. Вскорѣ послѣ разговора съ императоромъ и данной ему «головомойки» Жуковскій писалъ императрицѣ:

«Je crois devoir présenter à Votre Majesté Impériale ma lettre à

Alexandre Tourgueneff telle que je l'ai écrite d'abord, après avoir reçu par votre bouche la réponse magnanime de Sa Majesté l'Empereur. Elle a été jetée sur le papier dans la première chaleur de ma reconnaissance et de mon admiration. Mais je ne l'ai pas envoyée par deux raisons. La première est que j'exprime trop dans cette lettre ma propre façon de penser sur ce que j'aurais fait moi-même à la place de Nicolas Tourgueneff; j'ai pensé ensuite que je ne devais pas l'influencer sur sa conduite et que surtout je ne devais pas prendre sur ma conscience la responsabilité de ce qui en pourrait être le résultat. J'ai donc écrit une autre lettre, dans laquelle, après avoir omis toute cette partie de la première, j'ai appuyé au contraire sur tout ce qui pouvait être de dangereux dans la démarche, à laquelle il devait se décider[1]). La seconde raison qui m'a empêché d'envoyer ma première lettre est le contenu de sa conclusion. Emporté par le moment, j'y ai exprimé une idée qui depuis longtemps germe dans mon âme. Mais j'ai pensé ensuite qu'une telle idée ne pouvait, ni ne devait être communiquée à personne, hors l'Empereur lui-même; et j'ai exprimé cette idée plus en détail en russe, dans l'espérance de la présenter à Sa Majesté dans un moment favorable. Et je l'aurais déjà fait (après avoir toutefois demandé préalablement sa permission); mais la dernière conversation que j'ai eu l'honneur d'avoir avec Sa Majesté m'a persuadé que j'ai bien fait de m'en être abstenu. J'ai vu que Sa Majesté n'approuvait pas mes relations avec Tourgueneff: en lui parlant sur un objet qui m'est tout-à-fait étranger, j'aurais pu m'attirer encore plus le malheur de sa désapprobation. Je continue pourtant de croire que la franchise de ma conduite m'absoudra toujours devant son noble cœur: que prouve-t-elle autre chose, sinon mon estime profonde pour son beau caractère? Il est probable qu'avec un autre j'aurais été plus craintif; mais avec lui peut-on craindre d'être franchement ce qu'on est, si on a les intentions pures? Je vous donne donc mes deux lettres telles que je les ai écrites et c'est uniquement pour n'avoir rien de caché dans cette affaire, dans laquelle le courant des circonstances m'a entraîné insensiblement. Faites en, Madame, ce que vous jugerez à propos» [2]).

---

[1]) Жуковскій представилъ императрицѣ два письма къ А. И. Тургеневу. Первое отъ 26-го января (7-го февраля) 1830 г. не было отправлено и состояло изъ двухъ частей: первая составила дословное письмо отъ 30-го января, помѣщенное нами выше (см. стр. 71), а вторая часть письма отъ 26-го января дословно вошла во всеподданнѣйшее письмо Жуковскаго приведенное нами выше, но которое онъ представить не рѣшился (см. стр. 73. Письмо 26-го января обязательно сообщено намъ графомъ Н. А. Бреверномъ-де-ля-Гарди.

[2]) Считаю долгомъ представить вашему императорскому величеству мое письмо къ Александру Тургеневу въ томъ видѣ, какъ оно было написано

Между тѣмъ письмо Жуковскаго, отъ 30-го января, было получено А. И. Тургеневымъ только вечеромъ 29-го марта. Копія съ него была тотчасъ же отправлена къ Н. И. Тургеневу въ Чельтенгамъ, но не застала его тамъ и была послана къ нему въ Батъ. Во вторникъ, 6-го апрѣля, Николай Тургеневъ писалъ брату въ Парижъ:

«Si ce dernier se trouve innocent, qu'il vienne lui-même se livrer à la générosité de l'Empereur! Il saura lui rendre justice!» [1]).

«Je me croirais déshonoré, si j'hésitais un moment d'accepter une telle proposition [2]). Вотъ мой короткій отвѣтъ. Я не думаю, не желаю думать о послѣдствіяхъ такого отвѣта. Не знаю, что со мною будетъ. Не имѣю никакой надежды на судей, не могу имѣть сей надежды, ибо

первоначально, по полученіи изъ вашихъ устъ великодушнаго отвѣта его императорскаго величества. Оно было набросано въ первомъ порывѣ благодарности и восторга, но не было послано мною по двумъ причинамъ. Первая та, что я слишкомъ подробно высказываю въ этомъ письмѣ мои собственныя мысли по поводу того, какъ я поступилъ бы на мѣстѣ Николая Тургенева. Я подумалъ, что мнѣ не слѣдуетъ его винить за его образъ дѣйствій и въ особенности, что я не долженъ брать на свою совѣсть отвѣтственность могущее произойти изъ этого; потому я написалъ другое письмо, въ которомъ опустивъ всю эту часть перваго письма, распространился напротивъ о томъ, что могло быть опаснаго въ этомъ шагѣ, на который ему приходилось рѣшиться. Второе соображеніе, удержавшее меня отъ посылки перваго письма, относится къ заключительной части письма. Увлеченный моментомъ, я высказалъ въ немъ мысль, которая давно уже назрѣвала въ моемъ умѣ, но я подумалъ, что подобная мысль не можетъ и не должна быть никому высказана, кромѣ какъ самому императору; я изложилъ ее подробнѣе по-русски, разсчитывая представить ее его величеству при удобномъ случаѣ. И я уже сдѣлалъ бы это (испросивъ однако предварительно на то его разрѣшеніе), но послѣдній разговоръ, котораго его величество удостоилъ меня, убѣдилъ меня въ томъ, что я хорошо сдѣлалъ, воздержавшись отъ этого намѣренія. Я увидѣлъ, что его величество не одобряетъ мои сношенія съ Тургеневымъ. Если бы я сталъ говорить съ его величествомъ о предметѣ, для меня совершенно постороннемъ, я, къ прискорбію, еще скорѣе могъ бы навлечь на себя его неодобреніе. Но я вѣрю по-прежнему, что чистосердечіе моего поведенія всегда послужитъ мнѣ оправданіемъ передъ его благороднымъ сердцемъ: ибо оно свидѣтельствуетъ только о моемъ глубокомъ уваженіи къ его рыцарскому характеру. Весьма вѣроятно, что съ другимъ я былъ бы болѣе робокъ. Но можно ли бояться откровенно показаться передъ нимъ такимъ, каковъ человѣкъ есть на дѣлѣ, если его намѣренія чисты? Поэтому я вручаю вамъ мои письма въ томъ видѣ, какъ они были написаны, и единственно для того, чтобы у меня не было ничего скрытаго въ этомъ дѣлѣ, въ которое стеченіе обстоятельствъ незамѣтно увлекло меня; поступите съ ними, ваше величество, такъ, какъ вы признаете за благо.

[1]) „Если послѣдній невиненъ, то пусть онъ пріѣдетъ и положится на великодушіе императора! Онъ съумѣетъ оказать ему справедливость“

[2]) Я счелъ бы себя опозореннымъ, если бы я колебался хотя одну минуту принять подобное предложеніе.

*

судьи однажды осудили меня въ такихъ преступленіяхъ, въ коихъ я не былъ и обвиняемъ. Но государь произнесъ, что Il saura me rendre justice [1]). Этого довольно. Никакой государь не можетъ сдѣлать болѣе. Я знаю, что я невиненъ. Я знаю также, что и по законамъ я невиненъ. Слѣдовательно, я не могу и не долженъ отказать того, что мнѣ предлагается. Я исполню свой долгъ. Пусть другіе исполняютъ свой съ ихъ стороны. Доказательствъ новыхъ моей невинности я не имѣю. Но думаю, что мое защищеніе лучше изложено въ моихъ французскихъ нотахъ, на случай моей смерти написанныхъ [2]), нежели въ прежнихъ моихъ запискахъ. Съ этими нотами и съ словесными изъясненіями я не могу бояться никакихъ судей на свѣтѣ, кромѣ тѣхъ, кои осудили меня частію за то, въ чемъ меня не обвиняли. Этихъ судей я и теперь боюсь: этого не скрываю. Но для меня нѣтъ выбора: Государь говоритъ, что если я невиненъ, то онъ дастъ мнѣ правосудіе. Я невиненъ, и, безъ безчестія и гнусности, не могу отказаться отъ предлагаемой мнѣ милости. Я обязанъ былъ бы уже принять ее и для тѣхъ, кои никогда не сомнѣвались въ моей невинности и заплатить имъ такимъ знакомъ признательности за доброе о мнѣ мнѣніе. И такъ мнѣ остается только ожидать: куда и когда государь велитъ мнѣ явиться. Я поѣхалъ бы съ первымъ пароходомъ. Но онъ не начинаетъ ходить прежде конца мая, или іюня. А тогда государь не будетъ въ Петербургѣ. Я же надѣюсь и во время суда быть на свободѣ. Этого мнѣ конечно не откажутъ.

«Вотъ отвѣтъ мой на вашъ № 58, который получилъ я вчера въ Батѣ, садясь въ карету, чтобы возвратиться сюда. Я случайно зашелъ на почту и прочелъ ваше письмо дорогою. Я полагаю, что вы согласитесь со мною sur la manière de voir la chose [3]). И дуэль нельзя отказать безъ безчестія, какъ же могу я отказать такое предложеніе государя? Какое право имѣю я сомнѣваться, что доказательство невинности будетъ и для него пріятнѣе, нежели доказательство виновности? Еслибъ я отказалъ, то отказомъ я оказалъ бы такое сомнѣніе. И тогда было бы болѣе справедливо обвинять меня въ lèse-Majesté [4]), нежели тогда, когда меня приговаривали къ смерти за республиканскіе умыслы! Конечно, я не имѣю никакихъ новыхъ доказательствъ сверхъ тѣхъ, кои уже найдены были неудовлетворительными. Но, не имѣя новыхъ доказательствъ, я буду имѣть новаго судью: государя. Мнѣ обѣщаютъ къ нему доступъ. Отзывъ его теперешній поселилъ во мнѣ къ нему такое

---

[1]) Онъ съумѣетъ оказать мнѣ справедливость.

[2]) Ноты эти надъ заглавіемъ „Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи“ напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1900 г. № 8—12.

[3]) Согласитесь съ тѣмъ, какъ я смотрю на вещи.

[4]) Въ оскорбленіи величества.

чувство, что я увѣренъ, что въ полчаса, выслушавъ меня, онъ убѣдится въ моей невинности. Еслибы я въ этомъ не былъ увѣренъ, я все бы явился, но сказалъ бы напередъ, что являюсь совершенно безъ надежды. Теперь я имѣю полную надежду на самого государя и не могу имѣть ее только на судей. Они люди и захотятъ поддержать прежнее рѣшеніе. Къ тому же у насъ не привыкли каждое слово приговора основывать на законѣ, а излагать заключенія въ общихъ разсужденіяхъ Я слишкомъ долго самъ производилъ уголовныя дѣла въ Россіи, чтобы знать, съ какою легкостію они тамъ производятся. Я привожу одинъ примѣръ такой легкости въ моихъ нотахъ.

«Я писалъ вамъ изъ Бата о моихъ намѣреніяхъ: предложеніе было сдѣлано и имѣло такой же успѣхъ, какъ и другія предложенія, другими прежде дѣланныя: отказъ. Но главная причина отказа была въ моемъ качествѣ иностранца: отецъ не любитъ ничего иностраннаго; особливо съ тѣхъ поръ, какъ одна дочь его вышла за итальянца (съ ними мы туда и ѣздили). Можетъ быть, это препятствіе было бы не непреодолимо со временемъ. Но вотъ ein Strich durch die Rechnung! [1])—ваше письмо и мой отвѣтъ! Обстоятельства, въ которыя я былъ поставленъ въ Батѣ, конечно, не облегчили для меня сего отвѣта. Еслибъ это знали, то готовность моя явиться могла бы имѣть un mérite tout particulier [2]).

«Еслибъ я думалъ только о позитивныхъ выгодахъ ежедневной жизни, то я бы не такъ легко рѣшился. Le mal est fait [3]). Я опубликованъ былъ въ Европѣ заговорщикомъ. Мнѣ за 40 лѣтъ. Плановъ на будущность не имѣю и имѣть не могу. Къ свѣтской жизни не расположенъ и не способенъ. Путешествовать и охоты нѣтъ и здоровье не позволяетъ. Могъ бы остальную треть жизни (les farces n'étant qu'en trois actes) [4]) въ мирѣ и тишинѣ прожить въ какомъ-нибудь трактирѣ. Позитивныхъ или матеріальныхъ выгодъ оправданіе мнѣ не дастъ. А невыгодъ куча и до оправданія. Весьма легко можетъ случиться, что меня арестуютъ сейчасъ по пріѣздѣ въ Россію, хотя, кажется, свободно являющагося къ суду и можно бы безъ опасенія оставить на свободѣ. Статься можетъ, что и государю представятъ, что приличіе требуетъ моего осужденія, ссылки и пр. и пр. Не смотря на все это, я ѣду на вѣрную гибель или бѣду. 20 лѣтъ житья въ Англіи для меня легче 20 дней сидѣнія въ крѣпости. Нельзя ли представить, чтобы мнѣ позволили пріѣхать туда, гдѣ будетъ государь, напр. въ Эмсъ? Тамъ бы я могъ, если не лично государю, то кому-либо по его приказанію изъяснить

---

[1]) Но вотъ что разстраиваетъ мои планы.
[2]) Совершенно особую заслугу.
[3]) Зло сдѣлано.
[4]) Такъ какъ фарсы бываютъ только въ трехъ дѣйствіяхъ.

мое дѣло, и показать, что и безъ суда можно обойтись и что даже безъ суда было бы лучше и для дѣла, не говоря уже о мнѣ самомъ. Еслибы мои объясненія найдены были неудовлетворительными, тогда я поѣхалъ бы туда, куда государь велитъ.

«Такъ какъ Жуковскій требуетъ отъ васъ отвѣта, то сообщите ему мой отзывъ. А если получите что-нибудь оффиціальнаго отъ Бенкендорфа или кого бы то ни было, то и ему сообщите тоже; разрѣшеніе они могутъ прислать къ вамъ, или въ Лондонскую миссію, которая меня всегда отыскать можетъ.

«Я вижу, что ошибкою оставилъ одну страницу не написанною. Не подумайте, чтобы это было отъ какой-нибудь ажитаціи. Конечно, дѣло серьезное. «Бойся судей, а не суда», говоритъ пословица. Къ несчастію, я имѣю довольно доказательствъ, что и невинные должны бояться русскихъ судей. Пословицы суть разумъ народа и всегда основаны на опытѣ; и въ словахъ, часто рѣзкихъ, изъясняютъ не болѣе, какъ простую справедливость. Я будущихъ судей моихъ конечно страшусь. Но обѣщаніе государя de me rendre justice [1]) и еще болѣе благородство, великодушіе, которое онъ оказалъ въ семъ отзывѣ, не позволили мнѣ ни на минуту остановиться въ моемъ отвѣтѣ».

Посылая это письмо Жуковскому, Александръ Ивановичъ Тургеневъ прибавлялъ [2]): «Я могъ только плакать и потомъ молиться, когда прочелъ письмо брата, молиться и благодарить Бога за такого брата. Страшусь, какъ и онъ, судей, но изъ записокъ его, на случай смерти писанныхъ, еще яснѣе вижу всю его невинность и надѣюсь. Полагаю упованіе на Бога. Не могу и самому себѣ дать отчета въ томъ, что теперь со мною. Надѣюсь, что современемъ буду спокойнѣе. Я бы не такъ страшился и Россіи, если бы не боялся, что пріѣздъ въ Россію разрушитъ всѣ мои старанія скрыть отъ него болѣзнь Сережи: онъ знаетъ о смерти, познакомился съ сею мыслью, но не подозрѣваетъ рода болѣзни. Опасаюсь, чтобъ, узнавъ о ней въ Петербургѣ, онъ не сталъ упрекать себя въ причинѣ сей болѣзни. Вынесетъ ли онъ такіе упреки? Онъ все легче перенесетъ, нежели мысль о сей болѣзни Сережи, а какъ скрыть отъ него то, что всѣ знаютъ: онъ уже не объ одномъ оправданіи будетъ думать. Я все надѣялся, что здѣсь, или въ Германіи, легче было бы мнѣ долѣе скрывать отъ него сію тайну, вотъ почему и я желалъ бы, чтобы онъ долѣе не былъ въ Россіи и могъ представить въ другомъ мѣстѣ объясненія свои, напр., въ Эмсѣ! Государь тамъ будетъ: пусть, выслушавъ его, скажетъ одно слово, и братъ свято испол-

---

[1]) Оказать мнѣ справедливость.

[2]) Въ письмѣ отъ 12-го апрѣля 1830 г. Получено нами отъ графа Н. А. Бреверна-де-ля-Гарди.

нитъ повелѣніе и самъ явится, куда укажутъ. Я имѣю довольно силы написать слова сіи и отвѣчаю, что братъ не измѣнитъ ни слову, ни чести. Чувство, его одушевляющее, исполнило и меня. Зная болѣзнь брата, которая не терпитъ сидячей жизни, я не могъ ожидать, чтобы братъ рѣшился явиться особливо теперь, когда лѣченіе ему необходимо. Онъ все бросаетъ, даже дѣло важнѣйшее въ жизни, послѣ оправданія. Я не вымаралъ и строкъ, гдѣ онъ говоритъ о семъ дѣлѣ, дабы и тѣни подозрѣнія не подать. Ввѣряю все государю и вашей тайнѣ, вашему уваженію къ фамильнымъ тайнамъ. Государь, именемъ его Ангела и нашего Ангела-хранителя обѣщаетъ брату доступъ.

«Онъ прочтетъ невинность въ глазахъ его, убѣдится въ ней, разсмотрѣвъ бумаги, выслушавъ его объясненіе. Ноты (оправданіе) брата написаны на случай смерти. Онѣ яснѣе показываютъ все дѣло, ибо братъ многое узналъ и вспомнилъ, чего не могъ знать за три года, когда писалъ послѣднее оправданіе.

«Опасаюсь ареста для его физическихъ силъ; арестъ и тюрьма до рѣшенія дѣла, кажется, излишни и были бы для насъ тяжелымъ унизительнымъ бѣдствіемъ. Лишаютъ людей до суда свободы только за тѣмъ, чтобы воспрепятствовать имъ уйти; а онъ самъ свободно является, повинуясь данному слову государя и своей совѣсти. Будетъ время арестовать, но я не могу думать о семъ несчастіи, думая о государѣ. Нѣтъ причины лишать свободы брата во время суда. Онъ теперь рискуетъ всею жизнію,—и моею, для приговора суда, а не для производства суда.

«Какъ ни скоро отвѣчалъ братъ, какъ ни спѣшу я отправить его письмо къ тебѣ; но все оно придетъ, вѣроятно, уже по отъѣздѣ государя въ Варшаву или въ Эмсъ, не знаю еще куда. Если брату велятъ пріѣхать въ Петербургъ, то согласно изъявленному самимъ государемъ опасенію, брату безъ ареста на континентѣ нельзя пріѣхать въ Петербургъ прежде іюля или августа на пароходѣ, а мы не знаемъ, когда государь возвратится въ Петербургъ: и это обстоятельство заставляетъ меня желать, чтобы брату позволено было пріѣхать въ Эмсъ. Въ августѣ братъ еще можетъ пріѣхать на пароходѣ, позже нельзя и тогда, согласно же волѣ государя надобно будетъ отложить поѣздку до весны. Зимою былъ бы онъ арестованъ вездѣ: этого и государь не хочетъ и потому-то и даетъ совѣтъ ѣхать весною. Надобно бы брату велѣть не ѣздить, иначе онъ поѣдетъ, какъ бы то ни было.

«Надобно бы также, чтобы братъ явился въ Петербургъ въ такое время, когда тамъ государь. Но я все надѣюсь, что не захотятъ отлагать актъ повиновенія безусловнаго моего брата и не найдутъ неудобства позволить ему пріѣхать и въ Эмсъ: характеръ государя не потеряетъ отъ сего въ глазахъ другихъ, когда увидятъ, съ какою довѣрен-

ностію на его судъ ему отдаются.—А для меня главное было бы: скрыть отъ брата болѣзнь другаго.

«Что касается до новыхъ доказательствъ, то братъ ихъ не имѣетъ, но онъ чувствуетъ и знаетъ себя невиннымъ и, зная судей, полагаетъ однакожъ полную, не ограниченную довѣренность на правосудіе государя и увѣренъ, что, для спасенія репутаціи судей, онъ не захочетъ имъ пожертвовать, впрочемъ онъ исполняетъ обязанность и надѣется, что государь выше мелкостей его сенаторовъ. Въ этомъ мы увѣрены, и я спокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ раздѣляю сіе мнѣніе съ братомъ.

«Отъ 8-го апрѣля, братъ оканчиваетъ письмо свое слѣдующими строками: «Еще повторяю, въ отвѣтъ на слова Жуковскаго, что я совершенно увѣренъ, что я могу соотвѣтствовать великодушной готовности государя оказать мнѣ правосудіе, что мои доказательства будутъ совершенно удовлетворительны для государя. Но для судей, какъ говоритъ Жуковскій, я въ томъ же не увѣренъ. «Нѣчто болѣе удовлетворительное»—это нѣчто я не имѣю. Но увѣренъ, что съ моими французскими нотами (на случай смерти написанными) я совершенно оправдаюсь передъ государемъ. Вотъ, что внушилъ мнѣ мой добрый геній. Отвѣтъ, на который намекаетъ Жуковскій, въ случаѣ еслибъ я не согласился явиться, былъ бы съ моей стороны не что иное, какъ une lâcheté» (подлость).

«Я не умѣю и не могу ничего прибавить къ словамъ брата, особливо теперь, когда сердце полно упованіемъ, а душа молитвою. Я слишкомъ встревоженъ. Думаю ѣхать навстрѣчу къ государю съ копіею письма брата, въ случаѣ, если письмо сіе не найдетъ уже государя въ Петербургѣ. Братъ, несущій предъ него всю судьбу брата—о моей бѣдной жизни я не горюю и, право, не думаю—не можетъ быть противенъ тому, коего слова были и обвиненному: «Je saurai lui rendre justice» [1]). Прости, мой милый другъ. Не знаю, съ курьеромъ ли или по почтѣ пошлю это письмо, разсчитавъ какъ лучше. Не узнаю ли отъ тебя, куда мнѣ лучше и когда ѣхать?»

Три дня спустя А. И. Тургеневъ писалъ В. А. Жуковскому [2]):

«Вчера отправилъ къ тебѣ оригинальное письмо брата о пріѣздѣ его туда, куда государь велитъ, съ моею копіею съ онаго и съ моимъ письмомъ къ тебѣ. Всѣ сіи письма посланы съ курьеромъ нашимъ, который вчера долженъ былъ отправиться.

«Сейчасъ получаю новое письмо отъ брата и выписываю, что успѣю о главномъ: ты увидишь, съ какою рѣшительностью и съ какою довѣренностію онъ исполняетъ то, что почитаетъ своею обязанностію, даже

---

[1]) Я съумѣю оказать ему справедливость.

[2]) Въ письмѣ отъ 15-го апрѣля 1830 г. изъ Парижа.

и по полученіи перваго письма твоего послѣ втораго, нами полученнаго.

«Челтенгамъ 9-го апрѣля. Я получилъ вашъ № 59, вы имѣете уже мой отвѣтъ на вашъ № 58. Чѣмъ больше думаю о моемъ положеніи, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что мнѣ не возможно было отказать такое предложеніе, какое мнѣ было сдѣлано, и если бы въ отвѣтѣ государя не было намека не пріѣзжать зимою, а весною, то мнѣ надлежало бы ѣхать немедленно въ Петербургъ, дабы дать болѣе оффиціальности моему отвѣту и болѣе ясности моей готовности отвѣтствовать на отзывъ государя. Я хочу написать оффиціальное письмо къ Ливену, сказавъ, чтобы онъ донесъ государю, что я готовъ явиться и только ожидаю приказанія, куда и когда».

«Болѣе отъ себя ничего не прибавляю; ибо вижу, что всѣ мои хлопоты только вредятъ брату: и онъ это знаетъ, и только изъ деликатности не упрекаетъ мнѣ въ томъ. Напримѣръ, я хлопоталъ о континентѣ, расположилъ противъ себя государя, а братъ никогда не думалъ о континентѣ, никогда не поручалъ мнѣ хлопотать о семъ. Я страшусь послѣдствій, кои сіи хлопоты произвели въ умѣ государя, и умоляю его забыть о нихъ. И ты знаешь и Богъ видитъ, что всѣ сіи хлопоты были безъ участія брата. Для моего успокоенія il me laissait faire (онъ не мѣшалъ мнѣ). Когда услышалъ слова государя—онъ увидѣлъ долгъ свой, обязанность невиннаго, обязанность подданнаго и русскаго и—является. Является, не смотря на мое безпокойство, на мои страданія за него, вопреки моимъ опасеніямъ. Все прежнее должно пасть на мою совѣсть. И тебя утомилъ я хлопотами за насъ. И на тебя, можетъ быть, навлекъ неудовольствіе.—Но вспомни о моемъ положеніи, вспомни, какою болѣзнію я потерялъ другаго брата, вспомни, что я былъ тогда и какія впечатлѣнія болѣзнь и смерть его произвели на меня! И теперь еще главный страхъ мой за брата—отъ болѣзни сердца.

«Николай Тургеневъ не зналъ, что братъ его умеръ въ сумасшествіи и отчего произошло это сумасшествіе. Онъ узнаетъ о ней въ Россіи. Не смѣю просить о позволеніи ему пріѣхать въ Эмсъ, но это позволеніе спасло бы ему ужасную горесть. Да будетъ,—что Богу угодно.

«Братъ, сколько я вижу изъ его писемъ, готовитъ отвѣты свои на рапортъ [1]) коммиссіи, на немъ онъ все основываетъ. Кажется, что справедливость требовала бы по сему акту, по коему братъ обвиненъ былъ, и теперь судить его; но я ничего не хочу позволять себѣ, ни совѣтовать, ни просить, знаю, однакожъ, что опредѣленіе сего пункта весьма важно для насъ. Новаго слѣдствія сдѣлать не возможно, всѣ обвиненія

[1]) На донесеніе слѣдственной коммиссіи.

можно основывать токмо на старомъ слѣдствіи. Чего не найдено слѣдственною коммиссіею, того нельзя вновь искать. Остается судить и рѣшить, можно ли брата признать виновнымъ по тому, что о немъ сказано въ рапортѣ слѣдственной коммиссіи. Предубѣжденіе публики и судей, конечно, утишится, когда увидятъ его передъ судомъ, другаго въ могилѣ. Судьи будутъ знать, имѣя рапортъ предъ глазами, въ чемъ судить, братъ будетъ знать, въ чемъ защищаться, и это для него весьма важно».

Исполняя обѣщаніе, данное брату, Николай Ивановичъ Тургеневъ писалъ князю Ливену:

«Monseigneur,

Dans le moment où un jugement erroné m'a condamné à passer ma vie dans l'exil, j'ai vécu dans l'obscurité et la retraite en Angleterre, dédaignant de jouir de la faveur que la notoriété d'une accusation politique procure auprès de certains hommes dans ce pays, et ne cherchant non plus auprès d'autres la dernière consolation du malheur: celle de leur exposer mon innocence et la dureté de mon sort. Dans ce refuge tranquille et assuré, pour n'être à la charge de personne pour les besoins de mon existence, refusant la société de ceux qui me recherchaient et ne recherchant de mon côté aucune, je n'avais pour consolation que le sentiment profond de mon innocence et la persuasion que ce sentiment me rendait digne de la sécurité que la providence m'avait offerte pour le reste de mes jours. J'ose croire que si votre Altesse Sérénissime veut bien prendre des informations sur la manière dont j'ai passé les dernières quatre années, Elle rendra témoignage de la vérité de ce que j'avance. Quelques amis, à mon insu, crurent qu'il serait utile à ma santé d'avoir la faculté de passer sur le continent, nommément en France ou en Italie, et firent des démarches en conséquence auprès de S. M. L'Empereur. On m'a fait connaître, que S. M. répondit qu'elle ne pouvait et ne voulait autre chose en ma faveur que me rendre justice, si je me croyais innocent et si je me présentais volontairement pour l'obtenir. Cette gracieuse détermination de mon Souverain ne me laisse plus, monseigneur, la faculté de jouir paisiblement de ma retraite en Angleterre. Je dois à mes amis, à moi-même et surtout à Sa Majesté l'Empereur, de me livrer à sa justice. Dès que cette magnanime détermination de S. M. m'a été connue, j'ai répondu que je l'embrassais avec reconnaissance et que je suis prêt à me rendre dans l'endroit qu'il plaîra à Sa Majesté d'indiquer.

Ayant donc directement répondu à cette communication j'ai, aussi recours à V. Altesse Serénissime pour la supplier de faire parvenir au pied du trône la résolution que je viens de prendre, de demander des ordres à

cet égard et me donner, Monseigneur, en son temps vos directions pour mon embarcation. Je suis etc [1])...»

«Я не въ силахъ ничего прибавить,—писалъ при этомъ А. М. Тургеневъ Жуковскому [2]), долженъ только засвидѣтельствовать истину словъ его, что онъ, не смотря на мои убѣжденія хотя заглядывать иногда въ общество для моего успокоенія—оставался всегда и вездѣ одинъ въ своей мрачней комнатѣ, отклонялъ всѣ приглашенія, но спокойный, какъ невинность.

«О континентѣ также никогда не думалъ и не воспользовался бы и позволеніемъ: ты это уже давно знаешь. Никакіе пріятели не хлопотали: одинъ я—одинъ я навлекъ на него и на себя и сіе можетъ быть неудовольствіе государя.

«Слышу, что въ Эмсѣ государь не будетъ: это еще болѣе усиливаетъ мое безпокойство.

---

[1]) Ваше сіятельство. Съ тѣхъ поръ какъ я осужденъ несправедливымъ приговоромъ обрѣтаться въ изгнаніи, я жилъ въ безвѣстности и уединеніи въ Англіи, гнушаясь пользоваться тѣми преимуществами, какія можно пріобрѣсть въ этой странѣ у нѣкоторыхъ лицъ, имѣя славу человѣка, обвиненнаго за политическое преступленіе, и не стараясь также искать у другихъ лицъ послѣднее утѣшеніе въ несчастьи: объяснить имъ мою невинность и жестокость моей судьбы. Чтобы, живя въ этомъ спокойномъ и надежномъ убѣжищѣ, не быть никому въ тягость относительно средствъ къ жизни, я уклонялся отъ общества людей, искавшихъ сближенія со мною, и со своей стороны не искалъ ничьего общества; единственнымъ моимъ утѣшеніемъ было глубокое сознаніе въ моей невинности и убѣжденіе въ томъ, что это сознаніе дѣлаетъ меня достойнымъ той безопасности, какую Провидѣніе предоставило мнѣ на остатокъ дней моихъ. Смѣю думать, что если в. с-во пожелали бы навести справки о томъ, какъ я провелъ послѣдніе четыре года жизни, то вы признали бы справедливость всего сказаннаго мною. Нѣкоторые изъ моихъ пріятелей, полагая, что для моего здоровья было бы полезно переѣхать на континентъ, а именно во Францію или Италію, согласно съ этимъ стали, безъ моего вѣдома, хлопотать о томъ у его императорскаго величества. Меня извѣстили, что его величество отвѣтилъ, что онъ не можетъ и не хочетъ сдѣлать въ мою пользу ничего инаго, какъ оказать мнѣ правосудіе, если я считаю себя невиннымъ и если я явлюсь добровольно, чтобы получить его. Это милостивое рѣшеніе императора не позволяетъ мнѣ, в. с—во, пользоваться долѣе моимъ убѣжищемъ въ Англіи. Я обязанъ передъ своими друзьями, передъ самимъ собою и въ особенности передъ его величествомъ отдать себя въ руки правосудія. Какъ только я узналъ объ этомъ великодушномъ рѣшеніи его величества, я отвѣтилъ, что я принимаю его съ благодарностью и что я готовъ отправиться туда, куда его величества мнѣ укажетъ.

Отвѣтивъ такимъ образомъ на сдѣланное мнѣ сообщеніе, я прибѣгаю къ в. с—ву съ просьбою повергнуть къ подножію престола рѣшеніе, принятое мною, испросить приказаній на этотъ счетъ и дать мнѣ своевременно указанія относительно того, когда я долженъ отплыть отсюда.

[2]) Въ письмѣ отъ 22-го апрѣля 1830 г.

«Я почти не пишу къ брату: что могу, что долженъ я говорить ему? Онъ дѣйствуетъ самъ собою, и мои хлопоты всегда и вездѣ только вредятъ ему.—Безъ всякихъ видовъ, только съ надеждою на справедливость государя, а не судей, отдается онъ въ руки его, подъ щитъ его. Что кромѣ чувства невинности и довѣренности къ государю—что могло рѣшить его на сей поступокъ, зная, что одно производство дѣла будетъ для меня и для него бѣдствіемъ?

«Онъ былъ такъ спокоенъ въ Англіи, въ уголку своемъ! Онъ ищетъ одного правосудія въ Россіи, отъ одного государя, его надѣется: все остальное для остальной жизни имѣетъ онъ въ Англіи. Я и самъ не замѣчалъ въ немъ всей силы его желанія, сего чувства и тяжести неоправданной невинности.—Перечитываю его письма, молюсь и надѣюсь.

«Пишу на почтѣ, она отходитъ. Прости, мой милый».

По полученіи всеподданнѣйшаго письма Николая Тургенева и двухъ первыхъ писемъ А. И. Тургенева, Жуковскій писалъ государю:

«Представляя при семъ въ оригиналѣ и въ копіи письмо Николая Тургенева, писанное къ брату его тотчасъ по сообщеніи ему словъ вашего императорскаго величества, переданныхъ мнѣ отъ вашего имени государынею императрицею, почитаю необходимымъ изъяснить, почему такъ долго не было получено мною сего отвѣта.

«Письмо мое къ Александру Тургеневу въ Парижъ, въ коемъ я сообщилъ ему слова вашего величества, было отъ 30-го генваря, но я послалъ его не прежде, какъ 27-го февраля, ибо не желалъ, чтобы оно шло по почтѣ, и дожидалъ курьера. Александръ Тургеневъ получилъ его 29-го марта и на другой же день отправилъ къ брату въ Чельтенгамъ; но письмо не нашло его въ Чельтенгамѣ, онъ былъ въ Батѣ, туда и было оно послано, и тамъ застало его въ самую минуту обратнаго его отъѣзда въ Чельтенгамъ. Все это произвело замедленіе, но по выставленному на оригиналѣ письма числу ваше величество увидите, что его отвѣтъ послѣдовалъ немедленно по полученіи письма и что онъ нисколько не поколебался своимъ отвѣтомъ.

«Для объясненія сего отвѣта я долженъ представить вашему величеству, тѣ строки изъ письма моего, къ коимъ онъ относится. Вотъ, что было мною написано: (Далѣе должна была слѣдовать выписка изъ письма Жуковскаго къ А. Н. Тургеневу отъ 30-го января).

«Вотъ, что я написалъ. (Эти строки я сообщилъ тогда же государынѣ и она благоволила ихъ одобрить), полагая, что Николай Тургеневъ, не имѣя въ доказательство своей невинности ничего, кромѣ того, что было уже имъ написано и что уже не показалось самимъ вамъ удовлетворительнымъ, поколеблется. Но вижу, что я зналъ его худо. Онъ не поколебался.

«Не позволяю себѣ дѣлать никакихъ замѣчаній на письмо его. Осмѣ-

люсь только обратить вниманіе вашего величества на слѣдующее. Николай Тургеневъ имѣлъ несчастіе не явиться по первому вызову въ такое время, когда еще приговоръ не былъ произнесенъ надъ нимъ: въ этой неявкѣ видна одна недовѣрчивость (которой и извинить нельзя) къ судьямъ. Но она изъясняется его тогдашнимъ отдаленіемъ отъ Петербурга, его болѣзнію, письмами брата, который, страшась за жизнь его, убѣждалъ его прислать объясненіе письменное, и наконецъ тѣмъ, что онъ зналъ, какое предубѣжденіе на счетъ его распространено было въ обществѣ и въ самыхъ его судьяхъ. Если не явился онъ послѣ, а представилъ одно письменное подробное объясненіе, то онъ уже не могъ явиться, ибо приговоръ былъ произнесенъ, и онъ не имѣлъ никакого права надѣяться, чтобы онъ былъ допущенъ къ суду: если бы онъ явился, то по всей справедливости онъ былъ бы просто преданъ наказанію, какъ преступникъ уже осужденный. Теперь по одному царскому слову, уже приговоренный, не страшась прежнихъ судей свои(хъ), но зная своего верховнаго судью, котораго четыре года царствованія познакомили коротко съ Европою и Россіею, онъ готовъ явиться безусловно, когда и куда повелитъ сей судья великодушный. Письмо его было писано къ брату съ тѣмъ, чтобы онъ доставилъ ко мнѣ одну выписку; а братъ доставилъ в с е письмо въ оригиналѣ. Благоволите обратить вниманіе на отмѣченныя мн(о)ю строки. Изъ нихъ увидите, какую имѣлъ онъ надежду и что для себя готовитъ. (Эта семейная тайна ввѣряется вамъ, государь). И онъ все покидаетъ; онъ предаетъ себя вамъ. Что повелите, то и будетъ. Благоволите же, всемилостивѣйшій государь, изъявить, что долженъ я отвѣчать его брату» [1]).

Указанія императора намъ, пока, въ точности неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ были неблагопріятны, какъ видно изъ ниже слѣдующаго письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу:

«Спѣшу извѣстить тебя о томъ, что случилось. Все рѣшено для брата. Ты и онъ будете обвинять меня въ опрометчивости — винюсь съ сокрушеннымъ сердцемъ! Меня мучитъ мысль, что я произвелъ (въ) васъ новую надежду со всѣми ея волненіями [2]). Я не понялъ словъ государя, переданныхъ мнѣ императрицею, и далъ имъ слишкомъ обширное значеніе. Въ нихъ не заключалось никакого вызова на судъ и

---

[1]) Печатается съ черноваго отпуска, принадлежащаго графу Н. А. Бреверну-де-ля-Гарди.

[2]) Первоначально было написано: „Ты и онъ будете обвинять меня въ опрометчивости [въ томъ, что я возбудилъ въ васъ новую надежду, привелъ васъ въ новое волненіе. Что жъ дѣлать! Это меня мучитъ, но исправить не могу“].

на оправданіе, ибо [1]) въ этомъ отношеніи для брата все кончено, и онъ новаго суда ни ожидать, ни требовать не въ правѣ, и государь его ему не дастъ. Если бы братъ явился и безусловно предалъ себя великодушію государя, то его величество рѣшилъ бы тогда самъ, какое существованіе могло бы быть дано ему, осужденному въ Россіи безъ уничтоженія осудившаго его приговора. Таковъ былъ истинный смыслъ сказаннаго мнѣ отвѣта. И такъ повторяю: ему обѣщанъ былъ не судъ, а одно только измѣненіе его участи безъ оправданія. Я виноватъ передъ братомъ, что своею поспѣшностію вовлекъ его въ заблужденіе; виноватъ и передъ государемъ императоромъ, и страшусь, не навлекъ ли на себя неблаговоленіе его величества. Я поступилъ весьма опрометчиво и неосторожно, тѣмъ болѣе, что уже и самъ государь лично изъявилъ мнѣ за нѣсколько дней передъ симъ свое неудовольствіе за то, что я вмѣшиваюсь въ дѣло, до меня не принадлежащее. Могу быть извиненъ [2]) одною только чистотою намѣренія. Благодарю Бога, что Онъ избавилъ меня отъ горькаго раскаянія въ чемъ-нибудь большемъ. Теперь вы все знаете [3]).

«Остается мнѣ дать или, лучше сказать, повторить тебѣ особенно прежній совѣтъ свой: не тревожь Николая. Безъ тебя давно бы уже онъ смотрѣлъ на судьбу свою глазами твердыми и покорился бы ея могуществу. Ты долженъ быть ему помощникомъ и утѣшителемъ, а не обременителемъ его жребія. Теперешній случай долженъ рѣшительно объяснить для тебя твою должность. Прости».

Прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ Н. Тургеневу было разрѣшено жить на континентѣ, и онъ поселился тогда въ Парижѣ.

III.

В. А. Жуковскій и В. К. Кюхельбекеръ.

Въ 1837 году В. А. Жуковскій сопровождалъ великаго князя Александра Николаевича, тогда наслѣдника престола, въ его путешествіи

---

[1]) Первоначально было написано: «Въ нихъ не заключалось никакого обѣщанія суда, и братъ вызывался не къ оправданію, котораго онъ уже получить никогда не можетъ, но просто».

[2]) Сначала было написано: „Могу быть оправданъ и передъ нимъ и передъ вами".

[3]) Затѣмъ зачеркнуто: «Прости» и еще слѣдующее: „Но я винюсь передъ однимъ Николаемъ, а не передъ тобою. Ты своими тревогами доселѣ нарушалъ и послѣдній остатокъ спокойствія, возможнаго въ его положеніи. Ты искалъ для него того, о чемъ онъ и не думалъ. Мои объ этомъ старанія, никому не полезныя, а мнѣ только одному вредныя довели....."

по Сибири, гдѣ они видѣли многихъ декабристовъ. Положеніе ихъ какъ нравственное, такъ и матеріальное было весьма тяжелое. Оторванные отъ семействъ, поставленные въ совершенно иныя условія жизни, они были лишены всякихъ сношеній съ родными и друзьями. Переписка съ ними навлекала подозрѣніе правительства, и потому многіе избѣгали ея. Такъ, когда, въ 1836 году, А. С. Пушкинъ получилъ письмо отъ Кюхельбекера, онъ немедленно представилъ его въ III отдѣленіе и при этомъ писалъ 28-го апрѣля 1839 г. статсъ-секретарю Александру Николаевичу Мордвинову [1]):

«Спѣшу препроводить къ вашему превосходительству полученное мною письмо. Мнѣ вручено оное съ недѣлю, по моему возвращенію съ прогулки; оно было просто отдано моимъ людямъ безо всякаго словеснаго порученія неизвѣстно кѣмъ. Я полагалъ, что письмо доставлено мнѣ съ вашего вѣдома. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть» и проч.

Письмо это было возвращено Пушкину, какъ не заключающее въ себѣ ничего не позволительнаго [2]), но за то второе письмо Кюхельбекера, приводимое нами ниже, не было передано по назначенію и оставлено въ дѣлахъ.

«Ты хочешь,—писалъ В. К. Кюхельбекеръ А. С. Пушкину [3]),—чтобы я тебѣ говорилъ о самомъ себѣ. Нынѣ это мнѣ еще совершенно невозможно: въ судьбѣ моей жизни произошла такая огромная перемѣна, что и понынѣ душа не устоялась. Дышу чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, иду, куда хочу, не вижу ни ружей, ни конвоя, не слышу ни скрипа замковъ, ни шопота часовымъ при смѣнѣ [4]). Все это прекрасно, а между тѣмъ говорить ли? порою жалко о своемъ уединеніи. Тамъ я былъ ближе къ вѣрѣ, къ поэзіи, къ идеалу. Здѣсь все не такъ, какъ ожидалъ даже я, порядочно, кажись, разочарованный на счетъ людей и того, чего можно отъ нихъ требовать. Впрочемъ le goût me viendra en mangeant,—вотъ напримѣръ какъ вчера въ лѣсу, когда предложили мнѣ вмѣсто обѣда соленыхъ омулей, нѣсколько, какъ говорятъ здѣсь в о н ь к и х ъ, отъ нихъ чуть было не сорвало съ души. Но, протаскавъ цѣлое утро бревна и доски, я усталъ, проголодался и вообрази: съѣлъ цѣлаго омуля. Такъ-то наконецъ и нравы здѣшніе придутся же мнѣ по зубамъ. Еще одно: когда

---

[1]) Управлявшему III отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи.

[2]) Отношеніе статсъ-секретаря Мордвинова А. С. Пушкину отъ 30-го апрѣля 1836 г. № 1416.

[3]) Въ письмѣ отъ 3-го августа 1836 года изъ Баргузина.

[4]) Кюхельбекеръ долгое время содержался въ Динабургской крѣпости. По случаю польскаго мятежа онъ былъ, въ апрѣлѣ 1831 г., отправленъ въ Ревель, 7-го октября перевезенъ въ Свеаборгъ, а затѣмъ отправленъ въ Сибирь и поселенъ въ Баргузинѣ.

я началъ дневникъ свой, я именно положилъ, чтобы онъ отнюдь не былъ исповѣдью, а вышло напротивъ: проговариваюсь и довольно часто. Иначе и быть не можетъ. Есть случаи, гдѣ «всякъ человѣкъ ложь»; но есть и такіе, гдѣ всякъ человѣкъ—истина. Писать къ тебѣ о самомъ себѣ, какъ не высказать того, что во мнѣ бродитъ. А это еще рано.

«Ты, другъ, Александръ Сергѣевичъ, полагаешь, что я получалъ въ крѣпости много литературныхъ новостей,—ошибаешься. Французскихъ и нѣмецкихъ мнѣ давали очень немного; изъ русскихъ только въ послѣднее время попадались мнѣ не совсѣмъ еще старыя».

Освобожденіе изъ крѣпости и поселеніе въ Баргузинѣ ухудшили положеніе Кюхельбекера. Вообще облегченія участи сосланныхъ были дѣлаемы весьма рѣдко и въ размѣрахъ самыхъ ограниченныхъ. Сначала имъ сокращались сроки, назначенные для бытности въ каторжной работѣ, потомъ они, находясь на поселеніи, всякій разъ по просьбамъ ихъ и по ходатайству мѣстнаго начальства, были переводимы изъ суровыхъ мѣстъ въ болѣе умѣренныя, или изъ селеній въ города, но не иначе, какъ въ предѣлахъ Сибири. Многіе изъ нихъ, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, принуждены были пропитывать себя тяжелымъ трудомъ хлѣбопашца. Трудъ этотъ былъ для нѣкоторыхъ и не по характеру и не по силамъ, и заставлялъ стремиться къ выходу изъ такого положенія.

«Я подалъ просьбу, писалъ—В. К. Кюхельбекеръ графу Бенкендорфу [1]),—о дозволеніи мнѣ жениться на любимой мною дѣвушкѣ. Я долженъ буду содержать жену, но слѣдуетъ вопросъ: какимъ образомъ? Рана пулею въ лѣвое плечо и недостатокъ тѣлесныхъ силъ будутъ мнѣ всегдашнимъ препятствіемъ къ снискиванію пропитанія хлѣбопашествомъ или какимъ-либо рукодѣліемъ.

«Осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему сіятельству съ просьбою оказать милость исходатайствованіемъ мнѣ у государя императора дозволенія питаться литературными трудами, не выставляя на нихъ моего имени. Мнѣ не нужно говорить вашему сіятельству, что благодарность моя за эту милость будетъ безпредѣльна; благодарность эту я могу доказать одною лишь молитвою предъ Богомъ о благоденствіи моего государя, милосердаго и человѣколюбиваго даже въ наказаніяхъ, и о благѣ того, который за меня будетъ ходатайствовать при его высокой особѣ. Но я увѣренъ, что ни великодушный монархъ, ни ваше сіятельство не отвергнете моего моленія. Я оканчиваю; сердце мое слишкомъ полно и не даетъ мнѣ писать болѣе. Съ чувствомъ страха, которое ваше сіятельство мнѣ вѣрно простите, какъ послѣдствіе столь многихъ не сбывшихся надеждъ, но и съ совершенною увѣренностію въ милосердіе того,

[1]) Отъ 9-го октября 1836 г. изъ Баргузина.

чье великое сердце въ рукѣ Божіей, и въ благородное стремленіе ваше по возможности способствовать облегченію нашей участи».

Разрѣшенія не послѣдовало, и на просьбѣ было написано «нельзя».

Отказъ, конечно, произвелъ на Кюхельбекера тяжелое, удручающее впечатлѣніе, но скоро блеснулъ лучъ надежны, когда въ Сибири узнали о предстоящемъ посѣщеніи ея наслѣдникомъ престола. Всѣ оживились и съ нетерпѣніемъ ожидали гостя. Сибиряки были въ восторгѣ; въ восторгѣ былъ и высокій путешественникъ.

«Начну съ того,—писалъ онъ отцу, императору Николаю [1]),—чтобы благодарить тебя за мысль твою послать меня въ этотъ отдаленный, любопытный край, который никого изъ насъ еще не видѣлъ и въ настоящемъ случаѣ чувствуетъ съ благодарностью высокое вниманіе своего государя, котораго сибиряки настоящіе (коренные) умѣютъ любить.

«Восторгъ, съ которымъ меня здѣсь вездѣ принимали, меня точно поразилъ, радость была искренняя, во всѣхъ лицахъ видно было чувство благодарности своему государю за то, что онъ не забылъ своихъ отдаленныхъ подданныхъ, душевно ему привязанныхъ, и прислалъ къ нимъ сына своего, который также умѣетъ цѣнить счастіе дѣлать счастливыми другихъ. Я точно не знаю, какъ благодарить тебя, милый папа, за то, что ты меня прислалъ сюда, ибо пребываніе мое здѣсь принесло и жителямъ и мнѣ душевную радость. Они говорятъ, что доселѣ Сибирь была особенная страна, а теперь сдѣлалась Россіей.

«Сибирскій край чрезвычайно любопытный, и мнѣ очень жаль, что въ этотъ разъ не удалось далѣе съѣздить, надѣюсь при томъ, что если Богъ дастъ, современемъ и туда попасть. Я видѣлъ многихъ пріѣзжихъ оттуда, и всѣ очень сожалѣютъ, что я не могу къ нимъ заѣхать. Здѣшнее населеніе надобно раздѣлить совершенно на (двѣ) отдѣльныя части: старожилы или коренные сибиряки, народъ чисто русскій, привязанный къ своему государю и ко всей нашей семьѣ, нравственные, живущіе спокойно и во благоденствіи, ибо земля у нихъ удивительная,—все черноземъ; народъ собою видный.

«Другая же часть населенія Сибири совершенно другаго рода и пагубная для сего края,—это суть поселенцы или сосланные на поселеніе, которые больше ничего не дѣлаютъ, какъ бродятъ по большимъ дорогамъ, грабятъ, обижаютъ жителей и для нихъ настоящее бремя. Присмотръ за ними невозможенъ. Мы заходили въ нѣсколько избъ, и крестьяне намъ говорили, что когда они на работу уходятъ, то ставятъ на окошки хлѣбъ, соль и квасъ для бродягъ ссыльныхъ, а не то зажгутъ имъ деревню или разграбятъ домъ. Нечего сказать, незавидное положеніе, которому однако весьма трудно пособить.....

[1]) Отъ 3-го іюня 1837 года изъ Тобольска.

«Горчаковъ [1]), пользуясь моимъ прибытіемъ сюда, осмѣливается ходатайствовать за испрошеніе прощенія нѣкоторымъ несчастнымъ, того истинно заслуживающимъ; онъ вѣрно за недостойныхъ не сталъ бы просить. Во-первыхъ, онъ проситъ позволенія произвести изъ рядовыхъ 1-го линейнаго сибирскаго баталіона Чижова въ унтеръ-офицеры, свидѣтельствуя его усердную и ревностную службу и тихое, скромное поведеніе. Онъ объ этомъ вошелъ съ представленіемъ къ гр. Чернышову. Помянутый Чижовъ, за принадлежаніе тайному обществу и знаніе цѣли его, лишенъ лейтенантскаго чина и дворянства 10-го іюля 1826 г. и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе; но по высочайшему повелѣнію, объявленному графомъ Бенкендорфомъ 24-го іюня 1833 г., опредѣленъ на службу рядовымъ въ 1-й линейный Сибирскій баталіонъ. Кромѣ того онъ еще проситъ о прощеніи лишенныхъ чиновъ и дворянства и сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе Павла Рукина, Льва Кузнецова и жены его, достойныхъ всемилостивѣйшаго милосердія по скромной жизни и хорошему поведенію. Просьбы ихъ пересылаю въ особенномъ пакетѣ. Осмѣливаюсь присовокупить къ этому и мое ходатайство: мнѣ бы чрезвычайно пріятно было, милый и безцѣнный папа, если это возможно, чтобы пріѣздъ мой принесъ этимъ несчастнымъ облегченіе въ ихъ судьбѣ».

«По утру я выслушалъ обѣдню въ соборѣ въ Курганѣ,—писалъ великій князь-наслѣдникъ въ другомъ письмѣ [2]). Тамъ находятся нѣкоторые изъ причастныхъ къ дѣлу 14-го числа (декабря), именно: Лореръ, Лихаревъ, Назимовъ (бывшій конноніонеръ), Нарышкинъ, Розенъ, Фохтъ и Фурманъ. Я нарочно справлялся о нихъ и узналъ, что какъ они, такъ и живущіевъ Ялуторовскѣ и въ другихъ мѣстахъ, ведутъ себя чрезвычайно тихо и точно чистосердечно раскаялись въ своемъ преступленіи; ихъ раскаянію можно повѣрить. Мой Назимовъ [3]) заходилъ къ своему однофамильцу, его дальнему родственнику и говоритъ, что онъ его совершенно разстроилъ своимъ раскаяніемъ. Онъ ему говорилъ, что если даже государь насъ проститъ, то мы всю жизнь сами себѣ не простимъ наше преступленіе: это пятно неизгладимое. Я ихъ всѣхъ почти видѣлъ въ церкви; въ особенности хвалятъ Нарышкина. Онъ благодѣтель всего города, жена его, почтенная женщина, написала мнѣ письмо, которое я тебѣ пересылаю тоже. Она проситъ, послѣ 10 лѣтъ разлуки, повидаться съ матерью, посовѣтоваться съ докторами на счетъ своей болѣзни и потомъ опять воротиться къ своему мужу.

---

[1]) Сибирскій генералъ-губернаторъ.

[2]) Отъ 6-го іюня 1837 г.

[3]) Полковникъ Влад. Ив. состоявшій при великомъ князѣ наслѣдникѣ.

«Еще Фохтъ писалъ письмо В. А. Жуковскому, въ которомъ онъ проситъ исходатайствовать ему позволеніе ѣхать въ Тобольскъ полѣчиться. Онъ проситъ: нельзя ли старшему сыну его, живущему въ Россіи, позволить пріѣхать повидаться съ матерью.

«Осмѣливаюсь я съ своей стороны ходатайствовать передъ тобою за сихъ несчастныхъ, вполнѣ раскаявшихся въ своемъ преступленіи и готовыхъ пролить послѣднюю каплю крови за своего государя, уже облегчившаго ихъ судьбу, на которую они не думаютъ роптать».

Эти теплыя слова наслѣдника престола въ защиту ссыльныхъ раздѣлялись и всею его свитою, въ особенности В. А. Жуковскимъ.

«Особенно поразила меня,—писалъ онъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ [1]),—во всѣхъ ихъ [2]) смиренная покорность судьбѣ своей и въ то же время признаніе вины своей и той кротости, какая была ими оказана во всѣ эпохи ихъ изгнанія. Ни одного изъ встрѣченныхъ мною въ Курганѣ я не зналъ прежде, но свиданіе со мною было имъ отрадою, правда, минутною. И, простясь съ ними, я живо почувствовалъ, что̀ такое изгнаніе! Мы исчезли для нихъ какъ тѣни. На одинъ мигъ явилась передъ ними Россія, и родные, и погибшее прошлое, и осталось отъ всего безнадежное будущее. А ихъ дѣти, оставленныя въ Россіи или родившіяся въ изгнаніи; а ихъ родные, для которыхъ давно совершившееся бѣдствіе не состарѣлось, а свѣжо и живо, какъ въ первую минуту».

Такія мысли о тяжкомъ положеніи многихъ товарищей и друзей юности произвели глубокое впечатлѣніе на добрую и чистую душу В. А. Жуковскаго и вызвали съ его стороны сердечное желаніе облегчить ихъ участь. Узнавъ, что наслѣдникъ ходатайствуетъ объ облегченіи участи осужденныхъ, онъ не могъ утерпѣть отъ желанія вновь просить милости у императора Николая и писалъ ему 8-го іюня 1837 г. изъ Златоуста [3]):

«Великій князь покинулъ Сибирь, которую обрадовало несказанно его минутное присутствіе. Этотъ случай побуждаетъ меня повергнуть къ стопамъ вашего в(еличест)ва нѣкоторыя мысли, которыя давно таились въ душѣ моей, но теперь съ новою живостію въ ней пробудились.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 24-го іюня 1837 г. изъ Симбирска. Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 7-е, 1878 г. Т. VI, стр. 318.

[2]) Сосланныхъ по дѣлу 14-го декабря.

[3]) Письмо это обязательно доставлено намъ И. А. Бычковымъ и списано съ чернового подлинника, находящагося въ одной изъ тетрадокъ дневника Жуковскаго за 1837 г. Дневникъ хранится въ Императорской публичной библіотекѣ (см. И. А. Бычковъ. Бумаги Жуковскаго. С.-Петерб. 1887 г. стр. 14) и письмо занимаетъ листы: 31, 30, 29, 28, 27 и 26 (страницы переименованы обратно).

*

Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что я долженъ ихъ сообщить вамъ, что я погрѣшу передъ вами, передъ в(еликимъ) к(няземъ) и передъ собою, если этого не сдѣлаю. Я повинуюсь этому влеченію въ полной увѣренности, что вы, государь, оправдаете мое намѣреніе и въ такомъ случаѣ, когда не согласитесь со мною.

«Ни одинъ изъ русскихъ царей не имѣлъ прекрасной мысли вашей, мысли, достойной царя самодержавнаго, послать своего наслѣдника знакомиться съ будущимъ его царствомъ.

«И ни одинъ изъ вашихъ великихъ предшественниковъ не могъ имѣть такой мысли; сынъ Петра былъ недостоинъ отца своего; Екатерина имѣла несчастіе быть нечадолюбивою матерію; Александръ не былъ отцомъ. Вамъ однимъ судилъ Богъ, съ наслажденіемъ добраго и счастливаго отца, во всемъ цвѣтѣ жизни, обѣщающей намъ еще многіе годы благословеннаго вашего царствованія, показать любимому сыну Россію, и какую Россію! Такого праздника еще ей не давали цари ея. Плодъ путешествія наслѣдника не будетъ пріобрѣтеніе точныхъ свѣдѣній о тѣхъ краяхъ, кои онъ увидитъ; это физически и морально невозможно. И это, впрочемъ, не есть главная цѣль его путешествія.

«Нѣтъ, онъ долженъ увидѣть Россію и ею быть увидѣннымъ; онъ долженъ ее полюбить и пріобрѣсть любовь ея. И это будетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ того, что онъ видитъ и будетъ видѣть. При въѣздахъ его въ города, улицы кипятъ народомъ, кровли имъ усыпаны, все толпится къ нему съ криками радости, и большая часть, глядя на него, молится. Цѣлыя волости собираются на дорогу и въ два ряда выстраиваются по сторонамъ ея. Эти картины (съ нѣкоторыми измѣненіями, смотря по характеру и происхожденію жителей) встрѣчаетъ онъ на каждомъ шагу. Видѣвшіе его, конечно, сохранятъ память о днѣ, въ который его встрѣтили; а онъ возвратится къ вамъ съ живѣйшею любовію къ вашему и своему будущему царству, ибо онъ видѣлъ къ себѣ отъ этого царства и всей Россіи любовь неподкупленную, и сіе чувство встрѣтило его на первомъ шагѣ его.

«Государь! Россія видитъ въ немъ вашего представителя; она съ благодарностію понимаетъ васъ, и въ этомъ царскомъ посольствѣ, единственномъ въ нашихъ лѣтописяхъ, видитъ вашу отеческую заботливость о ея будущемъ благоденствіи и о будущемъ вашего сына: еще при себѣ, въ цвѣтѣ могущественнаго царствованія, вы хотите ихъ подружить, вы хотите своимъ присутствіемъ запечатлѣть этотъ законный союзъ, на которомъ, конечно, останется печать вашего царскаго и родительскаго благословенія во благо сына и подданныхъ. Все это прекрасно, и все это вездѣ понимаютъ.

«Будучи свидѣтелемъ этихъ встрѣчъ народныхъ и видя въ нихъ разнообразное выраженіе одного и того же общаго чувства, вѣрности къ

трону (еще полному, нигдѣ не расточенному наслѣдію народа русскаго), я сожалѣю только о томъ, что вы не можете быть ихъ невидимымъ свидѣтелемъ. Это была бы величайшая радость родительскому сердцу.

«Такъ, государь, онъ вашъ представитель, но представитель не вашей власти—власть впереди, она есть просто право наслѣдства,—а вашей благости (прекраснаго достоянія царей, и исключительнаго, лучшаго достоянія царей самодержавныхъ). И Россія видѣла лице этого представителя. Нельзя (было) выбрать болѣе привлекательнаго представителя святѣйшей изъ добродѣтелей царскихъ. Но, будучи представителемъ вашей благости, пускай оставитъ онъ по себѣ и ея памятникъ, такой памятникъ, который бы вся Россія разомъ, съ одною общею молитвою, воздвигнула отцу милующему и сыну, посреднику милосердія.

«Скажу то слово, которое хотѣлъ уже сказать вамъ, съ вѣрою въ вашу высокую душу, въ день совершеннолѣтія наслѣдника и которое теперь еще приличнѣе сказать, ибо обстоятельства благопріятствуютъ и нѣкоторымъ образомъ вызываютъ изъ души моей это слово. Государь, даруйте всепрощеніе несчастнымъ, осужденнымъ и достойно наказаннымъ по заговору 1825 года. Пускай этотъ актъ, въ которомъ выразится самодержавіе во всей свойственной ему красотѣ и силѣ, ознаменуетъ первое посѣщеніе Сибири сыномъ царскимъ. Пускай въ то же время скажутъ по всей Россіи: государь показалъ намъ своего сына ангеломъ радости.

«Этотъ ангелъ увидѣлъ страданіе и несчастіе и сдѣлалъ свое дѣло; онъ молилъ за нихъ своего правосуднаго отца, и отецъ послушалъ сына, подобно Отцу Небесному, передъ Которымъ Сынъ ходатайствовалъ о спасеніи осужденныхъ. А это, государь, скажутъ всѣ, и съ какимъ чувствомъ къ вамъ и къ вашему сыну!

«Правосудіе совершило дѣло свое во всей полнотѣ. Заговоръ, произведенный коварнымъ замысломъ немногихъ и фантастическимъ заблужденіемъ другихъ или опрометчивою молодостію остальныхъ, задушенъ былъ въ самую первую минуту героизмомъ царя, и эта минута насъ познакомила съ нашимъ государемъ. Судъ надъ преступниками, произнесенный съ небывалою дотолѣ всенародностію и совершенный съ строгостію рѣшительною, явилъ могущество правительства и ужаснулъ злонамѣренныхъ. Вся Россія была за-одно съ своимъ государемъ и вмѣстѣ съ нимъ осудила заговорщиковъ противъ общественнаго порядка. Можно сказать, что этотъ безумный опытъ потрясти тронъ послужилъ только къ его утвержденію, ибо, конечно, съ тѣхъ поръ гораздо болѣе счесть можно людей, для коихъ, при мысли о томъ, какія бы слѣдствія имѣлъ заговоръ, если бы онъ имѣлъ успѣхъ, стала гораздо яснѣе мысль о необходимости для насъ самодержавной власти. Но казнь правосудная, отмстивъ виновнымъ, должна была необходимо ввергнуть тысячи се-

мействъ въ глубокій трауръ; и этотъ трауръ лежитъ на всей Россіи, ибо семейства сіи разсѣяны по всему ея пространству. Причина казни, такъ сказать, не существуетъ, ибо казнь ее уничтожила, а скорбь, произведенная казнію, скорбь отцовъ и матерей, братьевъ и сестеръ, родныхъ и друзей, жива и не умретъ; напротивъ, будетъ получать совсѣмъ особенный характеръ живости по мѣрѣ продолжительности наказанія и отъ ужаснаго чувства безнадежности и черной мысли о неумолимости. Это чувство, столь естественное въ пострадавшихъ и столь же естественно раздѣляемое состраданіемъ постороннихъ, пережило вину преступниковъ. Сколько ежедневно слезъ проливается передъ Богомъ, сколько рукъ подымается къ Спасителю съ молитвою: «Смягчи сердце царево, да помилуетъ заблуждшихъ». Въ то же время и эти заблужденія, конечно, пережили свое заблужденіе: ихъ преступленіе не входитъ въ разрядъ неисцѣлимаго разврата; оно въ большей части не иное что, какъ пагубное заблужденіе, произведенное безпорядочнымъ воспитаніемъ, обстоятельствами тогдашняго времени и, смѣю прибавить, нѣкоторыми ошибками тогдашняго правительства. Теперь несчастіе дало имъ новое воспитаніе; оно познакомило ихъ съ своимъ необходимымъ товарищемъ—религіею. Можно быть увѣреннымъ, что подъ этимъ двойнымъ вліяніемъ произошла въ нихъ значительная перемѣна, которая можетъ сдѣлать ихъ надежнѣе самихъ не испытавшихъ преступленія; они ясно увидѣли, къ чему могутъ привести мысли превратныя; несчастіе научило ихъ смиренію, изгнаніе врѣзало въ нихъ живѣйшую любовь къ отечеству; а кротость, съ какою въ самой строгости своей поступило съ ними правосудіе, конечно, вселила въ нихъ благодарность къ государю, ихъ покаравшему. Однимъ словомъ, всемилостивѣйшій государь, время карающей строгости миновалось, время благости спасающей, примирительной наступило. Никогда случай, подобный теперешнему, не представится вамъ для облегченія дѣйствія вашей благости. Теперь Россія васъ знаетъ и по первой героической минутѣ вашего царствованія и по многимъ другимъ, еще болѣе героическимъ; Россія знаетъ, какую силу духа можете вы раскрыть въ тѣ минуты, когда надобно поплатиться собою; она видѣла, какъ вы сильно, вопреки самымъ крикамъ Европы, умѣли поддержать права свои и раздавить мятежничество. Она не назоветъ слабостію вашей благости. Всепрощеніе въ сію минуту будетъ самымъ произвольнымъ дѣйствіемъ самодержавія, ему одному приличнымъ и тѣмъ именно, по коему оно пріобрѣтаетъ характеръ божественности. Здѣсь, какъ самодержецъ, (который) даетъ законъ—самъ произвольно можетъ его отмѣнить. Вы можете сказать: «Я прощаю, потому что хочу простить; потому (что) на это есть моя воля, потому что мой сынъ объ этомъ просилъ меня». Боже мой, сколько ранъ вдругъ исцѣлится однимъ такимъ божественнымъ словомъ!

Какія молитвы со всѣхъ концовъ отечества полетятъ за васъ и за него! Какой новый блескъ получите вы въ глазахъ всей Россіи! Другой подобной минуты не будетъ».

Письма сына-наслѣдника и В. Жуковскаго не остались безрезультатными. Въ указѣ Правительствующему Сенату отъ 22-го іюля 1837 года изъ Ропши [1]), императоръ Николай I писалъ:

«Внявъ ходатайству любезнѣйшаго сына нашего, наслѣдника нашего престола, цесаревича и великаго князя Александра Николаевича, мы признали за благо оказать нѣкоторыя облегченія и милости тѣмъ изъ находящихся въ Сибири ссыльнымъ, кои хотя очернили себя заблужденіями и преступленіемъ, но нынѣ поведеніемъ своимъ заслуживаютъ, чтобы на нихъ было обращено дѣйствіе нашего милосердія».

Это милосердіе выразилось въ различныхъ облегченіяхъ участи ссыльныхъ, сокращеніемъ наказаній, опредѣленныхъ по суду, переводомъ на поссленіе, дозволеніемъ поступать на службу и проч. [2]).

---

[1]) См. Полное Собр. Законовъ т. XII, № 10470.

[2]) Разсмотрѣвъ,—было сказано далѣе въ томъ же указѣ,—представленныя намъ о положеніи ссыльныхъ вообще свѣдѣнія, повелѣваемъ:

1) Тѣмъ, кои, принадлежа къ податнымъ состояніямъ, сосланы въ Сибирь на поселеніе безъ тѣлеснаго наказанія, дозволить возвратиться во внутреннія губерніи Имперіи для избранія тамъ рода жизни, если они въ назначенныхъ имъ мѣстахъ ссылки пробыли не менѣе пяти лѣтъ до прибытія наслѣдника престола нашего цесаревича и великаго князя Александра Николаевича въ Тобольскъ, и во все сіе время вели себя неукоризненно, не бывъ ни подъ судомъ, ни въ бѣгахъ; изъ сего исключить только тѣхъ, кои сосланы за преступленія противъ вѣры, или же за бродяжество при упорномъ сокрытіи своихъ именъ, состоянія и происхожденія, или наконецъ по волѣ помѣщиковъ и по приговорамъ городскихъ и сельскихъ обществъ за неисправимое развратное поведеніе; исключить равномѣрно тѣхъ, кои, женясь въ Сибири, обзавелись тамъ прочнымъ хозяйствомъ и слѣдственно сами не пожелали бы оставить настоящихъ мѣстъ жительства.

2) Тѣмъ изъ сосланныхъ на поселеніе, кои не пожелаютъ или не могутъ воспользоваться дозволеніемъ возвратиться во внутреннія губерніи Имперіи по кратковременности пребыванія ихъ въ Сибири, или же по другимъ причинамъ, но кои также со времени ссылки вели себя неукоризненно и не были ни подъ судомъ, ни въ бѣгахъ, сократить въ половину сроки, назначенные для оставленія ихъ въ цехѣ слугъ или разрядѣ ремесленныхъ работниковъ; а находящихся во временныхъ заводскихъ работахъ немедленно освободить отъ сихъ работъ и обратить въ другіе разряды поселенцевъ съ льготами и правами, симъ разрядамъ предоставленными.

3) Имѣющимъ въ слѣдствіе сего правила поступать изъ цеха слугъ въ мѣщане и цеховые и изъ ремесленныхъ работниковъ на поселеніе, а равно и предназначеннымъ прямо къ поселенію людямъ, даровать двойный срокъ свободы отъ платежа казенныхъ податей противу опредѣленнаго 749 ст. Свод. Уст. о ссыльн., распространивъ сію милость и на тѣхъ поселенцевъ, кои уже водворены, но коимъ общее льготное отъ податей время не кончи-

Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай повелѣлъ спросить менѣе виновныхъ декабристовъ, не пожелаютъ ли они поступить въ военную службу, и тѣ, которые заявили желаніе, были опредѣляемы рядовыми въ отдѣльный Кавказскій корпусъ. Всѣмъ имъ объявлялось, что назначеніе это послѣдовало «въ видѣ особой монаршей милости и

лось еще въ день прибытія въ Тобольскъ наслѣдника престола нашего цесаревича и великаго князя Александра Николаевича.

4) Недоимки въ казенныхъ податяхъ, числящіяся на поселенцахъ, какъ возвращаемыхъ во внутреннія губерніи Имперіи, такъ и остающихся въ Сибири, изъ какого бы они состоянія ни поступили, простить и изъ счетовъ исключить, кои уже болѣе десяти лѣтъ обзавелись собственнымъ прочнымъ хозяйствомъ.

5) Распространивъ сіи предназначаемыя для поселенцевъ облегченія и милости, кромѣ права возвратиться во внутреннія губерніи Имперіи, и на сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе дворянъ, чиновниковъ и другихъ, въ прежнемъ званіи своемъ не подлежавшихъ тѣлесному наказанію, исключая лишь тѣхъ, кои по какимъ-либо причинамъ подверглись ссылкѣ на поселеніе, хотя были обвинены въ важнѣйшихъ, на основаніи Свод. Зак. Уголовн. каторжною работою наказываемыхъ, преступленіяхъ. Сверхъ того тѣмъ изъ имѣющихъ воспользоваться даруемыми имъ облегченіями поселенцевъ сего рода, которые, находясь въ Сибири не менѣе десяти лѣтъ, хорошимъ поведеніемъ обратили на себя вниманіе мѣстнаго начальства, дозволить переписаться, буде желаетъ, изъ поселенцевъ въ тамошнія городскія общества или же и вступить въ Сибири или за Кавказомъ въ военную службу нижними чинами, на общемъ для людей сего рода основаніи. Главное мѣстное начальство можетъ, по усмотрѣнію своему, разрѣшать имъ вступленіе и въ гражданскую въ Сибири службу, также нижними чинами съ производствомъ въ первый офицерскій по истеченіи 12 лѣтъ, а по особеннымъ достойнымъ уваженія причинамъ и ходатайствовать предъ нами о дозволеніи нѣкоторымъ изъ нихъ возвратиться во внутреннія губерніи Имперіи, съ правомъ вступить тамъ въ гражданскую или военную службу нижними чинами.

Даруемыя нами находящимся въ Сибири ссыльнымъ облегченія не могутъ быть распространяемы на преступниковъ, осужденныхъ въ каторжную работу; но дабы явить знакъ монаршаго милосердія нашего тѣмъ изъ нихъ, кои, во время посѣщенія Тобольской губерніи наслѣдникомъ нашего престола цесаревичемъ и великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ, испрашивали его предъ нами ходатайства, повелѣваемъ опредѣленный имъ судебными приговорами срокъ работы уменьшить одною третью или и половиною, смотря по роду ихъ преступленій, лѣтамъ и состоянію здоровья, предоставляя сіе разрѣшенію главныхъ мѣстныхъ начальствъ; для осужденныхъ же въ сіи работы безсрочно, ограничить оный пятнадцатью годами, съ дозволеніемъ, по усмотрѣнію главныхъ въ Сибири начальствъ, сокращать и сей пятнадцалѣтній срокъ еще пятью годами для тѣхъ, кои будутъ сего заслуживать поведеніемъ своимъ въ теченіе остальнаго времени пребыванія ихъ въ работахъ, или же окажутся достойными особаго снисхожденія по преклонности лѣтъ и слабости здоровья. Сіи облегченія не должны однакожъ быть распространяемы на тѣхъ осужденныхъ въ каторжную работу, кои назначены въ оную изъ поселенцевъ, или же, до истеченія опредѣленнаго имъ срока, впали или впадутъ въ новыя уголовныя преступленія.

въ ознаменованіе пребыванія его высочества въ Курганѣ» [1]). Тѣмъ же, которые не могли воспользоваться этою милостію или по состоянію своего здоровья или семейнымъ обстоятельствамъ—тѣмъ, при одобрительной аттестаціи мѣстнаго начальства, разрѣшалось поступить на гражданскую службу въ Сибири.

Радости Жуковскаго не было предѣловъ. «Вчера,—писалъ онъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ [2]),—была одна изъ счастливѣйшихъ минутъ моей жизни, и я не могу лишить себя наслажденія раздѣлить ее съ вашимъ императорскимъ величествомъ. На дорогѣ между Буинскомъ и Симбирскомъ встрѣтилъ насъ фельдъегерь, и скоро потомъ великій князь сообщилъ мнѣ содержаніе письма государя императора, въ которомъ было и для меня драгоцѣнное милостивое слово. Посреди дороги, подъ открытымъ небомъ, мы трое, великій князь, Александръ Александровичъ (Кавелинъ) и я обнялись во имя царя, возвѣстившаго намъ милость къ несчастнымъ. Мы трое, не сговариваясь, сдѣлали одно и съ однимъ чувствомъ обратились къ государю. Великій князь послалъ письмо свое изъ Тобольска, а я свое изъ Златоуста, о коемъ сказалъ великому князю, уже отдавъ его фельдъегерю. И всѣмъ намъ одинъ отзывъ отъ нашего несравненнаго государя. Какое счастіе получить его одобреніе въ такомъ дѣлѣ, которое такъ близко сердцу, и какое еще большее счастіе увидѣть его благостную царскую душу во всей естественной красотѣ ея. Такія минуты, конечно, принадлежатъ къ лучшимъ въ жизни... Понимаю по себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на всю Россію милость самодержца, произнесенная во имя сына, и какую прелесть онъ получитъ въ глазахъ ея, ставъ у престола представителемъ царской благости, лучшаго достоянія всемогущества царскаго.... Боже мой! Какими глазами будетъ смотрѣть Россія на этого милаго сына царскаго! Какое восхищеніе произведетъ во всѣхъ этотъ новый союзъ милосердія, между отцомъ, умѣвшимъ въ свое время быть правосудно строгимъ и грознымъ, и сыномъ, котораго юношескій умоляющій голосъ такъ легко претворилъ строгость въ помилованіе! Сколько ранъ будетъ исцѣлено, и сколько слезъ и молитвъ благодарныхъ прольется передъ Богомъ за отца и сына!.. Не покажется ли онъ (сынъ) всѣмъ и страждущимъ за вину изгнанникамъ, и страждущимъ безъ вины отцамъ, матерямъ, братьямъ, сестрамъ и роднымъ, и всѣмъ, у кого есть

---

[1]) Письмо военнаго министра графа Чернышева графу Бенкендорфу 20-го октября 1837 г. Первыми отправленными на Кавказъ были: Нарышкинъ, Лореръ, Лихаревъ, Назимовъ, баронъ Розенъ и Фохтъ. (Отношеніе графа Чернышева графу Бенкендорфу 21-го іюня 1837 г. № 243).

[2]) Въ письмѣ отъ 24-го іюня 1837 г. изъ Симбирска. Полное Собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго, изданіе VII 1878 г., т. VI стр. 316—318.

въ груди сердце,—не покажется ли онъ чистымъ ангеломъ, слетѣвшимъ съ неба примирителемъ и посредникомъ».

Нѣтъ надобности говорить о томъ какое впечатлѣніе произвело на осужденныхъ облегченіе ихъ участи. Они вздохнули свободнѣе и твердо знали, кому обязаны этимъ облегченіемъ. На В. А. Жуковскомъ сосредоточивалась ихъ благодарность; къ нему же стремились ихъ просьбы. Однимъ изъ первыхъ былъ В. К. Кюхельбекеръ. Въ письмѣ отъ 24-го мая 1838 года, изъ Баргузина, Кюхельбекеръ, между прочимъ, писалъ Жуковскому: «Изо всѣхъ, кто зналъ и любилъ меня,—юношу, почти отрока, въ живыхъ очень, очень немногіе, а вы въ числѣ этихъ немногихъ изъ писателей для сердца моего занимаете первое мѣсто. Не считаю нужнымъ увѣрять васъ, что, и безъ всякой другой причины это обстоятельство для меня очень важно: не дорожить расположеніемъ Жуковскаго было бы не только неблагодарно, было бы просто глупо. Итакъ горжусь воспоминаніемъ той дружбы, которой удостоивали вы меня съ 1817 года. Вы ободряли меня при первыхъ моихъ поэтическихъ опытахъ; въ началѣ моего поприща вы были мнѣ примѣромъ и образцомъ. И теперь отрадно мнѣ говорить самому себѣ (здѣсь другому этого не разскажешь): Жуковскій читывалъ мнѣ своего Вадима строфами, когда еще его дописывалъ; Жуковскій пересылалъ мнѣ изъ Москвы свое: «Для немногихъ»; изъ 10 отпечатанныхъ экземпляровъ его грамматическихъ таблицъ одинъ достался на мою долю... Потомъ обстоятельства, мнѣнія, люди отдалили меня отъ васъ; но и въ 25-мъ (1825) году я нашелъ въ васъ то же сердце, столь благородное, столь мнѣ знакомое. Затѣмъ случились мои огромныя заблужденія и мои несчастія,не менѣе огромныя. Искупилъ ли я въ вашихъ глазахъ первыя послѣдними?...» [1]).

Спустя годъ онъ вновь просилъ Жуковскаго выхлопотать разрѣшеніе печатать свои сочиненія, хотя бы безъ подписи своего имени. Препровождая просьбу Кюхельбекера шефу-жандармовъ, В. А. Жуковскій писалъ ему.[2]).

«Мое убѣжденіе на счетъ всѣхъ этихъ несчастныхъ то, что мѣра наказанія исполнилась, и теперь чередъ благости. По крайней мѣрѣ все то надобно дѣлать, что можетъ ихъ поддержать нравственно. Писать никому не запрещено; чтобы написанное не было вредно для читающихъ, на то есть цензура. Писать для изгнанника, если только онъ для того имѣетъ талантъ, есть великое нравственное лѣкарство; оно поддержитъ душу отъ совершеннаго упадка. И почему ему не позволить печатать того, что онъ напишетъ, дабы имѣть деньги, столь нужныя ему,

---

[1]) См. „Русскій Арх.“ 1871 г. т. I, стр. 0174—0175.

[2]) См. всеподданнѣйшій докладъ шефа-жандармовъ 17-го янв. 1840 г.

особливо если у него на рукахъ семья. Человѣкъ, имѣющій занятіе, имъ любимое и для него выгодное, надежнѣе человѣка празднаго или принужденнаго по необходимости заниматься такимъ трудомъ, который не по его силамъ и склонностямъ. Мнѣ кажется, что было бы несправедливо отказать въ этомъ Кюхельбекеру».

Тѣмъ не менѣе ему отказали. 18-го января императоръ Николай написалъ на докладѣ: «Дослужилъ ли онъ до офицерскаго чина?» И когда ему было доложено, что не дослужилъ, то высочайшаго соизволенія на просьбу В. К. Кюхельбекера не послѣдовало.

Прошло пять лѣтъ, и онъ опять обратился съ просьбою къ В. А. Жуковскому.

«Слишкомъ пять лѣтъ прошло,—писалъ онъ [1]),—какъ я имѣлъ счастіе получить безцѣнное для меня письмо ваше изъ Дармштата, которое служитъ мнѣ живымъ свидѣтельствомъ и прекрасной души вашей, и того, что вы по сю пору не равнодушны къ тому Вильгельму, который нѣкогда пользовался вашею дружбою. Я къ вамъ послѣ того писалъ два раза: въ концѣ 40-го и въ началѣ 42-го годовъ. Въ послѣднемъ письмѣ, осмѣлился я васъ назвать заочнымъ крестнымъ отцемъ моего покойнаго сына Ивана—отвѣта не было. Нынѣ рѣшаюсь опять прибѣгнуть къ вамъ же, и въ обстоятельствахъ для меня и всего моего семейства крайне тяжелыхъ. Не говорю уже о совершенно разстроенномъ состояніи моего здоровья и преждевременной дряхлости, но уже два мѣсяца какъ я почти совсѣмъ ослѣпъ—на лѣвомъ глазу у меня бѣльмо, а правымъ, я едва, едва, различаю очерки предметовъ; и въ добавокъ мои житейскія средства крайне скудны. У бѣдныхъ моихъ сестеръ на рукахъ мы, два несчастные брата, онѣ не могутъ намъ удѣлять каждому болѣе 600 руб. въ годъ. Покуда я еще былъ въ силахъ, я занимался сельскимъ хозяйствомъ и кое-что пріобрѣталъ отъ продажи излишняго хлѣба—теперь и это не возможно, а между тѣмъ болѣзнь требуетъ безпрестанно новыхъ издержекъ.

«Все это вмѣстѣ вынудило меня обратиться къ его сіятельству графу Орлову и просить его ходатайства о высочайшемъ дозволеніи издавать безымянно мои сочиненія и переводы, и вмѣстѣ съ тѣмъ отправить къ вамъ эти строки. Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ отъ 29-го іюля 1840 г. (c'est par parenthese le jours de naissance de mon fils Michel) [2]) вы говорите насчетъ подобной моей просьбы «что можетъ быть она современемъ и исполнится»; мнѣ кажется, что это время или теперь настало, или мнѣ уже не дожить до него.

«Я вполнѣ въ васъ увѣренъ—и нисколько не сомнѣваюсь, что вы

---

[1]) Отъ 21-го декабря 1845 г. изъ г. Кургана.

[2]) Между прочимъ это день рожденія моего сына Михаила.

даже и безъ моей просьбы употребите все, что отъ васъ зависитъ, чтобы доставить мнѣ возможность достигнуть этой единственной теперь цѣли моихъ желаній—тогда жена моя и дѣти будутъ имѣть надежный кусокъ хлѣба; я не буду въ тягость моимъ сестрамъ, и при тѣлесныхъ и душевныхъ моихъ страданіяхъ буду по крайней мѣрѣ покоенъ насчетъ вещественныхъ моихъ надобностей. Вотъ, добрый мой Василій Андреевичъ, о чемъ я прошу васъ и чего отъ васъ надѣюсь.

«О литературномъ достоинствѣ своихъ сочиненій говорить не стану; но Богъ мнѣ свидѣтель, что безкорыстная любовь къ добру и красотѣ всегда была моею единственною руководительницею, по крайней мѣрѣ послѣднія двадцать лѣтъ. Вотъ почему смѣю считать себя однимъ изъ несовсѣмъ недостойныхъ представителей того періода нашей словесности, который, по самой строгой справедливости, долженъ бы называться вашимъ именемъ, потому что вы первые намъ, неопытнымъ тогда юношамъ, и въ томъ числѣ Пушкину, отворили дверь въ святилище всего истинно прекраснаго и заставили изучать образцы великихъ иностранныхъ поэтовъ. Никто изъ вашихъ преемниковъ никогда не передавалъ ни Шиллера, ни Гёте, ни Байрона въ такомъ совершенствѣ, какъ вы. Собственныя ваши сочиненія всѣ живые свидѣтели души высокой, изящной и благородной. Вы остались и по нынѣ жрецомъ того храма, въ который насъ впустили. Послѣ насъ наступили другія мнѣнія и толки, разсчеты и соображенія не совсѣмъ литературныя—не мое дѣло судить, выиграла ли тутъ наша словесность [1]).

«Извините, мой безцѣнный Василій Андреевичъ, я немного увлекся болтовней. Возвращусь къ дѣлу. Повторяю, я совершенно увѣренъ, что вамъ, для того чтобы поспѣшить мнѣ на помощь, стоитъ только узнать, въ какомъ нахожусь положеніи, и потому не скрою, что особенно въ

---

[1]) По этому поводу, въ выше приведенномъ нами письмѣ къ Пушкину (3-го августа 1836 г.) Кюхельбекеръ писалъ: „Вашею критикою я не слишкомъ доволенъ; только не думаю, чтобъ она въ наше время была лучше. Честности точно было болѣе, но, другъ, иная простота хуже воровства. Не слишкомъ ли ты строгъ къ Кукольнику? Къ тебѣ я, конечно, писалъ бы иначе, чѣмъ къ племянникамъ, а все же онъ не то, что Тимофеевъ, который (par parenthèse) безбожно обкрадываетъ и тебя и меня. Языкъ Кукольникъ знаетъ плохо, стихъ его слишкомъ изященъ (?), главный порокъ его—болтовня. Но все же онъ стоитъ, чтобы ты принялъ его въ руки: въ немъ могъ бы быть путь. Дай ему болѣе сжатости, силы, бойкости; мыслей и чувства у него довольно, особенно (не во гнѣвъ тебѣ), если сравнить его кое съ кѣмъ изъ нашихъ сверстниковъ и старшихъ братій. Гоголь? Изъ выписокъ Сенковскаго, который впрочемъ его ругаетъ, вижу, что онъ долженъ быть человѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ. Пришли мнѣ его комедію и трагедію Хомякова (только не Ермака). Н. Глинка мнѣ расхвалилъ. Точно ли она хороша?“

этомъ дѣлѣ надѣюсь на васъ и на ваше содѣйствіе. Вамъ вѣрно утѣшительно будетъ знать, что при новомъ постигшемъ меня несчастіи, я, сколько возможно, бодръ духомъ и исполненъ упованіемъ на Бога.

«Прилагаю при семъ, какъ могу припомнить, подробный реестръ всѣмъ моимъ сочиненіямъ и переводамъ вообще какъ старымъ, такъ и новымъ [1]). Нѣкоторые журналы и книги, въ которыхъ первые были напечатаны, вы вѣрно не откажитесь мнѣ переслать, по вашемъ возвра-

---

[1]) Сочиненія, о которыхъ говоритъ Кюхельбекеръ, были:

Театральныя піесы: „Ижорскій“, трагедія-мистерія; „Иванъ—купеческій сынъ“, сказка-драма; „Нашла коса на камень“, фарсъ; „Шекспировы духи“, комедія; „Паденіе дома Шуйскихъ“, историческая драма; „Прокопій Ляпуновъ“, историческая драма; „Возвращеніе молодаго Товія“, пасторель; „Архилогъ“, трагедія; „Аргивяне“, трагедія.

Переводы: „Макбетъ“ три первыя дѣйствія; „Ричардъ II“; первая и вторая часть „Генриха IV“; „Ричардъ III“; „Венеціанскій купецъ“, первое дѣйствіе.

Разсказы въ стихахъ: „Давидъ“, поэма въ десяти книгахъ; „Юлій и Ксенія“, поэма въ шести пѣсняхъ; „Сирота“, поэма въ пяти разговорахъ; „Заровавель“, поэма въ трехъ частяхъ; „Семь спящихъ отроковъ“, поэма въ двухъ частяхъ; „Святополкъ“, поэма въ трехъ частяхъ; Вѣчный жидъ“, пять отрывковъ.

Разсказы въ прозѣ: „Послѣдній Колонна“, романъ въ двухъ частяхъ; „Семинаристъ“, начало романа; „Дѣти генерала ла-Гранжа“, начало романа; „Адо“, повѣсть, напечатанная въ „Мнемозинѣ“, теперь исправленная; „Путешествіе на луну“, разсказъ, напечатанный въ „Мнемозинѣ“; Повѣсть, которой заглавіе не помню, напечатана въ „Невскомъ Зрителѣ“.

Лирическія стихотворенія: Духовнаго содержанія: гимны, оды, пѣсни, переложенія псалмовъ и другихъ мѣстъ св. писанія, сонеты, легенды и элегіи; свѣтскія: оды, пѣсни, элегіи, посланія, баллады, сонеты, епитафіи, гимны—всего около 200 нумеровъ.

Критика и эстетика: „Подробный разборъ историческихъ драмъ Шекспира“; „Описаніе Дрезденской галлереи“, напечатанное въ „Мнемозинѣ“ и теперь исправленное; съ десятокъ критикъ, напечатанныхъ въ „Conservateur Impartial“, въ „Сынѣ Отечества“, въ „Невскомъ Зрителѣ“ и въ „Мнемозинѣ“; Письмо къ молодому поэту, передѣлка изъ Виланда.

Филологія: Статьи о русскомъ языкѣ; жители Забайкалья и Закаменья.

Богословіе и нравоучительныя сочиненія: „Толкованіе на молитву Господню“; „Смерть“, передѣлка проповѣди Гердера; Двѣнадцать писемъ, названныхъ Европейскими, напечатаны прежде.

„Извлеченія изъ моего дневника, которыя только-что начаты и вѣроятно составятъ пять или шесть большихъ томовъ. Эти извлеченія состоятъ изъ замѣчаній о книгахъ, которыя я читалъ въ послѣднія 20 лѣтъ, и мѣстами изъ собственныхъ размышленій; касаются они религіи, философіи, особенно Шеллинговой и Спинозовой, поэзіи, эстетики, филологіи и грамматики, особенно языковъ: русскаго, греческаго и англійскаго; исторіи и этнографіи.

„Прежнія письма мои къ Дельвигу и за границу.

щеніи въ Россію, а лучше всего выдержки изъ нихъ, чтобы пересылка была не такъ затруднительна.

«Если мнѣ разрѣшено будетъ безымянно печатать мои труды, или часть изъ нихъ, я во всякомъ случаѣ прошу васъ быть ихъ главнымъ издателемъ; а Петръ Александровичъ Плетневъ, конечно, не откажется принять на себя корректуру и редакцію.

«Подаренныя мнѣ вами сочиненія ваши составляютъ лучшую часть моей очень скудной библіотеки. Миша мой знаетъ наизусть вашу «Свѣтлану», «Графа Габсбургскаго», «Трехъ путниковъ» и жножество другихъ піесъ—и прибавлю понимаетъ ихъ.

«Пожимаю вамъ отъ души руку; молю Бога, чтобы вы нашли чистое, ничѣмъ не возмущаемое счастіе въ своемъ семействѣ, и прошу иногда вспомянуть того, кто не забываетъ васъ ни въ мечтахъ своихъ, ни въ молитвахъ. В. Кюхельбекеръ.

«P. S. Вы увидите по почерку этого письма, мой добрый Василій Андреевичъ, что я самъ не въ состояніи былъ писать къ вамъ, а долженъ былъ диктовать одному изъ моихъ товарищей, который ухаживаетъ за мною, бѣднымъ слѣпцомъ».

Въ тотъ же день В. К. Кюхельбекеръ писалъ и графу Орлову:

«Болѣзненное состояніе, въ которомъ я нахожусь съ давняго времени, и которое теперь угрожаетъ мнѣ совершенною потерею зрѣнія, дало мнѣ смѣлость откровенно изложить вашему сіятельству всю затруднительность моего положенія и просить васъ, сіятельнѣйшій графъ, обратить благосклонное вниманіе на мою всенижайшую просьбу. Я отецъ семейства, средства мои къ существованію слишкомъ недостаточны, и, теперь при потерѣ зрѣнія,—мнѣ, женѣ и бѣднымъ дѣтямъ моимъ предстоитъ самая горькая будущность, если вы, графъ, откажетесь быть ходатаемъ моимъ предъ августѣйшимъ нашимъ монархомъ.

«Вотъ въ чемъ состоитъ моя просьба къ вашему сіятельству. Въ теченіе двадцати лѣтъ, со времени осужденія моего, я посвящалъ часы грустныхъ моихъ досуговъ поэзіи и прикосновеннымъ къ ней отраслямъ словесности. Плодъ этихъ занятій—собственныя мои сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ, оставались у меня до сихъ поръ въ черновыхъ рукописяхъ, и я конечно бы не смѣлъ даже сѣтовать, если бы они остались въ такомъ видѣ до самой моей смерти. Но постигшая меня болѣзнь, лишивъ меня всякой возможности пріобрѣтать что-либо, для моего семейства, инымъ путемъ, не оставила мнѣ другаго способа облегчить участь тѣхъ, коихъ судьба связана съ моею—какъ изданіе моихъ занятій, или хотя части ихъ. Беру смѣлость, сіятельнѣйшій графъ, убѣдительно просить васъ быть истиннымъ благодѣтелемъ моего семейства, испросивъ высочайшее разрѣшеніе на напечатаніе безымянно моихъ рукописей. Въ прилагаемомъ моемъ письмѣ, къ Василію Андреевичу

Жуковскому о томъ же предметѣ находится подробный реестръ моихъ литературныхъ трудовъ, и я усерднѣйше прошу ваше сіятельство приказать отправить это письмо туда, гдѣ онъ теперь проживаетъ.

«Не излишнимъ считаю довести до свѣдѣнія вашего, что въ 1835 г., когда я находился еще въ Свеаборгской крѣпости—по ходатайству покойнаго А. С. Пушкина, государю императору угодно было дозволить напечатать двѣ части моей мистеріи «Ижорскій», найденныя нашимъ великимъ поэтомъ въ моихъ старыхъ бумагахъ. Въ Сибири, я къ этимъ двумъ частямъ прибавилъ третью, теперь рукописную, и исправилъ прежнія. Осмѣлюсь замѣтить, что безъ этой послѣдней третьей части смыслъ первыхъ двухъ не только не будетъ полонъ, но даже можетъ быть превратно истолкованъ. Слѣдовательно, эта третья часть необходима, чтобы все сочиненіе получило свое истинное религіозно-нравственное значеніе.

«Будучи вполнѣ увѣренъ, что ваше сіятельство не отринете просьбу человѣка во всѣхъ отношеніяхъ столь несчастнаго, чувствующаго вмѣстѣ съ тѣмъ всю тягость своего преступленія, я полагаю мою надежду на Бога, «въ рукѣхъ же Его сердце царево». О томъ уже нечего говорить, что ваше ко мнѣ участіе и милость государя исполнятъ душу мою живѣйшею и безпредѣльною благодарностію».

Ему было отказано на томъ же основаніи, какъ и въ 1840 году; письмо же Кюхельбекера къ Жуковскому доставлено не было.

По поводу изданія сочиненій бывшихъ декабристовъ наиболѣе удачною была просьба В. А. Жуковскаго за Ѳ. Н. Глинку.

IV.

В. А. Жуковскій и Ѳ. Н. Глинка.

Замѣшанный въ дѣлѣ декабристовъ, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка былъ отправленъ на жительство въ г. Петрозаводскъ подъ надзоръ полиціи. Положеніе его тамъ было очень тяжелое. «Несчастія схватили и бросили меня въ страну,—писалъ онъ Н. И. Гнѣдичу [1]),—отброшенную отъ сообщеній съ живымъ гражданскимъ міромъ, которая, какъ нѣкая страшная тайна, скрыта, погружена въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ древней Карелiи, наводнена безчисленными озерами, загромождена безобразными обломками разрушенныхъ первобытныхъ горъ. Въ

[1]) 24-го марта 1829 года. „Изъ собранія автографовъ Императорской Публичной библіотеки“, С.-Петерб. Изданіе 1898 г., стр. 37.

сихъ-то мѣстахъ, въ Петрозаводскѣ, который развѣ по самозванству считается городомъ (да еще и губернскимъ!), провождаю я, не смѣю сказать жизнь, но бытіе томительное, теряя силы и лѣта. Моё званіе въ быту общественномъ есть званіе старшаго совѣтника въ олонецкомъ губернскомъ правленіи; занятіе—текущія дѣла. Я изучилъ и благотворную сторону и черную магію приказнаго дѣла. Непостижимое единообразіе существуетъ во всѣхъ здѣшнихъ занятіяхъ и какая судьба ожидаетъ?.. Подлѣ меня сидитъ совѣтникъ, изъѣдаемый р а к о м ъ, послѣдствіемъ пыльныхъ канцелярскихъ трудовъ. Выбѣжишь за городъ,—нагое поле, усѣянное могилами п р е д с ѣ д а т е л е й, с у д е й и с о в ѣ т н и к о в ъ. Невольно родится мысль: «Господи Боже! Неужели придется умереть на чужбинѣ, въ сей странѣ, гдѣ и самая весна, пролетая быстро, какъ испуганная птица, не успѣваетъ нагрѣть могилу и выростить на ней цвѣтокъ». При этой мысли какой-то внутренній морозъ отдираетъ кожу отъ костей. «И при взглядѣ болѣе прозаическомъ, въ самыхъ житейскихъ потребностяхъ, открывается здѣсь во всемъ большой недостатокъ и мало удобностей. Противу петербургскаго здѣсь все втрое дороже и вшестеро хуже».

Гнѣдичъ просилъ Жуковскаго вывести Ѳ. Н. Глинку отъ такого положенія, и по ходатайству Василія Андреевича онъ въ 1830 году былъ переведенъ въ Тверь, оставаясь все-таки подъ надзоромъ полиціи.

Въ 1839 году Ѳ. Глинка, желая издать «Очерки Бородинскаго сраженія», писалъ графу Бенкендорфу [1]):

«Во многихъ обстоятельствахъ жизни моей пользовался я высокимъ покровительствомъ вашего сіятельства и привыкъ считать васъ своимъ благодѣтелемъ. Полагая, что и на этотъ разъ не откажете вы сдѣлать мнѣ добро, я осмѣливаюсь утруждать васъ моею покорнѣйшею просьбою. Въ общій составъ воспоминаній моихъ о 1812 годѣ вошла статья подъ названіемъ «Очерки Бородинскаго сраженія». По случаю наступающихъ маневровъ мнѣ хотѣлось бы напечатать отдѣльно эту статью, составленную болѣе въ литературномъ смыслѣ по формамъ, принятымъ современною словесностью. Но какъ здѣсь слухъ носится, что всѣ сочиненія, заключающія въ себѣ что-нибудь о сраженіи Бородинскомъ, должны быть разсмотрѣны въ С.-Петербургѣ, то я и препровождаю мое къ вашему сіятельству, съ покорнѣйшимъ прошеніемъ взглянуть на рукопись и дозволить напечатать ее въ настоящемъ ея видѣ. Буде же таковое разрѣшеніе зависитъ отъ высочайшей особы государя императора, то я прошу васъ, со свойственнымъ вамъ великодушіемъ, исходатайствовать всемилостивѣйшее разрѣшеніе на напечатаніе сочиненія, стоившаго мнѣ труда и времени.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 1-го августа 1839 года. Москва.

«Сугубымъ почту для себя благодѣяніе, если ваше сіятельство благоволите разрѣшить прошеніе мое въ скоромъ времени потому, что сочиненія такого рода могутъ быть и прочитаны и раскуплены только тогда, когда поспѣютъ ко времени.

«Въ полной надеждѣ на милость и покровительство ваше, съ отличнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и проч.».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ѳ. Н. Глинка писалъ В. А. Жуковскому:

«Почтеннѣйшій и достойнѣйшій Василій Андреевичъ. Узнавъ, что государь нашъ предпринялъ возсоздать битву Бородинскую на самомъ полѣ, ею прославленномъ, я собралъ мои воспоминанія о 1812 годѣ и, отдѣливъ отъ нихъ статью «Очерки Бородинскаго сраженія», хотѣлъ напечатать ее особо. Но здѣшняя (московская) цензура не вѣдомо почему отозвалась, что она не смѣетъ принять на просмотръ ничего, что хотя немного касается до Бородина и событій 1812 года. Вамъ извѣстно, что я много писалъ и печаталъ о незабвенномъ годѣ, и никогда этотъ предметъ не считался запретнымъ. Не имѣя ни средствъ, ни желанія начинать второй битвы Бородинской съ цензурою московскою, я вздумалъ послать мою рукопись прямо къ графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, благодѣтельствовавшему мнѣ во многихъ случаяхъ моей жизни. Съ этою же почтою отправилъ я мое сочиненіе, чисто литературное, въ которомъ за основаніе разсказа принято все то, что уже давно сказано и напечатано въ моихъ же «Письмахъ русскаго офицера». Зная, что вы хорошо знакомы съ благодѣтельнымъ Л. В. Дубельтомъ, я прошу васъ покорнѣйше сказать ему слово за рукопись мою, которая, конечно, пройдетъ черезъ его канцелярію. Убѣдительнѣйше прошу постараться, особенно о томъ, чтобы рукопись, во всякомъ случаѣ, была мнѣ возвращена потому, что за краткостію времени, я не успѣлъ оставить у себя порядочнаго съ нея списка; а затѣмъ я прошу не замедлить этимъ дѣломъ, ибо августъ на дворѣ, а напечатаніе 8 листовъ займетъ болѣе двухъ недѣль времени. Запоздалый же выпускъ повредитъ моей книгѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Сочиненія такого рода хороши ко времени. Красное яйцо теряетъ половину цѣны послѣ Святой недѣли! Привыкнувъ полагаться во всѣхъ моихъ бѣдахъ на васъ, какъ на добраго генія моего, я ожидаю, что и въ этотъ разъ одолжите и утѣшите имѣющаго честь быть и проч.

P. S. Прошу убѣдительнѣйше, чтобы рукопись моя (если графу нельзя по чему-нибудь просмотрѣть ее самому), не была препровождаема въ военно-цензурный комитетъ, гдѣ сочиненіе мое чисто литературное будетъ продержано долгое время и можетъ быть разсмотрѣно не съ надлежащей точки зрѣнія. Постарайтесь, достойнѣйшій Василій Андреевичъ, попросить Дубельта, чтобы они просмотрѣли мои очерки у себя, а если

имъ нельзя, то возвратили бы мнѣ тетрадь какъ можно скорѣе обратно».

Посылая это письмо Василію Леонтьевичу Дубельту, Жуковскій писалъ [1]): «Вы будете не только моимъ д я д ю ш к о ю, но и дѣдомъ, а если хотите, и отцомъ роднымъ, если поможете м о е м у д о б р о м у Глинкѣ. Посылаю вамъ его письмо, адресованное ко мнѣ, изъ котораго увидите, чего онъ проситъ. Прошу васъ за него и никакъ не жду отказа. Только оберните все кругомъ пальца. Онъ забылъ приложить въ письмѣ своемъ ко мнѣ адресъ. Вѣроятно этотъ адресъ найдется у васъ, а если нѣтъ, то адресуйте всѣ бумаги на имя его превосходительства Александра Яковлевича Булгакова, для немедленнаго доставленія. Утѣшьте меня, отецъ. Вашъ Жуковскій».

«P. S. Буду въ Петербургѣ, увижусь съ вами и объ этомъ дѣлѣ переговорю».

Статья Глинки была отправлена на разсмотрѣніе Михайловскаго-Данилевскаго, который сообщилъ, что къ «напечатанію статьи препятствія не имѣется», съ тѣмъ, однако же, чтобы выпущены были означенныя красными чернилами мѣста, которыя или несогласны съ оффиціальными свѣдѣніями, или заключаютъ въ себѣ сужденія несправедливыя» [2]).

Этотъ отзывъ въ подлинникѣ былъ сообщенъ Глинкѣ [3]), и о немъ увѣдомленъ В. А. Жуковскій [4]).

V.

В. А. Жуковскій и А. Ѳ. фонъ-деръ Бриггенъ.

Въ апрѣлѣ 1845 г. А. Ѳ. фонъ-деръ-Бриггенъ писалъ графу Орлову [5]):

«Изъ письма моего къ г. Жуковскому изволите вы усмотрѣть, что я испрашиваю его позволеніе посвятить ему сдѣланный мною переводъ съ латинскаго языка на русскій записокъ Юлія Кесаря, который я желаю напечатать. Прошу всепокорнѣйше ваше сіятельство сдѣлать милость въ этомъ случаѣ исходатайствовать мнѣ позволеніе исполнить мое намѣреніе, для котораго, кажется, затрудненій не предвидится и тѣмъ болѣе, что имя мое останется неизвѣстнымъ. Я увѣренъ, что ваше

[1]) Письмо безъ даты, но обозначено, что получено 12-го августа 1839 г.
[2]) Письмо Михайловскаго Л. В. Дубельту 14-го августа 1839 г.
[3]) Отношеніе Дубельта Ѳ. Н. Глинкѣ 16-го августа 1839 г., № 3175.
[4]) Письмо Дубельта Жуковскому 16-го августа 1839 г., № 3176
[5]) Отъ 6-го апрѣля 1845 г. изъ Кургана.

сіятельство, какъ любитель наукъ и отечественной словесности, знающій цѣнить сочиненія Кесаря, признанное цѣлою просвѣщенною Европою столь важнымъ во многихъ отношеніяхъ, въ особенности же въ военномъ, не откажете мнѣ въ этихъ обстоятельствахъ вашимъ покровительствомъ, ибо я смѣю надѣяться, что трудъ мой, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, не останется безполезнымъ, не говоря уже о томъ, что тутъ въ первый разъ увидятъ полный переводъ Кесаря на русскомъ языкѣ».

В. А. Жуковскій былъ въ то время за границею, и прошло много времени прежде, чѣмъ онъ могъ отвѣтить.

«Прилагая при семъ,—писалъ В. А. Жуковскій Л. В. Дубельту [1]),—мой отвѣтъ на письмо фонъ-деръ-Бриггена, доставленное мнѣ вашимъ превосходительствомъ, прошу васъ благоволить, прочитавъ его, доставить по адресу. Полагая, что не будетъ никакого препятствія напечатанію книги фонъ-деръ-Бриггена, я предлагаю взять на себя ея изданіе. Книга общеполезная, и я увѣренъ, что переводъ фонъ-деръ Бриггена хорошъ, ибо онъ умѣетъ владѣть русскимъ языкомъ и коротко знакомъ съ латинскимъ. Условія, на коихъ я беру на себя изданіе книги, означены въ письмѣ моемъ къ фонъ-деръ Бриггену. Деньги же, которыя будутъ слѣдовать ему за рукопись, будутъ доставлены вашему превосходительству коллежскимъ совѣтникомъ Родіоновымъ, которому я также поручилъ вручить вамъ и экземпляръ сочиненій моихъ, для пересылки фонъ-деръ-Бриггену. Прошу ваше превосходительство взять на себя трудъ доставить все это по назначенію. Я долженъ здѣсь прибавить, что фонъ-деръ-Бриггенъ изъявилъ желаніе посвятить мнѣ свой переводъ Юлія Кесаря: думаю, что это будетъ ему позволено. Я согласился принять посвященіе, а васъ прошу благоволить сообщить фонъ-деръ-Бриггену, позволено ли то ему или нѣтъ.

«Вы, можетъ быть, спросите, давно ли я знаю фонъ-деръ-Бриггена? Я его всего на все видѣлъ одинъ разъ въ Курганѣ, при моемъ проѣздѣ черезъ этотъ городъ съ государемъ наслѣдникомъ. Все наше знакомство ограничено однимъ часомъ, который я провелъ съ нимъ въ его курганскомъ домикѣ. Но я весьма радъ, что онъ доставляетъ мнѣ способъ содѣйствовать ему въ такомъ трудѣ, на который, конечно, и правительство обратитъ благосклонное вниманіе. Кто, послѣ двадцатилѣтняго несчастія можетъ такъ заниматься, какъ фонъ-деръ Бриггенъ, тотъ доказываетъ, что мысли его мирны и что это тяжелое несчастіе, заблужденіемъ молодости на него навлеченное, не разстроило, а привело въ желаемый порядокъ его душу.

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ 27-го іюня (9-го іюля) 1845 изъ Франкфурта на Майнѣ.

«Прошу ваше превосходительство взять на себя трудъ извѣстить меня, что будетъ сдѣлано по письму моему».

В. А. Жуковскій выразилъ желаніе пріобрѣсти рукопись за 2.500 руб. съ тѣмъ, что, по выходѣ книги, онъ будетъ продавать ее, пока не покроетъ расходы на изданіе, а за тѣмъ чистый барышъ будетъ высылать фонъ-деръ-Бриггену.

Императоръ разрѣшилъ печатаніе рукописи и посвященіе ея Жуковскому, но съ тѣмъ, чтобы на книгѣ не было означено имя переводчика [1]). Бриггенъ принялъ предложенныя ему условія и 17-го сентября 1845 года отправилъ изъ Кургана въ III отдѣленіе первую часть своей рукописи для доставленія ея Жуковскому. Послѣдній препроводилъ къ Дубельту впередъ для Бриггена 714 р. 26 коп., которые 3-го ноября и были отправлены по назначенію. Не получая долгое время второй части перевода [2]) и опасаясь, что рукопись затерялась, В. А. Жуковскій писалъ Л. В. Дубельту [3]):

«Дядюшка! Я давно получилъ черезъ васъ письмо отъ Бриггена, и при немъ ваше собственное письмо, въ которомъ впрочемъ вашего собственнаго—только одна ваша подпись, сдѣланная съ мастерскою размашкою. Я давно собираюсь благодарить васъ, но тому мѣшали до сихъ поръ двѣ мои злодѣйки, родныя вѣдьмы: одна врагъ жизни тѣлесной, по имени б о л ѣ з н ь (это ея фамильное имя, но у нея много п р о в а н і й, данныхъ ей за разныя одержанныя ею надъ бѣднымъ человѣчествомъ побѣды); а другая врагъ жизни моральной—л ѣ н ь. Бѣда тому, кто попадется въ когти обѣимъ сестрицамъ, Такова была по сію пору моя участь. Теперь обѣ сестрицы провалились къ своему хозяину; а я, пользуясь своею свободою, благодарю васъ за присылку письма отъ Бриггена и за доставленіе ему всего того, что было мною назначено передать ему. Прилагаю здѣсь мой отвѣтъ Бриггену [4]), прося васъ его ему доставить; а меня потрудитесь увѣдомить, что сдѣлалось со вторымъ томомъ перевода Кесаревыхъ записокъ, который былъ посланъ Бриггеномъ и до меня еще не дошелъ. Можетъ быть, онъ найдется въ вашей канцеляріи. Если онъ тамъ, то благоволите его передать Ростиславу Родіоновичу Родіонову, моему петербургскому корреспонденту, служащему въ канцеляріи ея императорскаго величества. Впрочемъ онъ самъ къ вамъ явится.

---

[1]) Письмо Л. Дубельта Жуковскому 20-го іюля 1845 г. № 917. Бриггенъ былъ въ то время на службѣ канцеляристомъ.

[2]) Она была отправлена изъ Кургана 29-го января 1846 г.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 1-го (13-го) іюня 1846 г. изъ Франкфурта на Майнѣ.

[4]) Отвѣтъ этотъ напечатанъ въ сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, изданіе 7-е, т. VI, стр. 618—622.

«При семъ случаѣ дозволяю себѣ просить васъ, добрый дядюшка, и тѣмъ смѣлѣе прошу, что знаю по собственному опыту, какъ много есть въ васъ готовности къ добру,—прошу обратить на Бриггена ваше спасительное покровительство. Двадцать лѣтъ изгнанничества и смиренной покорности своему бѣдствію, навлеченному на себя виновнымъ, преступнымъ заблужденіемъ, даютъ, кажется, право на облегченіе участи. Видите сами, какъ Бриггенъ сноситъ свой жребій и какой образъ мыслей выражается въ его письмахъ. Вашему сердцу будетъ усладительно дать этой бѣдной, одиноко страждущей душѣ столько простора, чтобы она могла освѣжиться еще и на здѣшнемъ свѣтѣ: благотворенія оказываемыя нами, едва-ли не полезнѣе намъ самимъ, нежели тѣмъ, на кого они проливаются, если только будемъ смотрѣть на нихъ тѣми глазами, какими смотрятъ на нихъ съ неба.

«Между остальными изъ находящихся въ ссылкѣ я позволяю себѣ особенно обратить ваше вниманіе на Якушкина (онъ долженъ быть въ Ялуторовкѣ); я читалъ (когда находился въ Москвѣ) его письма къ дѣтямъ, писанныя во все время ссылки, и это чтеніе произвело во мнѣ какое-то благоговѣйное умиленіе передъ несчастіемъ, отдающимся въ волю Божію съ полною покорностью.

«Можетъ быть, вамъ будетъ пріятно узнать нѣкоторыя подробности обо мнѣ: ихъ весьма не много. Съ самаго начала моей заграничной жизни по сію минуту, всѣ мои дни похожи одинъ на другой. Нѣкоторую варіяцію произвело въ нихъ появленіе дочери и сына. Впрочемъ, все идетъ однимъ чередомъ: уединеніе, работа и домашній покой или домашній покой, уединеніе и работа. Вотъ вся моя біографія. Не очень она изобильна матеріаломъ для потомства. Самъ я до потомства на своихъ, конечно, не дойду. Нанялъ извощика, онъ туда по нашей ухабистой дорогѣ довезетъ, если только гдѣ-нибудь я на раскатѣ не вывалюсь изъ саней и не останусь въ какомъ-нибудь сугробѣ. Мой наемный извощикъ называется Гомеръ, отецъ Одиссеи, которую напередъ вамъ рекомендую. А вы, дядюшка, не полѣнитесь отвѣчать на это письмо. Преданный вамъ Жуковскій».

Дальнѣйшая переписка съ А. Ѳ. фонъ-деръ Бриггеномъ дала В. А. Жуковскому поводъ написать нѣсколько писемъ Л. В. Дубельту, которыя мы и приводимъ ниже.

«Я очень благодаренъ Бриггену, — писалъ онъ Л. В. Дубельту [1]),—что онъ даетъ мнѣ иногда случай сказать вамъ нѣсколько словъ, любезный дядюшка. Этимъ онъ препятствуетъ мнѣ выскочить изъ вашей памяти, что было бы мнѣ весьма не по нутру, ибо во время оно вы были ко мнѣ весьма благосклонны. Обращаюсь къ вамъ съ просьбою

[1]) Отъ 6-го (18-го) мая 1847 г. изъ Франкфурта на Майнѣ.

переслать приложенное письмо къ Бриггену [1]) туда, гдѣ онъ теперь находится. Я давно обязанъ ему отвѣтомъ, и вы весьма одолжите меня, если письмо отправите немедленно, дабы я могъ имѣть во-время отъ Бриггена отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ прошу васъ, дядюшка, оставить у себя до появленія передъ лицомъ вашимъ собственной моей персоны, которая представится вамъ въ іюлѣ мѣсяцѣ посреди Петербурга, въ вашемъ кабинетѣ и весьма порадуется, если найдетъ васъ совершенно здоровымъ и столь же къ ней дружески расположеннымъ, какъ вы всегда бывали. Я дожидаюсь только, чтобы пуститься въ путь, прибытія сюда государя цесаревича, который самъ благоволилъ меня увѣдомить, что будетъ въ Дармштадтѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Повторяю мою просьбу о немедленной отсылкѣ письма моего къ Бриггену и о сбереженіи у себя до моего прибытія отвѣта,—для чего это, узнаете, прочитавъ мое письмо Бриггену. Другая просьба вѣрить преданности давнишней и постоянной.

Вашъ покорный слуга Жуковскій.

Надежды его о скоромъ возвращеніи въ Россію однако же не осуществились, и онъ писалъ тому же Л. В. Дубельту [2]).

«Любезный дядюшка! Я полакомилъ васъ (если только для васъ это такое же лакомство, какъ для меня) надеждою скоро увидѣть васъ въ Петербургѣ. Не тутъ-то было,—долженъ везти больную жену въ Швейцарію, и докторъ не позволяетъ ей и думать о проведеніи долгой зимы въ Россіи. Итакъ, еще почти на годъ надобно отказаться отъ возвращенія въ отечество. Вы меня тамъ совсѣмъ забудете и разлюбите. Авось и нѣтъ! А я теперь обращусь къ вамъ съ моею обыкновенною просьбою: доставить приложенное письмо Бриггену и продолжать быть ему добрымъ покровителемъ. Какой вины не загладитъ изгнаніе, двадцать лѣтъ переносимое съ твердымъ терпѣніемъ! Это ваше доброе сердце хорошо вѣдаетъ. Не помню, гдѣ манускриптъ второй части Бриггенова перевода Кесаревыхъ записокъ, у васъ ли, или у Родіонова? Если онъ у васъ, то благоволите его отдать Родіонову (который лично къ вамъ явится) для передачи мнѣ. Завтра надѣюсь видѣть во Франкфуртѣ государя наслѣдника. По маршруту онъ долженъ нынче ночевать въ Касселѣ. Когда-то увижу Русь! Это будетъ для меня двойное счастіе, ибо означитъ, что ожила совсѣмъ моя жена, которая жестоко страдала въ продолженіе послѣднихъ осьми мѣсяцевъ.

«Простите, любезный дядюшка, желаю сердечно, чтобы вы, не смотря на долговременное мое отсутствіе, сохранили мнѣ мой уголъ въ вашей памяти. Эти мѣшечки я всегда сохранить забочусь».

---

[1]) Оно напечатано въ Сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, изд. 7-ое, т. VI, стр. 622—625. При этомъ письмѣ Жуковскій послалъ Бриггену 143 руб.

[2]) Отъ 3-го (15-го) іюня 1847 г.

Послѣдняя вторая часть перевода была доставлена Жуковскому, но, къ сожалѣнію, трудъ Бриггена не былъ напечатанъ, и въ настоящее время рукопись эта хранится въ Императорской публичной библіотекѣ [1]), съ слѣдующею надписью: «Посвящаю Василію Андреевичу Жуковскому, душою и стихомъ поэту и другу человѣчества, въ знакъ личнаго уваженія и преданности нелицемѣрной».

Н. Дубровинъ.

---

[1]) Она озаглавлена такъ: „Записки Каія Юлія Кесаря о войнѣ въ Галліи и войнѣ междуусобной“, съ дополненіями А. Гиртія и иныхъ. Переведены вновь съ латинскаго подлинника, со многими объяснительными примѣчаніями, съ приложеніемъ краткой жизни Каія Юлія Кесаря и его портрета по древнему бюсту, съ картою древней Галліи по Барбье-дю-Бокажъ, иконографическими чертежами и полнымъ историческимъ и географическимъ указателемъ.

Князь П. А. Вяземскій о В. А. Жуковскомъ.

Письмо князя П. А. Вяземскаго къ А. Ѳ. Бычкову.

17-го іюня 1872 г. Царское Село.

Милостивый государь Аѳанасій Ѳедоровичь!

Спѣшу принести вашему превосходительству мою живѣйшую признательность за присланный мнѣ Сборникъ въ память графа Сперанскаго [1]). По бѣглому просмотру успѣлъ я убѣдиться, что въ немъ много любопытнаго и достойнаго вниманія.

Отправляясь на-дняхъ за границу, въ числѣ немногихъ русскихъ книгъ возьму и ее съ собою и тамъ надѣюсь ближе съ нею ознакомиться. Нечаянно напалъ я (стр. 597) на сужденія Сперанскаго о Жуковскомъ, которому пророчитъ онъ не идти далѣе Делиля. Это пророчество и сближеніе этихъ двухъ именъ показываетъ въ Сперанскомъ плохое развитіе поэтическаго чувства. Делиль былъ искусный стихотворецъ, а въ Жуковскомъ виденъ самобытный поэтъ и въ переводахъ. Впрочемъ, говорю это не въ укоръ Сперанскому, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ извѣстно, отношенія ихъ другъ къ другу были всегда пріязненныя.

Покорнѣйше прошу ваше превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и неизмѣнной преданности. Князь Вяземскій.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

---

[1]) Изданный въ 1872 году, подъ редакціей А. Ѳ. Бычкова, сборникъ „Въ память графа М. М. Сперанскаго“.

Письма и записки В. А. Жуковскаго къ графинѣ Ю. Ѳ. Барановой.

Письма и записки Жуковскаго къ воспитательницѣ дочерей императора Николая I, статсъ-дамѣ, съ 1846 года графинѣ, Юліи Ѳедоровнѣ Барановой (р. 1790 † 1864) печатаются съ подлинниковъ, принадлежащихъ Ѳедору Аѳанасіевичу Бычкову. Примѣчанія къ письмамъ составлены И. А. Бычковымъ. Нѣкоторыя письма, сопровождаемыя рисунками-карикатурами Жуковскаго, являются свидѣтельствомъ его добродушнаго юмора.

Изъ писемъ Жуковскаго къ графинѣ Ю. Ѳ. Барановой въ печати извѣстно лишь одно, 1827 года, изданное въ «Русскомъ Архивѣ 1885 года, книга вторая, стр. 322—323.

1.

Это лежитъ Василій Андреичь.—Онъ похудѣлъ; исчезли на головѣ

его пышные локоны, и онъ совсѣмъ оплѣшивѣлъ. Онъ брыкаетъ ногами и машетъ руками. Надъ нимъ стоитъ докторъ Енохинъ [1]); въ длинной докторской мантіи, болѣе похожъ на чорта, нежели на доктора. Вотъ ихъ разговоръ:

Докторъ Енохинъ. Что съ тобою сдѣлалось, Василій Андреичь? Отъ чего ты валяешься на землѣ какъ чушка? Отъ чего растопорщились твои ручки? Отъ чего брыкаешься какъ оселъ?

Василій Андреевичь. Благодарю тебя за твои учтивыя, утѣшительныя слова, Енохинъ! Я боленъ отъ горя! Юлія Ѳедоровна меня презираетъ.

Докторъ Енохинъ. Врешь, дуракъ! Она почтенная женщина и тебя жалуетъ. Хочешь ли я за тебя похлопочу?

Василій Андреевичь. Похлопочи, голубчикъ! Покажись ей Она подумаетъ, что ты чортъ, испугается, вспомнитъ свое слово и окажетъ мнѣ милость.

Докторъ пошелъ, а что онъ сдѣлалъ, Богъ знаетъ.

2.

Прошу васъ, Юлія Ѳедоровна, взглянуть на посылаемый вамъ экранъ, шитый бѣдною дѣвицею, у которой въ рукахъ есть иголка, а хлѣба въ нихъ нѣтъ. Не купитъ ли кто этой работы, за которую просятъ 120 рублей. Если нѣтъ, то возвратите экранъ. А право бы купить не худо, работа хорошая.

3.

Дѣвица Герцова.

Это швея, которая отъ радости пляшетъ съ рюмкой шампанскаго, которое хочетъ выпить за здоровье Юліи Ѳедоровны. Да не удастся

---

[1]) Лейбъ-хирургъ Иванъ Васильевичъ Енохинъ (р. 1791 † 1863).

ей выпить, потому что она отъ радости такъ брыкнула, что все шампанское вылилось на землю. Подбѣжала кошка и подлизала шампан-

ское, опьянѣла и принялась кувыркаться въ честь Юліи Ѳедоровны. А вдали ползетъ на четверенькахъ Ефимовичева [1]). Право, кажется мнѣ, что она вѣдьма. У нея хвостикъ, право хвостикъ.

4.

Эта дама, стоящая на колѣняхъ, есть госпожа Ефимовичь. Она думаетъ, что стоитъ передъ Юліею Ѳедоровною, а передъ нею нѣтъ никого. Кажется, что она съ хвостикомъ. Впрочемъ, это, можетъ быть, и не хвостикъ, а только кончикъ платка съ кисточкою. Если это хвостикъ, то она вѣдьма; надобно бы ее осмотрѣть, да я за это не берусь; страшно, прости Господи! А вотъ письмо, которое изъ ея рукъ попалось въ мои и слѣдуетъ быть доставлено Юліи Ѳедоровнѣ.

5.

Посылаю вамъ письмо Ефимовичевой. Прошу васъ ей помочь. Я ужъ помогалъ отъ себя; да мошна моя плоха. Пришлите пожалоста съ подателемъ этой записки для передачи ей. Да не скупитесь, сударыня. Жуковскій.

---

[1]) Г-жа Ефимовичъ.

6.

Ваше превосходительство Юлія Ѳедоровна.

Я имѣлъ честь вчерашняго числа препроводить къ вамъ писулечку собственной работы и при ней письмо, сочиненное трудолюбіемъ г-жи Ефимовичь. Моей писульки вы не изволили читать, потому что ее не разобрали: это случилось отъ того, что, когда я писалъ ее, чертъ своими рожками подталкивалъ меня въ правый локоть; и теперь онъ каналь(я) сидитъ за мною; того и гляди, что пырнетъ меня. Такой разбойникъ. Для того-то и спѣшу поскорѣе попросить васъ въ двухъ словахъ, пришлите госпожѣ Ефимовичевой то, что заблагоразсудите. Мнѣ отъ нея нѣтъ отступа. Видно, плохо приходитъ. А я, милостивая государыня Юлія Ѳедоровна, имѣю честь быть вашего превосходительства покорнымъ слугою [1]) В. Жуковскій.

Видите ли, какъ дурно написаны послѣднія строки. Чертъ меня принялся такъ толкать, что, дабы отъ него отдѣлаться, я началъ читать ему вслухъ стихи покойника Хвостова. Тотчасъ ушелъ.

7.

(Въ апрѣлѣ 1838 г.).

Историческое обозрѣніе
благодѣтельныхъ поступковъ
Юліи Ѳедоровны
и разныхъ другихъ обстоятельствъ,
курьозныхъ происшествій,
и особенныхъ всякихъ штучекъ.
Сочиненіе
Матвѣя.

Это г. Шевченко [2]). Онъ говоритъ про себя: хотѣлось бы мнѣ написать картину, а господинъ велитъ мести горницу. У него въ одной

---

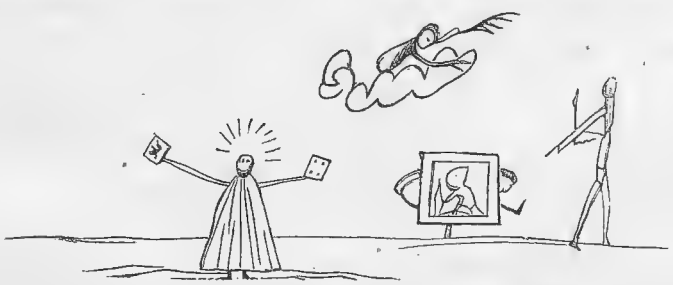
[1]) Конецъ письма, со словъ: „имѣю честь быть“ нарочно написанъ неразборчивымъ почеркомъ.

[2]) Какъ извѣстно, Т. Г. Шевченко (имѣвшій большую склонность къ живописи) былъ крѣпостнымъ помѣщика Энгельгардта, который за выкупъ Шевченка на свободу требовалъ 2.500 р. Чтобы добыть эту сумму, Жуковскій попросилъ К. П. Брюлова написать съ него, Жуковскаго, портретъ, и потомъ разыграть его въ частной лотереѣ. Портретъ былъ написанъ, разыгранъ въ лотерею, гдѣ онъ достался императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и на вырученные отъ лотереи 2.500 р. была куплена (22-го апрѣля 1838 г.) свобода Шевченка.

рукѣ кисть, а въ другой помело, и онъ въ большомъ затрудненіи. Надъ

нимъ въ облакахъ Юлія Ѳедоровна.

Это Брюловъ, пишетъ портретъ съ Жуковскаго. На обоихъ лавровые вѣнцы. Вдали Шевченко мететъ горницу. Въ облакахъ Юлія Ѳедоровна. Она думаетъ про себя: какой этотъ Матвѣй красавецъ. А Василій Андреичь, слыша это, благодаритъ внутренно Юлію Ѳедоровну и говоритъ про себя: Я пожалуй готовъ быть и Максимомъ, и Демьяномъ, и Трифономъ, только бы намъ выкупить Шевченко. Не безпокойся, Матюша,—говоритъ изъ облаковъ Юлія Ѳедоровна—мы выкупимъ Шевченко. А Шевченко знай себѣ мететъ горницу. Но это въ послѣдній разъ.



Жуковскій въ видѣ Судьбы провозглашаетъ выигрышный билетъ. Въ одной рукѣ его карта; а въ другой отпускная Шевченки. Въ дали портретъ Жуковскаго; онъ пляшетъ отъ радости, потому что достался государынѣ императрицѣ. Онъ подперъ руки въ боки и, стоя на одной

ногѣ, подражаетъ неподражаемой Тальони. Шевченко выросъ отъ радости и играетъ на скрыпкѣ качучу. А Юлія Ѳедоровна изъ облаковъ ихъ благословляетъ.

Юлія Ѳедоровна сошла съ облаковъ, въ которыхъ осталось одно только сіяніе. Въ ея рукѣ мѣшокъ съ деньгами (2.500 рублей); указательный палецъ ея устремленъ на ѣздоваго, и она говоритъ ему повелительнымъ голосомъ: Голубчикъ ѣздовой, съѣзди къ Матвѣю и попроси его ко мнѣ. Я собрала всѣ деньги, и мнѣ хочется ихъ поскорѣе ему отдать. Поѣзжай, голубчикъ, поскорѣе; ты человѣкъ расторопный, и я очень тебя за это люблю. Только прошу тебя, душенька, не напейся пьянъ дорогою. Это нехорошо. Надобно вести себя порядочно. И какое удовольствіе въ пьянствѣ, самъ ты разсуди. Кто исполняетъ свои обязанности, тотъ можетъ назваться истиннымъ патріотомъ.—Вотъ что говоритъ Юлія Ѳедоровна, а Жуковскій, подслушавъ это, записываетъ въ записную книжку; и конечно уже теперь никогда пьянъ не будетъ.

Примѣчаніе. Юлія Ѳедоровна отъ того такъ спѣшитъ собрать деньги, что Матвѣй скоро поѣдетъ за границу и долженъ прежде отъѣзда своего кончить это дѣло. Удивительная женщина эта Юлія Ѳедоровна. Кто ее не любитъ? Дай ей Господь всякаго благополучія, ей самой, ея дѣтямъ, и внукамъ, и правнукамъ. Матвѣй обѣщаетъ съ одною изъ ея правнучекъ проплясать за здоровье ея качучу.

Это Шевченко и Жуковскій; оба кувыркаются отъ радости. А Юлья Ѳедоровна благословляетъ ихъ изъ облаковъ.

8.

3-го мая [1]) (1838 г.).

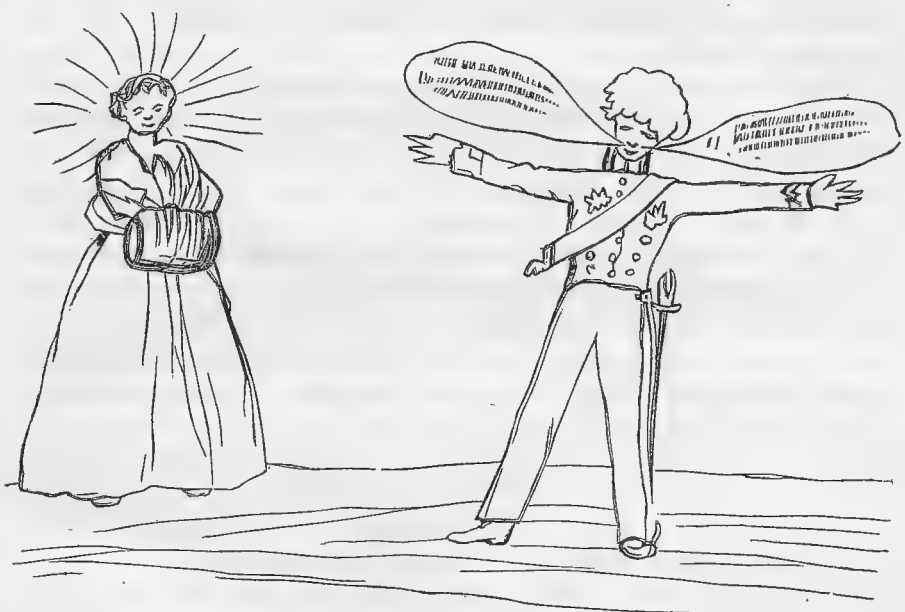
Податель этого письма есть Грасгофъ (Grashof), живописецъ изъ Дюссельдорфа, гдѣ теперь живетъ нашъ Рейтернъ [2]). Онъ привезъ съ собою нѣсколько картинъ и рисунковъ тамошнихъ живописцевъ: есть между ими прекрасныя. Есть и его собственныя картины, очень хорошія. Прошу васъ дать ему возможность показать свое добро великимъ княжна(мъ); я увѣренъ, что онѣ посмотрятъ на эти картины съ удовольствіемъ. Можетъ быть, захотятъ что-нибудь и купить. Хорошо бы.

Простите. Прошу васъ сказать мое сердечное почтеніе ихъ высочествамъ. Не забывайте насъ странствующихъ. Жуковскій.

P. S. Прилагаю реестръ картинъ. Я отмѣтилъ тѣ, кои мнѣ лучше другихъ понравились.

9.

(Въ концѣ февраля 1840 г.).



Это Василій Андреевичъ Жуковскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, носящій до двѣнадцати звѣздъ разныхъ націй на высокой груди своей, почему имѣетъ

[1]) День выѣзда Жуковскаго въ 1838 г. въ заграничное путешествіе.

[2]) Будущій тесть Жуковскаго.

право называться Большимъ Медвѣдемъ въ угожденіе Большой Медвѣдицѣ, сіяющей по ночамъ на небѣ и которую давно Василій Андреевичь очень любитъ. Василій Андреевичь представленъ здѣсь въ мундирѣ, потому что онъ самъ представляется ея превосходительству Юліи Ѳедоровнѣ. Онъ растопырилъ руки, и аннинская лента на немъ какъ будто прыгаетъ: это отъ восторга, потому что онъ видитъ Юлію Ѳедоровну и говоритъ ей о двухъ предметахъ; эти двѣ рѣчи, въ видѣ пузырей, выходятъ изъ устъ его: это очень умно придумано живописцемъ. Иначе какъ же на картинкѣ представить, что говоритъ Василій Андреевичь.—Онъ говоритъ съ Юліею Ѳедоровной, а скажешь, что онъ на нее не смотритъ. Анъ нѣтъ, извините, смотритъ, и съ восторгомъ, и обоими глазами, и отъ этого вѣроятно голова его покрылась въ семъ изображеніи густыми локонами, коихъ въ натурѣ на ней не находится. Видитъ же онъ Юлію Ѳедоровну въ зеркалѣ, ибо не смѣетъ смотрѣть на нее прямо: она ослѣпила бы его очи, ибо вокругъ ея главы сіяніе; а ручки спрятала она въ муфту, потому что ей холодно.—Что же ей говоритъ Василій Андреевичь? Вотъ что:

Пузырь № I. 333 рубля отъ великой княгини Маріи Николаевны [1]) для Ушаковой! Пожалуйте, пожалуйте, пожалуйте, пришлите. Это повторяется еще 40 разъ.

Пузырь № II. Попросите о вкладѣ въ сборъ на подписку на Сочиненія Козлова [2]). Вы знаете, кого просить; а я прошу помнить только о томъ, что я ѣду черезъ недѣлю [3]) и что мнѣ собранныя деньги надобно положить въ ломбардъ. NB. *Я* здѣсь значитъ не пузырь, а Василій Андреевичь.

Вотъ что говоритъ Василій Андреевичь, и надобно признаться, что онъ не краснорѣчивъ. Да на что же тутъ краснорѣчіе; Юлія Ѳедоровна такой добрый человѣкъ, что она не забудетъ сама то сдѣлать, о чемъ ее разъ попросишь, и безъ краснорѣчія. А бестія живописецъ представилъ здѣсь слова Василія Андреевича въ двухъ пузыряхъ. Видишь, какой плутъ. Онъ вѣрно думалъ этимъ сказать: «Болтай, болтай, Василій Андреичь, слова твои лопнутъ какъ пузыри». Вретъ онъ, бездѣльникъ, мазилка. Нѣтъ тутъ никакихъ пузырей! Самъ онъ пузырь; чтобъ ему лопнуть. Юлія Ѳедоровна нынче же все то сдѣлаетъ, о чемъ ее проситъ Василій Андреевичь. Дай Богъ ей здоровья!

---

[1]) Великая княжна Марія Николаевна вступила въ бракъ съ герцогомъ Максиміліаномъ Лейхтенбергскимъ 2-го іюля 1839 года.

[2]) Сочиненія И. И. Козлова вышли, 3-мъ изданіемъ, въ Петербургѣ въ 1840 году.

[3]) Жуковскій сопровождалъ наслѣдника Александра Николаевича въ его поѣздкѣ въ Дармштадтъ. Изъ Петербурга Жуковскій выѣхалъ 5-го марта 1840 года (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго“, Спб. 1887, стр. 17).

10.

Страстная суббота (13-го апрѣля 1840), 2 часа по полудни.

Благодарю васъ отъ всего сердца за любезное письмо ваше, которое было для меня самымъ пріятнымъ знакомъ вашей дружбы: вы вспомнили обо мнѣ въ минуту для васъ счастливую и хотѣли подѣлиться со мною вашею радостію [1]). И я раздѣлилъ ее съ вами отъ полноты сердца. Минута, въ которую она вошла въ вашу душу, конечно, принадлежитъ къ лучшимъ минутамъ жизни. Радоваться не своимъ личнымъ счастіемъ, а счастіемъ милыхъ намъ людей есть самое чистое наслажденіе; тутъ есть все свое, и нѣтъ нисколько эгоизма. Прошу васъ быть моимъ представителемъ передъ нашею прелестною великою княгинею [2]) и сказать ей, какъ въ ея счастіи для меня много моего собственнаго и какъ искренно я желаю ея счастію: твердости, неизмѣняемости и долголѣтія. По своему сердцу она достойна лучшаго земнаго счастія, и Богъ ей его дастъ; и разъ давши, сохранитъ его. Прошу васъ передать ей эти искреннія выраженія моего ей преданнаго сердца. Прибавляю къ нимъ мое Христосъ воскресе Это слово было всегда знаменіемъ счастія въ семьѣ нашего добраго государя. Вспомните, въ какихъ разныхъ обстоятельствахъ оно было повторяемо. И теперь мы здѣсь будемъ говорить его, какъ поздравленіе великому князю вмѣстѣ съ его невѣстою [3]), которая нынче будетъ у нашей заутрени, а, можетъ быть, на слѣдующее Свѣтлое Воскресеніе будетъ вмѣстѣ съ другими принимать въ Зимнемъ дворцѣ поздравленіе, какъ жена наслѣдника. Благослови Богъ то счастіе, которое родилось подъ вліяніемъ великаго слова: Христосъ воскресе! Говорю вамъ его издали съ особеннымъ чувствомъ; а васъ прошу его передать отъ меня и счастливой молодой матери, и ея младенцу, о которомъ, со временемъ, если не я, то другой кто-нибудь скажетъ:

Лѣта прошли, и нашъ расцвѣлъ младенецъ,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ангелъ милъ! [4])

---

[1]) Рѣчь идетъ о рожденіи у великой княгини Маріи Николаевны дочери, принцессы Александры Максимиліановны Лейхтенбергской (р. 28-го марта 1840 † 31-го іюля 1843).

[2]) Великою княгинею Маріею Николаевною.

[3]) Обрученіе цесаревича Александра Николаевича съ принцессою Маріею Гессенъ-Дармштадтскою (будущею императрицею Маріею Александровною) состоялось 6-го декабря 1840 г., а бракосочетаніе 16-го апрѣля 1841 года.

[4]) Эти стихи взяты изъ посвященія „Ундины" великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

Простите. Желаю душевно, чтобы вы были здоровы и безъ всякаго изъяна радовались теперешнимъ вашимъ и нашимъ счастіемъ.

Жуковскій.

Прошу васъ передать мое усерднѣйшее поздравленіе ихъ высочествамъ великимъ княжнамъ Ольгѣ и Александрѣ Николаевнамъ. Аннѣ Алексѣевнѣ [1]) и Софіи Ивановнѣ [2]) мое дружеское почтеніе. Ѳ. П. Литке и А. И. Философова [3]) обнимаю, прося ихъ обнять за меня нашихъ милыхъ великихъ князей.

11.

Дюссельдорфъ, 12-го (24-го) февраля 1844.

Вотъ уже почти три года, какъ я пропалъ у васъ изъ глазъ, милая и почтенная Юлія Ѳедоровна; во все это время вы отъ меня лично не получали извѣстія о томъ, что со мною творится, но конечно слыхали отъ другихъ, что мнѣ въ семейномъ уголку моемъ хорошо. И я самъ сбирался написать къ вамъ, и очень жалѣю, что не написалъ. Ибо, къ несчастію, мое первое письмо къ вамъ должно быть теперь упрекомъ. Права пословица: изъ глазъ вонъ, изъ памяти вонъ. Вы обо мнѣ забыли; не мудрено; память объ отсутствующихъ небывалое при дворѣ явленіе. Но вотъ что худо, вы не вспомнили обо мнѣ и въ такомъ случаѣ, въ какомъ бы могли и должны были вспомнить; а отъ этого забвенія вышло то, что вы мнѣ (конечно, безъ намѣренія) сдѣлали чувствительное огорченіе. Вотъ какъ: по указу государя опредѣленъ моему тестю Рейтерну пенсіонъ, разложенный на всѣхъ членовъ царскаго семейства; этотъ пенсіонъ однако пожалованъ былъ ему съ тѣмъ, чтобы всѣ картины, какія выйдутъ изъ подъ кисти его, принадлежали царскому семейству [4]). Великое облегченіе для отца семейства, обремененнаго 8-ю дѣтьми, изъ которыхъ одного взрослаго сына было надобно опредѣлять на службу и еще шесть на рукахъ взрослыхъ, подростающихъ и ребятъ—великое облегченіе, повторяю, потому, что онъ, потерявъ правую руку въ сраженіи Лейпцигскомъ,

---

[1]) Окуловой († 1861), наставницѣ при великихъ княжнахъ.

[2]) Гигинботомъ, также бывшей наставницею при великихъ княжнахъ.

[3]) Адмиралъ (впослѣдствіи графъ) Ѳ. П. Литке († 1882) былъ воспитателемъ великаго князя Константина Николаевича, а генералъ-адъютантъ А. И. Философовъ († 1874) воспитателемъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.

[4]) Пенсіонъ этотъ былъ пожалованъ Рейтерну въ 1837 году (см. книгу „Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild“, S.-Petersburg. 1894, стр. 103—105).

русскій офицеръ, не имѣющій ничего, кромѣ мундира и безпрестанно возвращающихся страданій отъ раны, не могъ бы рѣшиться жить трудами своихъ рукъ, или былъ бы весьма несчастливъ, если бы для насущнаго хлѣба былъ принужденъ продавать свою работу. Государь милостиво вошелъ въ его положеніе и опредѣлилъ ему этотъ пенсіонъ, которымъ, такъ сказать, присвоилъ своему семейству всѣ будущіе труды заслуженнаго инвалида. 500 рублей изъ этого пенсіона указомъ государя императора опредѣлены были на часть великой княжны Александры Николаевны. Теперь при замужествѣ ея высочества [1]), по вашему представленію, эти 500 рублей, пожалованные государемъ, вычеркнуты, и мой бѣдный инвалидъ теряетъ часть дохода, весьма значительную для него въ тѣсныхъ его обстоятельствахъ, хотя сумма ничтожная сама по себѣ. И это сдѣлалось въ такую минуту, когда по случаю брака великой княжны оказаны были всѣмъ другимъ милости. Вотъ видите ли, если бы вы не совершенно забыли, что когда-то на свѣтѣ встрѣчалось вамъ двуногое животное, называвшееся Жуковскимъ, то вы при имени Рейтерна вспомнили бы о Жуковскомъ; вы бы не отняли произвольно пособія, даннаго милостію государя этому Рейтерну, тестю этого Жуковскаго, вы бы или представили объ этомъ пенсіонѣ самой великой княжнѣ А(лександрѣ) Н(иколаевнѣ), и она бы конечно не уничтожила благотворенія, оказаннаго ея милостивымъ отцемъ, или, что̀ было бы лучше, вы бы представили объ томъ самому государю, и онъ уже конечно не отнялъ бы у бѣднаго своего живописца-инвалида того, что самъ даровалъ ему. Но вы просто вычеркнули имя Рейтерна изъ списка. Какъ можно было это сдѣлать, не понимаю; но, кажется, съ императорскими указами слѣдовало бы поступать осторожнѣе.

Жаль мнѣ, что я долженъ былъ написать къ вамъ такое письмо, милая Юлія Ѳедоровна; вы всегда были ко мнѣ такъ добры. Но зачѣмъ же у васъ такая плохая память? Теперь, надѣясь на вашу старую дружбу (которая еще, можетъ быть, отыщется у васъ въ какомъ-нибудь изъ сундуковъ вашихъ между старымъ платьемъ), надѣясь на эту дружбу, увѣренъ, что вы постараетесь загладить сдѣланное вами безъ намѣренія зло и войдете насчетъ этихъ 500 рублей въ объясненіе съ кѣмъ слѣдуетъ. Я утверждаю, что этихъ 500 рублей, безъ особенной воли государя императора, нельзя было отымать у Рейтерна: они составляютъ часть пенсіона, пожалованнаго ему за его будущіе труды, которые со времени опредѣленія пенсіона всѣ принадлежатъ исключительно царскому семейству. Правда, онъ доставилъ картинъ не столько,

[1]) Великая княжна Александра Николаевна была повѣнчена 14-го января 1844 года съ принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Гессенъ-Кассельскимъ.

*

сколько бы хотѣлъ, но онъ пишетъ лѣвою рукою, онъ часто боленъ; за то трудится прилежно и теперь занятъ большою работою, которая возметъ много времени, но конечно заслужитъ одобреніе его благотворителей. Впрочемъ, надобно замѣтить, что цѣль пенсіона есть великодушное пособіе; эта цѣль главная; пріобрѣтеніе же картинъ была цѣль побочная. Хотя, конечно, Рейтернъ между живописцами нашего времени займетъ почетное мѣсто и стоитъ въ этомъ отношеніи покровительства отъ своего государя,не говоря уже о его отстрѣленной рукѣ.

Буду ждать отвѣта отъ васъ и надѣюсь, что вы это дѣло примете къ сердцу. Поправьте свою ошибку. Скажу вамъ по секрету, что этотъ случай и для меня лично весьма огорчителенъ. Въ то самое время, когда я, въ знакъ моей къ ней привязанности, посвящаю имени великой княгини Александры Николаевны мою поэму [1]) и печатный экземпляръ этой поэмы былъ представленъ ея высочеству за нѣсколько дней до ея замужества—какой мнѣ на это отвѣтъ. Имя моего тестя выбрасывается безъ всякихъ церемоній изъ списка, какъ будто онъ шифръ, не заслуживающій никакого дальнѣйшаго вниманія. Согласитесь, что это больно.

Заключу письмо мое просьбою, чтобы вы возвратились на старую методу и были для меня не теперешняя забывчивая, а прежняя добрая Юлія Ѳедоровна, съ которой мы столько лѣтъ, важныхъ въ нашей жизни, провели въ добромъ согласіи, во взаимной довѣренности, по(дъ) одною кровлею; эта прежняя Юлія Ѳедоровна, которую я люблю по старому, хотя и не люблю ея забывчивости, будетъ конечно довольна, когда скажу ей, что я на проселочной дорогѣ, на которую своротилъ съ большой дороги свѣта, нашелъ желаемое счастіе, что у меня добрая, рѣдкая жена и что моя дочка [2]) есть прелесть глазъ и сердца. Эти двѣ или, лучше сказать, полторы персоны рекомендуютъ себя въ ея благосклонность. А я Жуковскій вашего высокопревосходительства покорный слуга Василій Жуковскій (NB).

(NB) Нарочно повторено, чтобы вы легче могли вспомнить, кто къ вамъ пишетъ.

12.

20-го іюля (1-го августа) 1848.

Милая моя графиня [3]), чтобы не пропустить почты, пишу къ вамъ маленькую записочку, но эта записочка стоитъ десяти писемъ, ибо въ

---

[1]) Наль и Дамаянти.

[2]) Александра Васильевна, впослѣдствіи баронесса Вёрманъ (р. 1842 † 1899).

[3]) Ю. Ѳ. Баранова была возведена въ графское достоинство 1-го іюля 1846 года.

ней заключается полновѣсная, важная просьба. Податель этой записочки, мой добрый пріятель Родіоновъ [1]), потерялъ въ Шамбо [2]) добраго начальника; новый его начальникъ Гофманъ [3]) еще его не знаетъ. А Родіонову нужно, чтобы онъ зналъ его съ хорошей стороны. Я же скажу отъ себя, что въ Родіоновѣ не о д н а хорошая сторона, а всѣ стороны хороши: я его давнымъ давно знаю; честнѣе, добрѣе, нравственнѣе человѣка быть не можетъ. Я писалъ объ немъ къ Гофману, котораго лично не знаю, поэтому и не могу думать, чтобы письмо мое могло быть особенно имъ уважено. Но вы, моя добрая графиня, можете мнѣ въ этомъ дѣлѣ, важномъ для моего сердца, помочь: рекомендуйте моего Родіонова Гофману; можете за него поручиться, какъ за меня; окажете ему великое благодѣяніе, тѣмъ болѣе важно(е), что Родіоновъ, котораго всѣ средства жизни заключаются въ его службѣ, завелся недавно своимъ семействомъ и что для него теперь житейскія заботы весьма увеличились. Поручаю его вамъ; вы своею о немъ заботливостью докажете мнѣ, что въ отношеніи ко мнѣ пословица: les absents ont toujours tort [4]) вретъ. А я не вру, когда говорю вамъ, что люблю васъ по старому всѣмъ сердцемъ и что я вашъ всегда есмь, былъ и буду. Жуковскій.

Если захотите мнѣ отвѣчать, то весьма меня обрадуете. Обо мнѣ узнаете отъ Родіонова; онъ же перешлетъ мнѣ и ваше письмо. Простите. Спѣшу. Жена вамъ посылаетъ свое почтеніе. Саша и Павелъ [5]), ваши знакомые, васъ цѣлуютъ.

Сообщилъ **Ѳ. А. Бычковъ.**

---

[1]) Ростиславъ Родіоновичъ Родіоновъ, старшій чиновникъ собственной ея величества канцеляріи, котораго Жуковскій назначилъ съ К. К. Зейдлицомъ своимъ душеприкащикомъ.

[2]) Иванъ Павловичъ Шамбо, секретарь императрицы Александры Ѳеодоровны и управлявшій собственною ея величества канцеляріею († 1848).

[3]) Статсъ-секретарь Андрей Логиновичъ Гофманъ (р. 1798 † 1863), управлявшій IV отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи.

[4]) Т. е. Отсутствующіе всегда виноваты.

[5]) Дѣти Жуковскаго, Александра Васильевна и Павелъ Васильевичъ.

Два неизданныхъ стихотворенія В. А. Жуковскаго.

1.

Младенцемъ быть душою;
Разсудкомъ созрѣвать;
Не тѣла красотою,
Любезностью плѣнять;
Цѣнить златое время;
Считать весельемъ трудъ;
И праздной скуки бремя
Навѣки скрыть подъ спудъ;
Не въ свѣтѣ, но въ природѣ,
Въ простомъ кругу семьи,
Въ порядкѣ и свободѣ
Утѣхи зрѣть свои;
Быть въ дружбѣ неизмѣнной;
Любя, д у ш о й любить;
Супруги санъ священной
Какъ даръ небесъ хранить;
Струи благодѣянья
На скорбныхъ проливать;
Въ обители страданья
Отраду посылать;
Пріятныхъ музъ игрою
Плѣнять себя подъ часъ,
И нѣжной къ нимъ душою
Любить ихъ сладкой гласъ;
Въ бѣдахъ не быть унылой;

На радость уповать;
И мощной вѣры силой
Печали отражать;
Собою наслаждаться;
Свой рай въ душѣ хранить;
За призракомъ не гнаться
И путь житейскій чтить.
Къ безсмертію стезёю,
Гдѣ жизни сей вѣнецъ,
Куда любви рукою
Насъ всѣхъ благій Отецъ
Ведетъ не откровенный:
Вотъ цѣль сихъ быстрыхъ лѣтъ,
Вотъ счастье, другъ безцѣнный,
Другаго счастья нѣтъ!

Ж.

1806 года октября 9-го.

Это стихотвореніе печатается съ собственноручной рукописи Жуковскаго, которому шелъ тогда двадцать четвертый годъ.

2.

Отрывокъ изъ Делилева диѳирамба на безсмертіе души.

На лонѣ вѣчности безмолвной,
Въ непомрачаемыхъ лучахъ,
Безсмертіе, порока страхъ
И щитъ невинности безкровной,
Отъ Крона, яраго рушителя міровъ,
Добра подвижниковъ спасаетъ,
И преступленье исторгаетъ
Изъ страшной пристани гробовъ.

Такъ, молній вѣчнаго надменный похититель,
О ты, кичащійся надъ скорбной правотой,
Земли ничтожный утѣснитель,
Страшись: безсмертье жребій твой!

А ты, отъ сладостной отчизны отлученный,
О жертва мирная, минутный гость земной,
О странникъ, тайною рукою огражденный,
Страдалецъ, ободрись: безсмертье жребій твой!

И кто не оживленъ симъ сладкимъ ожиданьемъ!
Сомнѣньемъ зыблемый, живимый упованьемъ,
Въ обитель смерти человѣкъ
Приводитъ смѣлую надежду за собою
Отъ тьмы небытія спасти свой краткій вѣкъ.
На пеплѣ гробовомъ, съ заоблачной главою,
Превознесенный мавзолей
Къ Предвѣчнаго стопамъ изъ праха восхищаетъ
Кичливую мечту надменныхъ сихъ костей!
На бренности гробовъ онъ слѣдъ свой сохраняетъ
И, ахъ! ничтожество свое!...

Ж.

Это стихотвореніе Жуковскаго написано имъ въ 1806 году (см. И. Бычковъ, Бумаги В. А. Жуковскаго, Спб. 1887, стр. 29). Въ печатныхъ изданіяхъ не помѣщено второй половины «Отрывка» (со стиха: И кто не оживленъ симъ сладкимъ ожиданьемъ!) (см. напр. Сочиненія В. А. Жуковскаго въ стихахъ и прозѣ, изд. 10-е, Спб. 1901, стр. 17). Подлинникъ стихотворенія писанъ весь рукою Жуковскаго.

Сообщилъ **графъ Н. А. Бреверн-де-ла-Гарди.**

Собственноручныя письма В. А. Жуковскаго къ Д. П. Северину [1]).

1.

7-го (19-го) апрѣля (1829 г.).

Любезнѣйшій другъ Дмитрій Петровичь, обращаюсь къ тебѣ съ убѣдительнѣйшею моею просьбою; увѣренъ, что ты, по старой ко мнѣ дружбѣ, примешь ее къ сердцу. Въ Женевѣ, въ пенсіонѣ оставленъ сынъ Александры Андреевны Воейковой [2]). Не знаю, именно, какой

---

[1]) Печатая письма князя П. А. Вяземскаго къ Северину („Русская Старина“ 1896 г., № 1), редакція сообщила и краткія біографическія свѣдѣнія о послѣднемъ. Здѣсь мы припомнимъ только, что со вступленіемъ на престолъ императора Николая Д. П. Северинъ, въ августѣ 1826 г., былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи, а 7-го апрѣля 1836 года именованъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Швейцарскомъ союзѣ. Въ мартѣ 1837 года ему повелѣно было быть чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при дворѣ Баварскомъ. Въ 1863 году онъ былъ уволенъ по болѣзни отъ службы и 24-го января 1865 г. скончался въ Мюнхенѣ.

Дружба Жуковскаго съ Сверинымъ окрѣпла въ Арзамасскомъ обществѣ, гдѣ Северинъ носилъ прозваніе Рѣзваго Кота, а Жуковскій — Свѣтланы. Начало же пріятельскаго ихъ знакомства относится къ еще болѣе раннему времени (см. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 4, 74, 79 и 86). Часть писемъ Жуковскаго къ Северину (за 1830, 1832 и 1833 годы) напечатана въ „Русской Старинѣ“ 1896 г., № 7, стр. 83—98. Нѣсколько писемъ Жуковскаго къ Северину за позднѣйшіе годы (1848 и 1849 гг.), хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, помѣщено въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 года, сентябрь, стр. 42—53. Примѣчанія къ письмамъ обязательно составлены И. А. Бычковымъ. Ред.

[2]) Племянницы Жуковскаго, скончавшейся за границею, въ февралѣ 1829 года.

пенсіонъ; но можешь узнать объ немъ отъ семейства Saladin и отъ Бонстеттена [1]), а также отъ г(оспод)а Joseph de Joux, homme de lettres. Матери этого бѣднаго ребенка нѣтъ на свѣтѣ. До окончанія дѣтскаго своего возраста онъ будетъ учиться въ Женевѣ. Нужно, чтобъ было объ немъ попеченіе и чтобъ тамъ знали, что онъ не оставленъ. Поручаю его твоей благодѣтельной дружбѣ: забота твоя объ немъ будетъ благодѣяніемъ для меня. Ты знаешь, что была для меня его мать, и будешь въ немъ видѣть моего ближайшаго роднаго. Прошу тебя разъ въ три мѣсяца требовать объ немъ изъ пенсіона свѣдѣнія и доставлять ихъ ко мнѣ. Государыня императрица принимаетъ въ немъ живѣйшее участіе; она сама хотѣла писать къ тебѣ объ немъ и, вѣроятно, уже писала. Забота твоя объ немъ побудитъ и тѣхъ, коимъ онъ ввѣренъ, имѣть объ немъ большее попеченіе. А я въ этомъ случаѣ твердо полагаюсь на твою ко мнѣ дружбу. О себѣ мнѣ тебѣ нечего сказать новаго; со мною ничего новаго быть не можетъ. Иду по старой дорогѣ и стараюсь съ нея не сбиваться. Теперь, однако, сбираюсь въ Варшаву [2]), куда и мой великій князь [3]) ѣдетъ. Прости, любезный другъ. Скажи мое дружеское почтеніе твоей женѣ. А меня помни и продолжай любить по прежнему. Твой Жуковскій.

Пиши ко мнѣ на имя Булгакова [4]).

2.

1-го (13-го) іюля (1829 г.). С.-Петербургъ.

Благодарю тебя, мой безцѣнный Дмитрій Петровичь, за дружеское твое письмо и за увѣдомленіе о Андрюшѣ Воейковѣ [4]). Будь ему покровителемъ; смотри на него, какъ на моего сына: это дастъ ему еще большее право на твое сердце. Когда будутъ видѣть твою объ немъ заботливость, то будутъ и наблюдать за нимъ съ большею ревностію. Я бы совершенно согласился съ тѣмъ, что ты замѣчаешь насчетъ слѣдствій будущихъ его воспитанія, когда бы его воспитаніе должно было кончиться въ Женевѣ. Но онъ тамъ оставленъ на первую пору, для

---

[1]) Извѣстнаго писателя Карла-Виктора Бонстеттена († 1832), съ которымъ Жуковскій познакомился въ Женевѣ, въ первое свое заграничное путешествіе.

[2]) На предстоявшее коронованіе императора Николая I, которое совершилось 12-го мая 1829 г. (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 206 — 210).

[3]) Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.

[4]) Пріятеля Жуковскаго, Константина Яковлевича Булгакова († 1835), бывшаго тогда петербургскимъ почтъ-директоромъ.—На письмѣ имѣется помѣта Северина: „Отв(ѣчалъ) изъ Цириха 27-го маія (8-го іюня) 1829“.

[5]) См. предыдущее письмо.

пріобрѣтенія первыхъ понятій, для перваго развитія; не болѣе какъ на пять лѣтъ. Въ Россіи нѣтъ хорошихъ пенсіоновъ для перваго возраста; а дома ему не у кого оставаться. Этотъ пенсіонъ выбранъ для него матерью, она рѣшилась съ нимъ разстаться; я увѣренъ, что это и послужитъ ему въ пользу. Дома и въ отечествѣ было бы лучше; но что же дѣлать съ обстоятельствами? Матери не воротишь. О прочемъ говорить нечего [1]). То, что есть, для него теперь есть лучшее изъ худаго. Итакъ прошу тебя продолжать быть къ нему внимательнымъ. Благодарю тебя душевно за твое намѣреніе иногда брать Андрюшу къ себѣ. Ты будешь для него по временамъ представителемъ отечества и вѣры отцевъ его; и русскій языкъ не будетъ для него совершенно чужимъ. Не бойся слѣдствій. Повторяю, онъ въ Женевѣ останется только на первые годы отрочества. Я давно не видалъ его и не знаю, каковъ онъ: по виду обѣщалъ много; всегда имѣлъ живость; но очень долго не начиналъ говорить, и теперь, какъ я слышалъ, сей недостатокъ, то-есть трудность выражать на словахъ мысли, у него остался. Это можетъ замедлить и самое развитіе мыслей. Но онъ дитя Провидѣнія; Ему его и повѣряю.—Что сказать тебѣ о себѣ? Моя жизнь дѣятельно однообразна; все заключено въ учебной комнатѣ моего воспитанника [2]) или въ моемъ кабинетѣ. Живу уединенно. Съ Карамзиными [3]) видаюсь разъ въ недѣлю: то-есть обѣдаю у нихъ по воскресеньямъ. Съ другими всѣми рѣдко, когда Богъ сведетъ. Катенька—княгиня Мещерская [4]). А Софья [5]) все Софья Карамзина. Блудовъ [6]) теперь въ Карлсбадѣ: я видѣлся съ нимъ въ Варшавѣ. Дашковъ [7]), помощникъ министра юстиціи, въ лихорадкѣ, привезенной изъ арміи. Полетика [8]) сумасшествуетъ и все тотъ же квакеръ.

[1]) Намекъ на отца маленькаго Воейкова, Александра Ѳедоровича Воейкова, не отличавшагося, какъ извѣстно, нравственными достоинствами. Незадолго до кончины А. А. Воейковой, Жуковскій писалъ ей 4-го февраля 1829 года, между прочимъ, слѣдующее: „Андрюша долженъ остаться въ Женевѣ; онъ очень хорошо пристроенъ тамъ, гдѣ онъ находится, и будетъ устраненъ отъ отцовскаго вліянія; окончивъ свое первоначальное обученіе, онъ возвратится, и я позабочусь о немъ“ (см. Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“, Спб. 1883, стр. 147).

[2]) Наслѣдника Александра Николаевича.

[3]) Съ семействомъ исторіографа.

[4]) Дочь исторіографа, Екатерина Николаевна Карамзина вышла въ 1828 г. замужъ за князя Петра Ивановича Мещерскаго.

[5]) Софья Николаевна Карамзина, другая дочь исторіографа, бывшая фрейлиною высочайшаго двора, скончалась въ дѣвицахъ въ 1856 г.

[6]) Дмитрій Николаевичъ, въ то время статсъ-секретарь и товарищъ министра народнаго просвѣщенія.

[7]) Дмитрій Васильевичъ. Онъ находился въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ императора Николая I при его поѣздкѣ въ дѣйствующую армію.

[8]) Петръ Ивановичъ, бывшій ранѣе посланникомъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, а въ 1825 году назначенный сенаторомъ.

Тургеневъ [1]) живетъ для изгнаннаго брата [2]). Пушкинъ [3]) бродитъ по русскому свѣту, и гдѣ теперь, не знаю. Вяземскій [4]) закопался въ пензенскую деревню Кологриваго [5]) и сбирается выдавать свои сочиненія. Вотъ вся тебѣ таблица историческая жизни главныхъ арзамасцевъ. О согнившихъ членахъ не упоминаю. Забылъ одного добраго Жихарева [6]): онъ прокурорствуетъ въ Москвѣ.—Я теперь живу въ Царскомъ Селѣ и пробуду тамъ все лѣто. Карамзины въ Ревелѣ, гдѣ пробудутъ, вѣроятно, до конца сентября. Государя и государыню мы ждемъ къ 15 (27) іюля [7]). Вотъ все. Обнимаю тебя и прошу тебя сказать мое почтеніе твоей милой женѣ. Я познакомился въ Берлинѣ съ ея сестрою [8]), съ которою вмѣстѣ однажды обѣдалъ у Гумбольдта [9]). Твой по старому Жуковскій.

Я отвѣчаю тебѣ поздно, ибо получилъ письмо твое на отъѣздѣ изъ Варшавы въ Берлинъ, а отвѣчаю изъ Петербурга.

3.

29-го апрѣля с(тараго) с(тиля) (1832).

Посылаю тебѣ письмо, мой милой Северинъ. Прилагаю при семъ и реестръ [10]). Деньги заплачены. А я тебя обнимаю и писать болѣе некогда. Твой Жуковскій.

---

[1]) Александръ Ивановичъ.

[2]) Николая Ивановича Тургенева.

[3]) Александръ Сергѣевичъ.

[4]) Князь Петръ Андреевичъ.

[5]) Петра Александровича, мужа тещи кн. П. А. Вяземскаго, Прасковьи Юрьевны Кологривовой (въ первомъ бракѣ княгини Гагариной).

[6]) Степана Петровича, автора извѣстныхъ Записокъ („Дневникъ студента“ и „Дневникъ чиновника“). Въ это время онъ занималъ должность оберъ-прокурора 8-го департамента Правительствующаго Сената.

[7]) Императоръ Николай вернулся въ Царское Село 11-го іюля.

[8]) Д. П. Северинъ вторымъ бракомъ былъ женатъ на баронессѣ Мольтке (см. „Русскій Архивъ“ 1899 года, книга вторая, стр. 447). Первая его жена, Елена Скарлатовна († 1818), была рожденная Стурдза (сестра извѣстнаго Александра Скарлатовича Стурдзы).—Въ 1829 году, послѣ коронаціи въ Варшавѣ, императоръ Николай съ императрицею и наслѣдникомъ ѣздили въ Берлинъ, гдѣ присутствовали на бракосочетаніи принца Прусскаго Вильгельма (будущаго германскаго императора) съ принцессою Августою Саксенъ-Веймарскою. Жуковскій сопровождалъ своего августѣйшаго воспитанника въ этой поѣздкѣ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 211—212).

[9]) У знаменитаго Вильгельма Гумбольдта.

[10]) Новыхъ книгъ на русскомъ языкѣ, которыя высылалъ Жуковскій Северину (см. „Русскую Старину“ 1896 г., іюль, стр. 84).

4.

6-го ноября (н. ст.) (1832 г.), вторникъ. Вевѣ.

Я рѣшился остаться [1]), мой милой Котъ, но еще не увѣренъ, исполнится ли это намѣреніе. Его исполненіе зависитъ отъ Рейтерна [2]), который останется со мною, если пріѣдетъ семья его, и покинетъ меня, если семьѣ его нельзя будетъ пріѣхать. Дней черезъ десять это рѣшится. Тогда и я узнаю навѣрное, что мнѣ дѣлать. Италія тащитъ меня всѣми возможными очарованіями къ себѣ; а суровой разсудокъ говоритъ: не слушайся и сиди на мѣстѣ; ему вторитъ весьма охриплымъ и фальшивымъ басомъ моя болѣзнь, и такъ какъ мнѣ не подъ лѣта ребячиться, то я и послушаюсь этихъ суровыхъ совѣтниковъ. Если останусь, то ты долженъ будешь помочь горькому сиротству моему книгами. Есть ли у тебя Карамзина Исторія? Она будетъ мнѣ необходима. Ибо я примусь за разныя работы, кои пригодятся для моего возвращенія къ питомцу моему [3]), отъ коего NB получилъ очень милое письмо.—Очень радъ, что ты еще въ Женевѣ. Я собираюсь съѣздить туда дня на четыре, дабы повидаться съ Андрюшею [4]). Послѣ-завтра, т. е. въ четвергъ (8-го ноября), поѣду; итакъ ты одолжишь меня, если останешься еще дни на четыре. Мы поживемъ вмѣстѣ. Вѣдь ты остановился въ Écu de Genève [5]). Если же мнѣ здоровье или черезъ чуръ худая погода воспрепятствуютъ ѣхать въ Женеву, то я напишу къ тебѣ въ четвергъ, и тогда поѣзжай въ назначенный тобою срокъ, и мы увидимся здѣсь [6]). Я живу еще не въ Монтрё, а въ la Tour du Peilz [7]), въ домѣ M-r Ormond.—Прощай, милый Котъ, обнимаю тебя и цѣлую лапку у твоей Кошурки. Обними за меня Киля [8]) и скажи ему, что я съ горемъ по-

---

[1]) На зиму въ Швейцаріи и не ѣхать въ Италію (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 243 и 244).

[2]) Пріятеля и будущаго тестя Жуковскаго, Гергардта фонъ Рейтерна.

[3]) Наслѣднику Александру Николаевичу.

[4]) Воейковымъ (см. въ первыхъ двухъ письмахъ).

[5]) Названіе гостиницы въ Женевѣ.

[6]) Состояніе здоровья Жуковскаго, а также холодная погода, какъ это видно изъ слѣдующаго заснмъ письма его къ Северину, не позволили ему ѣхать въ предположенный имъ день (8-го ноября н. ст.) въ Женеву. 1-го (13-го) ноября его посѣтилъ Северинъ, а 18-го (30-го) того же мѣсяца къ нему пріѣзжалъ и Андрюша Воейковъ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 246 и 248).

[7]) Т. е. Tour de Peilz.

[8]) Льва Ивановича Киля († 1851), бывшаго адъютанта цесаревича Константина Павловича, потомъ свиты его величества генералъ-маіора, а съ 1845 года начальника русскихъ художниковъ въ Римѣ. Первоначально Жуковскій думалъ ѣхать въ Италію съ Килемъ (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 266).

поламъ долженъ отказаться отъ удовольствія съ нимъ путешествовать. Желаю ему всякаго рода радостей въ Италіи и въ особенности полнаго выздоровленія. Свѣтлана.

5.

8-го ноября (н. ст.) (1832).

Кысь! Кысь! [1]) Благодарствую за доставленіе письма подъ орломъ: въ немъ ничего однако нѣтъ царскаго; пишетъ ко мнѣ Перовскій [2]) и Коллинсъ [3]), учитель великаго князя. Вѣстей нѣтъ никакихъ. Мы однако должны скоро получить важныя вѣсти о разрѣшеніи государыни [4]). Дай Богъ имѣть счастливыя. Сердце не на мѣстѣ. Уже теперь все должно быть кончено. Сохрани Богъ ее: она залогъ счастія для царя и для всѣхъ насъ. Я не ѣду въ Женеву; холодно и пароходъ переставъ ходить. Жаль, что надобно отложить свиданіе съ Андрюшей; но мнѣ надобно поступать съ собою весьма осторожно, дабы не попасть опять въ тотъ же омутъ, изъ котораго только что выбрался, и не нажить, вмѣсто теперешнихъ розовыхъ щекъ, тѣхъ же блѣдно-желтыхъ, съ какими я отправился изъ Питера. Еще не совсѣмъ я увѣренъ, остаюсь ли здѣсь, ибо обстоятельства Рейтернова семейства не совсѣмъ еще прояснились [5]); вѣроятно, что останусь. Если надобно будетъ Рейтерну отъ меня уѣхать, то буду въ великомъ недоумѣніи, ѣхать ли впередъ, или бросить якорь въ водахъ Лемана. Всего нужнѣе мнѣ покой самой неподвижный; но и совершенное уединеніе плохое лѣкарство. Скучать не буду вообще; но будутъ мрачныя минуты, съ которыми трудно будетъ совладать. Объ этомъ поговоримъ при свиданіи: ты можешь дать мнѣ добрый совѣтъ. Итакъ черезъ три дни мы увидимся. Ты, вѣроятно, остановишься въ «Трехъ Коронахъ», а я живу въ La Tour du Peilz, maison Ormond. Тотчасъ пришли ко мнѣ, какъ скоро пріѣдешь. Обнимаю тебя и цѣлую лапку твоей Кисурки. Передъ отъѣздомъ повидайся съ Андрюшей и привези мнѣ свѣжія вѣсти о немъ. Есть ли у тебя каталогъ твоихъ книгъ? Доставь его мнѣ. Я ими буду пользоваться, если здѣсь останусь и если ты позволишь. До свиданья, душа. Рейтернъ тебѣ кланяется. Свѣтлана.

---

[1]) Это значитъ милостивый государь Дмитрій Петровичъ. (Примѣчаніе В. А. Жуковскаго).

[2]) Василій Алексѣевичъ.

[3]) Эдуардъ Давыдовичъ Коллинсъ преподавалъ наслѣднику математику.

[4]) Великій князь Михаилъ Николаевичъ родился 13-го октября 1832 года.

[5]) Семья Рейтерна пріѣхала въ Вернѣ 14-го (26-го) ноября (см. „Дневники Жуковскаго“, стр. 248), и Жуковскій рѣшилъ остаться на зиму на берегахъ Женевскаго озера.

6 [1]).

5-го (17-го) декабря (1832) (Вернѣ).

Я все сбирался писать къ тебѣ, Котикъ, но все откладывалъ по той причинѣ, что въ новомъ жилищѣ моемъ не былъ готовъ мой собственный столъ (!!). Теперь этотъ столъ водруженъ на опредѣленномъ ему мѣстѣ, и я пишу къ тебѣ стоя, а не сидя, что весьма выгодно для ...моей тѣлесной конструкціи... [2]). И вотъ объ чемъ я пишу къ тебѣ: книги, присланныя мнѣ тобою, то есть Исторію Карамзина, я получилъ [3]), за что благодарю. Изъ газетъ весьма исправно получаются Débats, J(ournal) de Francfort и Сѣверная Пчела. Но было мнѣ еще прислано нѣсколько нумеровъ Gazette de France, Берлинскихъ Вѣдомостей, и они остановились. Да ихъ и не надобно, довольно Débats, J(ournal) d(e) F(rancfort) и Сѣверной Пчелы. Первые два журнала берегутся; а Сѣверная Пчела служитъ полотенцемъ.... [4]). А каталога книгъ все нѣтъ, да нѣтъ. Пришли, Киска. Да ты бы очень хорошо сдѣлалъ, когда бы своею лапкою покопалъ въ своихъ книгахъ и выбралъ изъ оныхъ самое новѣйшее и интереснѣйшее en fait d'histoire, de mémoires surtout et de romans: отъ французской же поэзіи прошу избавить. Да нѣтъ ли у тебя той недавно вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ Исторіи польской революціи, о которой говорилъ тебѣ Лагарпъ. Онъ мнѣ далъ титулъ этой книги, но я не могу найти его записки [5]). Желалъ бы прочесть эту книгу.

Мы наконецъ совершенно устроились въ своемъ уединеніи, которое не есть одиночество. Рейтерново семейство здѣсь [6]). Цѣлая четверня дѣтей, слѣдственно есть въ домѣ и шумъ. Время идетъ хорошо, и здоровье мое отъ этого укореняется. Жаль Италіи, но теперь я совершенно увѣренъ, что поступилъ умно, не поѣхавъ туда. Прости, об-

---

[1]) Упоминаніе объ этомъ письмѣ см. въ „Дневникахъ В. А. Жуковскаго“, стр. 250, подъ 4-мъ (16-мъ) декабря 1832 г.

[2]) Нѣсколько словъ при печати выпущено.

[3]) О присылкѣ Исторіи Карамзина Жуковскій просилъ Северина въ письмахъ отъ 6-го ноября н. ст. (см. выше, письмо № 4) и отъ 9-го (21-го) ноября 1832 года (см. „Русскую Старину“ 1896 г., іюль, стр. 88).

[4]) Нѣсколько словъ при печати выпущено.

[5]) Рѣчь идетъ о присылкѣ сочиненія Рихарда-Отто Шпацира (Spazier, р. 1803†1854) „Geschichte des Aufstandes des Polnischen Volkes in den Jahren 1830—1831“, которое вышло въ 1832 году въ Альтенбургѣ, въ 3 томахъ. Жуковскій забылъ, что точное заглавіе этого сочиненія было уже имъ послано Северину въ письмѣ отъ 9-го (21-го) ноября 1832 г. (см. тамъ же, стр. 88, и „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 258, прим. 1-е).

[6]) Сл. выше. стр. 142, прим. 5-е.

нимаю тебя, цѣлуй лапку у Кошурки. Всѣ мои, и знакомые тебѣ, и незнакомые, вамъ кланяются. Жуковскій.

Адресъ все въ Вевѣ.

7.

(6-го (18-го) января 1833 г., Вернѣ) [1]).

Мой милый Северинъ.

Я собрался было послать мои пакеты прямо на имя Булгакова [2]); но Лютернѣ [3]) присовѣтовалъ мнѣ послать ихъ черезъ тебя: ты знаешь, какъ послать вѣрнѣе посылку. Итакъ препровождаю къ тебѣ мои пакеты. Сдѣлай собственный куверть на оныхъ и отправь, взявши тѣ предосторожности, кои найдешь нужными. Нѣтъ ли у тебя брошюры Шатобріана о duchesse de Berry [4])? Доставь. Обнимаю васъ. Жуковскій.

8.

(Вѣроятно 27-го января (8-го февраля) 1833 г.) [5]).

Здравствуй, Котъ. Благодарю за доставленіе книгъ; пять томовъ Записокъ Лудвига XVIII кончилъ, жду шестаго и не вѣрю, чтобъ онѣ были

---

[1]) Письмо не имѣетъ даты, но она можетъ быть точно опредѣлена на основаніи напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ 1896 г., іюль, письма Жуковскаго къ Северину отъ 24-го декабря 1832 г. и „Дневниковъ Жуковскаго“. Въ помянутомъ письмѣ, Жуковскій, между прочимъ, писалъ Северину, что хочетъ послать свои портреты наслѣднику. „Какъ вѣрнѣе, черезъ почту, или черезъ тебя, также по почтѣ?“—спрашивалъ онъ, и затѣмъ прибавилъ: „Думаю просто адресовать на имя Булгакова“ (стр. 88). Изъ дневника Жуковскаго видно, что 21-го декабря были кончены всѣ три портрета Жуковскаго, предназначавшіеся для наслѣдника, объ отправленіи которыхъ Жуковскій и писалъ его высочеству 1-го января 1833 г. 1-го и 3-го января посѣтилъ Жуковскаго Лютернѣ, а подъ 5-мъ января въ дневникѣ, между прочимъ, записано: „Писалъ къ Коту“ (т. е. къ Северину) (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 251, прим. 2-е, и стр. 252—253).

[2]) Константина Яковлевича, (см. выше, стр. 138, прим. 4-е).

[3]) Знакомый Жуковскаго въ Вевѣ и Вернѣ; о немъ часто упоминается въ дневникѣ Жуковскаго за время его пребыванія въ Швейцаріи въ 1832—1833 гг.

[4]) Рѣчь идетъ о вышедшей въ 1832 году брошюрѣ Шатобріана: „Courtes explications sur les 12.000 fr. offerts par M-e la duchesse de Berri aux indigens, attaqués de la contagion“ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 225, прим. 3-е).

[5]) Дата опредѣлена на основаніи дневника Жуковскаго; тамъ подъ 27-мъ января (8-го февраля) 1833 г. записано, между прочимъ: „Писалъ къ Козлову, къ Северину“ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 254).

истинныя, ибо ни издатель, ни манускрипты никому неизвѣстны; а много въ нихъ интереснаго [1]). Теперь читаю Сисмонди [2]). Не думаю, чтобъ принялся за Mémoires d'un homme d'état, слишкомъ волюминезно [3]). Сисмонди сухъ непомѣрно, онъ пишетъ, кажется, въ красной шапкѣ, которой пора бы износиться. Нѣтъ ли чего поефемернѣе? Напримѣръ хорошаго романа? но только по французски. Наши пріятели лѣзутъ въ гору: Дашковъ и Блудовъ [4]) щеголяютъ въ александровскихъ лентахъ. А тебя, казака, несмотря на то, что ты хорошій наѣздникъ, забыли. У Карла [5]) и память такъ же исчезла, какъ онъ самъ. Посылаю тебѣ письмо Вяземскаго [6]); возврати, а самъ напиши къ нему. Ж.

Кошечкѣ цѣлованіе лапки.

9.

(Въ мартѣ 1833 года).

Возвратился ли ты, моя кошачья радость? Если возвратился, то вотъ тебѣ просьба. Я нашелъ средство повидаться съ Италіею. Благодаря зимѣ, чувствую себя крѣпче, и уже испыталъ силы свои, карабкаясь ежедневно (болѣе недѣли) по здѣшнимъ горамъ. Мои пароксизмы (то-есть кровотеченіе) не миновались, и противъ нихъ надобно будетъ употребить сильное средство и еще курсъ водъ. Но курсы на водахъ нигдѣ не начинаются прежде начала іюня. Итакъ во власти моей апрѣль и май. И вотъ что я хочу сдѣлать, дабы не оставить у себя на совѣсти грѣха, что, бывши у дверей Италіи, не вошелъ въ нихъ. Изъ Марсели ходитъ три раза въ мѣсяцъ пароходъ въ Неаполь, 10-го, 20-го и въ послѣдній день мѣсяца. Если поѣду теперь же, то могу быть въ Марсели къ 10-му апрѣля, слѣдственно, 15-го буду въ Неаполѣ, и я не хочу ничего видѣть, кромѣ Неаполя. Въ Неаполѣ оста-

[1]) 11-го (23-го) января 1833 г. Жуковскій писалъ Северину: „Дочитываю 4-й томъ Записокъ Лудвига XVIII и жалѣю, что онѣ поддѣльныя; на нихъ печать истины. Пришли поскорѣе V и VI“ („Русская Старина“ 1896 г., іюль, стр. 89). Признаваемые апокрифическими „Mémoires de Louis XVIII“ были изданы въ Парижѣ въ 1832 году.

[2]) Извѣстнаго историка (р. 1773 † 1842).

[3]) Въ томъ же письмѣ отъ 11-го (23-го) января 1833 года Жуковскій писалъ Северину: „Нѣтъ ли у тебя Mémoires d'un homme d'état, приписываемыхъ Гарденбергу?“ („Русская Старина“ 1896 г., іюль, стр. 89). „Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état“ были изданы въ Парижѣ въ 1831—1838 гг., въ 13 томахъ. (О нихъ см. „Русскую Старину“ 1902 года, мартъ, стр. 492, прим. 4-е).

[4]) Д. В. Дашковъ былъ въ это время министромъ юстиціи, а Д. Н. Блудовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

[5]) Вице-канцлера графа К. В. Нессельрода.

[6]) Князя Петра Андреевича.

нусь двѣ недѣли.—Въ началѣ мая опять сяду на пароходъ и выду на берегъ или въ Марсели или въ Ливурнѣ, изъ которой берегомъ до Ниццы, и потомъ опять въ Женеву. Такъ что могу вѣроятно быть здѣсь къ 20-му или 30 мая, не позже. Отсюда уже пущусь въ обратный путь туда, куда мнѣ будетъ назначено.—Не правда ли, что этотъ планъ весьма благоразуменъ? А ты вотъ что сдѣлай. Я уже имѣю паспортъ, визированный для Италіи австрійскимъ и сардинскимъ министрами, но онъ отъ 8-го октября прошлаго года. Годится ли теперь? Если нѣтъ, то пришли немедленно новый. Pour M-r Joukoffsky et sa suite. (Довольно ли это для моего человѣка? Если нѣтъ, то наименовать его, а его имя Théodore Titof). Такъ какъ я, можетъ быть, изъ Ливурны поѣду назадъ берегомъ и во всякомъ случаѣ долженъ буду на время сойти на берегъ въ Ливурнѣ [1]), то не худо заставить визировать и тосканскаго министра, если таковый здѣсь обрѣтается. Да мой планъ перемѣнился; болѣзнь Рейтерна [2]) остановила меня дней на десять; вмѣсто того, чтобы ѣхать черезъ Марсель, отправляюсь черезъ Туринъ въ Геную, гдѣ сяду на пароходъ и прямо въ Неаполь. Отправившись отсюда 12-го апрѣля, буду къ 20 числу въ Генуѣ. Въ Марсель же раздумалъ я ѣхать [3]) потому, что еще не снято запрещеніе для русскихъ въѣзжать во Францію, хотя бы мнѣ эта дорога была и легче, и дешевле по поводу пароходовъ; но нельзя. Впрочемъ скажи, какъ ты думаешь объ этомъ?—Прошу тебя увѣдомить меня, кто нашъ министръ въ Туринѣ и кто при немъ? Также увѣдомь, кто нашъ консулъ въ Генуѣ? Гейдекенъ ли? [4]).

10 [5]).

(29-го марта (10 апрѣля) 1833 г.)

Посылаю тебѣ твои книги, кромѣ Mémoires de Louis XVIII, которыя я, съ твоего позволенія, оставляю Рейтерновой женѣ для прочте-

---

[1]) Чтобы побывать на могилѣ своей племянницы Александры Андреевны Воейковой (рожд. Протасовой).

[2]) Въ дневникѣ Жуковскаго подъ 11-мъ (23) марта записано, между прочимъ: „Глазная болѣзнь Рейтерна“ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 258).

[3]) Северинъ посовѣтовалъ Жуковскому ѣхать въ Италію черезъ Марсель. Въ дневникѣ Жуковскаго подъ 25-мъ марта (6 апрѣля) 1833 года читается, между прочимъ, слѣдующее: „Меня ждало (по возвращеніи изъ Лозанны въ Верне) письмо Сѣверина, которое рѣшило мое путешествіе черезъ Марсель въ Неаполь“ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 263).

[4]) Въ Генуѣ въ это время нашимъ генеральнымъ консуломъ былъ д. с. с. Карлъ Егоровичъ Гейдекенъ.

[5]) Дата письма опредѣлена на основаніи дневника Жуковскаго. Изъ Верне Жуковскій выѣхалъ, направляясь въ путешествіе въ Италію, 1-го (13) апрѣля 1833. Подъ 29 же марта (10 апрѣля) въ дневникѣ стоитъ, между прочимъ: „Письма къ Сѣверину и Голицыной“ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 264). Сверхъ того на письмѣ выставленъ почтовый штемпель: Vevey. 11 Avril 1833.

нія; возвращу ихъ самолично. Она остается одна [1]), и ей нужно оружіе противъ скуки. Для этого прошу тебя доставлять ей, какъ мнѣ: Journal des Débats, de Francfort и Staatszeitung, также и Voleur. Очень этимъ меня одолжишь. И прошу тебя быть ей покровителемъ на время ея одиночества: въ случаѣ важной нужды (чего однако не предполагается) она будетъ искать твоей помощи. Прощайте, Котъ и Кошечка; молитесь за путешественниковъ. Жуковскій.

11.

5-го (17-го) іюля (1833 г.), Вернѣ [2]).

Сейчасъ ѣду въ Лозанну, гдѣ пробуду завтрашній день. А послѣзавтра отправлюсь въ Бернъ. Вотъ тебѣ пакетъ моихъ книгъ, кои побереги у себя; при случаѣ можешь переслать ко мнѣ въ Петербургъ съ курьеромъ; если не всѣ за одинъ разъ, то по частямъ въ три, четыре раза. До свиданья. Жуковскій.

12 [3]).

(Въ сентябрѣ 1833 года).

Вотъ тебѣ, мой милый, письмо къ Карлу Карловичу Мердеру [4]); перешли его, а меня увѣдомь немедленно о доставленіи. Мнѣ много писать теперь право некогда; но буду писать на просторѣ. Скажу тебѣ только о своемъ долгѣ: не сердись, что я не тотчасъ по пріѣздѣ внесъ деньги; во-первыхъ, это отъ того, что я еще не добился до сихъ поръ трети своего жалованья; во-вторыхъ, если бы и добился оной, то не зналъ бы, кому отдать деньги; напиши къ твоему корреспонденту, чтобъ меня увѣдомилъ.—Прости, душа моя. Возвратясь въ Петербургъ (мы теперь въ Царскомъ Селѣ), намѣренъ непремѣнно погрызться за тебя съ нѣкоторыми особами. Теперь пока еще не съ кѣмъ. Кыскѣ поклонъ отъ души. Твой Жуковскій.

13.

(Въ концѣ апрѣля 1834 г.)

Посылаю тебѣ конфектъ для твоего де Веле; просили мы для него крестика, но на это не послѣдовало высочайшаго соизволенія. Христосъ

---

[1]) Самъ Рейтернъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ.

[2]) Годъ опредѣленъ на основаніи дневника В. А. Жуковскаго.

[3]) Изъ заграничнаго путешествія Жуковскій вернулся въ Царское Село 10-го (22-го) сентября 1833 г., какъ видно изъ его дневника.—На письмѣ имѣется слѣдующая помѣта Северина: „Отв(ѣчено) 26-го октября (7-го ноября)“.

[4]) Воспитателю наслѣдника Александра Николаевича, находившемуся, по болѣзни, за границею.

*

воскресе, Котъ и Кошка. Что-то у васъ дѣлается? А мнѣ часто по васъ грустно въ нашемъ туманно-холодномъ и скучномъ Петербургѣ. Не нажить уже мнѣ такого домика, какой у меня былъ въ Вернѣ. Я думаю, что и ты иногда обо мнѣ вспоминаешь.—Благодарю тебя за исполненіе моихъ коммиссій и за расплату съ Лори [1]) и Жантономъ [2]); я уже здѣсь расквитался съ Преномъ, который, вѣроятно, тебя уже и увѣдомилъ обо всемъ. На сихъ дняхъ было у насъ прекрасное торжество; мой великій князь, вступивъ въ совершеннолѣтіе, совершилъ первый актъ своей жизни, присягалъ государю и отечеству [3]). Дай Богъ, чтобъ жизнь его была похожа на этотъ прекрасный день. Но послѣ радости будетъ ему и горе (какъ то обыкновенно бываетъ въ жизни): дни черезъ два узнаетъ онъ о своей невозвратной потерѣ, о кончинѣ своего Мердера [4]).—Я пока еще и живъ, и весьма здоровъ, слѣдственно и тебя люблю. Жуковскій.

14.

15-го (27-го) декабря 1834 г.

Сейчасъ получилъ твое письмо, любезный мой Котъ, и прочиталъ его съ грустью: жаль вашей доброй старушки [5]), которую зналъ я одну минуту, и въ эту минуту успѣлъ полюбить ее за ея любезность и добродушіе; жаль васъ, ибо великая потеря въ смерти милыхъ людей,о коихъ сладко было заботиться; послѣ нея остается въ душѣ пустота, которую наполнить невозможно. Но что же дѣлать? Все-таки терпѣть надобно, живучи на свѣтѣ: это наша участь. Хорошо еще тому, у кого есть для перенесенія потери такой добрый помощникъ, какъ у тебя; поэтому-то и желаю вамъ обоимъ судьбы Филимона и Бавкиды.

О себѣ скажу одно хорошее: я возвратился отъ васъ, благодаря ножу или ножницамъ доктора или оператора Майора [6]), съ порядочнымъ запасомъ здоровья, который и теперь еще не тронутъ и состоитъ во всей наличности. Что-то Богъ дастъ впередъ: худо только то, что я толстѣю и глупѣю; это не потеря, а весьма плохое пріобрѣтеніе. Нашъ Вяземскій

---

[1]) Живописцемъ Габріелемъ Лори, часто посѣщавшимъ Жуковскаго въ Вернѣ.

[2]) Банкиромъ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 251, прим. 3-е).

[3]) Присяга наслѣдника Александра Николаевича происходила 22-го апрѣля 1834 года.

[4]) К. К. Мердеръ скончался въ Римѣ 24-го марта 1834 года.

[5]) Вѣроятно, матери жены Северина.

[6]) Операція была произведена Жуковскому, какъ видно изъ его дневника, 13-го (25-го) іюня 1833 года; см. также письмо его къ наслѣднику Александру Николаевичу, отъ 7 (19)—14 (26) іюня (Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 398).

давно къ намъ не пишетъ, и мы совершенно не знаемъ, что дѣлается съ его милою больною [1]). Только по всѣмъ слухамъ—худо! Здѣсь Арентъ [2]) увѣряетъ, что ея положеніе весьма опасное, а изъ Флоренціи графиня Вьельгорская [3]) пишетъ, что у нея безпрестанная лихорадка и пульсъ доходитъ до 140 въ секунду: изъ письма гр(афини) Віел(ьгорской) знаемъ, что они во Флоренціи. Жду съ безпокойствомъ извѣстій и сердечно жалѣю о Вяземскомъ, который принимаетъ горе свое глубоко въ сердцѣ.—Не знаю точно, что было причиною того, что Карамзины къ тебѣ не доѣхали; знаю только, что въ письмѣ своемъ къ Екатеринѣ Андреевнѣ [4]) они жалѣли, что имъ была неудача тебя увидѣть.

Прощай, душа моя, обнимаю тебя и твою милую старушку. Скажи ей мое нѣжное, дружеское участіе, и сохрани васъ обоихъ Богъ. Жуковскій.

Прилагаемое письмо прошу тебя переслать немедленно по адресу. Прошу также помочь Боку [5]) въ его затруднительномъ положеніи: ему нельзя возвратиться въ Россію; жена и дочь не стерпятъ нашего климата. Дай, прошу тебя, имъ свое свидѣтельство. А я здѣсь буду хлопотать съ своей стороны. Прошу тебя объ этомъ убѣдительно. Наставь ихъ самъ, что̀ имъ дѣлать.

15.

24-го мая (5-го іюня) (1835), Царское Село [6]).

Мой милый Сѣверинъ. Спѣшу отвѣчать въ немногихъ словахъ на письмо твое. Съ графомъ Нессельродомъ [7]) было говорено о твоемъ

---

[1]) Дочь князя П. А. Вяземскаго, княжна Прасковья Петровна, скончалась въ Римѣ, въ слѣдующемъ 1835 году.

[2]) Лейбъ-медикъ Николай Ѳедоровичъ Арендтъ († 1859).

[3]) Супруга графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, графиня Луиза Карловна, рожд. принцесса Бирон̀ъ († 1853). Ср. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 287.

[4]) Карамзиной, вдовѣ исторіографа.

[5]) Старому пріятелю Жуковскаго, Тимоѳею Егоровичу Боку (о немъ см. въ статьѣ Н. Лыжина „Знакомство Жуковскаго съ романтическою школою“ въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, изд. Н. С. Тихонравовымъ, т. I, М. 1859, изслѣдованія, стр. 61—78). Въ это время Бокъ съ женою и дочерью жилъ въ Швейцаріи, недалеко отъ Вевѐ; Жуковскій во время своего пребыванія тамъ въ 1832—33 гг. часто видался съ Бокомъ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 242 и слѣд.).

[6]) Годъ опредѣленъ по соображенію съ содержаніемъ письма Жуковскаго къ Северину отъ 29-го мая 1835.

[7]) Графомъ К. В. Нессельродомъ, вице-канцлеромъ.

дѣлѣ [1]); я просилъ объ этомъ Дашкова [2]), и онъ взялся за это со всѣмъ усердіемъ. Вотъ что ко мнѣ Дашковъ пишетъ: «Я объяснялся съ гр(афомъ) Нессельродомъ и нашелъ его не худо расположеннымъ. Просимаго мѣста во Франкфуртѣ онъ С(ѣверину) дать не можетъ, ибо оно уже назначено Убри, лишенному мѣста въ Испаніи силою обстоятельствъ [3]); но когда я сталъ ему говорить о правахъ Северина, о сверстникахъ и младшихъ по службѣ, его обогнавшихъ, то графъ Н(ессельродъ) обѣщалъ употребить все стараніе, чтобы тотчасъ по пріѣздѣ государя (а государь нынѣшній день возвращается изъ Москвы) выпросить Сѣверину званіе министра въ Швейцаріи съ положеннымъ жалованьемъ, для производства коего онъ сыщетъ у себя сумму безъ новаго требованія отъ госуд(арственнаго) казначейства».—Таково положеніе твоего дѣла. Я увижусь лично съ Дашковымъ и буду просить его, чтобы ковалъ желѣзо, пока горячо; я увѣренъ, что онъ будетъ продолжать дѣйствовать столь же усердно, какъ началъ; вѣроятно, что и Нессельродъ съ своей стороны все сдѣлаетъ.—Вопросъ, какъ рѣшитъ государь? Захочетъ ли имѣть въ Швейцаріи министра? Тотчасъ увѣдомлю о послѣдствіяхъ. Между тѣмъ при случаѣ объясню дѣло и самой императрицѣ [4]). А ты напиши къ Дашкову. Пора вамъ съ нимъ помириться [5]). Вотъ случай самый благопріятный.

Обнимаю тебя и Кошечку. Жуковскій.

16.

29-го мая 1835 г.

Мой милой Сѣверинъ, спѣшу увѣдомить тебя о ходѣ твоего дѣла. Я былъ у императрицы и говорилъ съ нею о тебѣ. Она уже знала о наименованіи Убриля на мѣсто Анштета [6]); несмотря на то, приказала мнѣ ея именемъ переговорить съ графомъ Нессельродомъ, что̀ я и сдѣлалъ. Я нашелъ его весьма хорошо къ тебѣ расположеннымъ. «Если Сѣве-

[1]) Северинъ съ 1826 г. занималъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ въ Швейцаріи и хлопоталъ черезъ Жуковскаго еще съ конца 1833 г. о повышеніи (см. „Русскую Старину“ 1896 г., іюль, стр. 98).

[2]) Дмитрія Васильевича, тоже бывшаго членомъ „Арзамаса“, гдѣ онъ получилъ прозваніе Чу.

[3]) Въ 1835 г. освободилось мѣсто посланника во Франкфуртѣ, за смертью барона И. О. Анштета; на его мѣсто былъ назначенъ Петръ Яковлевичъ Убри (Oubril) (р. 1774 † 1847), бывшій до тѣхъ поръ посланникомъ въ Мадридѣ.

[4]) Что Жуковскій и исполнилъ, какъ видно изъ письма отъ 29-го мая 1835 года.

[5]) О неладахъ Северина съ Д. В. Дашковымъ упоминается еще въ письмѣ Жуковскаго къ Северину отъ 17-го (29-го) ноября 1833 г. (см. „Русскую Старину“ 1896 г., іюль, стр. 98).

[6]) См. выше, прим. 3-е.

ринъ— сказалъ онъ мнѣ—отсталъ отъ другихъ или еще не имѣетъ министерство, то этому вина одни обстоятельства. Штутгардская миссія ему слѣдовала по праву, и онъ былъ бы въ Штутгардѣ министромъ, если бы самъ дворъ тамошній тому не воспротивился. На мѣсто Анштета нельзя помѣстить Сѣверина, такъ какъ Убри останется безъ мѣста. Но Северинъ слишкомъ хорошо велъ себя въ Швейцаріи (это именно его слова), чтобъ быть забытымъ; онъ у меня стоитъ первый на листу, и я все сдѣлаю, чтобъ онъ получилъ въ Швейцаріи, вмѣсто титула повѣреннаго въ дѣлахъ, настоящее министерство. Но за успѣхъ этого отвѣчать не могу, ибо это зависитъ отъ того, угодно ли будетъ государю имѣть въ Швейцаріи министра. По крайней мѣрѣ я этого весьма желаю, и употреблю всѣ усилія на то, чтобъ это сдѣлалось; тѣмъ болѣе, что министерское жалованье можетъ быть дано С(ѣверину) безъ обремененія министра финансовъ, нашими собственными средствами. Я Сѣвериномъ очень доволенъ; и столько же, какъ его дѣйствіями, доволенъ и послѣднимъ его письмомъ, на которое буду немедленно самъ отвѣчать». Таково содержаніе нашего разговора, который меня порадовалъ; ибо графъ отдалъ искренно полную тебѣ справедливость, и въ немъ видно рѣшительное желаніе изъявить ее тебѣ на дѣлѣ. Въ чемъ я и не сомнѣваюсь. Только прошу тебя все писанное мною тебѣ о Швейцаріи сберечь про себя. Графъ сказалъ мнѣ, чтобы я пока и тебѣ объ этомъ не писалъ; ибо онъ, ручаясь за себя, не можетъ поручиться, будетъ ли съ нимъ согласенъ государь. Одно только вѣрно, то, что онъ искренно и съ большимъ благорасположеніемъ къ тебѣ хочетъ работать въ твою пользу. Итакъ потерпи, казакъ, атаманомъ будешь. Но пока никому ни слова. Обнимаю тебя и Кошечку. Жуковскій.

1-го іюня с(тараго) с(тиля).

Нынче графъ Нессельродъ уѣзжаетъ на пароходѣ въ Любекъ. Онъ сказалъ мнѣ вчера, что и императрица съ нимъ сама о тебѣ говорила; она только третьяго дня получила письмо твое.

17.

9-го апрѣля (1836 г.)

Жилъ былъ котъ, и у этого кота была жена кошечка; котъ былъ Рѣзвый Котъ, а кошечка была Кошечка душечка. Рѣзвый Котъ служилъ въ Иностранной коллегіи, и былъ уже этотъ Котъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, и былъ онъ ваше превосходительство; и было непріятно Коту, что у него частенько въ кошелькѣ бывало легко и пусто; но это было ему сносно, потому что онъ имѣлъ съ собою Кошечку душечку; онъ хотя и не мурлыкалъ на судьбу свою, но иногда фыркалъ

на несправедливость; и наконецъ Карлъ Васильевичь Нессельродъ, дай Богъ ему здоровья, сдѣлалъ то, что уже давно бы надо было ему сдѣлать, а что онъ сдѣлалъ, то Котъ ужъ вѣрно знаетъ; а если не знаетъ, то пусть прочтетъ на оборотѣ записку отъ Чу [1]) къ Свѣтланѣ, записку, которая немедленно ему посылается.

Поздравляю, Кота! Радъ я сердечно, что наше дѣло уладилось. Выходитъ теперь и лучше, ибо ты вѣдь получилъ еще прежде и аренду. Карманъ твой теперь поразбухнетъ, и ты выведенъ наконецъ изъ своей непріятной fausse position. По приложенной запискѣ можешь судить, что Дашковъ о тебѣ и хлопочетъ, и заботится. Письма же отъ него къ себѣ не дождешься. Не такой онъ человѣкъ.

А я тебя обнимаю вдвоемъ. Очень бы радъ былъ, когда бы моя записка была первымъ тебѣ увѣдомленіемъ. Жуковскій.

Письмо Дашкова къ Жуковскому.

8-го апрѣля.

Гр(афъ) Нессельродъ сдержалъ свое слово, и съ лихвою: Сѣверинъ получилъ званіе чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Швейцарскомъ Союзѣ и притомъ пожалованъ въ тайные совѣтники. Указы уже вышли [2]), и ты смѣло можешь поспѣшить его о томъ увѣдомить. Если захочешь, то я велю списать для тебя съ обоихъ указовъ копіи. Оканчивая эту благовѣстную записку, я получилъ твой пакетъ. Радъ бы слушать протоколы: но не побоишься ли ты къ намъ пріѣхать? У насъ на одномъ изъ малютокъ корь. Скажи сперва, да или нѣтъ? Бѣлевскія твои эпистолы прочту на досугѣ и посмотрю, что можно сдѣлать.

До свиданія. Д.

Приписка Жуковскаго.

13-го (25-го) апрѣля.

Я не поспѣлъ послать это письмо на почту. Съ тѣхъ поръ узналъ, что жалованье тебѣ по званію министра еще не полагается. Это отъ того, что въ Швейцаріи не хотятъ имѣть министра. Но графъ Нессельродъ сказывалъ мнѣ, что онъ вѣрно надѣется скоро тебя перевести. Онъ весьма хорошо къ тебѣ расположенъ; я увѣренъ, что не замедлитъ

---

[1]) Чу—арзамасское прозвище Д. В. Дашкова; Свѣтлана—таковое же прозвище Жуковскаго.

[2]) Указы эти состоялись 7-го апрѣля 1836 года.

это сдѣлать при первомъ случаѣ [1]). Я усердно поблагодарилъ его за тебя.

18.

(Въ сентябрѣ 1838 г., Мюнхенъ) [2]).

Мой милый Сѣверинъ, увѣдомь, какъ расположенъ нынѣшній день; что въ которомъ часу дѣлать? Если мой ящикъ съ книгами у тебя, то пришли его. Какъ скоро одѣнусь, буду къ тебѣ. Чтобъ не забыть: за твоего Дарю [3]) и за Итинереръ въ Италіи [4]) я пришлю тебѣ новѣйшія русскія книги, только надобно имѣть реестръ тѣхъ, кои у тебя есть, и сверхъ того дай мнѣ адресъ твоего петербургскаго корреспондента, чтобы я могъ знать, кому передать книги. Жуковскій.

19.

3-го (15-го) октября 1838 г. Комо.

Хотя я и обѣщалъ не писать къ тебѣ, Котъ, но не могу не сказать словечка благодарности за твое минхенское гостепріимство; поблагодари и любезную Кошечку за то же. Мнѣ у васъ пожилось весьма хорошо. Пріѣдемъ опять, но на самое короткое время, дни на три не болѣе. Жаль. Минхенъ мнѣ полюбился. — А въ Италіи пока еще холодно. Что-то будетъ впередъ. Комское озеро прелестно, но еще мы не успѣли имъ насладиться; а уже успѣли догадаться, что здѣсь нужны бываютъ и печи. Домъ, нанятый для насъ, очень покоенъ; но все, кажется, не миновать намъ насморка. Прошу тебя не забыть о высылкѣ намъ книгъ, коихъ реестръ я отдалъ Кошечкѣ. Мы пробудемъ въ Комо двѣ недѣли [5]). Потомъ отправимся на житье въ Венецію. Весьма было бы

---

[1]) Вскорѣ, въ мартѣ 1837 года, Сверинъ былъ переведенъ посланникомъ въ Мюнхенъ, и этотъ постъ занималъ до 1863 года.

[2]) Письмо не имѣетъ даты; судя по содержанію письма, съ достаточною вѣроятностью можно отнести его къ 1838 г., ко времени пребыванія наслѣдника Александра Николаевича въ Мюнхенѣ; въ этомъ городѣ путешественники пробыли съ 11-го (23-го) сентября по 21-е сентября (6-е октября) 1838 г., какъ видно изъ дневника Жуковскаго, и каждый день посвящали осмотру достопримѣчательностей города.

[3]) Вѣроятно, сочиненіе французскаго писателя графа Дарю (comte Pierre-Antoine-Noël-Bruno Daru, р. 1767 † 1829) „Histoire de la république de Venise“ (первое изданіе вышло въ 1819 г., а третье въ 1827 году).

[4]) Путеводитель по Италіи нуженъ былъ Жуковскому въ виду предстоявшаго путешествія наслѣдника въ Италію.

[5]) Какъ видно изъ дневника Жуковскаго, наслѣдникъ Александръ Нико-

хорошо, когда бы книги нашли насъ еще въ Комо. Похлопочи объ этомъ. Обнимаю васъ. До свиданія. Жуковскій.

Я оставилъ ящикъ съ книгами въ твоемъ домѣ; не забудь взять его подъ свое покровительство; отдашь мнѣ при нашемъ возвращеніи въ Минхенъ.

20.

4-го (16-го) августа 1839 г. Петергофъ.

Благодарю тебя, Котъ и министръ, за то, что ты заплатилъ по счету моему Герману (ибо на этомъ счетѣ, здѣсь мною полученномъ, я видѣлъ царапанье твоей лапки); я заплатилъ немедленно Германову корреспонденту и, вслѣдствіе того, говорю тебѣ б р ы с ь!—Вотъ мы и на родинѣ. Ужъ добрый мѣсяцъ [1]). У насъ было много пировъ, и было для чего: праздновали домашній праздникъ нашего великаго царя [2]) и радовались вмѣстѣ съ нимъ. Дай Богъ, чтобъ это предисловіе было предисловіемъ долгаго, постояннаго счастія. А ты что дѣлаешь, Котъ? Если ничего не дѣлаешь, то сдѣлай вотъ что: надобно тебѣ знать, что я сдѣлался собирателемъ рисунковъ, и у меня есть теперь образчики почти всѣхъ лучшихъ живописцевъ Германіи и Италіи; но недостаетъ нѣкоторыхъ столбовыхъ, именно: Генриха Гесса, Петра Гесса, Корнеліуса [3]), къ коимъ желалъ бы прибавить Байера [4]), и еще кто найдется изъ значительныхъ минхенскихъ живописцевъ (это оставляю на твой произволъ), и ты очень, очень обяжешь меня, если обогатишь меня рисунками сихъ матадоровъ искусства. Подговори на свою сторону Кленце [5]), который уѣхалъ отсюда, не сказавшись мнѣ, которому за это попеняй и скажи, что не иначе загладитъ вину свою, какъ помогши тебѣ

лаевичъ и лица, его сопровождавшія, пріѣхали въ Комо поздно вечеромъ 2-го (14-го) октября и пробыли тамъ до 22-го октября (3-го ноября). Въ Венеціи путешественники прожили съ 3-го (15-го) ноября по 22-е ноября (4-е декабря) 1838 года.

[1]) Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ возвратился изъ заграничнаго путешествія въ Петергофъ 23-го іюня 1839 года.

[2]) 2-го іюля 1839 г. состоялось бракосочетаніе великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Максиміліаномъ Лейхтенбергскимъ.

[3]) Извѣстные живописцы: Генрихъ Гессъ (Hess, р. 1798 † 1863, въ Мюнхенѣ), Петръ Гессъ (р. 1792 † 1871, въ Мюнхенѣ) и Петръ Корнеліусъ (род. 1787 † 1867).

[4]) Живописецъ Августъ фонъ Байеръ (р. 1803 † 1875, въ Карлсруэ).

[5]) Лео фонъ Кленце (von Klenze, р. 1784 † 1864), извѣстный архитекторъ, которымъ возведено много великолѣпныхъ зданій, особенно въ Мюнхенѣ. Въ Петербургѣ по его планамъ и рисункамъ построено зданіе Императорскаго Эрмитажа; во время производства работъ Кленце семь разъ пріѣзжалъ въ Петербургъ.

достать мнѣ означенные рисунки. А на Корнеліуса напади со стороны совѣсти; онъ далъ мнѣ слово; скажи ему: стыдно де вамъ не держать слова. Прошу тебя и быть моимъ плательщикомъ; а мнѣ назначить, кому заплатить деньги въ Петербургѣ. Вотъ и все тутъ. Остальное очень просто: обнимаю тебя, обнимаю ее, то есть жену твою и желаю вамъ всякаго благополучія. Жуковскій.

N. B. Уложить какъ можно лучше рисунки, во-первыхъ между толстыми картонами, потомъ и въ клеенку [1]).

21.

7-го (19-го) генваря 1840 г. С.-Петербургъ.

Мой милый Рѣзвый Котъ, поздравляю тебя съ Новымъ годомъ, тебя и твою Кошку. Какъ-то ты встрѣтилъ его; а мы пока хорошо. Но было у насъ очень холодно; а теперь оттепель и лужи. Возобновленный Зимній дворецъ [2]) блистаетъ и, несмотря на то, что въ одинъ годъ выросъ изъ своихъ развалинъ, не сыръ и тепелъ. За то мой Шепелевскій дворецъ, въ которомъ я прожилъ ровно 15 лѣтъ, обреченъ на сломку, и я его покидаю, переселяясь на обыкновенную квартиру простыхъ, не дворцовыхъ смертныхъ. Вотъ все, что могу сообщить тебѣ замѣчательнаго изъ моей жизни. Вѣроятно, весною буду къ тебѣ поближе, ибо кажется, что мнѣ предстоитъ походъ на берега Рейна [3]). Пока вотъ тебѣ просьба: ты человѣкъ аккуратный и исполнишь ее въ точности. Кленце писалъ мнѣ, что Корнеліо [4]), Геинри и Петръ Гессы обѣщаютъ мнѣ по рисунку. Хорошо. Но надобно за эти рисунки заплатить и ихъ ко мнѣ доставить такъ, чтобы они гдѣ-нибудь въ Европѣ не запропастились, какъ то разъ уже случилось съ рисунками, посланными мнѣ изъ Венеціи Фрейгангомъ [5]). Но ты не Фрейгангъ. Вотъ что надобно сдѣлать: снюхайся съ Кленце и узнай отъ него цѣну рисунковъ и заплати, а мнѣ дай назначеніе, кому здѣсь отдать деньги. Это первый пунктъ. Второй пунктъ укладка. Рисунки не свертывать, это ихъ портитъ, а, переложивъ тонкою бумагою, уложить между двумя досками, которыя крѣпко свинтить, обвер-

[1]) На письмѣ имѣется помѣта руки Северина: „Отв(ѣчалъ) 15-го (27-го) января (1840)“.

[2]) Извѣстный пожаръ Зимняго дворца былъ 17-го декабря 1837 года.

[3]) Въ 1840 году Жуковскій сопровождалъ цесаревича Александра Николаевича въ Дармштадтъ.

[4]) Т. е. Корнеліусъ.

[5]) Василій Ивановичъ Фрейгангъ (р. 1783 † 1849), нашъ генеральный консулъ въ Венеціи. Жуковскій близко съ нимъ познакомился въ Лейпцигѣ въ 1827 году, когда Фрейгангъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Саксонскомъ королевствѣ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 193 и слѣд.).

нуть бумагою, потомъ клеенкою. И все это потомъ отправить въ министерство иностранныхъ дѣлъ на имя его высочества наслѣдника; но чтобы его высочеству не вздумалось быть моимъ наслѣдникомъ въ этихъ рисункахъ, сдѣлать особенный адресъ на мое имя, который написать на доскахъ, такъ чтобы, развернувъ клеенку, бросилось прямо въ глаза, кому принадлежитъ посылка. Если, Котъ, поступишь съ настоящею аккуратностію въ семъ важномъ случаѣ, то получишь отъ меня благоволеніе, и я пришлю тебѣ жирную русскую крысу.

Обнимаю тебя и Кошечку. Жуковскій.

Приложенное письмо вручи Кленце.

22.

Франкфуртъ на Майнѣ, воскресенье (въ іюлѣ 1840).

Вотъ письмо, которое я къ тебѣ приготовилъ, Котъ. Я уже хотѣлъ брать деньги и посылать ихъ въ Минхенъ, какъ узнаю, что ты мяучешь въ Эмсѣ. Какъ тебѣ не стыдно, что ты ко мнѣ не написалъ. Заплати же за оба письма. А ко мнѣ все-таки напиши, куда къ тебѣ переслать деньги. Было бы весьма не худо, когда бы ты поѣхалъ черезъ Дармштадтъ [1]) и тамъ со мною повидался. Только знай, что по субботамъ и воскресеньямъ меня въ Дармштадтѣ не бываетъ; эти дни принадлежатъ Франкфурту. Да и въ пятницу слѣдующую меня не будетъ. Поѣду въ Мангеймъ, куда и принцесса Марія [2]) поѣдетъ на свиданіе съ гросгерцогинею Стефаніею [3]). Прости, Котъ; напиши непремѣнно. Жуковскій.

Въ Эмсѣ ли еще графиня Эделингъ [4])? Поклонись ей отъ моей души, да увѣдомь, скоро ли она ѣдетъ и куда. Манускриптъ Корфа отдашь Радовицу [5]), который доставитъ графинѣ.

---

[1]) Жуковскому было назначено остаться въ Дармштадтѣ и по отъѣздѣ наслѣдника Александра Николаевича, для преподаванія русскаго языка его невѣстѣ, принцессѣ Маріи Гессенъ-Дармштадтской (будущей императрицѣ Маріи Александровнѣ) (см. письмо Жуковскаго къ Е. А. Протасовой отъ 10-го (22-го) августа — 5-го (17-го) сентября 1840 года, напечатанное въ „Русской Бесѣдѣ“ 1859 года, кн. III, Изящная словесность, стр. 26).

[2]) Невѣста цесаревича.

[3]) Со вдовою великаго герцога Баденскаго Карла-Лудвига-Фридриха, великою герцогинею Стефаніею (р. 1789 † 1860).

[4]) Извѣстная графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ († 1844), рожденная Стурдза.

[5]) Извѣстному прусскому государственному дѣятелю и пріятелю Жуковскаго Іосифу фонъ Радовицу (р. 1797 † 1853), котораго біографическій очеркъ написалъ впослѣдствіи Жуковскій. Въ это время Радовицъ былъ прусскимъ уполномоченнымъ при Германскомъ Союзѣ.

23.

31-го іюля (12-го августа) (1840 г.) Франкфуртъ на Майнѣ.

Мой милый Сѣверинъ, деньги, которыя я тебѣ долженъ, лежатъ готовыя во Франкфуртѣ у банкира Бетмана. Благодарю за довѣренность. Если поѣдешь обратно по Рейну, то заѣзжай ко мнѣ въ Дюссельдорфъ, гдѣ я пробуду до начала нашего октября [1]). Спроси домъ Рейтерна, котораго ты давно знаешь; у него найдешь меня. Мнѣ весело будетъ тамъ съ тобою, роднымъ товарищемъ, свидѣться, а тебѣ и Кошкѣ твоей не худо и взглянуть на работы дюссельдорфскихъ живописцевъ, да и на меня тутъ же. Обнимаю тебя. Жуковскій.

24.

Франкфуртъ на Майнѣ, (31-го) іюля (12-го августа) 1840 г.

Мой милый Сѣверинъ, я писалъ къ тебѣ въ Слевенингенъ. Жаль будетъ, если письмо мое тебя тамъ не застанетъ. Это лишитъ меня свиданія съ тобою въ Дюссельдорфѣ. Деньги твои у моего банкира Бетмана, которому я оставилъ объ нихъ записку. Обнимаю тебя и Кошку. Жуковскій.

25.

(1840-хъ годовъ, Франкфуртъ на Майнѣ) [2]).

Мой милый, благодарю тебя за кредитъ и возвращаю деньги 473 гульдена. Я поручилъ здѣсь во Франкфуртѣ Радовицу взять вексель и его тебѣ доставить въ Минхенъ. Надобно тебѣ однако сказать, что Кленце [3]), бывъ у меня въ Эмсѣ, объявилъ мнѣ, что рисунокъ Корнеліуса [4]), тобою мнѣ доставленный, не можетъ быть его работы, что Корнеліусъ никогда подобныхъ рисунковъ не дѣлалъ и не дѣлаетъ; что tout au plus это можетъ быть работа его ученика подъ его руководствомъ. Сообщаю тебѣ таковый комеражъ; дѣлай изъ него что хочешь. А я тебя

---

[1]) Въ письмѣ къ Е. А. Протасовой отъ 10-го (22-го) августа—5-го (17-го) сентября 1840 г. Жуковскій также писалъ: „Съ нынѣшняго числа (т. е. 5-го (17-го) сентября) останусь здѣсь (т. е. въ Дюссельдорфѣ) ровно мѣсяцъ; потомъ поѣду въ Петербургъ“ (см. „Русская Бесѣда“ 1859 г., кн. III, стр. 41). —Около этого времени Жуковскій сталъ женихомъ дочери Рейтерна.

[2]) Письмо безъ даты; отнесено къ 1840-мъ годамъ по соображенію съ письмами №№ 20 и 21.

[3]) См. выше, стр. 164, прим. 5-е.

[4]) См. выше, стр. 164, прим. 3-е.

обнимаю. Дальнѣйшее обо мнѣ узнаешь послѣ отъ меня самого или отъ стоустой фамы. Нѣжное объятіе и рукожатіе твоимъ. Жуковскій.

473 гульдена составля(ютъ) 270 талеровъ и(ли) 30 кронъ или 85 червонцевъ.

26.

4-е сентября н(оваго) с(тиля) (1845). Франкфуртъ на Майнѣ.

Мой милый Сѣверинъ, я ѣду вмѣстѣ съ женою моею на встрѣчу государыни императрицы, въ Нире(н)бергъ [1]). Прошу тебя меня увѣдомить, если паче чаянія ея маршрутъ перемѣнится, куда она поѣдетъ. Напиши немедленно въ Ниренбергъ на мое имя, poste restante. Мы, стало быть, скоро съ тобою увидимся. Обнимаю тебя. До свиданія. Жуковскій.

Я выѣзжаю отсюда послѣзавтра, въ субботу, и надѣюсь быть въ Ниренбергѣ въ воскресенье. Отвѣчай немедленно.

27.

(31-го августа (12-го сентября) 1845 г. Нюрнбергъ) [2]).

Благодарствую, милый Котъ, за письмо. Я теперь въ Ниренбергѣ, Rothe Ross [3]), сижу у моря и жду погоды. Здѣсь нашелъ письмо отъ Вьельгорскаго [4]), который увѣдомляетъ меня о перемѣнѣ путешествія императрицы, мокраго пути на сухой [5]), по причинѣ худой погоды, ко-

---

[1]) Императрица Александра Ѳеодоровна ѣхала, для возстановленія здоровья, въ Италію, гдѣ она пробыла часть осени и зиму 1845 года и весну 1846 года „По возвращеніи моемъ изъ Швальбаха, гдѣ я купался и пилъ Weinbrunn,—писалъ Жуковскій А. Я. Булгакову 4-го (16-го) сентября 1845 г. изъ Нюрнберга—я получилъ письма изъ Петербурга о ея проѣздѣ черезъ Берлинъ, безъ всякаго означенія маршрута и писемъ. Желая ей представить жену и дочь, я рѣшился ѣхать на перерѣзъ дороги ея въ Ниренбергъ“ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 561).

[2]) Письмо не имѣетъ даты; но на адресѣ находится почтовый штемпель: Nürnberg, 12 Sep. 1845. На письмѣ сдѣлана помѣта рукою Северина: „Отв. 2-го (14-го) сент.“.

[3]) Названіе гостиницы.

[4]) Оберъ-шенка и композитора графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго (р. 1787 † 1856), стараго знакомаго Жуковскаго.

[5]) „Здѣсь (въ Нюрнбергѣ) узналъ я отъ Северина, что государыня поѣхала не моремъ, а сухимъ путемъ и пріѣхала въ Берлинъ не 6-го сентября н. с., а 12-го, и что пробудетъ тамъ до 21-го, что она не въ Ниренбергѣ остановится ночевать, а въ Гофѣ“—писалъ Жуковскій А. Я. Булгакову 4-го (16-го) сентября 1845 года (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 561—562).

торая, вѣроятно, уже давно поправилась. Прошу тебя написать изъ Гофа, что̀ узнаешь вѣрнаго о маршрутѣ. Я дождусь императрицы въ Ниренбергѣ или въ такомъ ближайшемъ отъ него мѣстѣ, гдѣ, по маршруту, императрица остановится ночевать. Всего важнѣе знать скорѣе, остановится ли она ночевать (въ) Ниренбергѣ Увѣдомь меня немедленно объ этомъ въ Ниренбергъ изъ Гофа. Тебѣ уже должна быть тайна сія открыта. Прости. До свиданія. Обнимаю. Жуковскій.

Выставь на пакетѣ: très pressée.

28.

3-го (15-го) сентября (1845). Ниренбергъ.

Благодарствую, мой милый Котъ, за увѣдомленіе [1]), сію минуту мною полученное: безъ тебя я бы пропалъ. Теперь вотъ мой планъ: жену и дочь везти въ Берлинъ мнѣ нельзя, а самому еще можно будетъ захватить тамъ императрицу. Я намѣренъ завтра 4-го (16-го) отправиться по желѣзной дорогѣ въ Бамбергъ. 5-го (17-го) изъ Бамберга въ Барейтъ [2]). 6-го (18-го) изъ Барейта въ Гофъ. Тамъ оставлю жену подъ твоимъ покровительствомъ и поѣду по почтѣ до Альтенбурга; откуда по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ. Могу быть въ Берлинѣ 19-го ввечеру. Изъ Берлина вмѣстѣ съ императрицею доѣду по желѣзной дорогѣ до Лейпцига, гдѣ, вѣроятно, она будетъ ночевать, и оттуда прямо въ Гофъ, гдѣ и дождусь ее съ женою. А тебя, милый Котъ, прошу позаботиться о насъ и приготовить намъ квартиру въ Гофѣ на вечеръ 17-го (ибо можетъ случиться, что, если погода будетъ благопріятствовать, мы изъ Бамберга поѣдемъ прямо въ Гофъ, не останавливаясь въ Барейтѣ). Ты же (прошу убѣдительно) отвѣчай на это письмо немедленно въ Бамбергъ или въ Барейтъ poste restante; я въ обоихъ городахъ, на проѣздѣ, пошлю на почту. Еще разъ благодарю тебя; радуюсь сердечно скорому свиданію со старымъ, вѣрнымъ другомъ. Увѣдомь въ письмѣ, гдѣ найти тебя въ Гофѣ и гдѣ будетъ наша квартира. Если можно, займи двѣ горницы для меня и жены и комнатку для человѣка. Ну! ужъ такой возни давно со мною не было. Гдѣ дворъ, тамъ шумъ и волненіе. Я же принужденъ путешествовать медленно потому, что со мною малютка дочь; и она отъ дороги не совсѣмъ здорова. Да и жена должна была остановится на два дни въ Вирцбургѣ за нездоровьемъ.—Она сердечно тебѣ кланяется. Ты ее видѣлъ невѣстою. Теперь увидишь съ

---

[1]) См. предыдущее письмо, стр. 158, прим. 5-е.

[2]) Такъ пишетъ Жуковскій вездѣ и далѣе вмѣсто: Байрейтъ.

невѣстою-дочкою двухъ съ половиною лѣтъ; и съ сыномъ-женихомъ 9 мѣсяцевъ [1]). Твой Свѣтлана.

29.

17-го сентября (н. ст. 1845 г.).

Я ночевалъ въ Бамбергѣ и сейчасъ отправляюсь въ Барейтъ, гдѣ буду ночевать. Съ маленькою двухлѣтнею дѣвченкою ѣзда плохая. Надѣюсь найти отъ тебя письмо въ Барейтѣ; а завтра увижу тебя, вѣроятно, въ Гофѣ. На всякой случай оставь мнѣ въ Гофѣ записку о маршрутѣ императрицы, если паче чаянія что-нибудь заставитъ тебя уѣхать изъ Гофа. Боюсь, чтобы все еще какъ-нибудь не перепуталось. Вмѣсто 8-ми дней, какъ я полагалъ, я пространствую три недѣли и вмѣсто 50 миль взадъ и впередъ проскачу 90, не считая желѣзныхъ дорогъ; мошна моя охнула и лопнула. Ты очень одолжишь меня, если дашь мнѣ гульденовъ 200, кои возвращу тотчасъ по пріѣздѣ въ Франкфуртъ; со мной есть кредитивъ, но на него здѣсь мнѣ никто не дастъ денегъ; онъ адресованъ на Бетмана во Франкфуртѣ. Прощай. До свиданія. Жуковскій.

30.

17-го сентября (н. ст. 1845 г.).

Вотъ я и въ Барейтѣ, любезнѣйшій Котъ, и получилъ твое письмо, и опять въ недоумѣніи. Ты мнѣ назначилъ только два ночлега императрицы; для чего не назначилъ третьяго? Вѣроятно, онъ уже назначенъ и, вѣроятно, долженъ быть въ Барейтѣ. Если въ Барейтѣ, то для чего мнѣ тащить жену и дочь по горамъ, въ тяжеломъ экипажѣ, по скверной шоссе въ Гофъ? Она легко могла бы дождаться ея въ Барейтѣ, гдѣ мы очень уютно помѣстились въ Солнцѣ [2]), сирѣчь въ Фебѣ, моемъ давнишнемъ отцѣ и командирѣ. И кажется мнѣ, что ей нельзя будетъ переѣхать изъ Гофа прямо въ Бамбергъ. Мы едва дотащились сюда къ исходу шестаго часа, выѣхавъ изъ Бамберга въ 9 и почти не останавливаясь для обѣда. Императрица скорѣе насъ по горамъ не поѣдетъ; и должна будетъ пріѣхать ввечеру поздно въ Бамбергъ. Хорошо ли это будетъ для ея здоровья? На Кульмбахъ же дорога изъ Гофа

---

[1]) Александра Васильевна Жуковская родилась 30-го октября (11-го ноября) 1842 г. (впослѣдствіи была замужемъ за барономъ Вёрманомъ и скончалась въ 1899 году), а Павелъ Васильевичъ Жуковскій родился 1-го января 1845 года.

[2]) Гостиница Sonne.

хуже и гористѣе. Такъ все это мнѣ здѣсь разсказываютъ. Итакъ я долженъ предположить, что третій ночлегъ ея будетъ въ Барейтѣ. Если жъ я не ошибаюсь, то будетъ гораздо лучше, если я оставлю жену и дочь въ Барейтѣ. Это избавитъ ихъ отъ тяжкихъ 16 миль по горамъ, ибо для возвращенія во Франкфуртъ изъ Барейта и изъ Гофа нѣтъ другой, легчайшей дороги, какъ чрезъ Бамбергъ, Вирцбургъ и Ашафенбургъ (отъ Вирцбурга на пароходѣ до крыльца моего дома во Франкфуртѣ). Еслибъ я зналъ весь маршрутъ императрицы, то не тронулся бы изъ Ниренберга, ибо, вѣролтно, четвертый ночлегъ ея будетъ въ Ниренбергѣ. Все это заставляетъ меня остановиться на день въ Барейтѣ и просить тебя написать мнѣ обстоятельный отвѣтъ на всѣ мои вышеозначенные запросы. Такой возни со мною давно не бывало; и я такъ отвыкъ отъ всякой возни, что теперь почти одурѣлъ. Не сердись на меня, Котъ, за то, что такъ тебя тормошу своими письмами. Я съ тобою не церемонюсь; мы оба посѣдѣли, но другъ для друга молоды и останемся молоды Арзамасскою дружбою.

Ты долженъ теперь имѣть весь маршрутъ императрицы. Пришли мнѣ его немедленно. Онъ рѣшитъ судьбу моего странствія. Это письмо ты получишь завтра въ 11 часовъ, а въ часъ отходитъ изъ Гофа почта; эта почта прибудетъ въ Байрейтъ въ 9 часовъ вечера. Пришли мнѣ съ нею отвѣтъ. Да нѣтъ ли въ Гофѣ на почтѣ писемъ на мое имя черезъ Ниренбергъ? Пришли ихъ также. Подумай также и о денежной статьѣ, находящейся въ моемъ письмѣ къ тебѣ изъ Бамберга. Для бо́льшаго тебѣ облегченія прилагаю свой маршрутъ, на которомъ выставь числа. До свиданія. Твой Свѣтлана.

31.

15-го (27-го) сентября 1845 г. Ниренбергъ.

Ты такъ быстро исчезъ изъ Ниренберга, что я и вслѣдъ тебѣ не успѣлъ закричать моего прости. Посылаю его тебѣ письменно съ душевною благодарностью за новые знаки старой дружбы въ послѣднее время. Жена тебя также благодаритъ. А Сашка, надѣюсь, долго не забудетъ министра-танцмейстера. Прошу тебя, мой милый, сдѣлать мнѣ большое одолженіе: съ той черты, на которой ты разстанешься съ нашею милою путешественницею, напиши мнѣ нѣсколько словъ о состояніи ея здоровья. Кажется, можно надѣяться, что это путешествіе и потомъ покойная жизнь подъ небомъ Италіи принесетъ ей пользу. Напиши тотчасъ, какъ скоро поворотишь оглобли для возвращенія на свое озеро. А пріѣхавъ туда, поклонись отъ насъ твоей доброй женѣ. Прости. Обнимаю сердечно. Жуковскій.

32.

17-го (29-го) октября 1845 г. Франкфуртъ.

Благодарю тебя, мой милой Котъ, за твое любезное мурлыканье изъ Иншпрука; послѣ него уже дошло до меня чириканье изъ Комо отъ фрейлины Окуловой [1]), увѣдомившей меня о благополучномъ путешествіи императрицы; скоро надѣюсь получить торжественное ржаніе Маркуса [2]) изъ Палермо, которое, надѣюсь, подтвердитъ всѣ прежнія вѣсти и упрочитъ наши веселыя надежды. Мое свиданіе съ императрицею, несмотря на всю передрягу, которой ты былъ и свидѣтелемъ, и участникомъ, оставило глубокій слѣдъ на душѣ моей: нигдѣ бы моя жена не могла къ ней такъ приблизиться и такъ изъ близи узнать ее, какъ въ Ниренбергѣ. Воспоминая объ этомъ свѣтломъ ниренбергскомъ днѣ, и я, и жена всегда чувствуемъ теплоту на сердцѣ. Богъ да сохранитъ это прекрасное Свое созданіе. Увидѣвъ ее, я успокоился насчетъ будущаго: разрушительной болѣзни нѣтъ. Просто нервическое разстройство; путешествіе будетъ для нея исцѣленіемъ.—Повторяю тебѣ мою благодарность за твою дружбу и снова изъявляю сожалѣніе, что съ тобою не простился. Спѣшу увѣдомить тебя, что денежный нашъ разсчетъ конченъ: я счелся съ Бетманомъ, который заплатилъ 60 червонцевъ, должные мною тебѣ, Эйхталю. Благодарю за кредитъ. Если мнѣ случится, при отъѣздѣ въ Петербургъ, нужда въ деньгахъ, то могу ли прибѣгнуть къ твоему кошельку? Отвѣчай на это. Получивъ здѣсь, могу заплатить твоему петербургскому корреспонденту, какъ то уже и было разъ по поводу бернской коляски.—Теперь два слова о дѣлѣ. Императрица купила въ Ниренбергѣ готическій алтарь съ живописными копіями А. Дюреровыхъ [3]) апостоловъ. Въ срединѣ этого алтаря было рѣзное изъ дерева изображеніе Мадонны. Императрица приказала замѣнить его живописною копіею какой-нибудь Дюреровой Мадонны. Художникъ Ротермундъ, который вырѣзывалъ изъ дерева алтарь и у котораго онъ былъ купленъ императрицею, получилъ отъ меня за него всю сумму 300 гульденовъ, въ чемъ и далъ мнѣ росписку. Деревянное изображеніе Мадонны вынуто и отдано мнѣ; оно должно быть замѣнено живописною копіею съ А. Дюрера, что̀ взялся исполнить Ротермундъ и за что̀ должно будетъ ему заплатить особенно; онъ же долженъ взять на себя и укладку алтаря для отправленія его въ Петербургъ. Но плату за живописную копію и за отправленіе изъ Ниренберга по каналу, Майну и Рейну до

[1]) Анны Алексѣевны, бывшей наставницею великой княжны Ольги Николаевны.

[2]) Михаила Антоновича, лейбъ-медика.

[3]) Знаменитый нѣмецкій живописецъ Альбрехтъ Дюреръ (р. 1471 † 1528).

Любека и изъ Любека должна взять на себя наша миссія, слѣдовательно ты, представитель Россіи въ Баваріи и всѣхъ городахъ ея. Вотъ почему и обращаюсь къ тебѣ съ оффиціальнымъ письмомъ, по которому прошу тебя снестись съ Ротермундомъ и назначить ему, чтобы немедленно, по окончаніи своей работы, тебя о томъ увѣдомилъ. Ты уже тогда самъ придумаешь, какъ лучше переслать алтарь. А дополнительную плату за работу и плату за пересылку возми на себя.

Ну, прощай; дружески обнимаю тебя и цѣлую лапку твоей милой Кошечки. Моя Свѣтлана-жена и Свѣтланочка-дочь тебѣ нѣжно кланяются. Послѣдняя съ тѣхъ поръ, какъ ты потанцовалъ передъ нею, часто и весьма удачно кривляется. Жуковскій.

33.

19-го (31-го) марта 1846 г. Франкфуртъ.

Мой милый Котъ, видно, опять намъ придется дружески помяукать вмѣстѣ: императрица, какъ я слышалъ, возвращается опять тою же дорогою въ Россію. На какіе города и когда она поѣдетъ, это еще таится въ лонѣ безсмертныхъ, какъ говоритъ Одиссей. Но изъ смертныхъ конечно одинъ изъ первыхъ (ты) узнаешь эту тайну. Какъ скоро узнаешь ее, то сообщи ее немедленно твоему вѣрному арзамасцу Свѣтланѣ въ халдейскій городъ Франкфуртъ на Майнѣ. Что будетъ далѣе, не вѣдаю, но весьма вѣроятно, что мы свидимся гдѣ-нибудь въ одномъ изъ городовъ, подчиненныхъ твоей миссіи. Но жена моя уже со мной не поѣдетъ; и Сашка моя уже не заставитъ тебя передъ нею кобениться. Хорошо, когда бы ты вздумалъ сдѣлать крюкъ на возвратномъ твоемъ пути отъ Гофа (до котораго во всякомъ случаѣ ты долженъ будешь проводить императрицу) въ Минхенъ, заглянуть во Франкфуртъ, чтобы представиться будущему арзамасцу, собственному моему сыну Павлу Васильевичу, который славный мальчишка; онъ уже начинаетъ ходить и, какъ прилично арзамасцу, переваливается съ ноги на ногу, какъ гусь.

Прощай, Котъ; обними за меня твою милую Кошечку. А жена тебѣ дружески кланяется и проситъ тебя хорошенько отрекомендовать ее милой Кисынькѣ. Свѣтлана [1]).

34.

10-го апрѣля н. ст. 1846 г. [2]).

Благодарю тебя, мой милый Котъ, за твою дружескую заботливость. Ты истинный, неизмѣнный арзамасецъ. Продолжай, какъ началъ, и увѣ-

[1]) На письмѣ сдѣлана Северинымъ помѣта: „Отв(ѣчалъ) 23-го марта (4-го апрѣля) 1846“.

[2]) На письмѣ имѣется помѣта Северина: „Отв(ѣчалъ) 9-го (21-го) апр(ѣля)“.

*

домляй меня поспѣшно и толко(во) о ходѣ нашего дѣла. Одна изъ хорошихъ сторонъ этого дѣла есть та, что мы опять съ тобою увидимся. Надѣюсь, что мнѣ здоровье мое (которое со времени нашей разлуки, особенно во все продолженіе зимы, было плохо.....[1]) не помѣшаетъ мнѣ совершить желаемаго путешествія и встрѣтить гдѣ-нибудь императрицу съ ея благословенною невѣстою [2]). Итакъ повторяю, продолжай увѣдомлять меня, какъ началъ; только пиши поразборчивѣе. Какъ нарочно, въ такихъ мѣстахъ, которыя бы мнѣ хотѣлось вполнѣ разобрать, я встрѣтилъ у тебя такія классическія закорючки, что маленькое письмо твое вдругъ получаетъ въ глазахъ моихъ характеръ Луксорскаго обелиска, покрытаго неизъяснимыми іероглифами. Я очень радъ, что имѣю отъ тебя извѣстіе о нашемъ Стурдзѣ [3]), къ которому храню въ сердцѣ своемъ и дружбу, и глубокое уваженіе такъ же, какъ къ его семейству. Память о Гуфландѣ [4]) всегда останется во мнѣ жива и благоговѣйна. И графиня Эделингъ [5]) никогда не умретъ въ ней. Какое было бы для меня услажденіе встрѣтиться съ Стурдзою. Какъ было бы для меня важно услышать его мнѣніе о м о е й Одиссеѣ [6]). Его одного мнѣніе въ семъ отношеніи перевѣситъ для меня судъ всѣхъ нашихъ (и чужихъ) литераторовъ [7]) (до котораго, вѣроятно,

---

[1]) Одна фраза при печати выпущена.

[2]) Съ великою княжною Ольгою Николаевною, помолвленною за наслѣднаго принца Виртембергскаго Карла. Торжественное обрученіе великой княжны было совершено въ Петергофѣ 25-го іюня 1846 г.

[3]) Александрѣ Скарлатовичѣ.

[4]) Извѣстномъ врачѣ и писателѣ Христіанѣ-Вильгельмѣ Гуфеландѣ (Hufeland, р. 1762 † 1836), на дочери котораго былъ женатъ А. С. Стурдза. Съ Гуфеландомъ Жуковскій познакомился въ Берлинѣ въ 1820 году; изъ дневника его видно, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на него Гуфеландъ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 87 и 89—90).

[5]) Сестра А. С. Стурдзы (см. выше, стр. 156, прим. 4-е).

[6]) Въ это время Жуковскимъ были уже переведены первыя двѣнадцать пѣсенъ Одиссеи.

[7]) Впослѣдствіи, въ началѣ 1849 года, Северинъ сообщилъ Жуковскому самый сочувственный отзывъ Стурдзы о переводѣ Одиссеи. Жуковскій 11-го марта н. ст. 1849 г. писалъ Северину: „Благодарствую, Котикъ, за доставленіе письма Стурдзы. Оно меня весьма, весьма порадовало. Приложенная виньетка изобразитъ для твоихъ очей в и д и м о и для твоихъ бархатныхъ лапокъ п а л п а б е л ь н о, что значитъ для меня мнѣніе Стурдзы о моемъ переводѣ Одиссеи. (Затѣмъ нарисованы вѣсы; на одной ихъ чашкѣ, которая перетягиваетъ, написано: „Выписка изъ письма Стурдзы къ Сѣверину“, а на другой: „Мнѣнія о переводѣ Одиссеи В. А. Жуковскаго литераторовъ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи и пр., и пр., и пр., и даже Россіи“). Видишь, какъ оно для меня увѣсисто“ (см. „Русскій Архивъ“ 1900 года, сентябрь, стр. 44).

мнѣ нѣтъ никакого дѣла, ибо мой трудъ предпринятъ не для угожденія вкусу нашего времени и даже не для пріобрѣтенія лоскуточка славы, который въ наше время сдѣлался нечистою тряпкою, а просто для наслажденія поэзіею во всей ея дѣвственной чистотѣ). Мнѣніе же Стурдзы было бы для меня поэтическою потѣхою и въ то же время вѣрною оцѣнкою труда высокаго. Скажи ему это отъ меня и пошли ему въ письмѣ своемъ дружеское мое объятіе. Въ то же время скажи, что господинъ Émile, котораго я фамиліи не разобралъ въ твоемъ письмѣ, никакихъ книгъ отъ него не присылалъ мнѣ. Я былъ бы весьма обрадованъ, если бъ онъ не поскупился прислать мнѣ другой экземпляръ этихъ книгъ, которыя по своему титулу весьма для меня приманчивы: если же у него нѣтъ экземпляра, то прошу тебя прислать свой для прочтенія. Также нѣтъ ли у тебя и его прежняго сочиненія о Церкви Православной [1])? Пришли все и скорѣе. То, что ты написалъ мнѣ о страхахъ Стурдзы насчетъ моего православія (какъ я догадываюсь), написано такъ неразборчиво, что мнѣ и отвѣчать на это нельзя почти ничего Скажи Стурдзѣ, что мы идемъ вмѣстѣ съ моею женою рука въ руку къ одной цѣли по двумъ дорогамъ, которыя такъ смежны одна съ другою, что намъ можно и держаться другъ за друга каждому, и оставаться, не сбиваясь, на собственной дорогѣ своей.

Прощай. Жена вамъ сердечно кланяется, тебѣ и своей любезной незнакомкѣ-Кошечкѣ. Жуковскій.

35.

12-го (24-го) апрѣля (1846, Франкфуртъ) [2]).

Котъ! Благодарствую за твое любезное письмецо. Не прошу тебя продолжать быть всегда столь любезнымъ, ибо это въ твоей натурѣ и просьба моя была бы излишнею. Пишу къ тебѣ два слова; первое мое слово коротко, но оно перевѣситъ всѣ слова, вмѣстѣ взятыя, цѣлаго міра—Христосъ воскресе! Второе мое слово: какъ хочешь, доставь мнѣ книги Стурдзы, всѣ, означенныя въ письмѣ твоемъ. Если Стурдза отправился уже въ путь обратный, то напиши къ нему въ Одессу, чтобы, хорошенько зашивъ въ клеенку книги, отправилъ ихъ въ Петер-

---

[1]) Сочиненіе А. С. Стурдзы „Considérations sur la doctrine et l'esprit l'eglise orthodoxe", изданное въ 1817 году.

[2]) Письмо имѣетъ адресъ: „A son excellence monsieur de Severine, ministre de S. M. l'Empereur de Russie près de la Cour de Bavière. A Munich" почтовые штемпели: 1) Frankfurt 25 Apr. 1846. и 2) München 27 Apr. 1846 а также отмѣтку Северина: „Отв(ѣчалъ) 19-го апр(ѣля) (1-го мая)".

бургъ на имя его высокоблагородія Ростислава Родіоновича Родіонова [1]) въ канцелярію государыни императрицы для немедленнаго доставленія В. А. Ж. Такъ книги дойдутъ до меня вѣрно. А я жажду ихъ прочитать.

Прощай. Фыркни отъ меня дружескій поклонъ твоей Кошечкѣ. Жена вамъ обоимъ кланяется съ сердечнымъ привѣтствіемъ. Свѣтлана.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Р. Р. Родіоновъ былъ старшій чиновникъ собственной ея величества канцеляріи и исполнялъ разнаго рода порученія Жуковскаго, когда послѣдній жилъ за границею.

АЛЬБОМЪ,

ПОДАРЕННЫЙ

ФРИДРИХОМЪ-ВИЛЬГЕЛЬМОМЪ

НАСЛѢДНИКОМЪ ПРУССКИМЪ

ВАСИЛІЮ АНДРЕЕВИЧУ ЖУКОВСКОМУ,

А ПОСЛѢДНИМЪ, ПРИНЕСЕННЫЙ ВЪ ДАРЪ

НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,

ВПОСЛѢДСТВІИ

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

I.

Лѣтомъ 1901 года, интересуясь бумагами и рисунками Василія Андреевича Жуковскаго, хранящимися въ Собственной Его Императорскаго Величества библіотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ, я имѣлъ возможность [1]) познакомиться съ интереснымъ содержаніемъ шкатулки императора Александра II, заключающей въ себѣ нѣсколько историко-литературныхъ реликвій, дорогихъ и для скромнаго наставника наслѣдника престола и для его ученика, будущаго Царя-Освободителя, и для всѣхъ тѣхъ, кому дороги эти имена...

Въ этой шкатулкѣ находятся: альбомъ наслѣдника цесаревича, рисунки В. А. Жуковскаго и учебныя тетрадки великой княгини Александры Ѳеодоровны.

Альбомъ представляетъ довольно объемистую тетрадь, плотной разноцвѣтной бумаги, переплетенную въ роскошный, кожанный, зеленый переплетъ, съ золотымъ по красному тисненіемъ. Орнаментація полувосточная и посрединѣ переплета, какъ на передней, такъ и на задней крышкѣ, повидимому, турецкія надписи.

Альбомъ снабженъ бронзовой, золоченной, украшенной рѣзнымъ отъ руки плоскимъ орнаментомъ застежкой, приспособленной къ тому, чтобы она могла быть запираема исячимъ замочкомъ.

---

[1]) Благодаря любезности и вниманію завѣдующаго собственною Его Величества библіотекою его превосходительства Рихарда Александровича Гримма, которому не могу не принести моей искренней благодарности.

АЛЬБОМЪ В. А. ЖУКОВСКАГО
принесенный имъ въ даръ Н. Ц. В. К. Александру Николаевичу.

Meinem lieben Joukowsky
zum Andenken
von Freundes Hand.

Berlin
4 Februar 1825

Friedrich Wilhelm
Kronprinz v. Preußen

Эту книгу особенно мнѣ драгоценную — по той надписи, которая на ней сделана — прошу вас, мой бесценный Великий Князь, для того, чтоб вы записывали в неё такие только мысли, кои наиболее могут быть вам полезны в жизни и кои можете со временем составить для себя коренные, весьма непременно необходимые правила поступков, как нравственных, так и государственных; а каких это правил, то скажут вам наука, ум, сердце и опыт.

Жуковский

22. Апреля. 1834.

Первая страница альбома.
Наверху надпись Фридриха Вильгельма Наслѣд. Прусск.
Внизу приписка В. А. Жуковскаго.

II.

На первомъ листѣ альбома наслѣдникомъ прусскаго престола Фридрихомъ-Вильгельмомъ [1]) сдѣлана слѣдующая собственноручная надпись:

Meinem lieben Goukowsky
zum Andenken
von freundes Hand

Berlin. Friedrich Wilhelm
4 Februar 1825 [2]). Kronprinz v. Preussen

Затѣмъ рукою В. А. Жуковскаго приписано:

«Эту книгу особенно мнѣ драгоцѣнную [3]) по той надписи, которая на ней сдѣлана—приношу вамъ, мой безцѣнный великій князь, для того, чтобъ вы записывали въ ней такія только мысли, кои наиболѣе могутъ быть вамъ полезны въ жизни и изъ коихъ можете со временемъ составить для себя коренныя, весьма не многія, но необходимыя правила поступковъ какъ нравственныхъ, такъ и государственныхъ, а какія это правила, то скажетъ вамъ наука, умъ, сердце и опытъ

22-го апрѣля 1834. Жуковскій

На второмъ и слѣдующихъ листахъ Жуковскимъ же написано для великаго князя слѣдующее разсужденіе:

«Христосъ Воскресе! Въ этомъ словѣ заключается вся судьба чело-

---

[1]) Наслѣдникъ прусскаго престола Фридрихъ-Вильгельмъ сынъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и братъ принцессы Фредерики-Луизы-Шарлоты-Вильгельмины, потомъ великой княгини Александры Ѳеодоровны, супруги великаго князя Николая Павловича (род. въ 1797 г. вступилъ на престолъ подъ именемъ Фридриха-Вильгельма IV въ 1840 г., ум. въ 1861 г.).

[2]) Моему любимому Жуковскому на память отъ дружеской руки. Фридрихъ-Вильгельмъ наслѣдникъ прусскій. Берлинъ. 4-го февраля 1825.

[3]) В. А. Жуковскій очень любилъ кронпринца Фридриха-Вильгельма, съ которымъ познакомился въ въ Берлинѣ въ 1820 году.—Во время свего довольно долгаго житья въ этомъ городѣ въ 1820 и 1821 г. Жуковскій очень часто видѣлся съ кронпринцемъ и близко сошелся съ нимъ. Въ одномъ изъ писемъ къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ онъ пишетъ напримѣръ о немъ такъ:

„Онъ оказываетъ мнѣ самую трогательную для меня благосклонность за которую плачу ему сердечною привязанностью. Я нѣсколько разъ имѣлъ честь у него обѣдать въ его маленькомъ обществѣ и провелъ вмѣстѣ съ нимъ два пріятнѣйшихъ вечера у M-me Wildermeth. Въ оба раза читали Клейстову трагедію „Der Prinz von Homburg“. Было много спору и смѣху“ (Письмо В. А. Жуковскаго изъ Берлина отъ 26-го ноября (12-го декабря) 1821 года къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ).

вѣка и то, что онъ нѣкогда былъ, и то, что онъ можетъ быть на землѣ, и то, къ чему предназначенъ за гробомъ. Всякое земное величіе изчезаетъ предъ величіемъ этого слова, всякое земное несчастіе уничтожается передъ его небеснымъ утѣшеніемъ, всякое истинное сокровище души становится въ немъ неизмѣннымъ, прямо нашимъ, на всю жизнь и далѣе жизни. Оно возвышаетъ нашъ умъ въ вѣру, наше чувство въ надежду, нашу волю въ любовь, оно даруетъ человѣку его прямое достоинство: смиреніе.

«Христосъ Воскресе! А этимъ благовѣстительнымъ словомъ встрѣтилъ васъ народъ московскій въ минуту вашего рожденія. То былъ день прекрасный [1]).

Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славой,
Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ,
И тишины исполненъ величавой
Торжественно державный Кремль стоялъ.....
На праздникѣ великомъ воскресенья
Народъ тѣснился ко ступенямъ алтаря,
Смиренно ждалъ надежды совершенья,
Ждалъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ....
И онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы
На высотѣ воскресшаго Кремля,
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый,
Кругомъ его и небо и земля,
Питавшія Россію съ колыбели,
Здѣсь жизнь отцевъ великая была,
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла—
Обманетъ ли сіе знаменованье?
Пусть отъ пеленъ во свѣтъ онъ перейдетъ
Съ душой на все прекрасное готовой,
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой,
Лѣта пройдутъ.... Подвижникъ молодой
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы.

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ стихотвореніе, которое составляетъ сокращеніе стихотворенія Жуковскаго же, написаннаго имъ въ 1818 году и которымъ онъ привѣтствовалъ рожденіе великаго князя, предсказывая ему славу въ будущемъ.

Стихотвореніе это носитъ слѣдующее названіе: „Государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ на рожденіе Великаго Князя Александра Николаевича посланіе“.

Жуковскій взялъ изъ всего этого „Посланія“, заключающаго въ себѣ 178 стиховъ, только слѣдующіе 34 стиха и при этомъ онъ нѣсколько передѣлалъ ихъ.

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ.
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ [1]),
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку.

«Это было написано тогда мною. Въ то время я еще не подозрѣвалъ, какое мѣсто мнѣ судьба подлѣ васъ готовила. Я просто пророчилъ, слѣдуя влеченію сердца. Теперь наступило время, въ которое пророчеству моему должно оказаться справедливымъ или ложнымъ. Надѣюсь на первое.

«Христосъ воскресе! Это благовѣстительное слово встрѣтило васъ при входѣ вашемъ въ храмъ, гдѣ надлежало совершиться вашему первому рѣшительному дѣйствію, вашей присягѣ [2]). Но что же и весь міръ, какъ не храмъ Божій? Что наша жизнь, какъ не всегдашняя присяга передъ Богомъ? А въ жизни не все ли, безпрестанно, вездѣ и явно и тайно повторяетъ намъ: Христосъ воскресе!

«Ваша присяга произнесена, Богъ васъ слышалъ: теперь все свойство вашей жизни должно перемѣниться. Беззаботное ребячество кончилось, время спокойной безусловной покорности чужому руководству [3]) прошло, и хоть вамъ еще нельзя обойтись безъ помощи руководителей, но уже для васъ настала болѣе трудная пора произвольной покорности долгу; совѣсть вступила для васъ въ строгія права свои, отвѣтственность за себя теперь вы приняли на самого себя, ибо вы ясно понимали то, что говорили передъ Святымъ Евангеліемъ, въ присутствіи государя и отца, передъ надѣющимся на васъ отечествомъ... Но вамъ остается еще нѣсколько лѣтъ свободныхъ, и ваша существенная теперь обязанность, ваша вѣрность данной присягѣ должна состоять единственно въ томъ, чтобы по совѣсти воспользоваться остающимися годами свободы, чтобы утвердить свой характеръ, дать зрѣлость уму, скопить необходимыя для будущаго знанія и правила поступковъ, чтобы, однимъ словомъ, приготовиться къ высокому своему назначенію.

---

[1]) Напечатанное разрядкой подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Въ этотъ же день, 22-го апрѣля 1834 года, наслѣдникъ цесаревичъ великій князь Александръ Николаевичъ по случаю совершеннолѣтія своего (ему исполнилось 16 лѣтъ 17-го апрѣля того же года) приносилъ присягу.

[3]) Напечатанное здѣсь и далѣе разрядкою подчеркнуто самимъ Жуковскимъ.

«Наконецъ, говорю вамъ: Христосъ Воскресе! какъ утѣшительное слово при первомъ несчастіи жизни, говорю именемъ того [1]), кто уже вамъ никогда его не скажетъ на этомъ свѣтѣ, кто былъ вашимъ первымъ и лучшимъ другомъ, кто за васъ положилъ свою душу, и чье послѣднее слово на землѣ было ваше имя. Въ Христіанскомъ братскомъ привѣтѣ моемъ примите и его прощальное слово любви, и его завѣщаніе на здѣшнюю вашу жизнь и его надежду на радостное свиданіе съ вами

---

[1]) Рѣчь идетъ о Мердерѣ. Генералъ-адъютантъ Карлъ Карловичъ Мердеръ, род. въ 1788 году, ум.въ 1834 году, былъ воспитателемъ наслѣдника цесаревича великаго князя Александра Николаевича. Императоръ Николай Павловичъ обратившій вниманіе на Мердера, какъ на человѣка, обладавшаго выдающимися педагогическими способностями (какъ командира роты въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ), а также прекраснымъ, кроткимъ характеромъ и рѣдкимъ умомъ, назначилъ его на должность воспитателя наслѣдника престола.

Къ исполненію своихъ обязанностей Мердеръ приступилъ 12-го іюня 1824 года, когда великому князю было еще только 6 лѣтъ, и исполнялъ ихъ въ продолженіе почти 10 лѣтъ вплоть до своего отъѣзда для лѣченія за границу, гдѣ, въ Римѣ, онъ и скончался 24-го марта 1834 года.

Жуковскій въ своемъ „Воспоминаніи о К. К. Мердерѣ“ даетъ очень симпатичную характеристику этого человѣка.

„Отмѣнно здравый умъ,—говоритъ Жуковскій,—рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенные съ холодной твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души, таковы были отличительныя черты его характера. Съ сими свойствами, дарованными природою, соединялъ онъ живыя правила, извлеченныя имъ изъ опыта жизни, правила, отъ коихъ ничто никогда не могло отклонить его въ поступкахъ. Спокойно и смиренно дѣйствовалъ онъ въ кругу своихъ обязанностей, руководимый одною совѣстію, вѣрный долгу, безъ честолюбія, безъ видовъ корысти, строгій съ самимъ собою и удивительно добродушный съ другими. Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ при великомъ князѣ, конечно, оставили глубокіе слѣды на душѣ его воспитанника, но въ данномъ имъ воспитаніи не было ничего искусственнаго: вся тайна состояла въ благодѣтельномъ, тихомъ, но безпрестанномъ дѣйствіи прекрасной души его, дѣйствіи, которое можно сравнить съ благорастворѐніемъ воздуха, необходимымъ для жизни и полнаго развитія растеній. Его питомецъ былъ любимъ нѣжно, жилъ подъ святымъ вліяніемъ прямодушія, честности, благородства; онъ окруженъ былъ порядкомъ, самая строгость принимала съ нимъ выраженіе нѣжности; онъ слышалъ одинъ голосъ правды, видѣлъ одно безкорыстіе—могла ли душа его, отъ природы благородная, не сохраниться свѣжею и непорочною, могла ли не полюбить добра, могла ли въ то же время не пріобрѣсти и уваженія къ человѣчеству, столь необходимаго во всякой жизни, особливо въ жизни близъ трона и на тронѣ?

„Будемъ же радоваться, что душа наслѣдника Россіи на разсвѣтѣ своемъ встрѣтилась и породнилась съ прекрасною душою Мердера“.

Нельзя сомнѣваться, что великій князь горячо любилъ своего воспитателя и друга и что его смерть была для него дѣйствительно первымъ несчастіемъ въ настоящей жизни, въ которую онъ только-что съ принесеніемъ присяги торжественно вступилъ.

тамъ, гдѣ у отца обителей много. Примите это несчастіе, какъ даръ Божій: оно послано вамъ отъ промысла во благую минуту, при самомъ первомъ приступѣ вашемъ къ жизни, когда вы, какъ наслѣдникъ великаго государства, увидѣли около себя весь приманчивый блескъ земнаго могущества и, можетъ быть, имъ плѣнились... и что же? Рядомъ съ этою земною славою гробъ лучшаго друга. Не ясно ли дѣйствуетъ здѣсь Богъ, воспитывающій нашу душу и земными радостями и земными печалями? Открывая передъ вашими глазами съ одной стороны все великое земное, онъ даетъ вамъ въ то же время испытать и великую земную утрату, утрату вѣрнаго друга. Для чего же? Не для того ли, чтобы вы теперь же ясно поняли, что наша жизнь не для невѣрнаго человѣческаго счастія, а для вѣрной Божіей правды. И въ самомъ дѣлѣ что было истинно великаго въ ту минуту, когда вы присягали? Одна ваша присяга. Все прочее было одно блестящее привидѣніе; люди, окружавшіе васъ, и вы сами должны исчезнуть [1]) и слишкомъ скоро: вы уже на опытѣ знаете, какъ время летитъ быстро. И этотъ царскій дворецъ, въ которомъ всѣ эти люди собрались на поклоненіе вамъ, перемѣнитъ видъ свой, другіе праздники на поклоненіе другимъ соберутъ въ немъ другихъ людей, и самыя стѣны, иначе украшенныя, перестанутъ напоминать въ немъ о тѣхъ, кои были когда-то въ немъ прежде. Но присяга, данная передъ Богомъ и исполненная передъ людьми, останется жива съ нашею душою, слѣдственно останется жива вѣчно, не умретъ и въ памяти людей... Въ эту минуту, когда вы стояли передъ Евангеліемъ, будучи всѣми мыслями преданы той святынѣ, которая васъ окружала, я думалъ: если душа наша, покинувъ землю, сохраняетъ воспоминаніе о томъ, что мы любили на землѣ, то въ эту минуту, подлѣ него: невидимо присутствуетъ душа друга: это безъ сомнѣнія такъ и было. Повѣрьте, настоящей разлуки съ нимъ для васъ еще нѣтъ, она была бы только тогда, когда бы вы или его, или себя забыли. Помните жъ и любите его, какъ живаго, и живите такъ, чтобы воспоминаніе объ немъ было для васъ не горемъ, а утѣшеніемъ [2]).

22-го апрѣля 1834.

---

[1]) Общій характеръ этого напоминанія о смерти и желанія внушить спокойное отношеніе къ ней и даже стремленіе извлечь изъ этого настроенія извѣстное безстрастное отношеніе къ жизни—нѣсколько напоминаетъ содержаніе писемъ Жуковскаго къ умиравшей (въ 1829 году) Александрѣ Андреевнѣ Воейковой. (См. К. Зейдлицъ. „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“ С.-Петербургъ 1863 г.)

[2]) Больше въ этомъ альбомѣ ничего написано не было.

III.

Все написанное Жуковскимъ въ альбомѣ представляетъ интересъ въ историко-литературномъ отношеніи.

Во-первыхъ, характеренъ даже самый фактъ подарка этого альбома, драгоцѣннаго для самого Жуковскаго, какъ предмета, полученнаго на память о симпатичномъ ему человѣкѣ [1]), и какъ воспоминаніе о времени, пріятно и интересно проведенномъ въ его обществѣ. И такой дорогой для его нѣжнаго сердца предметъ, полученный имъ въ подарокъ отъ царственнаго друга сосѣдней державы, естественно могъ быть имъ подаренъ только его царственному ученику, горячо имъ любимому. Этотъ подарокъ былъ выраженіемъ самой искренней и глубокой любви къ нему.

Но еще интереснѣе въ этомъ альбомѣ надпись Жуковскаго и его разсужденія на тему «Христосъ Воскресе!», раскрывающія предъ нами глубокіе и сокровенные мотивы этой симпатіи къ его царственному ученику и указывающія, въ какія именно формы выливались отношенія къ нему такого наставника, какимъ былъ этотъ чуткій и мечтательный поэтъ-художникъ. Интересъ этотъ усиливается тѣмъ болѣе, что все это было писано въ тотъ моментъ, когда дѣло воспитанія было уже закончено, когда ученикъ выступалъ самостоятельнымъ человѣкомъ на открывающійся передъ нимъ жизненный путь, полный труда, волненій и громадной отвѣтственности.

Въ авторѣ этихъ наставленій наслѣднику престола чувствуются съ одной стороны мечты и планы поэта-романтика начала XIX вѣка, съ другой стороны какъ будто беретъ перевѣсъ трезвый, далекій отъ всякихъ мечтаній педагогъ—человѣкъ непоколебимой воли, глубоко-религіозный, человѣкъ, твердо вѣрящій въ торжество добра и необходимость служенія высшей истинѣ.

Обратимся прежде всего къ припискѣ В. А. Жуковскаго на первомъ листѣ.

Какими наивными кажутся теперь намъ эти, около ста лѣтъ тому назадъ, написанныя, строки, въ которыхъ «чистая душа» Жуковскій, какъ звали его нѣкоторые друзья [2]), предлагаетъ своему «безцѣнному» ученику записывать въ приносимомъ ему въ даръ альбомѣ такія мысли, которыя наиболѣе могутъ быть полезны въ жизни. Это было счастливое время, когда люди безъ малѣйшаго сомнѣнія вѣрили въ то, что «наука, умъ, сердце и опытъ» могутъ дѣйствительно подсказать такія

[1]) Кронпринцѣ прусскомъ Фридрихѣ-Вильгельмѣ.

[2]) Напримѣръ Александръ Михайловичъ Тургеневъ въ его многочисленныхъ письмахъ къ поэту.

«правила жизни», которыя, оставаясь навсегда ненарушимыми, могутъ быть лучшими и надежнѣйшими руководителями на жизненномъ пути среди всѣхъ треволненій и соблазновъ капризной и непостоянной дѣйствительности».

Жуковскій воспользовался темой «Христосъ Воскресе!» не случайно, но потому, что день Св. Пасхи 22-го апрѣля 1834 года былъ особенно знаменательнымъ днемъ въ жизни наслѣдника. Это былъ день перехода его изъ юношескихъ лѣтъ въ зрѣлый возрастъ, день его присяги на вѣрность служенія Царю и Отечеству, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ днемъ его перваго серьезнаго горя—извѣстія о смерти его воспитателя и друга генерала-адъютанта К. К. Мердера.

Для Жуковскаго, какъ для впечатлительнаго поэта, всего этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы, выйдя изъ обычной житейской колеи, настроить и струны своего сердца на особенный высоко-торжественный ладъ и заставить звучать въ глубинѣ души такіи ноты, которыя касались его искреннихъ чувствъ любви и привязанности къ своему воспитаннику.

А вмѣстѣ съ тѣмъ это разсужденіе является его личною исповѣдью, характеризующей его какъ человѣка не только религіознаго въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но такого, который свои религіозныя убѣжденія положилъ въ основу всей своей жизни и который постоянно черпаетъ въ нихъ силу, и для своей дѣятельности, и во всѣхъ случаяхъ, какъ печальныхъ, такъ и радостныхъ, на которыя жизнь наталкиваетъ помимо его воли.

А это была не слѣпая и безотчетная покорность волѣ какого-то неизвѣстнаго высшаго существа, за которымъ признается прежде всего и больше всего его безконечная сила и власть... Это было глубокое убѣжденіе въ собственномъ единеніи съ Божествомъ и преклоненіе предъ Нимъ, какъ предъ недосягаемымъ идеаломъ, который въ своей абсолютной истинѣ и красотѣ является невидимымъ, но самымъ надежнымъ руководителемъ человѣка. Эта глубокая и спокойная вѣра создала такое нравственное равновѣсіе, которое трудно было уже поколебать. И это какъ-то особенно сильно чувствуется въ его разсужденіи «Христосъ Воскресе». Прежній милый, добрый наставникъ, ласково и нѣжно лелѣявшій своего «милаго» великаго князя, уходитъ на задній планъ и становится теперь старшимъ другомъ своего воспитанника, который, конечно, внимательно прислушивался къ тому, что ему будетъ сказано нашимъ поэтомъ въ послѣдній разъ, какъ—наставникомъ и въ первый разъ, какъ—другомъ.

И свой «братскій привѣтъ» старшаго друга Жуковскій какъ бы соединяетъ съ завѣщаніемъ другаго близкаго великому князю человѣка—

его воспитателя К. К. Мердера, который, только-что закончивъ свое дѣло воспитанія, на вѣки покинулъ его.

Какъ это торжественно и прекрасно въ своей трогательно-грустной красотѣ! Поэтъ-художникъ рисуетъ въ живыхъ образахъ прозаическую элегію, подернутую слегка дымкой таинственности, связывающей живыхъ членовъ человѣческой семьи съ тѣми, которые уже покинули ее и ушли въ неизвѣстную даль безконечности.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ заключительныя слова Жуковскаго въ его «Христосъ Воскресе» являются и мощнымъ призывомъ къ бодрому стремленію къ достиженію не «блестящаго привидѣнія—невѣрнаго человѣческаго счастья», а того истино-великаго идеала добра и красоты, который онъ называетъ «вѣрной Божіей правдой».

Нельстивый придворный рисуетъ картину безпощаднаго всепоглощающаго времени, очень скорой смѣны торжествующихъ и преклоняющихся теперь лицъ—другими новыми уже лицами, забывающими своихъ предшественниковъ.....

Нѣтъ, этотъ чуткій поэтъ и честный человѣкъ призываетъ отзывчивую душу благороднаго юноши—будущаго Царя-Освободителя откликнуться на тѣ таинственные звуки человѣческой души, которые способны

«Для блага всѣхъ—свое позабывать».....
«Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
«Съ смиреніемъ дѣла свои читать».....

И въ близкомъ будущемъ свершились слова поэта-пророка:

«Присяга, данная предъ Богомъ и исполненная предъ людьми..... останется жива вѣчно, не умретъ и въ памяти людей»...

Не умретъ въ памяти людей русскихъ ни безцѣнное имя императора Александра II, ни дорогое имя его наставника и друга-поэта Жуковскаго!

А. Ѳоминъ.

Письма В. А. Жуковскаго къ разнымъ лицамъ.

1.

В. А. Жуковскій—К. Ѳ. Калайдовичу [1]).

(Въ іюнѣ 1818 г.).

Я къ вамъ съ просьбою отъ Николая Михайловича Карамзина, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичь. Я сообщилъ ему ваше мнѣніе о мѣсяцѣ Изокѣ [2]), и ему бы хотѣлось имѣть ту статью, на которой вы это мнѣніе основываете. Потрудитесь выписать изъ манускрипта то, что вы мнѣ читали; этимъ обяжете нашего почтеннаго исторіографа. Свое письмо доставьте Константину Яковлевичу Булгакову [3]) для пересылки ко мнѣ. Жду отъ васъ отвѣта и увѣренъ, что вы не откажетесь исполнить мою просьбу. Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою Жуковскій.

На письмѣ отмѣтка руки Калайловича: Получ(ено) 26 іюня 1818 отъ его прев(осходительства) Конст(антина) Яковл(евича) Булгакова.

10-го октября 1818 г.

Отвѣчаю нѣсколько поздно на письмо ваше, любезнѣйшій Константинъ Ѳедоровичь; извините лѣнивца, поэта. Вы пишете ко мнѣ о за-

---

[1]) Два письма Жуковскаго къ К. Ѳ. Калайдовичу печатаются съ подлинниковъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[2]) О томъ же просилъ Калайдовича и самъ Карамзинъ въ письмѣ отъ 11-го іюня 1818 г., изъ Царскаго Села (см. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, Спб. 1866, стр. 445, и примѣчанія, стр. 0179).

[3]) Пріятелю Жуковскаго, с.-петербургскому почтъ-директору.

мѣчаніяхъ на Исторію Николая Михайловича, посланныхъ мнѣ черезъ Булгакова. Я ихъ не получалъ. Вѣроятно, почта ихъ поглотила. Если вы уже не послали новаго экземпляра ихъ къ нашему исторіографу (онъ сказывалъ мнѣ, что имѣлъ отъ васъ письмо), то потрудитесь послать его [1]). Можете адресовать письмо прямо на его имя. Онъ живетъ въ домѣ Екатерины Ѳедоровны Муравьевой у Аничковскаго моста на Фонтанкѣ.—Я съ своей стороны пользуюсь только этимъ случаемъ, чтобы снова увѣрить васъ въ томъ почтеніи, съ которымъ честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

2.

В. А. Жуковскій—В. К. Кюхельбекеру [2]).

Вы были у меня вчера, любезнѣйшій Вильгельмъ Карловичъ. Очень сожалѣю, что не застали меня. Но по утрамъ меня никогда не бываетъ дома. Лучше всего заставать меня отъ 7-ми до 9-ти часовъ послѣ обѣда. Тутъ мое домашнее и свободное время. Благодарю васъ за вашъ подарокъ. Но на предложеніе ваше, къ сожалѣнію, долженъ отвѣчать: нѣтъ. Не имѣю времени заняться переводомъ Макбета, какъ бы ни пріятно было потрудиться вмѣстѣ съ вами. Примитесь одни за этотъ подвигъ. Удача будетъ вѣрная. Жуковскій.

3.

В. А. Жуковскій—къ неизвѣстному лицу [3]).

19-го октября (н. ст. 1821), Франкфуртъ на Майнѣ.

Я наконецъ во Франкфуртѣ [4]) и спѣшу написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Еще разъ благодарю васъ за вашу любезную обязательность и

[1]) Карамзинъ благодарилъ Калайдовича за его основательныя и любопытныя примѣчанія письмомъ отъ 28-го ноября 1818 года (см. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 445).

[2]) Печатается съ подлинника, принадлежащаго редакціи „Русской Старины“.—Изъ писемъ Жуковскаго къ Кюхельбекеру извѣстно въ печати одно, относящееся, вѣроятно, къ началу 1823 года (см. „Русскую Старину“ 1875 года, № 7, и Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 459—461).

[3]) Печатается съ подлинника, принадлежавшаго покойному академику А. Ѳ. Бычкову.

[4]) Во Франкфуртъ Жуковскій пріѣхалъ на возвратномъ пути изъ Швейцаріи въ Россію именно 19-го октября н. ст. 1821 года (см. Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 165).

возвращаю вамъ ваши червонцы, которые остались неприкосновенными. Они послужили только для того, чтобы обезпечить меня во время дороги насчетъ возможныхъ казусовъ. Деньги я отдалъ банкиру Gontard et fils [1]), а это письмо отправятъ по почтѣ. Время до Франкфурта было мнѣ благопріятно; я видѣлъ прекрасно и Гейдельбергъ, и долину Некара, и Bergstrasse. Теперь идетъ дождикъ, но, можетъ быть, только для того, что я сижу; какъ скоро тронусь съ мѣста, онъ уймется: по крайней мѣрѣ таковъ былъ порядокъ во все мое путешествіе. Простите; обнимаю васъ дружески. До свиданія. Честь имѣю быть съ совершенною къ вамъ преданностію вашимъ покорнымъ слугою Жуковскій.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

4.

Отрывокъ письма Жуковскаго о его путешествіи въ Италію въ 1833 г.

Этотъ отрывокъ письма Жуковскаго сохранился, въ черновомъ подлинникѣ, въ его бумагахъ, пожертвованныхъ въ 1884 году Императорской Публичной Библіотекѣ сыномъ его, Павломъ Васильевичемъ Жуковскимъ [2]). По всему вѣроятію, отрывокъ этотъ представляетъ собою начало того письма Жуковскаго, въ которомъ онъ думалъ описать наслѣднику Александру Николаевичу свое путешествіе по Италіи [3]) и котораго мы не находимъ между изданными письмами его къ цесаревичу.

Вотъ я поселился на три недѣли въ Шлангенбадѣ [4]). Время весьма непріятное, пасмурное, холодное, то дуетъ пронзительный сѣверный вѣтеръ, то идетъ мелкій осенній дождь, изрѣдка проглядываетъ солнце, но только для того, чтобы подразнить своимъ минутнымъ присутствіемъ. Въ ясную погоду здѣшняя природа могла бы показаться пріятною:

---

[1]) Такимъ образомъ можетъ быть объяснено, кто такой Гонтаръ, у котораго Жуковскій былъ во Франкфуртѣ 24-го октября н. ст. 1821 г. (см. Дневники Жуковскаго, стр. 165).

[2]) Именно въ тетради № 40, об. л. 1—об. л. 5 (см. И. Бычковъ, Бумаги В. А. Жуковскаго, Спб. 1887, стр. 106—107).

[3]) „Изъ Шлангенбада, въ коемъ буду заключенъ на три недѣли,—писалъ Жуковскій цесаревичу 19-го (31-го) іюля 1833 года, изъ Франкфурта—буду писать къ вамъ; употреблю это время на то, чтобы составить для васъ подробную реляцію моего быстраго путешествія по Италіи“ (см. Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI. стр. 400).

[4]) Въ Шлангенбадъ Жуковскій пріѣхалъ, какъ видно изъ его дневника, 19-го (31-го) іюля 1833 года, а выѣхалъ изъ Шлангенбада 4-го (16-го) августа.

*

зеленыя неглубокія долины, на днѣ коихъ вьются ручьи и дороги и разсыпаны крестьянскіе домы, мельницы, огороды. Но теперь все печально, и не хочется вытти изъ горницы. Живу въ огромномъ, старинномъ и довольно нечистомъ домѣ Nassauer Hof; комнаты мрачны; въ окна и двери несетъ; общества мало, хотя жильцевъ и довольно. Въ Эмсѣ и Швальбахѣ пьютъ и купаются; здѣсь только что купаются, и каждый въ свой часъ; отъ этого всѣ розно. Однимъ словомъ здѣсь мрачно, пусто и скучно. Займусь описаніемъ прошедшаго.

Я видѣлъ чудесный сонъ: множество великихъ, до безконечности разнообразныхъ предметовъ, кои такъ долго, такъ долго, съ первой молодости до теперешнихъ лѣтъ, говорили воображенію, привлекали мысли, тревожили любопытство, стѣснившись въ одну толпу, въ нѣсколько минутъ промчались передъ глазами моими, всколыхали всю душу, какъ буря, и исчезли. Видѣлъ ли я ихъ—не вѣрится; насладился ли ихъ явленіемъ—не знаю. Весьма немного осталось въ душѣ отъ этого очаровательнаго хаоса охладѣвшихъ воспоминаній, и едва ли удастся привести въ нѣкоторый порядокъ это немногое.

Все путешествіе мое съ береговъ Женевскаго озера до Неаполя и обратно отъ Неаполя до уединеннаго моего домика въ деревнѣ Вернѣ продолжалось не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Я выѣхалъ изъ Вернѣ 13-го апрѣля [1]) и черезъ десять дней уже былъ посреди голубыхъ волнъ Средиземнаго моря, на пароходѣ Il Real Ferdinando. Какая быстрая смѣна климатовъ, временъ года и сценъ природы! Изъ Ліона (до котораго мы доѣхали въ два дни изъ Женевы, преслѣдуемые холоднымъ вѣтромъ, дождемъ и снѣгомъ, въ виду темносиней бѣлоголовой Юры) отправились мы въ 5 часовъ утра на пароходѣ. Съ обѣихъ сторонъ промелькнули мимо насъ берега быстрой Роны, покрытые безлиственными деревьями; нигдѣ еще не было зелени; дулъ холодный мистраль, и ничто не возвѣщало весны; но въ пять часовъ послѣ обѣда, вышедъ на берегъ у Авиньона, мы очутились посреди зеленѣющихъ полей, распустившихся цвѣтущихъ деревьевъ, и надъ нашею головою разстилалось голубое прованское небо, съ легкими, прозрачными облаками. Передъ нами блистала весна, несмотря на сѣверный мистраль, который пронзалъ насъ насквозь и подымалъ столбами бѣлую пыль на дорогѣ. Не могу ничего сказать о южной Франціи; я нигдѣ не хотѣлъ останавливаться; цѣль моя была поймать пароходъ въ Марсели. То, что я могъ видѣть въ Провансѣ съ большой дороги, совсѣмъ не привлекательно и нимало не отвѣчаетъ тому поэтическому понятію, которое мы составляемъ себѣ о сей знаменитой отчизнѣ трубадуровъ: голыя, ободранныя холоднымъ мистралемъ или сожженныя зноемъ юга равнины; бѣлые, совершенно

[1]) Новаго стиля (см. Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 264).

нагіе утесы; бѣдныя деревни, составленныя изъ худо построенныхъ нечистыхъ лачужекъ, въ коихъ ничто не утѣшаетъ картиною веселой домашней жизни; вотъ все, что я видѣлъ по дорогѣ отъ Авиньона до Марсели. Окрестности Экса довольно живописны, но весь путь отъ Экса до Марсели представляетъ печальную пустыню утесовъ; иныя мѣста такъ печальны и дики, что воображенію невольно мечтаются безжизненныя окрестности Мертваго моря, давно пораженнаго проклятіемъ неба. Наконецъ взъѣзжаешь на высоту, и вдругъ видишь голубой заливъ Средиземнаго моря, гавань, наполнённую лѣсомъ мачтъ, и Марсель, окруженный безчисленнымъ множествомъ бастидъ [1]), бѣлый городъ, расположенный по отлогому берегу, окруженный съ суши бѣлыми утесами горами, а съ моря грядами бѣлыхъ утесистыхъ острововъ. Видъ великолѣпный, но не привлекательный: зданія кажутся продолженіемъ утесовъ; бастиды не защищены отъ зноя тѣнистыми деревьями, а блѣдная зелень оливъ не утѣшаетъ взора, которому все представляется знойнымъ и пыльнымъ.

Наше плаваніе, продолжавшееся семь дней, было благополучно. Я видѣлъ всѣ западные берега Аппенинскаго полуострова отъ Марсели до Неаполя. Не знаю, какое дѣйствіе произвело бы надо мною это величественное Средиземное море, когда бы я очутился на немъ въ молодые, поэтическіе годы жизни: но и теперь, когда уже поэзія для меня миновала, оно сильно расшевелило мое воображеніе: его лазурь спокойно разстилалась передъ глазами моими; все было тихо; одинъ только кипучій серебряный слѣдъ тянулся за нашимъ пароходомъ, и слѣва медленно развивались голубые гористые берега Италіи: а мыслямъ мечтались всѣ сорокъ вѣковъ исторіи человѣческаго рода, коего главныя судьбы рѣшались на берегахъ этого моря, омывающаго Египетъ, Палестину, Малую Азію, Грецію, Италію, Сицилію, Корсику, Францію и Испанію. Темные вѣка пирамидъ, патріархальныя времена пророковъ, баснословныя странствія финикіянъ и грековъ, развозившихъ повсюду сокровища торговли, законовъ и наукъ, Аргонавты, Улиссъ и Эней, флоты римлянъ и карѳагенянъ; все обновляющій крестъ въ Палестинѣ и корабль апостола Павла, таинственно входящій въ пристань Пуццольскую; новый Римъ, могущественнѣйшій древняго; арабы, норманны, крестоносцы; блескъ Венеціи и Генуи и, наконецъ, въ наше время два плаванія Наполеона отъ Египта и Эльбы и цѣлое тысячелѣтіе Рима, возобновившееся въ десять годовъ жизни одного чудеснаго человѣка, все это волновало душу; толпа великанскихъ привидѣній наполняла пространство между голубымъ безоблачнымъ небомъ и равниною моря, ко-

[1]) Такъ называются на югѣ Франціи, особенно около Марсели, загородныя дачи.

торое и теперь такъ же спокойно его отражало, какъ и въ тѣ времена, когда ладьи фокейскихъ изгнанниковъ летали по немъ съ колыбелію Массиліи [1]). Въ первый день проѣхали мы въ виду Тулонской пристани, загороженной отъ насъ двумя огромными утесами; изъ-за нихъ вдали мелькали корабельныя мачты; солнце зашло, когда мы очутились между грядами Гіерскихъ острововъ и южнымъ берегомъ Франціи, на коемъ у подошвы голубыхъ и віолетовыхъ горъ мелькалъ Гіеръ, окруженный померанцовыми садами.

Въ первый день путешествія чувствовалъ я морскую болѣзнь, которая не дала мнѣ покоя и ночью; но къ утру все миновалось. Было ясно и тихо, когда я изъ тѣсной каюты своей вышелъ на палубу. Ночью прошли мы мимо Фрежюса, Антиба и Ниццы и теперь находились уже противъ С.-Ремо. Великолѣпные берега Италіи лежали передъ глазами моими въ прозрачномъ туманѣ утра; ихъ формы безпрестанно измѣнялись; намъ ясно видна была дорога, идущая по крутизнѣ надъ самымъ моремъ (всѣ эти части берега извѣстны подъ именемъ Corniche); путешественники мелькали на высотѣ его какъ черныя точки; сквозь тонкій паръ, надъ свѣтлою лазурью моря, посреди темной лазури береговъ мелькали въ дали, приближались и исчезали позади насъ города и виллы; мы быстро прошли мимо S. Mauricio [2]), Oneglia, Alassio, Albenga, и наконецъ вдалекѣ открылась Генуя. Ничто не можетъ быть великолѣпнѣе Генуэзской гавани съ моря: солнце ярко блистало, когда мы къ ней приближались; сперва явилась необозримая полоса зданій: ибо (въ) отдаленіи кажется, что всѣ города, расположенные по заливу Спецъ, Сестри, Рекко, Рапалло, Нерви и Генуя, составляютъ одинъ; но вдругъ Генуя величественно отдѣляется отъ прочихъ, ростетъ изъ воды по мѣрѣ приближенія къ ней и, наконецъ, обхватываетъ тебя своею глубокою гаванью, впереди которой, какъ великанъ-стражъ ея, возвышается башня, служащая фаросомъ для кораблей, плывущихъ къ гавани во время ночи. Городъ стоитъ на полугорѣ и сходитъ безчисленнымъ множествомъ зданій къ самому морю; онъ обнесенъ двумя стѣнами и защищенъ укрѣпленіями, по высотамъ расположенными. Ни одинъ городъ въ Италіи не имѣетъ такого множества монументальныхъ великолѣпныхъ домовъ, какъ Генуя, и въ этомъ отношеніи она совершенно заслуживаетъ имя свое la superba; но я не могъ насладиться ея великолѣпіемъ, хотя нашъ пароходъ и пробылъ 24 часа въ гавани: во

---

[1]) Массилія—древнее названіе Марсели. Ее основали, какъ извѣстно, фокейцы около 600 г. до Р. Х.

[2]) Т. е. S. Maurizio.

все это время лилъ проливной дождь, и не было никакой возможности осматривать городъ: я могъ видѣть только внутренность нѣкоторыхъ главныхъ зданій. Palazzo del Re въ Strada Balby есть старинное зданіе; оно принадлежало прежде фамиліи Durazzo; въ его картинной галлереѣ находятся нѣкоторыя замѣчательныя картины, напримѣръ Веронезова Марія, омывающая ноги Спасителя, и Тиціановы Пастухи передъ Младенцемъ Іисусомъ. Вестибулъ университета есть превосходный памятникъ зодчества. Древній дворецъ Андрея Доріи привлекателенъ своими историческими воспоминаніями: на его терассѣ, съ коей видна вся пристань, знаменитый дожъ угощалъ императора Карла V. Разсказываютъ, что золотыя блюда, на коихъ подносимы были кушанья Карлу, были всѣ брошены передъ глазами его въ море: это польстило алчности императора; но въ глубинѣ моря таилась сѣть, и ни одно изъ драгоцѣнныхъ блюдъ не осталось на днѣ его. Въ Palazzo Serra показываютъ залу, блестящую позолотою, кристаллами, зеркалами и стоившую, какъ увѣряютъ, 1.200.000 франковъ: мнѣ она не понравилась, великолѣпіе безъ вкуса; остальныя комнаты дворца своею бѣдностію и нечистотою составляютъ странную противуположность съ сей знаменитою залою. Изъ церквей Генуи я видѣлъ только три; въ каѳедральной S. Lorenzo, построенной изъ бѣлаго и чернаго мрамора, почиваютъ мощи Іоанна Крестителя; въ ней находятся также и гробницы знаменитой фамиліи Фіески. Церковь Annunziata есть великолѣпнѣйшій храмъ Генуи. А старинная церковь S. Stefano привлекаетъ путешественника не пышностью архитектуры, а картиною Рафаеля, изображающею мученичество с(вятаго) Стефана. Часть сей прекрасной картины писана самимъ Рафаелемъ, а часть Юліемъ Романомъ, знаменитымъ ученикомъ его. Театръ Carlo Felice, въ которомъ я видѣлъ Беллиніеву оперу Il Pirata и балетъ Eteocle e Polinice есть, по моему мнѣнію, лучшій въ Италіи; можетъ быть, La Scala въ Миланѣ и S. Carlo въ Неаполѣ огромнѣе, но оба уступаютъ генуэзскому и красотою, и великолѣпіемъ архитектуры. Дождь пересталъ, но облака покрывали небо и вѣтеръ волновалъ море, когда мы возвратились на пароходъ свой; волненіе продолжалось до утра, и ночью возобновился дождь; но къ утру небо прояснилось, и прекрасная, хотя довольно холодная погода встрѣтила насъ въ Ливурнской гавани. Ливурна городъ не великолѣпный, но многолюдный и оживленный торговлею. Позавтракавъ въ café Minerva, мы отправились въ Пизу, находящуюся въ трехъ часахъ ѣзды отъ Ливурны. Сей городъ, нѣкогда знаменитый, полный силы и жизни, сохранилъ все древнее свое великолѣпіе, но тихъ и пустъ, какъ огромная гробница. Его каѳедральная церковь съ своею наклоненною колокольнею, Баптистеріумъ и Campo Santo, стоящіе на одной площади, покрытой травою, приво-

дятъ въ изумленіе величіемъ своей архитектуры; но окружающая ихъ запустѣлость невольно приводитъ въ уныніе душу...

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

5.

В. А. Жуковскій—А. С. Стурдзѣ [1]).

20-го іюля [1835 г. С.-Петербургъ].

Спѣшу теперь только увѣдомить васъ, почтеннѣйшій Александръ Скарлатовичъ, что вашъ манускриптъ [2]) мною полученъ. Нынѣшній день я имѣлъ удовольствіе видѣть господина Карузо [3]), который самъ отдалъ мнѣ вашу книгу. Благодарю васъ сердечно за доставленіе оной. Надѣюсь, самъ прочитаю ее вмѣстѣ съ в[еликимъ] к[нязем] [4]); для этого будетъ у меня и время, ибо онъ не поѣдетъ съ государемъ императоромъ въ Калишъ [5]). Но когда возвращу вамъ манускриптъ, не знаю, ибо скоро прочитать его будетъ невозможно. А ввѣрить его кому-нибудь или почтѣ—страшно. Доставьте мнѣ сами для этого случай, указавъ на человѣка, которому бы можно было, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отдать его. Буду хранить его съ должнымъ къ нему

---

[1]) Это письмо и слѣдующее—къ гр. Эдлингъ—печатаются съ подлинниковъ, находящихся въ распоряженіи А. Ѳ. Шидловскаго, любезно предоставившаго намъ возможность опубликовать ихъ.

[2]) Здѣсь говорится о рукописи: „Отрывокъ изъ исторіи XIX столѣтія. Сочиненіе Александра Стурдзы. 1833“; она заключается на 449 страницахъ, въ листъ, и сохранилась въ бумагахъ А. С. Стурдзы, находящихся нынѣ у А. Ѳ. Шидловскаго. Этотъ трудъ Стурдзы содержитъ въ себѣ изложеніе событій, происшедшихъ въ Россіи съ 1769 г., и заканчивается описаніемъ убіенія графа И. А. Каподистріи 27-го сентября 1831 г.; во многихъ мѣстахъ онъ носитъ характеръ личныхъ мемуаровъ Стурдзы.

[3]) Пріятель А. Стурдзы молодой офицеръ, бывшій тогда маіоромъ.

[4]) Александромъ Николаевичемъ, впослѣдствіи императоромъ.

[5]) 9-го августа 1835 г. въ Калишѣ, въ присутствіи императора Николая, императрицы Александры Ѳеодоровны, великаго князя Константина Николаевича, великой княжны Ольги Николаевны (уѣхавшихъ 1-го августа изъ Петербурга) и иностранныхъ гостей, былъ смотръ отряду гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. Наслѣдникъ, дѣйствительно, въ этомъ смотру участія не принималъ.

уваженіемъ. Когда прочту, напишу къ вамъ. Теперь простите. Мое душевное почтеніе всѣмъ вашимъ. Преданный вамъ Жуковскій.

Сообщилъ **Б. Л. Модзалевскій.**

6.

В. А. Жуковскій—графинѣ Р. С. Эдлингъ [1]).

1-го (13-го) сентября 1840 г. Дюссельдорфъ.

Любезнѣйшая графиня! Я почиталъ бы себя погрѣшившимъ передъ дружбою, которую къ вамъ питаетъ мое сердце и которую оно вѣрно сохранитъ къ вамъ во всю мою жизнь,—если бы не сказалъ вамъ хотя одного слова о томъ, что со мною произошло. Я очень сожалѣю, что не довѣрился вамъ, когда вы были около меня: мнѣ было бы такъ пріятно порадоваться тѣмъ вниманіемъ, которое вы проявили по отношенію ко мнѣ съ такою сердечностью, и раздѣлить съ вами счастіе, которое уже тогда наполняло мою душу. Итакъ, дорогой другъ, благословите меня! Я нашелъ счастіе жизни; правда, нѣсколько поздно, но я нашелъ его именно такимъ, о какомъ всегда мечтало мое сердце; оно само пришло ко мнѣ на встрѣчу, и я глубоко чувствую, что это Богъ, въ Своей неизъяснимой добротѣ, благоволилъ ниспослать мнѣ его; Онъ приготовилъ его для меня и далъ мнѣ его помимо моихъ

---

[1]) Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ (род. въ 1786, ум. въ 1844 г.), сестра А. С. Стурдзы, одна изъ просвѣщеннѣйшихъ и умнѣйшихъ женщинъ своего времени, была фрейлиной императрицы Елизаветы Алексѣевны. Императоръ Александръ питалъ глубокое уваженіе къ Роксандрѣ Скарлатовнѣ, любилъ встрѣчаться съ нею и часто находилъ утѣшеніе и облегченіе въ ея бесѣдахъ, цѣня умъ ея и высокія нравственныя качества; ихъ взаимная переписка напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888 г., кн. III, стр. 373—377 и, по сообщенію А. Ѳ. Шидловскаго, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1899 г., № 1, стр. 483—499. Покровительствуемое императоромъ сватовство Каподистріи на фрейлинѣ Стурдзѣ окончилось неудачей для графа, и въ 1816 году Роксандра Скарлатовна вышла замужъ за графа Альберта-Гаетана Эдлинга (ум. въ 1841 г.), занимавшаго постъ министра иностранныхъ дѣлъ и маршала въ великомъ герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ. Въ 1822 году супруги Эдлингъ поселились въ Одессѣ, а съ 1824 г.—въ пожалованномъ Роксандрѣ Скарлатовнѣ императоромъ Александромъ имѣніи „Майзырь“, гдѣ графиня сумѣла создать цѣлый рядъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Жуковскій, какъ видно и изъ печатаемаго здѣсь письма, съ большимъ уваженіемъ и сердечностью относился къ графинѣ Эдлингъ; начало знакомства ихъ, безъ со, мнѣнія относится ко второй половинѣ десятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

исканій. Молитесь Ему, молитесь вмѣстѣ со мной, чтобы Онъ благоволилъ сохранить его для меня!

Вотъ уже три недѣли, что я—женихъ дочери г. Рейтерна. Это ангелъ, который пожелалъ связать себя съ моею жизнью и придать ей ея дѣйствительную цѣну. Я люблю ее, какъ свою душу, не съ страстностью молодаго человѣка, но съ глубокою довѣрчивостью, которая успокаиваетъ, возвышаетъ и очищаетъ все мое существо. Она любитъ меня такъ, какъ будто бы я былъ молодой человѣкъ. Какъ это могло случиться, я и самъ не понимаю, но я ею обязанъ—только ей одной: ничье постороннее вліяніе не оказывало на нее своего воздѣйствія; ея безхитростное и чистое сердце соединилось съ моимъ; она его помолодила, она скрасила для меня настоящее и открыла для меня будущее, о которомъ я пересталъ уже и мечтать. Раздѣлите, какъ другъ, мое счастіе и помолитесь о томъ, чтобы оно не было отъ меня отнято, и чтобы ему покровительствовало и его сохранило Провидѣніе, которое милостиво ниспослало мнѣ его не по моимъ заслугамъ.

Передайте объ этомъ моему милѣйшему другу Стурдзѣ; я увѣренъ, что онъ порадуется моему счастію. Прощайте, милая, милая графиня! Сохраните ко мнѣ вашу драгоцѣнную дружбу. Весь вашъ Жуковскій [1]).

Сообщилъ **Б. Л. Модзалевскій.**

---

[1]) Вотъ оригинальный текстъ этого письма:

Chère Comtesse, je croirois manquer à l'amitié que mon coeur vous a vouée et qu'il vous conservera fidélement toute ma vie, si je ne vous disois pas un mot sur ce qui m'arrive. Je regrette même beaucoup de ne vous avoir pas fait ma confidence lorsque vous étiez près de moi: il m'aurait été si doux de jouir de l'intérêt que vous m'aviez chaudement temoigné et de partager avec vous la félicité qui déjà alors remplissait mon âme. Eh bien, chère amie, bénissez moi! j'ai trouvé le bonheur de la vie; un peu tard, il est vrai, mais je l'ai trouvé tel que mon coeur l'a toujours rêvé; il est venu de lui même à ma rencontre et je sens profondément, que c'est Dieu qui dans Sa bonté ineffable m'a daigné l'accorder; c'est Lui qui me l'a preparé, qui me l'a donné sans que je l'ai recherché. Priez Le, priez avec moi, qu'Il daigne me le conserver. Depuis trois semaines je suis fiancé à la fille de Reutern. C'est un ange, qui veut s'associer à ma vie et lui donner sa valeur réelle. Je l'aime comme mon âme, non avec la passion d'un jeune homme, mais avec la persuasion profonde qui calme, élève et purifie tout mon être. Elle m'aime comme si j'étais jeune. Comment cela a pu se faire, je ne le conçois pas moi-même; mais je la dois à elle seule, aucune influence étrangère n'a influé sur elle; son coeur simple et pur c'est allié au mien; il l'a rajeuni, il a embelli pour moi le présent et m'a ouvert un avenir auquel j'ai

7.

В. А. Жуковскій—Н. В. Гоголю [1]).

(Во второй половинѣ ноября 1843 года)

Любезнѣйшій Гоголекъ, пишу къ вамъ только для того, чтобы вы сказали мнѣ поскорѣе, доѣхали ли вы въ Ниццу, и прислали мнѣ вашъ адресъ. У меня лежитъ для васъ векселъ въ 100 франковъ. Не могу послать его наугадъ въ Ниццу. Скорѣе, скорѣе напишите ко мнѣ. У меня дома все постарому, какъ видѣли вы. А Одиссея идетъ впередъ ровнымъ шагомъ. Если будетъ возможность остаться еще на два года за границей, то привезу въ Россію готовую Одиссею и еще, можетъ быть, кое-что. Въ Ниццѣ ли Александра Осиповна [2])? Рекомендуйте ей мою рождающуюся 3000-лѣтнюю дочку, которую я люблю почти, какъ родную. Жду отвѣта, вашъ Жуковскій.

Есть еще у меня къ вамъ и письмо отъ Шереметьевой [3]). Пошлю, когда получу адресъ. Другихъ писемъ нѣтъ [4]).

---

déjà cessé de rêver. Partagez en amie ma félicité et faites des voeux qu'elle me reste, qu'elle soit protégée et conservée par la Providence qui a daigné me l'accorder sans mon mérite. Conservez tout cela à mon excellent ami Stourdza; je suis sûr qu'il se réjouira de mon bonheur. Adieu, chère, chère Comtesse. Conservez moi votre précieuse amitié. Tout à vous Joukovsky.

1 (13) Septembre 1840
Dusseldorff.

На оборотѣ: A Madame la Comtesse d'Edelink à Odessa.

Запечатано облаткой, на которой виденъ отпечатокъ Пушкинскаго перстня-талисмана.

[1]) Это письмо печатается съ копіи, снятой съ подлинника племянникомъ Гоголя Н. П. Трушковскимъ и сообщенной редакціи „Русской Старины" М. Ѳ. Де-Пуле. Оно дополняетъ рядъ писемъ Жуковскаго къ Гоголю, изданныхъ въ приложеніяхъ къ отчету Импер. публичной библіотеки за 1887 г., въ „Русской Старинѣ" 1889 года, январь, стр. 147, и Сборникѣ Общества любителей россійской словесности на 1891 годъ.

[2]) Смирнова, рожденная Россетъ.

[3]) Надежды Николаевны.

[4]) Отвѣтное письмо Гоголя Жуковскому, изъ Ниццы, отъ 2-го декабря 1843 года, см. въ письмахъ Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока, Томъ второй, стр. 365—367.

8.

В. А. Жуковскій—Ѳ. В. Булгарину.

Ты высокъ духомъ, за то и живешь высоко; и доступъ къ тебѣ, какъ ко всему великому и высокому, трудный.—Я побѣдилъ всѣ трудности, вскарабкался на высоту и не нашелъ никого на этой высотѣ. Прискорбно это мнѣ, хотя для меня (столь часто лазившаго по пустякамъ на высоту Парнаса) и не ново.

Жаль, что не удалось сказать тебѣ слово. Долго не увидимся. Ѣду въ Дерптъ на мѣсяцъ—нынче же обѣдаю вмѣстѣ съ Дашковымъ у Блудова; а на вечеръ къ Батюшкову. Не занесетъ ли и тебя въ одно изъ этихъ мѣстъ или къ одному изъ этихъ смертныхъ, случай или намѣреніе?

Благодарю за табакерку. Жуковскій [1]).

[1]) Когда написано было это письмо, опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ въ дни молодости В. А. Жуковскаго. Извѣстно, что въ послѣдующее время онъ находился съ Ѳ. Булгаринымъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ.

Замѣтки В. А. Жуковскаго, написанныя въ альбомахъ Александры Андреевны Воейковой.

I.

1808 г.

Подарокъ на новый годъ.

Невинность мирная, краса души твоей,
Подъ сѣнью матери съ тобой да сохранится!
О небо, пусть идетъ цвѣтущею стезей!
Пусть скорбью никогда сей взоръ не помрачится!
Собой счастливить всѣхъ прелестный жребій твой!
Счастливыхъ близъ тебя внимай благословенье!
Невинный милый другъ, храни души покой!
Да сохранитъ тебя Святое Провидѣнье!

II.

30-го апрѣля 1810 г. Дерптъ

Я когда-то написалъ: счастіе не состоитъ изъ удовольствій простыхъ, а удовольствій съ воспоминаніемъ ихъ. Эти удовольствія сравнилъ я съ фонарями, зажженными ночью на улицѣ—между ими есть промежутки, но эти промежутки освѣщены, и вся улица свѣтла, хотя не вся составлена изъ свѣта.—Такъ и счастіе. Удовольствіе—фонарь, зажженный на дорогѣ жизни; воспоминаніе свѣтъ, а счастіе рядъ этихъ прекрасныхъ воспоминаній, которыя всю жизнь озаряютъ.—Надежда пустое слово! Оно прекрасно только для неисполнимости. Что такое надежда—ожиданіе лучшаго въ будущемъ!—Но чего? и когда это ожиданіе безпокойное, и когда пріятное! Но оно всегда болѣе вредно, нежели полезно. Оно уничтожаетъ настоящее. Если оно

весело, то дѣлаетъ насъ къ нему (настоящему) равнодушными; если печально, то его отравляетъ.—Надобно позабыть о будущемъ, чтобы жить какъ должно, надобно пользоваться настоящею минутою, ибо только она одна есть вѣрное средство къ прекрасному.

Зажигай свой фонарь, не заботясь о тѣхъ, которые удастся зажечь впереди! Въ свое время оглянешься,—за тобою будетъ прекрасная, свѣтлая дорога. Между настоящею минутою и неизвѣстнымъ предѣломъ жизни, помѣстимъ не надежду, а Провидѣніе. Переходя отъ одной хорошей минуты до другой, нечувствительно дойдемъ до этого предѣла, за которымъ вѣрное, прекрасное будущее. Объ немъ можно думать безъ волненія—оно не мѣшаетъ жизни. Но здѣшнее будущее есть настоящій врагъ прекраснаго! Что въ немъ? Приходитъ ли оно когда-нибудь такимъ, какимъ себѣ его воображаемъ? На что же смущаться и о немъ заботиться. А прошедшее пускай идетъ съ нами рядомъ!..

Это все можетъ быть хорошимъ дополненіемъ къ тому, что ты мнѣ написала въ альбомъ, моя Саша. Мы думаемъ одно, хотя разными словами высказываемся. То, что здѣсь написано, я написалъ для себя гораздо прежде, нежели прочиталъ твое: «Wünsche nicht mit Leidenschaft» [1]). Желать что-нибудь страстно значитъ мѣшаться въ дѣло Провидѣнія; рваться за будущимъ вслѣдъ за надеждою и забывать настоящее! Mettons à la place de l'Espérance trompeuse la Providence qui ne trompe pas, alors tout devient conséquent dans la vie! On sait d'avance le mot de l'énigme! Ce mot n'est autre chose que: mériter.

Einfachheit und Wahrheit.
Ewige, unzertrennliche Freundschaft [2]).

Въ томъ же альбомѣ написано рукой А. А. Воейковой

1) J'aime la monotonie dans les sentiments de la vie et je ne chercherai le bonheur que dans l'habitude [3]).

В. А. Жуковскій приписалъ:

C'est que Vous avez coeur aimant. Pour qui sait aimer, qu'est ce qui peut être plus cher que l'habitude? [4]).

---

[1]) Не желай страстно.

[2]) Поставимъ на мѣсто обманчивой надежды Провидѣніе, которое не обманываетъ, и тогда въ жизни все будетъ послѣдовательно! Мы знаемъ напередъ слово загадки! Это слово не что иное какъ: быть достойнымъ.

Простота и истина, вѣчная, неразрывная дружба!

[3]) Я люблю однообразіе въ жизненныхъ чувствахъ и буду искать счастья только въ привычкѣ.

[4]) Это потому, что у васъ любящее сердце. Для того, кто умѣетъ любить что можетъ быть дороже привычки?

Рукой А. А. Воейковой написано:

2) Mille accidents séparent les hommes qui s'aiment pendant la vie puis vient cette séparation de la mort, qui renverse tous nos projets [1]).

В. А. Жуковскій приписалъ:

Est-ce que la mort est une séparation?
Schwester! über im Sternenfeld
Muss ein guter Vater wohnen! [2])

III.

1822 г.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сочувствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!
Но съ благодарностію: были!

Нѣтъ и были какая разница! въ первомъ потеря, въ послѣднемъ воспоминаніе! Нѣтъ значитъ исчезли! были значитъ оставили слѣдъ бытія своего! Прекрасная жизнь тѣхъ, которыхъ мы лишились, освѣщаетъ для насъ и землю и жизнь нашу. Рѣшительная минута разлуки миновалась; они на вѣки переданы воспоминанію; недоумѣніе кончилось; ихъ будущее не приводитъ въ трепетъ; печаль объ нихъ обратилась изъ страданія въ благодѣтельную для сердца любовь; можешь всѣмъ дѣлиться съ ними свободно; ихъ образъ равно свѣтитъ для насъ и при нашемъ счастьи и при нашемъ несчастьи; ни то, ни другое не измѣняетъ ихъ жребія, но и въ томъ и въ другомъ они съ нами воспоминаніемъ, всегда неизмѣннымъ, когда не измѣнимъ мы сами, возвышающимъ душу въ счастіи, ободряющимъ ее въ печали, и такое воспоминаніе есть для насъ совѣсть.

Ея умирающая мать не могла докончить того письма, которое получила отъ своей дочери на смертной постелѣ: такъ было сильно чувство материнской любви и материнскаго счастья, наполнявшее душу въ эту минуту! Ей не достало жизни для нѣсколькихъ строкъ,—но эти недочитанныя строки имѣютъ высокое, трогательное знаменованіе! Недочитанныя строки письма полнаго любви—то же, что остальная жизнь, уже не видимая матерью, но полная тою же любовью, какую она прочитала бы въ этихъ послѣднихъ строкахъ! Безъ нея и все для нея.

---

[1]) Тысячи случайностей разлучаютъ людей, которые любятъ другъ друга въ этой жизни; затѣмъ настаетъ разлука смерти, разрушающая всѣ наши планы.

[2]) Развѣ смерть разлука?
Сестра! тамъ въ звѣздномъ небѣ долженъ быть добрый отецъ!

И эта чистая жизнь будетъ уже безъ нарушенія радовать материнскую, вѣчно близкую душу! Смерть уже не придетъ оторвать ее отъ этой радости:

«Въ минуту предчувствія сказала она: «Wenngleich die Nachwelt meinen Namen nicht unter den Namen der berühmten Frauen nennen wird, sie wird doch, wenn sie die Leiden dieser Zeit erfährt, wissen, wass ich durch sie gelitten habeund sie wird sagen: sie duldete viel und harrte aus im Dulden. Dann wünsche ich nur, dass sie zugleich sagen möge: aber sie gab Kindern das Daseyn, welche besserer Zeiten würdig waren, sie herbeizuführen gestrebt und endlich sie errungen haben» [1]).

На ея часть досталось желаніе великаго и величіе въ страданіи; но дѣтямъ завѣщала она свои надежды и исполненіе своихъ великихъ желаній.

Іоаннъ, ученикъ и товарищъ Спасителя, видѣлъ его улетавшаго на небо и глаза его поднялись къ этому небу, сокрывшему всѣ его блага;—но въ этихъ глазахъ не печаль разлуки, не томительное нетерпѣнье оставить землю, но чувство глубокой, спокойной, покорной любви къ улетѣвшему. Онъ уже не на землѣ, но онъ былъ на ней; своимъ Преображеніемъ, онъ познакомилъ съ таинствомъ неба, но своею любовью, своимъ страданіемъ познакомилъ съ величіемъ жизни; небеснымъ онъ озарилъ житейское и не чудесное видѣніе неестественнаго представляется взору молодаго Іоанна, онъ спокойно помянетъ воспоминаніемъ не томящимъ, не отлучающимъ отъ здѣшняго,—но тихимъ, сладкорадующимъ, вполнѣ удовлетворяющимъ душу; онъ смотритъ на небо какъ на облако удалившагося друга; не стремится туда, ибо жизнь оставлена ему въ наслѣдство, какъ благо, для совершенія воли учителя; но вѣритъ съ глубокою, мирною радостью, любитъ задумчиво и уповаетъ безъ нетерпѣнія! И все земное, радостное, печальное, заключено для него въ одномъ словѣ, во всемъ отражается и слышится одно слово: Спаситель твой живъ!

Сообщ. **графъ Н. А. Бреверн-де-ля-Гарди.**

---

[1]) Хотя потомство не назоветъ моего имени въ числѣ именъ знаменитыхъ женщинъ, но когда оно узнаетъ страданія, пережитыя въ наше время, то оно будетъ знать, что я выстрадала изъ-за нихъ и скажетъ: она много страдала и выказала въ страданіи много терпѣнія. Я желала бы, чтобы оно сказало вмѣстѣ съ тѣмъ: но она дала жизнь дѣтямъ, которыя были достойны лучшаго времени, стремились къ достиженію его и въ концѣ концовъ достигли его.

Письмо короля прусскаго Фридриха-Вильгельма къ В. А. Жуковскому.

Санъ-Суси, 25-го іюля 1840 г.

Дорогой и добрый другъ! Настоящее письмо имѣетъ двѣ цѣли, и хотя объ нихъ трудно говорить одновременно, но, располагая лишь немногими минутами, я поставленъ въ необходимость помѣстить въ одно письмо то, что такъ плохо вяжется вмѣстѣ.

Во-первыхъ, цѣль этого письма: обнять васъ обѣими руками и поблагодарить отъ глубины души за письмо, безподобное по мысли и по слогу, которое вы написали мнѣ, мой дорогой и нѣжный другъ. Читая это письмо, я проливалъ потоки слезъ. Въ немъ выразилось все ваше благородное сердце, вся ваша прекрасная душа. Изъ всѣхъ словъ, которыя должны почтить память моего возлюбленнаго и глубокочтимаго отца и короля и которыя были прочитаны мною это время, ваши слова безпорно самыя прекрасныя, самыя краснорѣчивыя и достойныя; это слова истиннаго поэта, т. е. человѣка, прислушивающагося къ вдохновенію не своего желудка (простите за тривіальное, но чрезвычайно вѣрное выраженіе), но божественнаго духа.

Вторая цѣль моего письма касается предмета обыденнаго, и поэтъ-прорицатель могъ бы по праву прогнѣваться, видя себя до нѣкоторой степени смѣшаннымъ съ толпою царедворцевъ, еслибы сердце не подсказало ему, что въ этомъ видна рука друга. Словомъ, дорогой Жуковскій, жалую вамъ четыреугольную звѣзду съ алмазами Краснаго орла 2-й степени. По статуту ордена, утвержденному королемъ, каждый кавалеръ долженъ пройти всѣ степени ордена. Благоволите, любезный другъ, пройти охотно чрезъ эту переходную ступень.

Высказавъ вамъ все, что нужно, обнимаю васъ еще разъ, въ пріят-

ной надеждѣ, что я часто буду видѣть васъ и что вы никогда не покраснѣете за свою дружбу ко мнѣ. Прощайте. Фридрихъ-Вильгельмъ [1]).

---

[1]) Sans-Souci, 25 juillet 1840.

Cher et excellent ami,

Cette lettre a deux buts qu'il est fort difficile de traiter de concert, mais le peu de moments dont je puis disposer me font une loi de mettre dans un même paquet ce qui d'ailleurs va mal ensemble.

D'abord, le but de cette lettre est: de vous embrasser de mes deux bras et de vous remercier du fond de mon cœur de la lettre sublime en pensées et en style que vous m'avez adressée, cher et tendre ami. Ich habe den Brief mit stürzenden Thränen gelesen. Tout votre noble cœur, toute votre belle âme y est. De toutes les paroles qui doivent honorer la mémoire de mon bienaimé et vénéré père et roi, que j'ai lues dans ce temps, les votres sont sans comparaison les plus belles, les plus éloquentes et les plus dignes, ce sont les paroles d'un vrai poète, c.-a.-d. d'un homme qui prête l'oreille aux inspirations, non de sa digestion (excusez l'expression triviale d'une grande vérité), mais à cette de l'esprit divin.

L'autre but de ma lettre tranche du conventionnel et le poète-prophète se fâcherait de droit, en se voyant en quelque sorte confondu dans une foule de courtisans, si son coeur ne savait distinguer la main de son ami. Enfin, cher Joukowsky, je vous offre l'étoile carrée en diamants de la 2 classe de l'Aigle rouge. D'après les lois de l'ordre, données par le Roi, chaque chevalier doit passer par toutes les zônes de l'ordre. Veuillez, cher ami, entrer de bonne grâce dans cette zône de passage. Ma besogne étant remplie, je vous embrasse encore avec le doux espoir que je vous reverrai souvent et que vous ne rougirez jamais de l'amitié que vous m'avez vouée.

Vale. Frederic-Guillaume.

Петербургъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

(По бумагамъ графа Франца-Габріэля де-Брэ).

III [1]).

Кампанія 1805 года. — Отношеніе императора Александра I къ Пруссіи. — Возвращеніе его въ Петербургъ.—Придворныя интриги.—Пріѣздъ въ Петербургъ герцога Брауншвейгскаго.—Отношеніе къ нему Александра I и общества.—Политическія комбинаціи.

Изъ описанія событій, ознаменовавшихъ собою 1805 г., извѣстно, что въ злополучномъ исходѣ Аустерлицкаго сраженія были виновны главнымъ образомъ русскіе союзники императора Франца I и въ особенности безумное высокомѣріе тѣхъ совѣтниковъ Александра I, которые побудили князя Шварценберга принять сраженіе преждевременно. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, тѣ же самые люди, которые были виновны въ испытанной тяжкой неудачѣ, поспѣшили во всемъ обвинить австрійцевъ и съумѣли представить русскому монарху, что главною причиною пораженія была «измѣна и малодушіе имперскихъ войскъ».

Впослѣдствіи императоръ Александръ, увлекшись, говорилъ въ откровенной бесѣдѣ, что «среди этихъ бездѣльниковъ и измѣнниковъ (австрійцевъ) Стадіонъ былъ однимъ изъ честнѣйшихъ людей». Этого было достаточно для того, чтобы всѣ кружки высшаго русскаго общества

[1]) „Русскую Старину“ мартъ 1902 г.

старались превзойти другъ друга, выказывая свое презрѣніе къ бывшимъ союзникамъ; но относительно того, что слѣдовало дѣлать дальше, т. е. надлежало ли продолжать войну съ Франціей или, по примѣру Австріи, заключить миръ съ Наполеономъ—мнѣнія расходились.

Новосильцовъ и князь А. Чарторыйскій, самые вліятельные изъ лицъ, совѣтовали императору принять участіе въ войнѣ, были не прочь измѣнить свое мнѣніе и сдѣлать попытку къ соглашенію съ Наполеономъ, если это могло быть достигнуто на болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ. Многіе изъ ихъ товарищей высказывались съ самаго начала за необходимость заключить миръ, какъ-то: министръ финансовъ графъ Васильевъ, министръ юстиціи князь Лопухинъ, всегдашній сторонникъ Франціи, министръ торговли, графъ Румянцевъ, бывшій вице-канцлеръ князь Куракинъ и другіе. Къ голосу этихъ лицъ, ратовавшихъ за необходимость заключить миръ, присоединялась иногда и вдовствующая императрица.

Она дѣлала это, разумѣется, не по убѣжденію, такъ какъ всему міру было извѣстно, что дочь Виртембергскаго принца была заклятымъ врагомъ французовъ и революціи,—но изъ желанія играть политическую роль и, примкнувъ «къ оппозиціи», выказать свое вліяніе, которое она не могла проявить инымъ путемъ.

Этому меньшинству можно было противупоставить цѣлую фалангу ярыхъ ненавистниковъ Франціи, коихъ было особенно много въ среднемъ классѣ, гдѣ можно было встрѣтить не однихъ только рѣшительныхъ приверженцевъ «англійской системы». Къ нимъ принадлежали графъ Воронцовъ, морской министръ адмиралъ Чичаговъ и графъ Гурьевъ, многіе генералы и представители торговаго сословія, понимавшіе, что благосостояніе Россіи зависѣло отъ поддержанія добрыхъ отношеній къ Англіи (главной, даже можно сказать единственной потребительницѣ сырыхъ произведеній страны) и наконецъ консервативные сановники, руководствовавшіеся совѣтами сардинскаго и неаполитанскаго посланниковъ де Мэстра и Серра Капріола, услугами которыхъ какъ нельзя лучше умѣла пользоваться англійская дипломатія. Люди, кои не принимали никакого участія въ войнѣ 1805 г. и считали себя приверженцами Екатерины II потому, что они не одобряли участія Россіи въ какихъ бы то ни было «европейскихъ» дѣлахъ, сходились теперь во мнѣніи съ убѣжденными сторонниками войны, которые ставили такъ называемое величіе Россіи выше всякихъ иныхъ соображеній и считали, въ своемъ безумномъ высокомѣріи, что русскимъ ничего не стоило бы побѣдить величайшаго полководца нашего времени, если бы царь серьезно этого захотѣлъ.

Но чего именно хотѣлъ царь, этого никто не зналъ. При тогдашнемъ состояніи русскаго общества вполнѣ понятно, что придворные, дворянство и чиновныя лица считали верхомъ премудрости и высшимъ про-

явленіемъ патріотизма угадать мысли его величества. Поэтому возвращенія императора изъ его продолжительнаго путешествія, которое затянулось нѣсколько мѣсяцевъ, ожидали съ напряженнымъ вниманіемъ, которое возростало съ каждымъ днемъ и, наконецъ, перешло въ настоящее лихорадочное нетерпѣніе.

Императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ потерпѣлъ неудачу, кратчайшимъ путемъ, не заѣхавъ даже въ прусскую столицу. Уже не говоря объ его неудовольствіи по поводу того, что Пруссія не только не приняла участія въ походѣ 1805 г., но даже ставила всевозможныя препятствія русскому войску при его прохожденіи въ Австрію, на это рѣшеніе императора имѣли вліяніе также соображенія политическаго свойства.

Александръ, склоняясь къ тому, чтобы прекратить войну, которую не одобряли многіе его совѣтники и большинство населенія, и, находя нужнымъ «подумать о самомъ себѣ и о своихъ интересахъ» (какъ онъ выразился 5-го декабря въ разговорѣ съ императоромъ Францомъ въ Колычѣ), не могъ дать королю Фридриху-Вильгельму III никакого совѣта или изложить ему какую-либо опредѣленную программу до тѣхъ поръ, пока военныя дѣйствія противъ Франціи не прекратились. Впрочемъ, у императора и не было никакого опредѣленнаго плана. Зная лишь то, чего онъ не хотѣлъ дѣлать, Александръ не имѣлъ опредѣленнаго мнѣнія относительно того, слѣдовало ли заключить миръ съ Франціей или же слѣдовало оставить этотъ вопросъ нерѣшеннымъ.

Поэтому онъ предоставилъ королю прусскому придти съ Франціей къ какому-либо соглашенію, не обращая вниманія на Россію, и этимъ далъ графу Гаугвицу возможность послѣдовать своимъ миролюбивымъ стремленіямъ, чѣмъ прусскій министръ и воспользовался, заключивъ съ уполномоченнымъ Наполеона, Дюрокомъ, предварительныя условія мира 15-го декабря 1805 г.

Въ то время какъ дѣла находились въ столь неопредѣленномъ положеніи, которое не могло, разумѣется, поднять значеніе Россіи, Александръ возвратился въ свою столицу, побѣдителемъ. Въ бумагахъ графа де-Брэ сохранилась копія съ одного интереснаго и до сихъ поръ не обнародованнаго донесенія, повѣствующаго о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ состоялось возвращеніе императора, и о внѣшнихъ проявленіяхъ, коими оффиціальная и придворная Россія и приближенные монарха выразили свое удовольствіе по поводу его возвращенія (какъ полагали на всегда), и по поводу того, что онъ не будетъ долѣе подчиняться иноземному вліянію. Авторомъ этого донесенія былъ аккредитованный въ Петербургѣ въ теченіе многихъ лѣтъ баварскій повѣренный въ дѣлахъ ф. Ольри, который исполнялъ должность уѣхавшаго въ отпускъ ф. Пота и былъ хорошо знакомъ съ тамошними «отношеніями». Какъ искренній

другъ Франціи, не скрывавшій своихъ симпатій къ «союзнику своего монарха (курфюрста, а съ 1-го января 1806 г. короля баварскаго), Макса Іосифа, и поэтому радостно привѣтствовавшій первые признаки сближенія Пруссіи съ Франціей, Ольри находился въ Петербургѣ не въ особенно пріятномъ положеніи. Сторонники Англіи и патріоты, смотрѣвшіе неодобрительно на всякое вмѣшательство Россіи въ западноевропейскія дѣла, видѣли въ немъ адвоката французскихъ интересовъ, отъ котораго они были не прочь отдѣлаться,—ихъ желаніе исполнилось лѣтомъ слѣдущаго года (1806 г.), когда Ольри получилъ приказаніе оставить Россію. Но пока онъ находился на своемъ посту Ольри, умѣлъ быть наблюдательнымъ и доносилъ своему двору обо всемъ совершавшемся на берегахъ Невы настолько подробно, насколько это было возможно при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Въ первой изъ трехъ записокъ, посланныхъ имъ въ Мюнхенъ съ декабря мѣсяца 1805 г. по май мѣсяцъ 1806 г., онъ писалъ между прочимъ по поводу возвращенія Александра въ Петербургъ:

«Съ возвращеніемъ молодаго монарха наступила новая эра для всѣхъ лицъ, желающихъ войны или мира, для всѣхъ сторонниковъ и недоброжелателей министровъ, для вдовствующей и для царствующей императрицы и ихъ соперницъ. Обѣ императрицы выѣхали его величеству навстрѣчу въ Гатчину; императрица-мать не только для того, чтобы увидѣть и обнять своего сына, но въ тайной надеждѣ вернуть нѣкоторую долю своего померкшаго политическаго вліянія и значенія, а царствующая императрица—съ скромнымъ желаніемъ вернуть любовь своего высочайшаго супруга.

Изъ придворныхъ дамъ однѣ признавали за собою права на благосклонность императора, другія возлагали надежды на прежнія отношенія, наконецъ, третьи разсчитывали на новыя побѣды, и среди нихъ началось соревнованіе по поводу того, кто выкажетъ наиболѣе патріотической радости; при этомъ въ одинаковой степени были задѣты любовь, низкопоклонство, самолюбіе и тщеславіе.

Г-жа Кочубей [1]), года два передъ тѣмъ привлекшая на короткое время взоры императора, и Воронцовы смѣшались съ ранняго утра въ толпу, желая выказать этимъ преданность, которая давала право быть замѣченной и вознагражденной.

Одна изъ Чернышевыхъ помѣстилась во дворцѣ, въ корридорѣ, чтобы поцѣловать императору, когда онъ будетъ проходить мимо, платье и плечо,—а г-жа Нарышкина [2]), которая могла гордиться особымъ бла-

[1]) Супруга министра внутреннихъ дѣлъ, князя Виктора Павловича Кочубея.

[2]) Марія Антоновна Нарышкина, рожденная княжна Четвертинская, † 1823 г.

воленіемъ, была настолько самоувѣренна, что стала ожидать, что императоръ самъ посѣтитъ ее. Во время вынужденной разлуки ей служила утѣшеніемъ переписка, которая пересылались съ особыми курьерами. Соперничество этихъ дамъ продолжалось и вечеромъ, когда онѣ старались превзойти другъ друга во время иллюминаціи аллегорическими транспарантами, устроенными возлѣ ихъ домовъ. Это послѣднее заставило потрудиться надъ сочиненіемъ надписей для нихъ многихъ славившихся своимъ умомъ жителей столицы. У г-жи Кочубей горѣлъ вензель государя съ надписью: «Царю и отечеству», г-жа Нарышкина избрала имя «Александръ» съ надписью: «au bienfaiteur du monde» (благодѣтелю міра) и хотя эта надпись подала поводъ къ злымъ шуткамъ, но она одержала блестящую побѣду. Императоръ, тотчасъ послѣ пріѣзда, посѣтилъ г-жу Нарышкину. На другой день она заболѣла—разумѣется, отъ избытка радостныхъ чувствъ; какъ извѣстно, императоръ давалъ очаровательной больной собственноручно прописанное врачемъ лѣкарство.

До тѣхъ поръ отношенія монарха къ очаровательной полькѣ были окружены тайною, какъ того требовало уваженіе къ скромной и добродѣтельной императрицѣ. Но со времени его возвращенія г-жа Нарышкина не скрываетъ болѣе оказываемое ей вниманіе: тотъ, кто дорожитъ своимъ положеніемъ, долженъ быть у ея ногъ.

О занятіи дѣлами, прерванными продолжительнымъ отсутствіемъ императора, при подобныхъ обстоятельствахъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Къ рѣшенію важнѣйшаго вопроса о томъ, будетъ ли Россія продолжать войну съ Франціей или начнетъ переговоры о мирѣ, до конца года даже не было приступлено. За то, по словамъ г. Ольри, начались всевозможныя интриги, направленныя противъ Чарторыйскаго, Новосильцова и Строганова. Трудно сказать, были ли эти интриги вызваны воинственными или миролюбивыми стремленіями. Порицать военныя дѣйствія и тѣхъ, кто ими руководилъ, не исключая великаго князя Константина Павловича, вошло въ моду; но главнымъ образомъ, интересъ сосредоточивался на личностяхъ; при этомъ между ними и интересовавшими всѣхъ политическими вопросами не проводилось никакой параллели, не дѣлалось никакого сопоставленія. Даже такіе неспособные люди, какъ министръ юстиціи князь Лопухинъ, писали записки, въ которыхъ они указывали грубыя ошибки, сдѣланныя ихъ тремя коллегами, но никто не хотѣлъ высказаться опредѣленно о томъ, какой политик[illegible] слѣдовало держаться впредь относительно желаній императора. Бы[illegible] извѣстно одно: онъ говорилъ неоднократно, что не хочетъ разстаться со своими «друзьями», т. е. съ княземъ Чарторыйскимъ, Новосильцовымъ и Строгановымъ, противъ которыхъ были направлены нападки общества, но не было рѣшительно никакихъ данныхъ, по кото-

рымъ можно было бы составить себѣ понятіе о намѣреніяхъ монарха.

Считалось весьма знаменательнымъ, что при представленіи новой пьесы «Le mariage d'Aubigné» его величество громко выражалъ свое одобреніе при каждой тирадѣ героя пьесы д'Обиньэ о преданности и твердости характера молодаго короля (Генриха IV).

Слѣдующее донесеніе Ольри писано въ исходѣ февраля 1806 г. Съ мѣсяцъ передъ тѣмъ на засѣданіи совѣта министровъ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ императора, было рѣшено начать съ Наполеономъ переговоры о мирѣ и въ то же время поддерживать союзъ съ Англіей (Питтъ скончался уже по принятіи этого рѣшенія 26-го января 1806 г.), быть въ возможно дружескихъ отношеніяхъ съ Портою и удержать Пруссію отъ принятія сдѣланныхъ ей Франціею предложеній заключить миръ. Теперь, когда Россія со своей стороны хотѣла сдѣлать попытку войти въ «соглашеніе» съ Наполеономъ, было забыто то обстоятельство, что Александръ, всего нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, писалъ королю Фридриху-Вильгельму III, чтобы онъ по мѣрѣ возможности пришелъ къ какому-нибудь соглашенію съ Франціей. Императоръ самъ энергичнѣе всѣхъ высказался за необходимость заключить миръ; къ его мнѣнію присоединились министры, впрочемъ не безъ нѣкотораго колебанія. «Къ сожалѣнію,—пишетъ Ольри,—императоръ не обладаетъ тою твердостью характера, которая была бы ему необходима, если бы онъ хотѣлъ управлять самъ. Онъ возвратился изъ Аустерлица съ отвращеніемъ къ войнѣ и ко всѣмъ ея ужасамъ, а въ настоящее время любовь повидимому упрочила его въ этихъ взглядахъ, благопріятныхъ для человѣчества и мира. Г-жа Нарышкина постоянно твердитъ монарху, что она «надѣется имѣть его возлѣ себя и болѣе не потерять»; этими же словами привѣтствовала своего сына и вдовствующая императрица».

Упомянувъ о томъ, что положеніе министра Чарторыйскаго, Новосильцова и Строганова упрочилось, повидимому, болѣе чѣмъ когда-либо, и что даже вдовствующая императрица, относившаяся къ нимъ обыкновенно враждебно, стала благосклоннѣе и что сенаторъ Трощинскій, явясь къ императору съ новыми жалобами на «тріумвировъ», услышалъ отъ него рѣзкое замѣчаніе, Ольри продолжаетъ:

«По мѣрѣ того какъ вліяніе г-жи Нарышкиной на императора возростаетъ, «тріумвиры» начинаютъ ухаживать за ней и искать въ ней поддержки».

Касаясь вопроса о политикѣ, Ольри былъ того мнѣнія, что миръ, не смотря на всѣ старанія, не удастся заключить, что общественное мнѣніе было противъ него. Свое мнѣніе онъ основывалъ на двухъ обстоятельствахъ: на нескрываемой антипатіи Чарторыйскаго къ Пруссіи и его симпатіи къ Австріи и на возраставшемъ въ Россіи недовольствѣ,

которымъ императоръ не рѣшился пренебречь. Высказывая все болѣе и болѣе открыто свои симпатіи къ Австріи, Чарторыйскій такъ тщательно избѣгалъ встрѣчи съ прибывшимъ въ Петербургъ, по порученію Фридриха-Вильгельма III герцогомъ Брауншвейгскимъ, что даже не бывалъ на придворныхъ обѣдахъ, на которые приглашался герцогъ. Самымъ заклятымъ врагомъ Пруссіи была мать Чарторыйскаго (Изабелла, рожденная графиня Флемминги, † 1835 г.), которая не могла забыть, что передъ послѣднимъ раздѣломъ Польши она валялась въ ногахъ у маркиза Луккезини, моля его о томъ, чтобы Пруссія поддержала избраніе ея сына (впослѣдствіи министра) на польскій престолъ. Сближенію съ Пруссіей не сочувствовалъ также Новосильцовъ; антипрусскія чувства были такъ сильны въ обществѣ, что даже предупредительность Александра къ герцогу Брауншвейгскому не могла сдержать ихъ проявленія.

«Въ тотъ день,— пишетъ Ольри,—когда герцогъ пріѣхалъ въ Петербургъ и долженъ былъ присутствовать въ театрѣ, директоръ императорскихъ театровъ, Нарышкинъ, поставилъ, по просьбѣ своего брата, «Тартюфа». Креатуры Австріи и другіе недоброжелательные люди, старавшіеся противодѣйствовать успѣху возложенной на герцога миссіи, хотѣли показать этимъ, что этотъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойный принцъ былъ не болѣе, какъ фразеръ! Въ тотъ моментъ, когда герцогъ вошелъ въ царскую ложу, присутствующіе громко привѣтствовали его, полагая, что появилась царская фамилія. Когда же увидѣли, что въ ложу вошли только герцогъ, его свита, графъ Гольцъ [1]) и сопровождавшій ихъ Нарышкинъ, то со всѣхъ сторонъ раздалось довольно громкое «шиканье». Тѣ же, кои недоумѣвали, что бы это могло значить, поняли, въ чемъ дѣло при слѣдующихъ заключительныхъ словахъ полицейскаго Орлову:

„Remettez vous Monsieur d'une alarme aussi chaude,
Nous vivons sous un prince, ennemi de la fraude,
Un prince dont les yeux se font jour dans lescoeurs
Et que ne peut tromper tout l'art des imposteurs“ [2]).

Раздались громкія и единодушныя рукоплесканья.

«Императоръ и великій князь вполнѣ чистосердечны, оказывая любезность герцогу, но приближенныя монарха вліятельныя лица преслѣдуетъ цѣли, явно враждебныя ему. Мнѣ извѣстно, что втайнѣ пускаются въ ходъ всевозможные происки для того, чтобы Алопеусъ былъ отозванъ со своего поста изъ Берлина и чтобы на его мѣсто былъ назначенъ кто-либо иной. Алопеусъ едва-ли не единственный дипломатическій представитель Россіи за границею, который пользуется славою

[1]) Прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ, р. 1747 † 1818 г.

[2]) Не бойтесь, сударь, ничего: бѣда прошла. Для короля стало очевидно, что вы обмануты жестоко и безстыдно и т. д.

человѣка безпристрастнаго и снискалъ въ Берлинѣ всеобщее уваженіе и расположеніе своимъ образомъ дѣйствій и своими прекрасными принципами (которые считаются здѣсь, разумѣется, «слѣпой преданностью»). Не знаю, будетъ ли онъ въ состояніи устоять противъ угрожающей ему бури; во всякомъ случаѣ это будетъ ему не легко.

Если таковы тайныя цѣли, которыя эта партія преслѣдуетъ противъ Пруссіи, то едва-ли нужно говорить о чувствахъ, какія питаетъ она противъ насъ (Баваріи). А между тѣмъ въ числѣ людей, кои держатъ себя подобнымъ образомъ, есть лица, выказывающія особое довѣріе генералу Меерфельду [1]). Въ этомъ случаѣ министры и придворные держатъ себя совершенно различно, что̀ составляетъ явленіе весьма любопытное въ этомъ мірѣ царедворцевъ. Многія высокопоставленныя лица не отдали визита австрійскому генералу и оставили безъ вниманія карточки, которыя онъ завозилъ имъ два раза. Къ числу ихъ принадлежитъ графъ (Алексѣй) Орловъ, который, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, не отдалъ австрійскому консулу визита; точно также поступилъ по отношенію меня въ Новый годъ графъ Шуваловъ [2]). Меерфельдъ, къ которому всѣ отнеслись весьма холодно, былъ принятъ особенно нелюбезно министромъ Гурьевымъ [3]) и Волконскимъ».

Герцогъ Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ Брауншвейгскій пріѣхалъ въ Петербургъ 31-го января 1806 г., чтобы *выяснить* причины, побудившія короля Фридриха-Вильгельма III вступить съ Франціей въ сношенія, которыя привели 15-го февраля къ заключенію союзнаго договора. Горячность, съ какою Ольри говоритъ въ своемъ донесеніи о герцогѣ, отождествляя интересы Пруссіи съ интересами своей страны, даетъ поводъ думать, что баварскій резидентъ былъ вполнѣ освѣдомленъ съ миссіей, возложенной на герцога Брауншвейгскаго, но ему не было повидимому извѣстно, что герцогу было сверхъ того поручено оправдать образъ дѣйствій Пруссіи и въ особенности занятіе Ганновера «силою обстоятельствъ» и подготовить заключеніе союза между Пруссіей и Россіей для совмѣстнаго дѣйствія противъ Наполеона. Пребываніе герцога въ Петербургѣ затянулось нѣсколько мѣсяцевъ. Ольри былъ совершенно правъ, говоря, что между взглядами руководящихъ сферъ Петербурга и любезностью, съ какою дворъ относился къ прусскому посланнику, не было ничего общаго; что господствовавшее въ войскѣ недовольство было вызвано тѣмъ духомъ «капральства» (korporalismus), который поддерживали въ немъ императоръ и великій князь и который

[1]) Генералъ Меерфельдъ, посланный въ Петербургъ австрійскимъ правительствомъ съ дипломатическимъ порученіемъ, считался отъявленнымъ врагомъ Франціи.

[2]) Графъ Павелъ Шуваловъ † 1823 г.

[3]) Министръ удѣловъ, съ 1810—1823, министръ финансовъ.

былъ главною причиною пораженія подъ Аустерлицемъ, и что, вслѣдствіе этого недовольства, императору было бы трудно въ надлежащій моментъ стать на сторону безусловныхъ сторонниковъ мира.

Въ своей третьей и послѣдней запискѣ, написанной въ началѣ мая 1806 г., Ольри сообщаетъ многія отдѣльныя подробности о переговорахъ, которые поглощали въ то время вниманіе Европы, но не описываетъ всего хода этихъ переговоровъ.

Въ первой половинѣ 1806 г. еще не было ровно ничего сдѣлано для осуществленія принятаго уже въ это время рѣшенія сдѣлать попытку къ соглашенію съ Наполеономъ для заключенія мира. Бывшій глава оппозиціи и партіи виговъ, въ англійской палатѣ общинъ, которая желала заключенія мира, Чарльзъ-Джемсъ Фоксъ, сталъ въ январѣ мѣсяцѣ 1806 г. во главѣ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, осиротѣвшаго со смертью Питта. По существовавшему въ Россіи убѣжденію, котораго держался въ особенности Чарторыйскій, это обезпечивало возможность заключенія англо-французскаго мирнаго договора и давало Россіи случай приступить совмѣстно съ великобританскимъ кабинетомъ къ переговорамъ о мирѣ. Императоръ считалъ совмѣстное дѣйствіе съ Англіей самымъ благопріятнымъ рѣшеніемъ вопроса, но Чарторыйскій хотѣлъ предупредить англичанъ и такъ съумѣлъ настоять на своемъ, что составленіе инструкцій для русскихъ уполномоченныхъ было поручено ему, и онъ могъ придать имъ двоякое значеніе. Уполномоченнымъ для переговоровъ былъ избранъ бывшій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, статскій совѣтникъ Убри, но такъ какъ намѣренія Фокса все еще не были выяснены, то отъѣздъ Убри замедлился и дѣло оставалось нерѣшеннымъ вплоть до іюля мѣсяца.

Записка Ольри была написана въ это именно неопредѣленное время; онъ касается въ ней почти исключительно двухъ пунктовъ: постоянно возроставшаго недовольства администраціей и усиленія вліянія и дѣятельности англійской партіи. Ревностный сторонникъ Франціи, Ольри не находитъ довольно сильныхъ выраженій, чтобы изобразить тогдашнее положеніе Россіи и опасность, угрожавшую будущности этого государства и ея монарха. Несомнѣнно, что недовольство дѣйствительно было всеобщее, что причинъ къ этому было вполнѣ достаточно и что подъ скипетромъ гуманнаго и нерѣшительнаго молодаго императора злоупотребленія администраціи и лихоимства возрасли до чрезвычайныхъ размѣровъ по сравненію съ предъидущими царствованіями.

Весьма характерно, что самыя серьезныя и тяжкія обвиненія, предъявляемыя баварскимъ уполномоченнымъ въ дѣлахъ къ нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ, основаны имъ на свидѣтельствѣ высшихъ сановниковъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ, и что эти «хорошо освѣдомленные люди» высказывали о своихъ коллегахъ и сотрудни-

кахъ еще болѣе рѣзкія сужденія, нежели иностранный наблюдатель, который передаетъ только факты, сдѣлавшіеся всѣмъ извѣстными гораздо позже.

Донесеніе Ольри начинается описаніемъ серьезныхъ неудачъ, понесенныхъ русской политикой въ Азіи, неудавшейся миссіи въ Японію и Китай, Резанова и графа Головкина и печальнаго исхода такъ много обѣщавшей вначалѣ экспедиціи князя Циціанова въ Персію и союзныхъ съ нею пограничныхъ закавказскихъ племенъ, отъ которой ожидали блестящихъ результатовъ. Затѣмъ онъ разражается страстной филиппикой противъ графа Разумовскаго и нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ (ссылаясь на свидѣтельство «свѣдущихъ людей», въ особенности директора канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ Оберта), коихъ обвиняетъ въ подкупѣ со стороны Австріи и Англіи.

«Если принять во вниманіе великодушіе русскаго правительства относительно графа Стадіона [1]), говоритъ Ольри, то можно подумать, что Россія хотѣла попытаться отплатить вѣнскому двору за его подкупъ тою же монетою. Помимо роскошныхъ подарковъ, сдѣланныхъ императоромъ ему (Стадіону) и его женѣ, его величество приказалъ пріобрѣсти за непомѣрно высокую цѣну бывшія въ домѣ этого посланника картины, вина и съѣстные припасы. Подобныя же предложенія были сдѣланы въ очень деликатной формѣ княземъ Чарторыйскимъ графу фонъ-деръ-Гольцу, который былъ очень стѣсненъ деньгами и даже много задолжалъ, но Гольцъ отвергъ ихъ со свойственной ему безупречной честностью.

«Коль скоро зашла рѣчь о представителяхъ иностранныхъ державъ, кстати будетъ упомянуть, что маркизъ де-ла-Мезонфортъ [2]) былъ назначенъ на несуществовавшій до тѣхъ поръ постъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при дворѣ его высочества герцога Брауншвейгскаго. Судя по тому, что мнѣ говорили, подъ этимъ скрывалась тайная мысль учредить нѣкотораго рода контроль надъ русскимъ посольствомъ въ Берлинѣ. Считаютъ возможнымъ что Аполеусъ, удержится на своемъ посту, и въ настоящее время, когда французское вліяніе возрастаетъ, въ сѣверной Германіи хотятъ имѣть въ распоряженіи человѣка, который могъ бы наблюдать за сосѣдними дворами, могъ бы получать, благодаря своимъ связямъ во Франціи, точныя свѣдѣнія изъ этой страны и въ случаѣ надобности могъ бы быть центромъ политическихъ интригъ,

[1]) Графъ Іоганъ-Филиппъ-Карлъ-Іосифъ Стадіонъ, назначенный послѣ заключенія Прессбургскаго міра австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ въ 1804 и 1805 г. посланникомъ въ Петербургѣ (р. 1763†1824).

[2]) Маркизъ де-ла-Мезонфортъ былъ образованный эмигрантъ, владѣвшій перомъ, съумѣвшій снискать благоволеніе императора и такъ называемаго тріумвирата вышеупомянутой исторической драмой „Le mariage d'Aubigné“.

отъ коихъ нѣкоторые люди все еще не отказались. Г. де-Мезонфортъ распространилъ слухъ, что онъ другъ герцога Брауншвейгскаго, въ столицѣ коего онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, и далъ понять министерству, что чрезъ посредство герцога, пользующагося большимъ уваженіемъ въ Пруссіи и у короля, можно будетъ вліять на берлинскій кабинетъ, противодѣйствовать вліянію Франціи въ Берлинѣ и имѣть точку опоры».

Затѣмъ Ольри переходитъ ко внутреннему состоянію Россіи. «Слабость характера императора такъ ясно обнаружилась въ теченіе его слишкомъ пятилѣтняго правленія, говоритъ онъ,—что она вызываетъ неудовольствіе въ войскѣ. Придворные, хорошо изучивъ его, злоупотребляютъ его добротою. Изъ всѣхъ ходячихъ по этому поводу разсказовъ особенно любопытенъ и характеренъ нижеслѣдующій. Императоръ былъ недоволенъ пріѣхавшимъ недавно въ Петербургъ изъ Смоленской губерніи княземъ Борисомъ Голицынымъ и вопреки обычаю не пригласилъ его къ обѣду. Князь явился однако въ обѣденное время въ зало, гдѣ собирались приглашенные. Когда о немъ доложили, то императоръ приказалъ гофмаршалу графу Толстому спросить, что ему угодно. Князь отвѣчалъ, что онъ пріѣхалъ къ обѣду, полагая, что слѣдуемое ему по чину приглашеніе не было послано по недоразумѣнію. Монархъ, чрезвычайно этимъ разсерженный, приказалъ гофмаршалу удалить нахала, но Толстой, не имѣвъ ни малѣйшаго желанія нажить себѣ изъ-за мимолетнаго гнѣва его величества врага въ лицѣ представителя вліятельнаго рода, просилъ уволить его отъ этого непріятнаго порученія. Тогда императоръ приказалъ ему позвать петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, «у котораго,—сказалъ онъ,—хватитъ вѣроятно смѣлости исполнить это приказаніе». Такъ какъ губернаторъ также высказалъ нѣкоторое колебаніе и сказалъ, что это было бы слишкомъ большимъ униженіемъ для Голицына, то Александръ уступилъ и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ сѣлъ за столъ. Голицынъ также сѣлъ за столъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, и добрый монархъ считалъ его достаточно наказаннымъ тѣмъ, что онъ не говорилъ съ нимъ и что онъ обратился къ сосѣду Голицына съ нѣсколькими ядовитыми замѣчаніями относительно послѣдняго.

Опуская рядъ фактовъ, которые Ольри приводитъ въ доказательство подкупности чиновниковъ, остановимся на одномъ примѣрѣ:

«Почтовый чиновникъ, получающій заграничную корреспонденцію, разсказывалъ, мнѣ безъ малѣйшаго стыда,—пишетъ онъ,—что онъ получаетъ ежегодно 20.000 рублей отъ петербургскаго купечества. Если что-либо подобное можетъ происходить, такъ сказать, на глазахъ у монарха, то можно себѣ представить, что дѣлается въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ».

«Когда о таковыхъ вещахъ заходитъ рѣчь, то русскіе объясняютъ ихъ слабостью и гуманностью императора и воспитаніемъ, которое онъ получилъ. Я не зналъ лично Лагарпа, но знаю, что принципы, внушенные имъ своему воспитаннику, не подходили къ тому призванію, къ которому онъ былъ предназначенъ судьбою. Александръ былъ совершенно чуждъ своей странѣ.

«Когда я вспоминаю начало его царствованія и сравниваю его съ теперешнимъ положеніемъ, то я не вѣрю своимъ глазамъ. Когда были учреждены министерства, увеличены права Сената и министры сдѣланы до нѣкоторой степени отвѣтственными, и всѣ эти гуманныя распоряженія исходили непосредственно отъ престола и даже былъ поднятъ вопросъ о мѣрахъ, клонившихся къ отмѣнѣ крѣпостнаго права, то можно было подумать, что Александръ хотѣлъ устроить свою обширную монархію, населенную по большей части варварами(!), по образцу Аѳинской республики(?). Въ то время онъ проводилъ вечера въ дружеской бесѣдѣ съ Лагарпомъ, съ которымъ онъ постоянно совѣтовался и коего слушалъ, подобно тому, какъ ученики божественнаго Платона слушали своего учителя. Когда, пріѣхавъ сюда, я обратилъ вниманіе на сдѣланныя нововведенія и на разницу, существовавшую между ними и прежними правительственными принципами, то одинъ престарѣлый русскій сановникъ сказалъ мнѣ:

— Видно, что вы еще не знаете нашей страны; годика черезъ два все это забудется и измѣнится.

«Такъ оно и случилось на самомъ дѣлѣ.

«Императоръ бываетъ иногда вспыльчивъ и упрямъ, считая, что онъ проявляетъ этимъ свою власть, и гордясь этимъ; но его знаютъ и умѣютъ воспользоваться другимъ моментомъ, чтобы добиться отъ него подъ другимъ видомъ того, чего хотятъ».

При такомъ положеніи дѣлъ надежды на заключеніе франко-русскаго союза были не блестящи. Ольри говоритъ объ этомъ слѣдующее:

«Англійская партія пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе вліянія, такъ что императору будетъ трудно побороть ее, если онъ когда-либо пойметъ опасность, какою она можетъ угрожать. Англійское посольство умѣетъ привлечь къ себѣ молодыхъ людей, кои имѣютъ вліяніе и значеніе въ политикѣ, и проявляетъ не свойственное ему обыкновенно гостепріимство. Тотъ, кто держитъ сторону этой партіи, встрѣчаетъ со стороны англійскаго посольства самый радушный пріемъ, прочихъ же встрѣчаютъ такъ, что у нихъ пропадаетъ охота пріѣхать вторично. Особенно бросается въ глаза близость къ этой партіи Меерфельда; его можно постоянно встрѣтить въ обществѣ членовъ англійскаго посольства, подобно тому, какъ нѣкогда графа Стадіона. Въ императорскомъ дворцѣ Англія имѣетъ вліяніе чрезъ нѣкоторыхъ врачей, которые извѣстны не столько своимъ

профессіольнымъ искусствомъ, сколько ловкостью къ интригамъ и умѣніемъ воспользоваться всякимъ обстоятельствомъ. Особенно отличается въ этомъ отношеніи Роджерсонъ. Онъ ѣздитъ часто въ Англію за новыми инструкціями и умѣетъ всегда быть во-время на мѣстѣ. Трудно себѣ представить, какъ враждебно относятся эти лица къ доктору Франку; его громкая извѣстность, неутомимая дѣятельность и умѣніе держать себя ставили его до сихъ поръ выше интригъ и клеветы».

Событія, случившіяся вскорѣ послѣ отправленія этого донесенія, доказали полную справедливость всего сказаннаго Ольри. По желанію императора, Убри былъ посланъ въ началѣ іюля въ Парижъ, гдѣ онъ заключилъ, по настоянію Талейрана, предварительный мирный договоръ. Возвратясь въ Петербургъ, Убри нашелъ въ столицѣ большія перемѣны Чарторыйскій, давшій ему инструкціи, которыя были составлены въ такомъ смыслѣ, что имъ могло быть придано различное истолкованіе относительно заключенія отдѣльнаго мира между Россіей и Франціей, оставилъ свой постъ а его преемникъ добился отмѣны заключеннаго предварительнаго договора и не одобрилъ всего сдѣланнаго Убри.

Рѣшительность, съ какою баронъ Будбергъ сталъ на сторону Англіи, поразила не только Чарторыйскаго, но даже и тѣхъ, кои хлопотали о его назначеніи.

Ольри, который (по его словамъ), не смотря на личное благоволеніе къ нему великаго князя Константина Павловича и дружескія отношенія къ Чарторыйскому, былъ постоянно окруженъ шпіонами, былъ вынужденъ покинуть Петербургъ въ 1806 г. Его донесенія попали, кажется, не въ надлежащія руки; кромѣ того онъ возстановилъ противъ себя многихъ своей любовью къ интригамъ и своимъ экцентрическимъ поведеніемъ. Ревностный приверженецъ Франціи и поклонникъ либеральныхъ и просвѣщенныхъ принциповъ, Ольри сдѣлался со временемъ такимъ отчаяннымъ реакціонеромъ и ультрамонтаномъ, что Швейцарскій Союзъ, при которомъ онъ былъ аккредитованъ во время реставраціи, считалъ его врагомъ швейцарской независимости, и ему угрожала опасность вторично быть удаленнымъ съ поста дипломатическаго агента.

Де-Брэ находился въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ Ольри только во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ. Въ дипломатическомъ мірѣ и въ особенности въ кругу аккредитованныхъ въ Берлинѣ дипломатовъ придавали извѣстное значеніе донесеніямъ баварскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, такъ какъ ихъ считали правдивыми и заслуживающими довѣрія. Поэтому-то, вѣроятно, де-Брэ и старался возстановить въ Петербургѣ репутацію нужнаго человѣка и обращался съ этой цѣлью къ Чарторыйскому и другимъ вліятельнымъ лицамъ, но всѣ его старанія были безуспѣшны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Московскій университетъ въ 1826 году.

I.

Предписаніе начальника Главнаго штаба Дибича флигель-адъютанту полковнику гр. Строганову.

17-го апрѣля 1826 г., № 724.

Дошло до свѣдѣнія государя императора, что между воспитанниками Московскаго университета, а наипаче принадлежащаго къ оному Благороднаго пансіона, господствуетъ неприличный образъ мыслей. Вслѣдствіе чего высочайше мнѣ повелѣно поручить вашему сіятельству, на возвратномъ пути вашемъ изъ Костромы, чрезъ Москву, обратить вниманіе на профессоровъ, учителей и наставниковъ тамошняго университета и Благороднаго пансіона, разсмотрѣвъ въ особенности:

1) не кроется ли чего вреднаго для существующаго порядка вещей и противнаго правиламъ гражданина и подданнаго, въ системѣ учебнаго преподаванія наукъ?

2) Каково нравственное образованіе юныхъ питомцевъ и доказываетъ ли оно благонамѣренность самихъ наставниковъ, ибо молодые люди обыкновенно руководствуются внушаемыми отъ назидателей своихъ правилами.

Препровождаемое у сего письмо на имя попечителя Московскаго университета генералъ-маіора Писарева, ваше сіятельство отдадите ему, по пріѣздѣ вашемъ въ Москву; копія съ онаго прилагается при семъ же къ собственному вашему свѣдѣнію.

II.

Письмо И. Дибича Александру Александровичу Писареву.

17-го апрѣля 1826 г., № 725.

Государь императоръ, желая до прибытія своего въ Москву, имѣть ближайшія свѣдѣнія о всѣхъ знаменитыхъ заведеніяхъ древней столицы, соизволилъ мнѣ повелѣть, между прочимъ, предписать флигель-адъютанту полковнику графу Строганову, по случаю проѣзда его чрезъ Москву, на возвратномъ пути изъ Костромы, осмотрѣть Московскій университетъ и принадлежащій къ нему Благородный пансіонъ.

Увѣдомляя ваше превосходительство о сдѣланномъ мною, въ слѣдствіе высочайшей воли, порученіи графу Строганову, имѣю честь быть и проч.

Россія и Англія въ Афганистанѣ.

(Изъ записокъ фельдмаршала лорда Робертса) [1]).

II.

Когда извѣстіе о звѣрскомъ убійствѣ капитана Каваньяри и прочихъ членовъ англійскаго посольства подтвердилось, то индійское правительство рѣшило двинуть въ Афганистанъ, со всевозможною поспѣшностью, войска, чтобы отомстить афганцамъ за ихъ вѣроломный поступокъ. Командующимъ этимъ войскомъ былъ назначенъ Робертсъ.

Между тѣмъ, вице-королемъ Индіи были получены письма отъ эмира Якубъ-хана, въ которыхъ, описывая совершившееся трагическое происшествіе и разгромъ, учиненный въ Кабулѣ мятежниками, которые осаждали даже его дворецъ, онъ просилъ у индійскаго правительства совѣта и помощи. Хотя въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ увѣрялъ въ своей преданности и дружескихъ чувствахъ къ Англіи, но по полученнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что въ то же время имъ были посланы изъ Кабула, къ сосѣднимъ племенамъ, эмиссары, съ цѣлью побудить ихъ оказать сопротивленіе англичанамъ въ ихъ движеніи къ Афганистану. Не допуская того, что убійство посла совершилось по наущенію Якубъ-хана, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что имъ не были приняты мѣры предупрежденія этого печальнаго событія и что онъ дѣйствовалъ, вообще, неискренно.

Въ самомъ дѣлѣ, Якубъ-ханомъ были пущены въ ходъ всѣ средства для того, чтобы задержать войско, шедшее подъ начальствомъ Робертса,

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1902 г.

и убѣдить его предоставить афганскимъ властямъ самимъ наказать мятежниковъ. Съ этою цѣлью имъ даже были посланы къ Робертсу, для переговоровъ, его довѣренные Мустафа-ханъ и Вазиръ-шахъ. Когда они ничего не добились отъ англійскаго генерала, то Якубъ рѣшилъ самъ повидаться съ нимъ, и 27-го сентября, Робертсъ, на пути къ Кабулу, получилъ чрезвычайно смутившее его извѣстіе, что Якубъ-ханъ прибылъ въ Куши. Съ нимъ находились: его сынъ Муза-ханъ, юноша лѣтъ семнадцати, его тесть, главнокомандующій афганской арміей Даудъ-шахъ, свита, состоявшая изъ 45 человѣкъ, и конвой въ 200 человѣкъ.

«Нельзя сказать, чтобы первое впечатлѣніе, произведенное эмиромъ, было особенно благопріятное,—пишетъ Робертсъ.—Это былъ мужчина, лѣтъ тридцати двухъ, самой заурядной наружности, съ низкимъ, убѣгавшимъ назадъ, лбомъ и головою конической формы; онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, лишеннаго той твердости характера, при отсутствіи которой, нечего было и думать управлять страною, и держать въ повиновеніи воинственное и непокорное населеніе Афганистана. Взглядъ у него былъ лукавый, онъ не могъ смотрѣть собесѣднику въ глаза, и я сразу почувствовалъ, что его наружность вполнѣ соотвѣтствовала двоедушію, которое ему приписывали.

«Его присутствіе въ моемъ лагерѣ доставило мнѣ не мало безпокойства. Онъ то и дѣло получалъ и посылалъ письма и, безъ сомнѣнія, доставлялъ своимъ друзьямъ въ Кабулъ всѣ свѣдѣнія, какія только онъ могъ собрать о нашихъ силахъ и намѣреніяхъ. Но онъ пріѣхалъ подъ видомъ нашего союзника, искалъ у насъ защиты противъ своихъ мятежныхъ войскъ, и каковы бы ни были мои тайныя подозрѣнія, я не могъ отнестись къ нему иначе, какъ къ почетному гостю, до тѣхъ поръ, пока что-либо не заставило бы меня измѣнить свой взглядъ.

«Мой первый визитъ Якубъ-хану былъ совершенно оффиціальный. Но онъ тотчасъ воспользовался случаемъ и сталъ энергично настаивать на томъ, что мнѣ лучше было бы пріостановить мое движеніе, чтобы онъ имѣлъ время возстановить порядокъ въ войскѣ и наказать виновныхъ въ нападеніи на посольство. Я отвѣчалъ, что мнѣ даны самыя положительныя приказанія и что я обязанъ и твердо рѣшилъ идти къ Кабулу со всевозможной поспѣшностью. Видя, что его доводы не подѣйствовали, онъ перемѣнилъ тактику и заявилъ, что онъ боится за безопасность своей семьи, оставленной имъ въ Бала-Гиссарѣ [1]), что у него есть только одинъ полкъ, на который онъ можетъ положиться, и онъ опасается, чтобы прочіе полки, услыхавъ о нашемъ приближеніи, не взбунтовались и не атаковали крѣпости, и боится, что ни въ чемъ

---

[1]) Крѣпость и резиденція эмира въ Кабулѣ.

неповинное населеніе Кабула, не предполагая, что британское войско могло подойти такъ скоро, не успѣетъ увезти свои семьи.

«Чувствуя, что эти опасенія не были истинною причиною тѣхъ стараній, которыя эмиръ прилагалъ, чтобы задержать насъ, я сказалъ ему, что я не могу исполнить его желанія, но что если мнѣ придется брать городъ приступомъ, то женщинамъ и дѣтямъ будетъ дано время оставить его.

«Мои слова, видимо, крайне опечалили Якубъ-хана. Оказывается, что онъ оставилъ Кабулъ столь поспѣшно, что даже не захватилъ съ собою палатки, и, если бы ему удалось убѣдить меня не идти далѣе, то онъ, безъ сомнѣнія, тотчасъ возвратился бы въ Кабулъ. Какъ бы то ни было, для него была поставлена палатка посреди нашего лагеря, и были приняты всѣ мѣры къ возможно лучшему его содержанію.

«Когда прибыли, наконецъ, его палатки, то онъ просилъ позволенія поставить ихъ внѣ лагеря, на что я согласился, приказавъ, однако, поставить возлѣ его палатки такой же караулъ, какой стоялъ у меня, якобы для того, чтобы оказать ему почетъ, а въ сущности для того, чтобы имѣть возможность наблюдать за всѣми его движеніями.

«Поведеніе моего царственнаго гостя не внушало мнѣ ничего успокоительнаго. Онъ все время поддерживалъ сношенія съ Кабуломъ, откуда къ нему то и дѣло являлись гонцы, очевидно привозившіе ему чрезвычайно важныя извѣстія, какъ объ этомъ можно было судить по жадности, съ какой онъ читалъ получаемыя имъ письма, и потому, что верховыя лошади гонцовъ изнемогали отъ усталости и слишкомъ быстрой ѣзды.

«Можно себѣ представить, какъ мнѣ было непріятно присутствіе въ нашемъ лагерѣ Якубъ-хана, который могъ сообщить кабульскимъ властямъ самыя точныя свѣдѣнія о нашей численности и движеніяхъ. А что онъ былъ увѣренъ въ нашемъ пораженіи, то объ этомъ можно было судить по тому, что его, въ началѣ не только дружественное, но даже низкопоклонное обращеніе со мною сдѣлалось, по мѣрѣ приближенія къ Кабулу, вызывающимъ и надменнымъ».

5-го октября, ровно мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ было получено извѣстіе о печальной судьбѣ, постигшей англійское посольство, Робертсъ подошелъ къ Кабулу, а на слѣдующій день одержалъ полную побѣду надъ афганскимъ войскомъ, защищавшимъ доступъ къ столицѣ.

Весьма любопытенъ для характеристики азіатскаго правителя разсказъ Робертса о томъ, какъ держалъ себя Якубъ-ханъ въ этотъ знаменательный для него день, и съ какимъ самообладаніемъ онъ выслушалъ извѣстіе о пораженіи своихъ войскъ.

«Мой другъ эмиръ,—пишетъ Робертсъ,—окруженный своими сардарами, сидѣлъ весь день на холмикѣ среди нашего лагеря, слѣдя

*

съ большимъ вниманіемъ за ходомъ сраженія и разспрашивая всѣхъ подходившихъ къ нему о томъ, какъ идетъ дѣло. Какъ только я окончательно убѣдился въ побѣдѣ, я послалъ своего адъютанта къ его степенству сообщить ему это радостное извѣстіе. Это была, безъ сомнѣнія, тяжелая минута для него, и горькое разочарованіе послѣ того, какъ онъ и его приверженцы въ Кабулѣ тщательно выработали, какъ я впослѣдствіи узналъ, планъ для нашего истребленія. Но эмиръ выслушалъ это извѣстіе съ чисто азіатскимъ спокойствіемъ, не высказалъ ни малѣйшаго огорченія и прислалъ адъютанта передать мнѣ, что такъ какъ мои враги—его враги, то онъ радуется моей побѣдѣ.

«Я былъ вполнѣ доволенъ результатомъ этого дня, но, какъ бы то ни было, въ 12 миляхъ, за холмами, стоялъ Кабулъ съ тысячами вооруженныхъ жителей, готовыхъ энергично сопротивляться, если бы намъ пришлось брать городъ приступомъ.

«Поэтому нельзя было терять времени и, не смотря на усталость войска, ему было приказано съ разсвѣтомъ идти далѣе.

«Наше поспѣшное движеніе впередъ тотчасъ послѣ пораженія, нанесеннаго афганцамъ наканунѣ, произвело желаемое дѣйствіе. Прибывъ въ Бени-Гиссаръ, довольно значительную деревню, окруженную огородами и садами, лежащую всего въ двухъ миляхъ къ югу отъ столь прославленной крѣпости Бала-Гиссаръ, я послалъ кавалерійскій разъѣздъ осмотрѣть мѣстность и получилъ пріятную вѣсть, что Бала-Гиссаръ оставленъ непріятелемъ и что часть города, которую можно было разсмотрѣть, казалась пустынною.

«Въ теченіе этого дня меня посѣтили именитые кабульскіе купцы; каждый изъ нихъ разсказывалъ по-своему о движеніи разбитой мною афганской арміи и о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ афганскаго главнокомандующаго. Изъ ихъ разнорѣчивыхъ разсказовъ я могъ, однако, заключить, что изъ Когистана подошли свѣжія войска, которыя соединились съ остатками разбитой мною арміи и заняли холмы, возвышавшіеся надъ Кабуломъ къ западу».

Но на слѣдующее утро оказалось, что афганцы побоялись вступить въ сраженіе и, воспользовавшись ночною темнотою, бѣжали, оставивъ въ своемъ лагерѣ множество оружія, слоновъ, верблюдовъ, муловъ и пони.

Англійскій лагерь былъ перенесенъ ближе къ городу на плато, возвышающееся между рѣками Кабуломъ и Лагаромъ близъ ихъ сліянія, въ разстояніи менѣе одной мили отъ Бала-Гиссара.

«Наконецъ, говоритъ Робертсъ, я былъ въ Кабулѣ, о которомъ я такъ много слышалъ съ самаго дѣтства, и который мнѣ такъ хотѣлось видѣть. Онъ лежалъ у моихъ ногъ, раскинувшись на довольно обширномъ пространствѣ, со своими глинянаго цвѣта зданіями и 50.000 жителей. Въ юго-

восточномъ углу города виднѣлась крѣпость Бала-Гиссаръ, живописно расположенная на выступѣ скалы у подошвы Шаръ-и-Дарвиза, по гребню котораго шла укрѣпленная стѣна.

«Мнѣ донесли, что Кабулъ былъ совершенно спокоенъ; въ нашъ лагерь явилось множество купцовъ, предлагая свои товары, но я запретилъ кому бы то ни было ѣздить въ городъ до тѣхъ поръ, пока мною не будутъ приняты мѣры для поддержанія порядка среди фанатичнаго, вѣроломнаго и мстительнаго населенія.

«Два дня спустя, я поѣхалъ въ Бала-Гиссаръ и пытался воспроизвести въ своемъ воображеніи картину храброй защиты и трагической кончины посольства. Стѣны дома, въ которомъ оно помѣщалось, истыканныя пулями, свидѣтельствовали объ энергичномъ нападеніи и о продолжительной оборонѣ. На полу были кровавыя пятна, а въ пеплѣ очага были найдены груды человѣческихъ костей. Можно себѣ представить, что̀ испытали мои солдаты при видѣ этого, и какъ трудно было сдержать проявленіе ихъ чувствъ ненависти и вражды противъ виновниковъ злодѣйскаго покушенія.

«Бала-Гиссаръ, нѣкогда довольно сильное укрѣпленіе, находилось въ разоренномъ состояніи, и его не трудно было бы взять приступомъ, если бы дѣло до этого дошло».

«Я имѣлъ въ это время нѣсколько интересныхъ разговоровъ съ Якубъ-ханомъ. Обсуждая со мною причины, побудившія Ширъ-Али отдалиться отъ насъ и искать сближенія съ Россіей, онъ высказалъ, что хотя его отецъ и не получилъ отъ англійскаго правительства всего, что онъ желалъ, но онъ все-таки былъ доволенъ тѣмъ, что было сдѣлано для него. Но когда Саидъ-Нуръ-Магомедъ возвратился, въ 1873 г., изъ своей поѣздки въ Индію, то онъ убѣдилъ Ширъ-Али въ томъ, что онъ не могъ долѣе разсчитывать на помощь со стороны Великобританіи, тогда Ширъ-Али сдѣлалъ нѣкоторыя предложенія русскимъ, съ которыми съ тѣхъ поръ постоянно поддерживалъ сношенія.

«Когда отецъ,—говорилъ Якубъ,—получилъ отъ индійскаго правительства письмо съ извѣщеніемъ, что въ Кабулъ отправляется британское посольство», то онъ прочелъ его на дурбарѣ, на которомъ присутствовали члены русскаго посольства. Когда чтеніе письма было окончено, то полковникъ Столѣтовъ всталъ, поклонился эмиру и просилъ у него позволенія уѣхать изъ Кабула съ тѣмъ, чтобы немедленно отправиться въ Ташкентъ и изложить положеніе дѣлъ генералу Кауфману, который извѣститъ обо всемъ царя и постарается о томъ, чтобы на Англію было произведено давленіе. Онъ обѣщалъ возвратиться мѣсяца черезъ полтора или два и совѣтовалъ эмиру сдѣлать тѣмъ временемъ все, что будетъ въ его власти, чтобы не допустить посольство въ Кабулъ. Полковникъ Столѣтовъ не вернулся болѣе въ Кабулъ. Онъ по-

спѣшно выѣхалъ въ Ташкентъ, гдѣ пробылъ не долго, и затѣмъ отправился въ Россію [1]).

«Афганскій чиновникъ, мирза Магомедъ-Гассанъ-ханъ, болѣе извѣстный подъ именемъ «Дабиръ-ул-Мулка», сопровождавшій полковника Столѣтова отъ Аму-Дарьи до Кабула, сопутствовалъ ему и на обратномъ пути въ Ташкентъ, гдѣ мирза былъ задержанъ подъ предлогомъ, что вскорѣ будутъ получены приказанія отъ императора, и гдѣ онъ оставался до тѣхъ поръ, пока генералъ Кауфманъ не получилъ извѣстія о бѣгствѣ моего отца изъ Кабула. Тогда ему было разрѣшено выѣхать. Съ нимъ были посланы два адъютанта, одинъ европеецъ, а другой бухарецъ.

«Генералъ Кауфманъ очень совѣтовалъ моему отцу не покидать Кабула [2]). «Вмѣстѣ съ тѣмъ чинамъ посольства было приказано возвратиться, а доктору было разрѣшено остаться съ моимъ отцомъ, если онъ нуждается въ его услугахъ.

---

[1]) По отъѣздѣ изъ Кабула, Столѣтовъ извѣстилъ афганскаго министра иностранныхъ дѣлъ Вазиръ-шаха-Магомедъ-хана 21-го сентября 1878 года о своемъ благополучномъ возвращеніи въ Ташкентъ и о томъ что онъ отправляется въ Россію, чтобы донести императору о результатѣ переговоровъ его съ афганскимъ правительствомъ, и между прочимъ выражалъ надежду, что тѣ, кои захотятъ вступить въ Кабулъ чрезъ восточныя ворота, найдутъ ихъ запертыми, и это заставитъ ихъ трепетать. (Изъ переписки, захваченной Робертсомъ въ Кабулѣ и помѣщенной въ Приложеніи къ его запискамъ).

[2]) 25-го декабря 1878 г. генералъ-адъютантъ Кауфманъ писалъ эмиру, что англійское министерство, на запросъ, сдѣланный ему русскимъ правительствомъ, отвѣчало, что Англія не намѣрена посягать на независимость Афганистана; со своей стороны онъ горячо совѣтовалъ эмиру не покидать страны, а постараться придти къ соглашенію съ англичанами, если же онъ не пожелаетъ возвратиться для этого въ Кабулъ, то генералъ-губернаторъ совѣтовалъ ему уполномочить Якубъ-хана заключить миръ на извѣстныхъ условіяхъ.

Повторяя еще разъ совѣтъ не уѣзжать изъ Афганистана, Кауфманъ писалъ, что это не только не принесетъ пользы эмиру, но что его появленіе на русской территоріи можетъ ухудшить дѣло.

Въ томъ же мѣсяцѣ туркестанскій генералъ-губернаторъ писалъ генералу Розгонову, находившемуся въ Кабулѣ, что такъ какъ Россія не можетъ въ зимнее время помочь эмиру войскомъ, то чтобы онъ посовѣтовалъ ему повременить до весны; а если, несмотря на все стараніе эмира, война будетъ объявлена, то Розгонову повелѣвалось выѣхать изъ Афганистана.

17-го января 1874 г. Кауфманъ подтвердилъ эмиру, что вслѣдствіе его просьбы о помощи, императоръ вошелъ въ сношеніе съ великобританскимъ правительствомъ и русскому посланнику въ Лондонѣ подтверждено, что независимость Афганистана останется неприкосновенною, и что императоръ, получивъ извѣстіе о томъ, что эмиръ оставилъ Кабулъ и передалъ престолъ сыну

«Русскому посольству оказывали всюду большой почетъ, и войскамъ на всѣхъ станціяхъ, между Мазаръ-и-Шарифомъ и Кабуломъ, было приказано выходить имъ навстрѣчу и привѣтствовать ихъ при пріѣздѣ и при отъѣздѣ залпомъ изъ ружей.

«Не могу поручиться,—говоритъ Робертсъ,—за точность каждаго слова, сказаннаго Якубъ-ханомъ, но ручаюсь за то, что все вышесказанное написано по замѣткамъ, тогда же мною занесеннымъ въ записную книгу, и есть вполнѣ вѣрное воспроизведеніе сказаннаго имъ.

«Было бы излишне,—продолжаетъ онъ,—приводить какое-либо доказательство въ подтвержденіе того факта, что Ширъ-Али, по той или другой причинѣ, отдалился отъ насъ въ послѣдніе годы своего царствованія и сталъ склоняться въ пользу союза съ Россіей, но мнѣ кажется, что связь, существовавшая между возникшимъ, болѣе тѣснымъ сближеніемъ Россіи съ Кабуломъ и размѣромъ враждебнаго отношенія къ намъ эмира не была до сихъ поръ оцѣнена какъ должно. Сказанное Якубъ-ханомъ проливаетъ на этотъ вопросъ нѣкоторый свѣтъ, и его слова (о томъ, что эміромъ поддерживались съ 1873 г. сношенія съ русскими) подтверждаются тѣмъ, что мы встрѣтили въ Кабулѣ гораздо болѣе русскихъ, нежели англичанъ. Афганскіе сардари и офицеры были одѣты въ мундиры русскаго покроя, въ казначействѣ оказались русскія деньги, на базарахъ продавались русскіе товары и хотя дороги, ведущія въ Среднюю Азію, были, конечно, не лучше тѣхъ, которыя вели въ Индію, но Россія воспользовалась ими лучше, нежели мы для того, чтобы завязать торговыя сношенія съ Афганистаномъ.

«Преобладаніе русскихъ денегъ и товаровъ въ Кабулѣ и обширныя военныя приготовленія, которыя дѣлались Ширъ-Али послѣдніе годы, составляютъ любопытный комментарій къ всему разсказанному Якубъ-ханомъ. Разрывъ, происшедшій между нами и Ширъ-Али, далъ намъ возможность обнаружить и предотвратить серьезный заговоръ, угрожавшій спокойствію и безопасности Индійской имперіи.

приказалъ сообщить Ширъ-Али, что въ настоящее время ему не можетъ быть оказано помощи войскомъ. Нѣсколько раньше, а именно 8-го октября 1878 г. генералъ-маіоръ Столѣтовъ, по пріѣздѣ въ Ташкентъ, благодарилъ эмира письмомъ за оказанный ему пріемъ и, увѣряя его въ дружескихъ къ нему чувствахъ русскаго императора и готовности помочь ему, писалъ что „тому, кто находясь на высокой горѣ, лучше видно то, что дѣлается вокругъ него, и что по милости Божіей на свѣтѣ нѣтъ государства равнаго государству великаго императора“, поэтому онъ совѣтуетъ эмиру во всемъ сообразоваться съ совѣтами русскаго правительства, которое „мудро, какъ змѣй, и кротко, какъ голубь“. Далѣе, увѣдомляя эмира, что Англія желаетъ заключить съ нимъ миръ, онъ совѣтовалъ ему согласиться на это, но въ то же время постараться „разузнать намѣренія сосѣднихъ племенъ и, заключивъ миръ, готовиться втайнѣ къ войнѣ“. (Тамъ же).

«Обширныя военныя приготовленія, которыя дѣлались Ширъ-Али, представляютъ, по моему мнѣнію, фактъ въ высокой степени знаменательный. Еще до начала войны, эмиръ призвалъ къ оружію и вооружилъ ружьями, заряжающимися съ казенной части, 68 полковъ пѣхоты и 16 полковъ кавалеріи. Афганская артиллерія была доведена до 300 орудій. Множество мастеровъ работало непрерывно надъ изготовленіемъ нарѣзныхъ орудій и ружей, заряжающихся съ казенной части.

«Въ Бала-Гиссарѣ оказалось болѣе милліона пудовъ пороха и нѣсколько милліоновъ боевыхъ снарядовъ, туземной работы. Было заготовлено также соотвѣтственное этому количество сабель, касокъ, мундировъ и другихъ предметовъ воинскаго снаряженія. Наконецъ Ширъ-Али затратилъ поразительное количество денегъ и труда на постройку укрѣпленнаго лагеря въ Шерпурѣ; о размѣрахъ и стоимости этого сооруженія можно судить по тому, что въ немъ могло бы помѣщаться въ теченіе цѣлой зимы все войско, находившееся подъ моею командою, при чемъ наибольшая часть его могла помѣститься въ чертѣ главнаго вала, который тянулся приблизительно на двѣ мили, у подошвы южнаго и западнаго склоновъ холмовъ Бимару. Очевидно, первоначальнымъ намѣреніемъ Ширъ-Али было обнести всѣ эти холмы валомъ на протяженіе 5 миль и на значительномъ протяженіи уже былъ заложенъ фундаментъ. Всѣ эти воинственныя приготовленія могли имѣть цѣлью единственно непріязненныя дѣйствія противъ насъ; въ добавокъ трудно понять, какимъ образомъ афганское казначейство могло дать потребныя для этого сооруженія деньги, когда весь доходъ страны равнялся около 8 лакъ рупій (800.000 руп.) въ годъ.

«Я сказалъ, что изобиліе русскихъ денегъ и товаровъ въ Кабулѣ было доказательствомъ возраставшаго сближенія Россіи съ Афганистаномъ. У меня не было доказательствъ того, что русскія деньги были ввезены туда какимъ-либо инымъ путемъ кромѣ торговли. Весьма возможно, что большая часть этого золота, и быть можетъ и все оно проникло туда постепенно, такъ какъ въ этой странѣ, гдѣ чеканится весьма мало денегъ, заботятся о накопленіи иностранной звонкой монеты. Тѣмъ не менѣе, огромное количество русскаго золота, находившагося тутъ въ обращеніи, было такъ велико, что это невольно поражало. Въ одной кассѣ эмира найдено было не менѣе 13.000 золотыхъ монетъ; подобныхъ же монетъ попадалось не мало и на городскихъ базарахъ; всѣмъ извѣстно, что ихъ было также не мало у сардарей. Разумѣется, въ Кабулѣ также много всевозможныхъ англійскихъ товаровъ, иначе и быть не могло, тѣмъ болѣе, что въ городѣ проживаетъ множество купцовъ, индусовъ, но и русскихъ товаровъ тутъ чрезвычайно много. Стекло, фаянсъ, шелки, чай и много другихъ вещей, которыя, казалось бы, гораздо легче при-

везти изъ Индіи, нежели изъ Россіи, встрѣчаются тутъ въ огромномъ количествѣ.

«У сардарей и другихъ служащихъ вошло, какъ сказано, въ моду носить не только мундиры русскаго покроя, но русскія пуговицы, русскіе сапоги и тому подобное. Вообще, русскіе товары и русскіе обычаи, повидимому, вошли въ моду въ Афганистанѣ».

Послѣ занятія Кабула Якубъ-ханъ былъ вынужденъ передать Робертсу часть не уничтоженной переписки своего отца съ русскими генералами,

«Когда я спросилъ Якубъ-хана, куда дѣлась переписка, которая должна была происходить между его отцомъ и русскими, читаемъ въ запискахъ Робертса, то онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ уничтожилъ ее по пути въ Гандамакъ; однако, нѣкоторыя письма генераловъ Кауфмана и Столѣтова достались въ мои руки.

Въ одну изъ моихъ послѣднихъ бесѣдъ съ нимъ, «Якубъ-ханъ, совѣтовалъ мнѣ не терять изъ вида Герата и Туркестана. На мой вопросъ, имѣетъ ли онъ какой-нибудь поводъ ожидать съ этой стороны непріятностей, онъ отвѣчалъ: «Я не могу сказать, что именно можно ожидать, но помните, что я предостерегалъ васъ». Безъ сомнѣнія, онъ зналъ болѣе того, нежели говорилъ, и я считаю возможнымъ, что онъ имѣлъ кое-какія свѣдѣнія о намѣреніяхъ своего брата, Эюбъ-хана [1]) относительно Кандагара, и предвидѣлъ вѣроятно, что Абдуррахманъ появится на сценѣ изъ Туркестана».

12-го октября должно было происходить въ Бала-Гиссарѣ чтеніе прокламаціи, въ которой излагались дальнѣйшія намѣренія англійскаго правительства по отношенію къ Афганистану и мѣры, какія оно рѣшило принять для утвержденія власти эмира, наказанія виновныхъ въ убійствѣ посольства и для водворенія въ странѣ порядка.

«Я очень затруднялся, пишетъ Робертсъ, какъ поступить относительно эмира, но мое недоумѣніе вскорѣ разрѣшилось самимъ Якубъ-ханомъ. 12-го числа, рано утромъ, онъ явился ко мнѣ въ палатку, когда я еще не былъ одѣтъ, и попросилъ у меня свиданія. Я предложилъ своему царственному посѣтителю единственный, бывшій у меня стулъ, на который онъ сѣлъ, и тотчасъ заявилъ мнѣ, что онъ рѣшилъ отказаться отъ престола, это рѣшеніе его принято твердо, что жизнь его самая жалкая и что онъ скорѣе согласится косить сѣно въ англійскомъ лагерѣ, нежели быть правителемъ Афганистана; въ заключеніе онъ умолялъ меня позволить ему поставить свою палатку возлѣ моей до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ возможность уѣхать въ

---

[1]) Сардаръ Эюбъ-ханъ былъ въ 1879 г. губернаторомъ Герата.

Индію, въ Лондонъ, куда бы то ни было, куда вице-король пожелаетъ отправить его.

«Я предоставилъ въ его распоряженіе палатку, велѣлъ приготовить для него завтракъ и просилъ его хорошенько обдумать принятое имъ рѣшеніе, присовокупивъ, что я повидаюсь съ нимъ вторично въ десять часовъ, передъ тѣмъ какъ отправиться (для чтенія прокламаціи) въ Бала-Гиссаръ».

Рѣшеніе Якубъ-хана осталось неизмѣннымъ.

28-го октября былъ обнародованъ манифестъ объ отреченіи его отъ престола, и нѣсколько времени спустя онъ и главные его министры были отправлены въ Индію, гдѣ ему было назначено опредѣленное мѣстожительство; афганскій престолъ остался вакантнымъ, и генералъ Робертсъ временно принялъ на себя высшее управленіе военными и политическими дѣлами въ Афганистанѣ.

Продолжительная оккупація англійскимъ войскомъ укрѣпленнаго лагеря при Шерпурѣ, захватъ артиллеріи и многочисленныхъ боевыхъ снарядовъ, разрушеніе исторической крѣпости афганцевъ и резиденціи ихъ эмировъ, наконецъ, отправка въ Индію самого эмира и его министровъ могли довести обычную ненависть афганцевъ къ иностранцамъ до высшей степени. И дѣйствительно афганцы, движимые религіознымъ и патріотическимъ энтузіазмомъ, подстрекаемые къ тому же своими муллами, начали еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ собираться большими отрядами, противъ которыхъ англійскія войска дѣйствовали безъ особеннаго успѣха. 18-го декабря афганцы окружили Шерпурскій лагерь и 23-го декабря пытались произвести штурмъ, который однако былъ отбитъ съ большими потерями, послѣ чего афганцы обратились въ бѣгство; всѣ ихъ отряды были разсѣяны, и страна мало-по-малу стала успокаиваться. Тогда на очередь сталъ вопросъ объ избраніи новаго эмира, который могъ бы занять въ Кабулѣ престолъ съ надеждою удержаться на немъ. Этотъ вопросъ живо интересовалъ индійское и великобританское правительства.

Исторія Афганистана показывала, какъ трудно было одному лицу сосредоточить въ своихъ рукахъ власть надъ непокорными племенами, населявшими страну. Достъ-Магомедъ, первый попытавшійся объединить Афганистанъ, провелъ всю жизнь въ борьбѣ за власть и въ стараніи утвердить ее; его преемникъ, Ширъ-Али, пять лѣтъ велъ междоусобную войну прежде, нежели утвердился на престолѣ, и никогда бы не одержалъ верхъ надъ своими соперниками, если бы Англія не оказала ему матеріальной поддержки. Для безопасности Индійской имперіи и спокойствія ея границъ самымъ желаннымъ сосѣдомъ былъ, разумѣется, сильный и объединенный Афганистанъ, при условіи, конечно, что англійское правительство могло бы быть увѣрено въ томъ,

что ихъ интересы были бы тождественны, но существовала возможность, что силы Афганистана будутъ направлены противъ Англіи. Даже если бы вновь избранный эмиръ оказался всецѣло преданнымъ Англіи, то исторія Афганистана могла повториться и изъ-за престола могла снова возгорѣться междоусобная война со всѣми ея тревожными послѣдствіями.

Таковы были въ общихъ чертахъ соображенія, побудившія въ то время генерала Робертса предложить своему правительству раздѣлить Афганистанъ на нѣсколько самостоятельныхъ княжествъ, какъ это было до Достъ-Магомеда, и не назначать общаго властителя. Но это было найдено невыполнимымъ, и британское правительство начало съ главнѣйшими афганскими князьями переговоры объ избраніи эмира, который имѣлъ бы въ странѣ достаточное число приверженцевъ. Найти такое лицо было не легко. Робертсъ остановилъ свой выборъ на Абдуррахманѣ, племянникѣ бывшаго эмира Ширъ-Али, но никто довольно долго не зналъ, гдѣ онъ находится, какъ вдругъ въ концѣ января 1880 г. было получено письмо отъ его матери, жившей въ Кандагарѣ, которая писала, что Эюбъ-ханъ предлагалъ ея сыну соединиться съ нимъ и дѣйствовать противъ англичанъ, но Абдуррахманъ отъ этого отказался, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ «не можетъ оставить русскую территорію безъ позволенія русскихъ, отъ коихъ онъ получаетъ субсидію, и что, даже получивъ это разрѣшеніе, онъ не пріѣхалъ бы въ Афганскій Туркестанъ и въ Кабулъ иначе, какъ по приглашенію Англіи».

Индійское правительство дѣйствительно само предложило ему занять афганскій престолъ. Переписка, возникшая по этому поводу съ нимъ у англійскихъ властей, весьма любопытна и даетъ очень яркую характеристику этого замѣчательнаго государя.

Абдуррахманъ сразу весьма точно и опредѣленно поставилъ вопросъ о своихъ будущихъ отношеніяхъ какъ къ Англіи, такъ и къ Россіи. Выражая полную готовность поддерживать дружественныя отношенія съ Англіей и воспользоваться ея помощью для того, чтобы возстановить въ Афганистанѣ миръ и порядокъ, онъ увѣдомилъ вмѣстѣ съ тѣмъ англійское правительство, что займетъ афганскій престолъ только съ согласія русскаго правительства, по отношенію къ которому онъ имѣлъ извѣстныя обязательства за оказанное ему гостепріимство, и вообще далъ понять, что его отношенія къ обоимъ государствамъ всегда будутъ совершенно одинаковы, т. е., другими словами, онъ сразу старался поставить себя въ совершенно независимое положеніе.

Индійское правительство отвѣчало ему, что оно не можетъ войти съ нимъ въ обсужденіе вопроса объ отношеніяхъ Афганистана къ Великобританіи и Россіи и что оно всегда и при всякихъ обстоятельствахъ

считало устраненіе иноземнаго вліянія и вмѣшательства во внутреннія дѣла Афганистана непремѣннымъ условіемъ, обезпечивающимъ спокойствіе Индійской имперіи, и на которомъ могла бы быть оказана поддержка афганскому эмиру, и что это условіе всегда признавалось и русскимъ правительствомъ, которое неоднократно подтверждало сдѣланное имъ англійскому правительству заявленіе, что «Россія считаетъ Афганистанъ внѣ сферы своего вліянія».

Переговоры съ Абдуррахманомъ еще не были окончены, когда было получено извѣстіе, что правитель Герата, Эюбъ-ханъ, призывалъ сосѣднія племена къ возстанію, собравъ значительныя силы (12.000 чел.), и нанесъ англичанамъ (12-го іюля 1880 г.) рѣшительное пораженіе при Маймандѣ. Остатки британскаго войска, преслѣдуемые афганской конницей, бѣжали въ Кандагаръ, гдѣ генералъ Примрозъ былъ осажденъ Эюбъ-ханомъ съ отрядомъ въ 3.650 чел. Тогда Робертсъ рѣшилъ немедленно идти ему на выручку съ тѣми войсками, которыми онъ могъ располагать, и совершилъ свой извѣстный кандагарскій походъ, принесшій ему титулъ лорда, въ столь короткій промежутокъ времени (съ 7-го августа по 2-е сентября 1880 г.), что онъ могъ считаться необыкновеннымъ подвигомъ. Эюбъ-ханъ былъ разбитъ на голову и потерялъ всю свою артиллерію.

Между тѣмъ 22-го іюля 1880 г. на дурбарѣ афганскихъ князей, созванномъ въ Кабулѣ генераломъ Робертсомъ, Абдуррахманъ былъ провозглашенъ эмиромъ и принялъ власть на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ. Британское правительство отказалось отъ своего притязанія содержать въ Кабулѣ постоянное посольство, обѣщало очистить всю страну, уплачивать эмиру ежегодную ренту и возвратить большую часть отнятыхъ пушекъ и другаго оружія, взамѣнъ чего Абдуррахманъ обязался только не вступать въ политическія сношенія ни съ какимъ другимъ иностраннымъ правительствомъ.

Но вскорѣ положеніе Абдуррахмана сдѣлалось весьма затруднительнымъ, вслѣдствіе дальнѣйшихъ успѣховъ Россіи въ Средней Азіи, которые усилили соперничество между нею и Великобританіей и заставили послѣднюю еще пристальнѣе слѣдить за Афганистаномъ.

«Нельзя было относиться безразлично къ дѣйствіямъ Россіи,—писалъ Робертсъ,—ибо, въ то время, когда мы отказались отъ нашего господствующаго положенія въ Кандагарѣ, она значительно приблизилась къ Афганистану и при томъ въ направленіи болѣе выгодномъ, чѣмъ прежде, для того, чтобы идти впередъ еще далѣе».

До 1881 г., русской арміи, если бы таковая была двинута въ Афганистанъ, пришлось бы рѣшить трудную задачу—либо перейти черезъ Гинду-Кушъ, представлявшій весьма внушительную преграду, либо пройти по пустынямъ Хивы и Бухары, въ томъ случаѣ, если бы она

была двинута къ Герату. Но все это измѣнилось со взятіемъ Геокъ-Тепе Скобелевымъ (1881 г.) и съ побѣдами, одержанными имъ надъ текинцами, которыя предоставили Мервъ во власть Россіи и дали ей возможность перенести ея операціонный базисъ изъ Оренбурга къ Каспійскому морю. Это былъ важнѣйшій изъ всѣхъ шаговъ, когда-либо сдѣланныхъ Россіей въ ея поступательномъ движеніи къ Индіи.

«Я обращалъ, говоритъ Робертсъ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ вниманіе индійскаго правительства на то, какъ много выиграла бы Россія, когда, завоевавъ Мервъ,—а я считалъ это завоеваніе неизбѣжнымъ въ ближайшемъ будущемъ,—она получила бы возможность сдѣлать этотъ шагъ. На мои слова не обратили въ то время вниманія, надъ ними даже смѣялись и говорили, что я, какъ и нѣкоторыя другія лица, раздѣлявшія мой взглядъ, былъ одержимъ болѣзнью, которую одинъ извѣстный политическій дѣятель окрестилъ названіемъ «Mervousness» (мервность, отъ nervousness—нервность) и подъ вліяніемъ которой я такъ сильно безпокоился объ успѣхахъ русскихъ въ Средней Азіи. Но нѣсколько времени спустя мои слова оправдались. Мервъ сдѣлался (1885 г.) русскимъ владѣніемъ, и Туркестанъ былъ непосредственно соединенъ съ Петербургомъ желѣзною дорогою и пароходнымъ сообщеніемъ. Нельзя отрицать того, что это давало русскимъ возможность, въ случаѣ надобности, быстро двинуть кавказскую армію на театръ военныхъ дѣйствій и что генералъ Комаровъ могъ, такимъ образомъ, продиктовать свои условія коммиссіи, имѣвшей цѣлью установить сѣверную границу Афганистана, и русскіе могли овладѣть Пенджде (на лѣвомъ берегу Мургаба, въ 35 кил. выше отъ впаденія въ него Кушки), на глазахъ у британскихъ офицеровъ».

Бразды правленія въ Индіи находились въ то время въ рукахъ лорда Дюфферина. Въ виду тревожнаго оборота, который принимали дѣла въ Средней Азіи, и крайне натянутыхъ отношеній, установившихся между Россіей и Англіей, и взаимнаго недовольства и недоразумѣній, возникшихъ по вопросу о проведеніи сѣверной границы, вице-король счелъ нужнымъ имѣть свиданіе съ афганскимъ эмиромъ, котораго онъ пригласилъ съ этою цѣлью въ мартѣ мѣсяцѣ 1886 г. въ Равалъ-Пиндъ.

«Абдуррахману было въ то время 45 лѣтъ; страдая ревматизмомъ, онъ долженъ былъ опираться на палку, но, не смотря на это, его статная фигура была благородна и внушала уваженіе. У него было мужественное, умное и красивое лицо, но его нѣсколько портило жесткое выраженіе рта; въ обращеніи онъ былъ вѣжливъ, хотя нѣсколько рѣзокъ.

При первомъ же свиданіи эмиръ напомнилъ лорду Дюфферину, что онъ предостерегалъ британское правительство относительно движенія

русскихъ къ Афганистану, которое производило тревожное впечатлѣніе на умы его соотечественниковъ.

Вице-король отвѣчалъ, что если Россія двинется къ Герату, то Англія отвѣтитъ на это объявленіемъ войны, поэтому онъ счелъ нужнымъ поставить Абдуррахману ребромъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ его къ Англіи и указалъ ему на безусловную необходимость рѣшить совершенно опредѣленно, кого изъ своихъ могущественныхъ сосѣдей онъ выбираетъ союзникомъ въ случаѣ войны между ними; въ то же время лордъ Дюфферинъ совѣтовалъ Абдуррахману укрѣпить сѣверную границу Афганистана и предлагалъ ему услуги англійскихъ инженеровъ для приведенія Герата въ состояніе надлежащей обороны.

Абдуррахманъ горячо поблагодарилъ лорда Дюфферина за лестное для него предложеніе заключить союзъ съ Англіей, говорилъ, что онъ лично безусловно на сторонѣ англичанъ, но... что онъ долженъ считаться съ чувствами и мыслями своихъ подданныхъ, а «этотъ грубый, необразованный и подозрительный народъ», къ сожалѣнію, противъ англичанъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда Абдуррахмана въ Равальпиндъ, состоялся торжественный дурбаръ, на которомъ вице-король и эмиръ обмѣнялись увѣреніями во взаимныхъ дружественныхъ чувствахъ.

На другой день было получено извѣстіе о пораженіи генераломъ Комаровымъ афганскихъ войскъ подъ Кушкой.

Поведеніе Абдуррахмана при этомъ извѣстіи было изумительно: онъ принялъ его съ полнымъ равнодушіемъ и заявилъ присутствующимъ, что не придаетъ ему особеннаго значенія; очевидно, онъ употребилъ всю силу своей азіатской выдержки съ цѣлью не обнаружить своихъ истинныхъ чувствъ и тѣмъ не дать связать себя съ англійскимъ правительствомъ какими-нибудь поспѣшными обѣщаніями.

Эмиръ получилъ отъ англійскаго правительства въ подарокъ почетную саблю, принимая которую, онъ сказалъ, что «съ этой саблею онъ надѣется истребить всѣхъ враговъ великобританскаго правительства». Онъ выразилъ также желаніе имѣть англійскій орденъ, который и былъ пожалованъ ему передъ его отъѣздомъ. Онъ могъ быть вполнѣ доволенъ своимъ посѣщеніемъ Индіи: ему была не только обѣщана помощь Англіи въ случаѣ нападенія на Афганистанъ, но онъ получилъ также большую сумму денегъ, нѣсколько орудій, много ружей и боевыхъ снарядовъ.

Послѣ отъѣзда эмира англичане начали усиленно готовиться къ войнѣ съ Россіей; Робертсъ былъ назначенъ командующимъ арміей въ составѣ двухъ армейскихъ корпусовъ, которая должна была идти къ

Герату, если бы только русскіе послѣ кушкинскаго боя двинулись еще далѣе впередъ.

«Два армейскихъ корпуса,—это была конечно внушительная сила, говоритъ Робертсъ, но, къ сожалѣнію, если бы дѣло дошло до дѣйствительнаго разрыва съ Россіей, то ихъ вовсе нельзя было бы двинуть, такъ какъ перевозочныя средства совершенно отсутствовали».

Въ виду этого, будучи назначенъ главнокомандующимъ войсками въ Индіи,—постъ, который онъ занималъ въ теченіе 8 лѣтъ,—Робертсъ обратилъ на этотъ вопросъ особенное вниманіе и въ запискѣ, поданной имъ индійскому правительству, настаивая на необходимости какъ можно лучше подготовиться къ войнѣ съ Россіей,—идею о которой онъ лелѣялъ въ теченіе всей своей продолжительной службы,—онъ подробно изложилъ свой взглядъ на необходимость обезпечить перевозочныя средства, улучшить пути сообщенія, построить желѣзныя дороги, чему онъ придавалъ несравненно большее значеніе, чѣмъ постройкѣ новыхъ укрѣпленій.

Изложенію существеннѣйшихъ мѣръ, которыя были приняты имъ какъ для укрѣпленія сѣверной границы Индіи, такъ и по вопросамъ мобилизаціи, сосредоточенія и устройства тыла арміи, посвящены послѣднія главы записокъ Робертса.

В. Тимощукъ.

Къ біографіи В. Н. Каразина.

Письмо статскаго совѣтника Василія Каразина къ дѣйствительному статскому совѣтнику Василію Гавриловичу Муратову, 3-го марта 1827 года. С. Кручикъ.

Мой любезный Сергѣй Сѣренко [1]) умеръ на прошедшей недѣлѣ. Еще нѣсколько поселянъ вѣроятно отправятся въ слѣдъ за нимъ. Отъ сыновей [2]) нѣтъ писемъ. Грустно мнѣ!.. Еще же и оттуда до сихъ поръ нѣтъ разрѣшенія ни на ваше [3]), ни на наше съ женою представленіе. Послѣднее пошло 9-го января; слѣдовательно, весьма бы уже пора, кажется. Для чего бы м е н я (просто) не спросить, буде дѣйствительно встрѣчаются сомнѣнія какія? И смертоубійцевъ спрашиваютъ.

Въ моихъ бумагахъ (если онѣ тамъ отрыты, по сему поводу, или по случаю происшествій) дѣйствительно встрѣтятся недоразумѣнія, кои кромѣ меня, конечно, разрѣшить никто не можетъ. И мое объясненіе было бы, можетъ статься, любопытнѣе допросовъ всѣхъ прочихъ деликвентовъ виноватыхъ и безвинныхъ. Я привыкъ всегда дѣйствовать чисто, какъ совѣсть велитъ. Потому и долгомъ почитаю, не имѣя никакого другаго способа—в а м ъ это передать. А вы, какъ хотите.

---

[1]) Крестьянинъ, имѣвшій смотрѣніе за больными. Примѣч. Каразина.

[2]) Которые находятся въ С.-Петербургѣ въ корпусѣ путей сообщенія. Примѣч. Каразина.

[3]) Представленіе сіе есть всеподданнѣйшій рапортъ мой отъ 16-го минувшаго января 1826 года. Примѣч. Каразина.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

di Corton [1]). Гвидовъ С(вятой) Себастіанъ. Отсюда въ Торвальдсеновъ ателье, который оживилъ упадшія силы. Это кварталъ, набитый великолѣпными статуями: апостолъ Іоаннъ и слушающій старикъ; пастухъ съ собакою; другой, опершійся на колѣно; два стоящіе юноши и мужъ; два младенца; лежащая женщина и лежащій мужчина; мать съ младенцемъ. Барельефъ Торжество Александра. Меркурій съ мечемъ. Спаситель. Ангелы, Религія и Сила и сидящій папа. По(н)ятовскій Евгеній [2]) на конѣ. Колоссальный конь. Бейронъ съ Чайлд-Гарольдомъ. Барельефы. Психея Бьенемѐ [3]). Рабочая Кипренскаго [4]): Сивилла въ двухъ свѣтахъ и Мальчикъ подъ рогожею; все прочее старые знакомцы: Шереметевъ и Давыдовъ [5]). Вечеръ у Гурьева [6]): Лудольфъ [7]), Шпауръ [8]), Растаны, гр(афиня) Потоцкая, Муравьева [9]), Кипренскій, Бруни [10]) и пр.

7 (19), воскресенье. Объѣздъ vill'ъ. Villa Millini [11]) на Monte Mario. Первый видъ, начиная слѣва: villa Borghese, S. Maria Maggiore, S. Jean de Lateran, S. Pierre, v(illa) Pamphili, мутный Тибръ, Албанскія горы, Сабинскія горы. Второй видъ: Ponte Molle, la vallée de Poussin, villa Albani. Разница видовъ неаполитанскихъ и римскихъ. Суровый цвѣтъ, темный городъ, паръ, звонъ, une grande culture.

II. Въ монастырѐ Онуфрія. Видъ съ террассы, внизу садъ, Piazza Navona, Пантеонъ, Palazzo Farnese, S. Pietro in Montorio, Aqua Paulina [12]). Пинтуричіева Мадонна въ церкви; картина Ленардо да Винчи надъ дверьми. Въ церкви гробъ [13]), доска въ углу. На стѣнѣ портретъ. Алтарь полукруглою нишею съ фресками. Въ библіотекѣ бюстъ [14]) съ маски, зеркало, чаша, печать и рукопись. Между запрещенными кни-

---

[1]) Т. е. Pietro da Cortona.

[2]) Т. е. Іосифъ Понятовскій (см. о немъ выше, стр. 168, прим. 1-е).

[3]) Луиджи Бьенемѐ (Luigi Bienaimée, р. 1795†1878), итальянскій скульпторъ, ученикъ Торвальдсена.

[4]) Ореста Адамовича, извѣстнаго живописца (р. 1783†1836 въ Римѣ).

[5]) Т. е. портреты графа Д. Н. Шереметева, или В. С. Шереметева, и партизана-поэта Д. В. Давыдова.

[6]) Нашего посланника въ Римѣ, графа Николая Дмитріевича Гурьева (р. 1789 † 1849).

[7]) Неаполитанскій посланникъ въ Римѣ, графъ Лудольфъ.

[8]) Баварскій посланникъ тамъ же, графъ Шпауръ (Spaur).

[9]) Жена Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола, Прасковья Васильевна (рожденная Грушецкая).

[10]) Извѣстный живописецъ Ѳедоръ Антоновичъ Бруни (р. 1800†1875).

[11]) Т. е. villa Mellini.

[12]) Т. е. Aqua Paola.

[13]) Торквато Тассо, который похороненъ въ монастырѐ св. Онуфрія.

[14]) Тоже Тассо.

гами Боссюэтъ [1]) и Малбраншъ [2]). Переходъ узкій въ садъ; дубъ на углу древняго маленькаго амфитеатра. Маленькая комната Тасса въ концѣ корридора съ надписью надъ дверьми.

Въ S. Pietro in Montorio, мѣсто распятія апостола Петра. Ротонда Брама(н)те. Внизу на сводѣ барельефъ по рисунку Микель Анжа изъ жизни апостола; вверху статуя Петра греческой работы и четыре евангелиста Микель Анжа. Въ самой церкви La Flagellation [3]) съ Микель Анжева картона.

Въ вилла Памфили. Видъ отъ статуи на церковь Петра. Лугъ посреди зелени дубовъ и рощи пиній, посреди ея древній жертвенникъ. Лавровыя аллеи. Фонтаны. Уединеніе, шумъ воды, бассей(нъ) и каскады.

Гроза и жаръ. Возвратясь домой, отдыхали до обѣда. У Гурьева. Амуръ Біенемѐ. Статуя жены. Послѣ обѣда у принца Ольденбургскаго [4]). Вечеръ въ ателье Haberzettel, у Шпаура, Волхонской (Риччи) [5]) и Бунзена, гдѣ Шпауръ и виртембергскій посланникъ.

8 (20), понедѣльникъ. Въ семь часовъ къ намъ Бунзенъ съ предложеніемъ до отъѣзда что-нибудь осмотрѣть вмѣстѣ. Изъ этого предложенія вышло утро, богатое великолѣпными впечатлѣніями. Мы повторили все, что видѣли лучшаго въ Римѣ, и повторили съ провожатымъ, который все освѣтилъ для насъ своимъ знаніемъ. Сперва въ церковь св. Петра. Взглядъ на Charité Микель Анжа и на все зданіе отъ купола, къ которому всходить весьма удобно. Испорченная мысль Микель Анжа, который хотѣлъ греческаго, а не латинскаго креста. Молчаніе, вселяемое великимъ созданіемъ человѣка. (Шепотъ при приближеніи къ Риму). Разговоръ о королѣ [6]) и кронпринцѣ. Изъ церкви въ Сикстинскую капеллу. Это поэма Данта. Начатая Микель Анжемъ, продолженная Рафаелемъ и довершенная Микель Анжемъ. Три отдѣленія; внизу занавѣсы; въ среднемъ отдѣленіи исторія закона и церкви, съ одной стороны отъ спасенія Моисея до [его смерти] [7]), съ другой отъ Рождества Христова до Вознесенія. На плафонѣ исторія непосредственно дѣлъ Божіихъ: твореніе земли, человѣка NB, жены NB, изгнаніе изъ рая, потопъ, жертвоприношенія. Сивиллы и пророки, великіе образы.

---

[1]) Знаменитый французскій проповѣдникъ (р. 1627†1704).

[2]) Извѣстный французскій философъ (р. 1638†1715).

[3]) Т. е. Бичеваніе Спасителя.

[4]) У принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго (см. выше, стр. 284, прим. 2-е).

[5]) Быть можетъ, итальянскій композиторъ Фридрихъ Риччи (р. 1809), впослѣдствіи бывшій инспекторомъ классовъ пѣнія въ С.-Петербургскомъ театральномъ училищѣ.

[6]) О Прусскомъ королѣ и Прусскомъ кронпринцѣ.

[7]) Въ рукописи для словъ, заключенныхъ въ скобки, оставленъ пробѣлъ.

Въ промежуткахъ исторія человѣка въ разныхъ степеняхъ; по угламъ разныя минуты спасенія народа Божія: змѣй Моисеевъ, Іюдифь, Давидъ, Есѳирь. Наконецъ Страшный судъ; двадцатью годами позже; менѣе простоты, болѣе желанія выказать силу. Движеніе руки Спасителя, общее движеніе въ картинѣ. Изображеніе вѣчнаго благоденствія и пр. Отсюда взглядъ на Станцы: также вел(икая) поэма; все великое человѣческое. Ѳеологія, Консиліумъ (лучшая картина. Лице Спасителя, спокойствіе праведныхъ, движеніе спорящихъ, ангелы. Платонъ и Аристотель). Философія, Школа Аѳинская, Поэзія. Парнассъ. Правосудіе. Практиче(с)кая жизнь.—Капелла Фьезоле: исторія св. Лаврентія и св. Стефана. При Микель Анжѣ и Рафаелѣ имѣетъ не только свое достоинство, но и превосходство. Всѣ главныя совершенства живописи въ этомъ тѣсномъ пространствѣ. Черезъ Рафаелевы ложи, мимо Фарнезскаго дворца, построеннаго Микель Анжемъ, въ Пантеонъ: одинакость освѣщенія, сводъ на низкомъ фундаментѣ, огромность и ясность. Изъ [Пантеона въ] рабочую Овербека[1]): несравненная картина Спаситель на горѣ Елеонской; рисунки: Тайная вечеря, Годофредъ, Судъ Соломоновъ, Hagar.

Завтракали у Бунзена. Домъ на Тарпейской скалѣ; изъ трехъ оконъ весь древній и новой Римъ. Портреты Нибура[2]) и Штейна[3]) и рисунокъ или гравюра съ Овербекова рисунка Христосъ, благословляющій дѣтей: важность лица Спасителева, веселость дѣтей, растроганность матерей; словомъ Овербекъ мнѣ глубоко по сердцу. Его картина Исторія христіанскаго искусства, которой намъ не удалось видѣть. Послѣ завтрака въ форумъ. Взглядъ общій на развалины: видъ Тарпейской скалы (которая должна была имѣть 80 футовъ высоты); храмъ Конкордіи по Бунзену; Юпитера Статора (по Бунзену)[4]); Фаустины, Мира или Базилика, Венеры и Рима, Фокасова колонна, Curia Julia, дворецъ Палатинскій, врата Константиновы и Колоссей. Мы его видѣли подъ гремящими тучами и взбирались на высоты: наше время есть время необходимости въ играхъ кровавыхъ гладіаторовъ; Римъ чувственное, развратное чудовище. Подземные своды въ Колоссеѣ; переходы для народа, гдѣ были и....[5]). Ужасная бездна, видимая съ высоты. Что такое искусство?—Изъ Колоссея, возвращаясь домой, на минуту къ

---

[1]) См. выше, стр. 156, прим. 9-е.

[2]) Знаменитаго историка († 1831), который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ прусскимъ посланникомъ въ Римѣ.

[3]) См. выше, стр. 184, прим. 10-е.

[4]) Затѣмъ въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[5]) Одно слово при печати выпущено.

скульптору [1]): группа изъ Потопа: мужчина съ мертвою женщиною, которой колѣна обнимаетъ ихъ младенецъ. Голова Спасителя. Бойцы.—Пароходъ отложилъ свое отплытіе, и мы остаемся еще часовъ на 15 въ Римѣ. Разговоръ съ Брюловымъ и совѣты ему. Ошибка насчетъ парохода. Мы ѣдемъ сухимъ путемъ. Къ Бунзену, и съ нимъ вмѣстѣ осматривать фрески Овербека и картину его изъ жизни Іосифа. Gemüthlichkeit [2]) и чистота—характеръ Овербека. Суровость и строгость композиціи—отличіе Корнеліуса [3]); третій живописецъ Фейтъ [4]). Онъ представилъ семь лѣтъ голода, а Овербекъ семь лѣтъ изобилія. Вечеръ у Бунзена. Аббатъ Мартинъ, воспитатель герц(ога) Бордосскаго [5]), Кестнеръ [6]), Шпауръ и старикъ Муравьевъ, который не имѣетъ ни несчастія, ни старости [7]).

9 (21), вторникъ. Поутру завтракали у Бунзена и вмѣстѣ съ нимъ къ Овербеку. Лице христіанскаго живописца. Его несравненная картина—Исторія христіанскаго искусства. Двѣ сцены: одна на облакахъ, другая на землѣ. Богоматерь, пишущая на хартіи: душа моя да хвалитъ Господа, съ Младенцемъ Спасителемъ на рукахъ. Около нихъ святые покровители искусства: Давидъ съ псалтиріею, Соломонъ съ барельефомъ храма, св. Лука, пишущій Марію, и І(оаннъ) евангелистъ съ чертежемъ града Господня; съ обѣихъ сторонъ святые мужи и угодницы, коихъ изобра(же)нія кисти художественной. Внизу самое искусство: около водоема, наполняемаго живою водою природы, въ коемъ отражаются небеса, стоятъ тѣ, кои болѣе имѣли цѣлію изображать живо матеріальное и блистать красками; въ отдаленіи отъ нихъ тѣ, кои выражали чище и простѣе святое, слушаютъ вдохновеннаго Данта. Рафаель между обѣими толпами одинъ смотритъ вдохновенно на небо. На первомъ планѣ группы, занимающіяся разсматриваніемъ древнихъ барельефовъ (начало живописи и архитектуры); тутъ же и покровители искусства христіанс(каго): съ одной стороны Карлъ Ве-

---

[1]) Фамилія скульптора въ дневникѣ не выставлена; для нея оставленъ пробѣлъ.

[2]) Т. е. добродушіе.

[3]) См. выше, стр. 232, прим. 6-е.

[4]) Филиппъ Фейтъ (Veit, р. 1793 † 1877).

[5]) Внукъ французскаго короля Карла X, извѣстный подъ именемъ графа Шамбора (р. 1820†1883).

[6]) Георгъ-Августъ Кестнеръ (р. 1777†1853), ганноверскій посланникъ въ Римѣ, сынъ извѣстной Шарлотты Кестнеръ (которую Гёте изобразилъ въ „Страданіяхъ молодаго Вертера“).

[7]) Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ: ему въ это время было 68 лѣтъ (р. 1765†1851); сыновья его были декабристы. Во время пребыванія И. М. Муравьева-Апостола въ Италіи, въ 1833 году, былъ изданъ въ Неаполѣ итальянскій переводъ его извѣстнаго сочиненія „Путешествіе по Тавридѣ“ (Viaggio per la Tauride).

ликій, съ другой Григорій Великій (григоріанское пѣніе). Микель Анжъ сидитъ въ размышленіи, не принадлежа никому; Жіотто, Чимабуе, Фьезоле, Мазаччіо [1]), Албрехтъ Дюреръ [2]) и нѣмецкіе живописцы. Все въ этой картинѣ прекрасно, особенно мысль, расположеніе и рисунокъ напоминаетъ Рафаеля и католиковъ живописцевъ. У Овербека пробылъ довольно долго; потомъ возвратился отдыхать, и въ три часа пополудни поѣхали въ Тиволи. Небо обѣщало грозу, но не сдержало слова. Дорога идетъ черезъ живописную, обработанную, но безлюдную Campagna di Roma. Проѣзжаемъ мимо нѣкоторыхъ развалинъ; мимо сѣрнаго озера di Tartori [3]), окруженные запахомъ минеральнымъ; все тихо и сурово; дорога то исчезаетъ въ неглубокой ложбинѣ, то подымается, и тогда на горизонтѣ Албанскія и Сабинскія горы. Церковь Петра всегда почти видна. По выѣздѣ изъ Рима черезъ ворота S. Lorenzo близъ дороги древняя базилика S. Lorenzo. Часть древнихъ колоннъ до половины въ землѣ. У входа легенда о монахѣ и чертѣ, которая разсказываетъ, что душу умирающаго императора спасла чаша, подаренная монаст(ыремъ) с(вятаго) Лаврентія. Замѣчательна на дорогѣ при поворотѣ въ villa Adriana гробница Plaut(ia). Осматривали часть villa Adriana. Ввечеру заходящее солнце украсило развалины: румяное небо, кипарисы, пиніи, лавры, зеленые дубы, чудесныя растенія, плющъ и кактусы на развалинѣ. Запахъ, тишина, сумерки, звѣзды, оливовыя рощи, покрывающія лѣсомъ всю сторону—несравненно. Пріѣхали ночью въ Тиволи, не безъ тревоги; насъ утѣшало только чистое небо сквозь оливы и бездна свѣтящихся летающихъ мошекъ. Великолѣпное зрѣлище: водопады при блескѣ факеловъ.

10 (22), середа. Путешествіе для обозрѣнія каскада и cascatelle. Мимо виллъ Калигуллы, Горація и Вара. Блескъ водопадовъ при восходящемъ солнцѣ. Новой будущій водопадъ. Каскателле. Паденіе изъ подъ виллы Меценатовой. Спускъ по горѣ подъ тѣнью оливовой рощи. Мостъ черезъ Anio. Взъѣздъ къ villa Mäcen(a)ti. Проѣздъ подъ сводомъ къ villa Este: терассы, кипари(сы), пиніи, фонтаны, величественное уединеніе, видъ на Campagna di Roma. Смѣшныя куклы Пантеона, Колоссея и пр. Живописецъ французъ. Голова въ трактирѣ Брюлова. Возвращеніе въ Римъ въ $^1/_2$ двѣнадцатаго. Обѣдъ у Бунзена съ Торвальдсеномъ, Овербекомъ и Корнеліусомъ, который пріѣхалъ въ Римъ, дабы писать Страшный судъ. Самый интересный и близкій къ идеалу живописца есть Овербекъ; послѣ него Торвальдсенъ — великолѣпная голова, богатая сѣдыми волосами; Корнеліусъ кокетствуетъ остроуміемъ

---

[1]) Знаменитые итальянскіе живописцы.
[2]) Знаменитый нѣмецкій живописецъ (р. 1471 † 1528).
[3]) T. e. de Tartori.

и часто не впопадъ. Послѣ обѣда музыка и пѣніе изъ Генделя [1]). Живописецъ и музыкантъ Штейнли [2]). Вечеръ дома, у насъ Кривцовъ.

11 (23), четвергъ. Съ Бунзеномъ въ Ватиканъ. Сперва въ верхнюю галлерею картинъ къ Transfiguration, С(вятому) Іерониму, Мадоннѣ di Foligno, Вѣнчанію Мадонны. Критика Доминикина: изнуренность святаго, ангелы не въ гармоніи съ картиною, ландшафтъ. Оттуда черезъ музеумъ статуй (гдѣ взглянули на Аполлона, Лаокоона, Антиноя, Минерву, Демосѳена, Юпитеровъ бюстъ, Нилъ и др.) къ обоямъ Рафаеля, изъ коихъ десять сотканы по его картонамъ, а другіе десять по его рисункамъ или прямо по его мыслямъ. Первые представляютъ черты изъ жизни апостоловъ Павла и Петра: обращеніе Павла, его встрѣча, его проповѣдь, рыбная ловля, смерть Ананіи и Сапфиры, исцѣленіе хромыхъ, судъ Павла, землетрясеніе, избіеніе младенцевъ. Остальные не столь замѣчательны. Встрѣча съ Меццофанти [3]). У живописца Штейнли. Снятіе со креста, рисунки, между коими особенно замѣчателенъ рисунокъ семи милосердій христіанскихъ. Вездѣ ясная мысль, чистое чувство и удовлетворительное исполненіе, чего нѣтъ въ нашихъ (исключая Брюлова), кои механически составляютъ изъ выученнаго въ Академіи картины и массы безъ мысли и жизни, успѣвая только, можетъ быть, въ колоритѣ. Таковъ Бруни. Изъ Ватикана къ скульптору дессаускому Волтреку [4]). Потомъ домой и, отдохнувъ, къ Гурьеву, гдѣ Потоцкая, Волхонская, принцъ [5]) съ Нибби [6]), Бунзенъ и Шпауръ. Послѣ обѣда къ Бруни. Огромная картина, представляющая исцѣленія змѣя въ пустынѣ, толпа фигуръ безъ мысли. Другія картины: Горацій, нагая женщина безъ рисунка, близъ нея Спаситель и Мадонна. Крещеніе Ольги безъ локальной истины. Симъ кончился день мой. Весь вечеръ отдыхалъ дома.

12 (24), пятница. Поутру у меня Брюловъ и Кипренскій. Потомъ къ Бунзену. Хотѣли осматривать галлерею Доріа, но не могли. Отправились къ Торвальдсену, который насъ принялъ. Прекрасныя идеи миѳологическія, выраженныя барельефами, между прочимъ: продажа амура, потомъ постепенность любви, начиная отъ младенчества до старости. Видѣли у него коллекцію картинъ новѣйшихъ живописцевъ:

---

[1]) Знаменитый нѣмецкій композиторъ.

[2]) Т. е. Steinle (см. выше, стр. 255, прим. 6-е).

[3]) Знаменитый полиглоттъ, кардиналъ Джузеппе Меццофанти (р. 1774 † 1849).

[4]) Францу Волтреку (Woltreck).

[5]) Вѣроятно, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

[6]) Antonio Nibby (р. 1792 † 1839), итальянскій археологъ, профессоръ археологіи въ Римскомъ университетѣ, производившій много раскопокъ въ Римѣ.

С(вятый) Павелъ послѣ пожара и Грекъ, точащій кинжалъ, Роберта [1]). Сцена въ неаполитанской рыбачей хижинѣ Кателя [2]). Рисунки изъ Данта Керстнера. Положеніе во гробъ Корнеліуса. Мадонна Овербека. Ландшафты Коха [3]); марины Даля [4]); Дѣвочка, диктующая письмо и слушающая отвѣтъ на него; двѣ картины [5]), и множество другихъ весьма замѣчательныхъ. Къ Кестнеру: замѣчательное собраніе всякаго рода рѣдкостей. Къ Lotsch [6]). Барельефы изъ жизни Спасителя; три воскресенія: Лазаря, наинскаго юноши и мертвой дѣвы, всѣ прекрасны, также и Въѣздъ въ Іерусалимъ. Онъ началъ мой бюстъ, который долженъ быть похожъ, если судить по бюстамъ Овербека и Корнеліуса, кои у него уже кончены. Домой. Въ два часа съ гр. Гурьевымъ къ cavaliere Siguerra [7]). Четыре картины: Волхвы, Снятіе со креста, Вознесеніе, Страшный судъ: прекрасныя группы, чудесный колоритъ, эффектъ цѣлаго, Рембрантъ искусства христіанскаго. Къ Волтреку, гдѣ Кестнеръ, Брюловъ и Lotsch занимали меня. Винсперъ [8]). Къ княгинѣ Волхонской на дачу, приклеенную къ развалинамъ водопровода. Прекрасный видъ на Campagna di Roma и окрестныя горы съ терассы. Восхитительная аллея. Отъ нея къ Муравьеву. Вечеръ у Волхонской (Потоцкая, Бунзенъ, Кестнеръ, Риччи). Пѣніе.

25 (13), суббота. Къ Катлю. Четыре ландшафта; голубая гротта; Смерть Тасса. Въ галлерею Schara [9]): Скрыпачь Рафаеля въ; С(вятый) Себастьянъ Перужина; Игроки Караважа; Скромность и Суетность Ленардо да Винчи; Мадонна Франчіи; портретъ Макіавеля. Въ галлерею Доріа: два портрета Рафаеля; 5 ландшафтовъ Клодъ Лорреня: Тиціанова красавица. Въ базилику св. .... [10]). Мазачіева Исторія св. Екатерины. Древность самой церкви. Въ виллу Массими. Фрески изъ Аріоста Шнорра, изъ Данте Фейта и Фогта (?), изъ Тасса Овербека и Фюриха [11]). Лучше всего Смерть Гильдиппы, нѣкоторыя фигуры изъ Данте.

---

[1]) Леопольдъ Роберъ (Robert, р. 1794 † 1835).

[2]) Францъ Катель (Catel, р. 1778†1859), долго жившій въ Римѣ.

[3]) Пейзажистъ Іосифъ-Антонъ Кохъ (р. 1768 † 1839).

[4]) Пейзажистъ Іоганнъ-Христіанъ Даль (р. 1788†1857).

[5]) Для имени художника оставленъ пробѣлъ.

[6]) Баденскій скульпторъ.

[7]) Фамилія писана не вполнѣ разборчиво.

[8]) Вѣроятно, Винспіеръ, Робертъ Антоновичъ, генералъ-маіоръ, состоявшій при нашемъ посольствѣ въ Римѣ.

[9]) Т. е. Sciarra.

[10]) Для названія базилики оставленъ пробѣлъ.

[11]) Залы villa Massimi были разрисованы въ 1821—1828 гг. нѣмецкими живописцами Шнорромъ, Фейтомъ, Кохомъ, Овербекомъ и Фюрихомъ.

Въ Сикстинскую капеллу: Gallerie royale; пѣніе; контроли; недостатокъ величества. Къ скульптору séance. Потомъ къ графинѣ Потоцкой (Аббатъ. Принцъ Ольденбургскій). Послѣдній вечеръ у Бунзена.

14 (26), воскресенье. Баккано [1]): кратеръ, уединенный почтовый дворъ. Обѣдъ въ Понтерози [2]). Споръ съ вентуриномъ, который оказался, наконецъ, добрымъ человѣкомъ. Рончильоне надъ обрывомъ. Взъѣздъ на гору. Масса пиній. Озеро посреди кратера, бока покрыты густымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Genista odoratica. Холмы (старинные города вольсковъ), желтые отъ цвѣтовъ. Долина. Посреди уединенный домъ. Cativaria. Дорога по хребту горъ между двухъ прелестныхъ долинъ съ правой. Смѣсь рощъ и ущелій, и на горизонтѣ горы разныхъ тоновъ до самаго свѣтлоголубаго; слѣва глубокая и широкая долина, зеленый лугъ, по бокамъ зеленые дубы и каштаны; на высотѣ ихъ хребта облака какъ вата, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ, и совершенная пустота. Спускъ къ Витербо. Ярмарка. Скверный трактиръ.

15 (27), понедѣльникъ. Выѣздъ изъ Витербо въ 4 часа послѣ дурной ночи. Монтефіасконе. Бользенское озеро, оливы, дубы. Два острова на озерѣ. Воспоминаніе о Амалазунтѣ [3]). Бользена какъ одинъ утесъ. Взъѣздъ къ S. Lorenzo Nuovo. Великолѣпная вегетація. Классическое мѣсто разбойниковъ. Обѣдъ въ S. Lorenzo. Aquapendente. Отсюда до Радикофани взволнованная волканическая сторона. Голые холмы, составляющіе одну гору. Крутой взъѣздъ къ Радикофани. Замокъ на утесѣ, подъ нимъ деревня. Уединенный трактиръ, очень покойный. Видъ на пустыню при свѣтѣ луны. Крики сверчковъ, а поутру пѣніе птицъ.

16 (28), вторникъ. То же, что̀ вчера. Голая взволнованная сторона. Изрѣдка сѣна запахъ. Обѣдали въ Buonconvento (Бѣда отъ мула). Одна улица съ двумя воротами. Характеръ стороны тотъ же, но менѣе гористъ; болѣе обработанности; горы одѣты зеленью; жилища чище. Мы въ Тосканѣ. Костюмъ женщинъ. Мужскія шляпы. Около Сіены голая вулканическая сторона. Городъ на высотѣ. Вымощенъ широкими плитами лавы и кирпичемъ. Множество домовъ, напоминающихъ Средніе вѣка. Многіе съ башнями. Великолѣпная каѳедральная церковь готическо-византійской архитектуры. Полъ, выс(т)ланный мозаикою. Пестрота портала; великолѣпная каѳедра съ барельефами, изображающими жизнь Спасителя отъ Рождества до Страшнаго суда; папы въ карнизѣ; фрески

---

[1]) Т. е. Bracciano.

[2]) Т. е. Monterosi.

[3]) На одномъ изъ этихъ острововъ, именно Мартана, была задушена въ 537 году королева остготовъ Амалазунта, дочь Теодориха Великаго.

Пинтурикія по рисунку Рафаеля, изображающіе жизнь папы Енея Сильвія [1]); на потолкѣ крестъ, съ одной стороны Плутонъ, съ другой Венера. Три Граціи. Рѣзной хоръ удивительной работы; цвѣтныя окна. Площадь передъ церковью. Городская площадь раковиною. Публичное гульбище. Ночевалъ въ хорошемъ трактирѣ.

17 (29), середа. Выѣздъ изъ Сіены въ $5^1/_2$ часовъ. Прекрасное свѣжее утро. По обѣимъ сторонамъ лѣсистые холмы. Виллы съ кипарисами. На зеленыхъ нивахъ шелковицы; воздухъ напоенъ запахомъ chèvrefeuille и розъ. Красный видъ земли. Излучистая узкая долина, коей дно составляетъ бѣлая дорога; по бокамъ, на скатѣ холмовъ, дубы. Обѣдалъ въ Барберино. Несчастье съ вентуриномъ. Съ сихъ поръ все болѣе обработано, волканическія формы исчезаютъ, всюду бѣлѣютъ вил(л)ы. На домахъ голубятни. Первый видъ Флоренціи отъ S. Cassiano: волны горъ, покрытыхъ пышными растеніями, оливами, пиніями, кипарисами, шелковичными деревьями, виноградомъ, дубами; между зеленью бѣлая лента дороги. Надъ Флоренціею Фьезоли [2]) и множество голубыхъ горъ, испещренныхъ виллами; горы покрыты пиніями. Спускъ по крутой, извилистой долинѣ пѣшкомъ. Въ глубинѣ ручей; высокія деревья по бокамъ; прекрасный мостъ; роща; лугъ; стадо козъ, окруженныхъ сѣнью. Картезіанскій монастырь на высотѣ. Въѣздъ прекраснымъ вечеромъ во Флоренцію. Остановились въ трактирѣ 4 Nations, у Ponte di Trinità. Здѣсь жила великая княг(иня) Елена Павловна. Мы живемъ въ комнатахъ Опочининой. Планъ.

18 (30), четвергъ. Флоренція. У к(нязя) Горчакова [3]). Въ каѳедральную церковь: бюсты Бруне(л)лески и Жіотто. Портретъ Данта (Пацци [4]). Philelphe) [5]). Campanile [6]) по рисунку Жіотто. Sasso di Dante [7]) и памятникъ Брунеллески. Огромность болѣе внѣ, нежели внутри.—Baptisterium. Мозаики Тафіевы. Двери Пизано и Гиберти.—S. Lorenzo. Chapelle de Michel Ange. 4 времени дня, исковерканныя, неконченныя фигуры. La pensée. Капелла Медицисовъ: варварское богатство.—S. Maria Novella—единственная въ городѣ фасада. S. Vierge de Cimaboué. Crucі-

---

[1]) Папы Пія II (Энея-Сильвія Пикколомини) (былъ папою съ 1458 по 1464 годъ).

[2]) Т. е. Fiesole.

[3]) У князя Александра Михайловича Горчакова (будущаго канцлера), въ то время повѣреннаго въ дѣлахъ во Флоренціи.

[4]) Фамилія, устроившая въ XV вѣкѣ заговоръ противъ Медичи.

[5]) Франческо Филельфо (Filelfo, р. 1398 † 1481), знаменитый италіанскій гуманистъ.

[6]) Т. е. колокольня.

[7]) Камень, вдѣланный въ стѣнѣ, на которомъ Данте любилъ отдыхать лѣтомъ.

fix de Giotto.—L'annunciata [1]). Fresques d'Andrea del Sarto. Le Christ de Giova(n)ni di Bologna; его барельефы страданій Спасителя и гробъ.—Palazzo Ve(c)chio.—Piazza di Palaz(zo) Vecch(io).—Loggia. Давидъ М(икель) Анжа. Геркулесъ Бандинелли. Персей Челлини. Юдиѳь Донателло. Сабинка G(iovanni) di Bologna и его же монумен(т)ъ Козма [2]).—Галлерея di Ufficii [3]). Ніобея. Въ Трибунѣ: статуи Венеры и Аполлона (красота, идеальный обликъ головъ), Le Rémouleur [4]), Фавнъ, Борцы. Картины: портреты Дони [5]), Іюлія II [6]) и Форнарины [7]); двѣ Мадонны и с(вятый) І(оаннъ) Креститель Рафаеля.—Двѣ Венеры Тиціана. Иродіада Луини. Мадонна Коррежія. Мадонна Андрея дель Сарто. Мантенья. Микель Анжа. Альбрехтъ Дюреръ Поклоненіе волхвовъ. Сивилла Гверчина. Fra Bartholomeo Пророки.—Въ другихъ горницахъ. Ленардо да Винчи Голова Медузы и портретъ. Аллори Спящій Христосъ младенецъ на крестѣ. Албертинелли La Visitation. Несравненно. Ange Allori Сошествіе Спасителя со славою. Встрѣча на площади съ Горчаковымъ и условіе на завтрашній день. Послѣ обѣда въ Cassini [8]). Вечеръ дома.

19 (31), пятница. Флоренція. Поутру въ S. Croce. Tombeaux des grands hommes d'Italie: Микель Анжа, Данта, Альф(ь)ери, Макіавеля и Галлилея. Снятіе со креста Сальвіати. Сводъ капеллы. S. Sacrement Гадди. Спаситель на крестѣ, Богоматерь Жіотто и портретъ Жіотто. Монахъ, обожатель нашего государя. Въ рефекторіумѣ. Св. вечеря Жіотто. Къ Горчакову. К(нязь) Кантакузинъ. Съ ними въ галлереи. Трибуна. Зала Бароччіо. Эрмафродитъ. Меркурій Giovanni di Bologna. (Его Геркулесъ и Центавръ). Въ галлерею Питти черезъ переходъ, украшенный историческими картонами. Между прочимъ замѣтилъ принятіе русскихъ посланниковъ І(оанна) Васильевича. Въ залѣ Венеры: марины Сальватора Розы и два ландшафта Рубенса. Въ залѣ Аполлона: Вечеря Эммаусская Палма Веккіо; Чудо с(вятаго) Юліана Бронзино; Снятіе со креста Чиголи; Снятіе со креста Андреа дель Сарто; Магдалина Досси и Анжіоло Дони [9]), два портрета Рафаеля; Магдалина Тиціана. Въ залѣ Марса: Чиголи Ecce Homo; Рафаеля: La Vierge de la [10])

---

[1]) Т. е. Annunziata.

[2]) Козмы I Медичи.

[3]) Т. е. degli Uffici.

[4]) Т. е. точильщикъ.

[5]) Пріятеля Рафаеля, Анжіоло Дони.

[6]) Папы Юлія II (былъ папою съ 1503 по 1513 годъ).

[7]) Красавицы-римлянки, къ которой питалъ самыя нѣжныя чувства Рафаель.

[8]) Т. е. Cascine, загородное гулянье во Флоренціи.

[9]) Портреты пріятеля Рафаеля, Анжіоло Дони и его жены.

[10]) Т. е. à la chaise.

chaise, Левъ X; Юдифь Кристофано Аллори; Рафаеля С(вятое) семейство dell'Impannata; Рубенса его портретъ съ братомъ, Юстомъ Липсомъ [1]) и Гроціемъ [2]). Въ залѣ Юпитера: Заговоръ Катилины С. Розы; Парки Микель Анжа; Св. Дѣва съ четырьмя святыми Андреа дель Сарто; С(вятый) Маркъ Fra Bartholomeo; его же Христосъ съ Магдалиною, цѣлующею Его ноги. Въ залѣ Сатурна: Юлій II Рафаеля; Спящій Христосъ Карло Долче; Воскресшій Спаситель между евангелистами Fra Bartholomeo; Снятіе со креста Перужина; Богоматерь на тронѣ Рафаеля; Портреты Inghirami [3]) и Бибіена [4]), Рафаеля; Видѣніе Езекіиля его же; Споръ о Троицѣ четырехъ святыхъ Андрея дель Сарто. Въ залѣ Иліады: два Вознесенія Андреа дель Сарто; портретъ женщины Рафаеля; Спаситель Тиціана. Въ залѣ Воспитанія Юпитера: Мадонна Рафаеля del Gran Duca и Святый Андрей Карло Долче. Зала Геркулеса Бенвенути. Малахитный столъ Демидова. Кіалли: Хоръ капуциновъ и Погребеніе капуцина. (Гране) [5]). La Vénus pudique de Canova. Статуя ребенка Pampaloni.—Обѣдали у Орлова [6]). Француженка жена и умная 14-лѣтняя дочь. Въ Кашини [7]). M-e Murat и Іеронимъ Наполеонъ [8]). Въ театрѣ Ivanhoe [9]) et La prise de Negrepont. Весьма посредственно.

20 (1 іюня), суббота. Поутру. Въ Кармелитскомъ монастырѣ. Прекрасныя фрески изъ жизни св. Антонія Петра Мазаччіо и Мазолино. Въ церковь S. Spirito. Великолѣпная архитектура. Опять въ галлерею Питти.—(Вчера въ домъ Микель Анжа. Галлерея съ картинами изъ его жизни. Его домашняя церковь. Его работа съ boiserie по стѣнамъ. Мраморный столъ по срединѣ, разныя реликвіи).—Осматривали фабрику мозаиковъ и чудесныя работы для капеллы Медицисовъ. Въ галлереѣ старыя весьма замѣчательныя картины отъ Чимабуе до Рафаеля, гдѣ замѣтили прекрасныя произведенія Органьи, Фьезоле, Мазаччіо, Липпи, Вероччіо [10]), учителя Ленардо, Андреа дель Кастагно, Ботичелли, Креди, особенно Перужина. Здѣсь находится Рафаелевъ картонъ Мадонны.

---

[1]) Знаменитый голландскій филологъ (р. 1547 † 1606).

[2]) Знаменитый голландскій ученый Гуго Гроцій (1583†1645).

[3]) Tommaso Fedro Inghirami (р. 1470†1516), гуманистъ и секретарь папы.

[4]) Кардиналъ Dovizzi da Bibbiena (р. 1470†1520).

[5]) Французскій живописецъ Франсуа Granet (р. 1775†1849).

[6]) Вѣроятно, у Григорія Ѳедоровича Орлова († 1850, въ чинѣ генералъ-маіора). Его дочь была потомъ замужемъ за тосканскимъ графомъ Орсини.

[7]) См. выше, стр. 298, прим. 8-е.

[8]) Сестра и братъ Наполеона I: вдова короля неаполитанскаго Іоахима Мюрата, Королина-Марія-Аннунціата, умершая во Флоренціи въ 1839 году, и Іеронимъ-Наполеонъ (бывшій король вестфальскій) (р. 1784†1860).

[9]) Опера Россини и Пачини.

[10]) Т. е. Verocchio.

Послѣ обѣда въ садъ Строцци, гдѣ жила въ послѣдніе дни наша Витгенштейнъ [1]). Прелестныя, тѣнистыя аллеи, лабиринтъ, вилла съ террассою, лавры, кипарисы, гроты, долина Данта. Вечеръ дома.

21 (2), воскресенье. Троицынъ день. Выѣздъ изъ Флоренціи. Обѣдня. Покупки. Весьма трудное путешествіе до Ливурны, куда пріѣхали въ дождь, въ 3 часа ночи. Остановились въ трактирѣ Croce di Malta.

22 (3), понедѣльникъ. Ливурна. Сильный дождь и вѣтеръ. Въ конторѣ парохода. На кладбищѣ [2]). Погода задержала отъѣздъ. Ввечеру опять на кладбищѣ, гдѣ рисовали. Шуваловы.

23 (4), вторникъ. Ночью буря. Пароходъ опять задержанъ. Я ѣду по почтѣ до Генуи, оставивъ багажъ на пароходѣ. Писалъ къ Лабанду [3]). Дорога къ Пизѣ совсѣмъ не такова, какую видѣлъ прежде.— Видъ на cathédrale, baptisterio и на колокольню съ дороги въ Лукку. (Приготовленіе къ люминарѣ) [4]). Сходство съ Дерптомъ: нивы и огромныя зданія. Богатая, обработанная сторона; Апеннины, покрытые оливами, и виллы съ зелеными лужайками; плети виногра(да) по деревьямъ; вмѣсто забора плющъ; фиги, оливы, платаны, серебр(истые) тополи, кипарисы, розовыя бесѣдки. Деревья на пышныхъ нивахъ и огородахъ. Развалины замковъ Среднихъ вѣковъ по горамъ. Тосканская таможня Ripafratta. (Изъ-за зеленыхъ деревьевъ голубыя горы). Черезъ двѣ сажени другая таможня Clogana de Cerasomma. Поля, покрытыя всякаго рода цереалами, вмѣсто оградъ деревья, соединенныя фестонами виноградныхъ лозъ. Лукка посреди зеленой равнины, покрытой нивами, деревьями, виллами; городъ, окруженный валомъ, на коемъ мѣстное гульбищ(е); проѣхавъ городъ, въѣзжаешь въ узкую долину Горы покрыты каштанами. Чудесной видъ съ боковыми долинами. Видъ на море черезъ ущелья горъ. Часовня. Прелестная равнина, по коей спускъ по крутизнѣ; прекрасная дорога съ высокимъ garde-fou [5]). Боковые спуски для пѣшеходовъ. Поздній пріѣздъ въ Массу, гдѣ ночевали въ прекрасномъ трактирѣ у Франсуа. Бездна свѣтящихся червяковъ.

24 (5), середа. Выѣздъ въ 5 часовъ. Масса, чистый городъ. Площадь съ огромнымъ старинымъ дворцомъ краснаго цвѣта. Спускъ къ великолѣпному мосту въ одну арку. Бездна садовъ и дачъ. Въѣздъ въ долину; глубокое дно, въ коемъ море оливъ. За входомъ въ долину ки-

---

[1]) См. о ней выше, стр. 224, прим. 3-е.
[2]) Гдѣ похоронена племянница Жуковскаго, А. А. Воейкова.
[3]) Нашему консулу въ Марсели (см. выше, стр. 270, прим. 1-е).
[4]) Luminaria—иллюминація.
[5]) Загородка.

пящее море. Спускъ къ Карарѣ; справа мраморныя ломки, Карара на самомъ днѣ долины. Дорога безпрестаннымъ зигзагомъ, между тѣнистыхъ каштановъ. Въ стѣны вдѣланы мраморныя Мадонны, окна хижинъ обложены мраморомъ. Шоссе блеститъ отъ мрамора; воды льются черезъ мраморныя плотины; долина представляетъ рощу всякаго рода деревьевъ, переплетенныхъ виноградными вѣтвями. Лавенца [1]). Все тотъ же характеръ природы до Сарзаны. Множество померанцовыхъ деревьевъ. Сарзана. На высотѣ старинный замокъ. Объѣздъ кругомъ стѣнъ, окруженныхъ рвомъ и чудесно покрытыхъ плющемъ и цвѣтами. Слѣва Аргола, городокъ или деревня, построенная на утесѣ. (Вишни, тополи, виноградъ, оливы, ивы, дубы). Обѣдали въ Спецціи. Глубокій заливъ, окруженный великолѣпными горами. Отсюда вверхъ зикзакомъ, сперва ввиду моря, потомъ оно исчезаетъ; переѣзжаемъ за гору; дикость, голые камни, но не надолго; живописныя картины возвращаются; спускъ между ними. Пышныя растенія, но мало обработанности, которая отъ Спеціи уменьшается. Мостъ мраморный въ одну арку. Замки на высотахъ. Боргетто. На дорогѣ примѣчательный безплодный островъ утеса изъ Grünstein, совершенно голый посреди окружающей его зелени. Наконецъ является огромный котелъ горъ, въ глубинѣ коего бездна утесистыхъ холмовъ, покрытыхъ мохомъ. Дорога идетъ по высокимъ краямъ котла. Уединенный почтовый дворъ на краю котла. Чѣмъ далѣе, тѣмъ безплоднѣе утесы, и не понимаешь, какъ могла быть проложена по нимъ дорога. Живописный проѣздъ. Кусты, а не деревья, Heidekraut, Zistusrosen, лавры, зеленые дубы; вблизи ихъ деревни. Утесы. Талкъ, шиферъ, гринштейнъ. Переѣздъ сквозь прорывъ горы на западную сторону. Болѣе зелени. Спускъ. Видъ залива и мыса. Волны віолетовыхъ холмовъ, озаренныхъ заходящимъ солнцемъ. Внизу на заливѣ Монельо; віолетово-голубое море у береговъ. Спускъ къ Сестри въ сумерки. Сестри въ прелестной равнинѣ. Сады. Дорога отъ Сестри къ Кіавари берегомъ моря. Справа стѣны, слѣва рядъ кактусовъ. Роща, наполненная свѣтящимися червяками. Лаванья. Сестри. Прекрасный трактиръ на почтѣ.

25 (6), четвергъ. Пріѣздъ въ Геную черезъ Рекко, Рапалло и Нерви. Близъ Рекко оканчивается Наполеонова дорога великолѣпною галлереею и сводомъ. Отсюда видъ на весь заливъ Генуи, испорченный для насъ дождемъ. Чудесная дорога берегомъ въ виду несуща(гося) моря. Съ одной стороны утесъ Сестри, съ другой весь заливъ Генуезскій. Нерви городъ на берегу, коего дома тонутъ въ безднѣ померанцовыхъ садовъ. Генуя. Усталость и дождь помѣшали осмотру города. Пароходъ идетъ еще на другой день въ полдень. Нерѣшимость. Ввечеру въ те-

[1]) Т. е. Avenza.

атрѣ: Barbier de Séville [1]) и la Festa di Rosa [2]). Madame Ungen въ роли Розины.

26 (7), пятница. Ѣдемъ на пароходѣ. Въ 11-ть часовъ послѣ завтрака на пароходъ, набитый скучными англичанами. Грустное прощанье съ Тургеневымъ. Путешествіе во весь этотъ день быстро и счастливо. Я читалъ Вашингтона Ирвинга [3]). Два любовника. Мильсъ съ измятою рожею. Принцесса кухарка. Угрюмый и лаконическій капитанъ съ смуглою рожею. Ночь на палубѣ подъ прелестными звѣздами.

27 (8), суббота. Утро прекрасное; но съ 8 часовъ до самаго пріѣзда въ Марсель въ $3^1/_2$ часа несносная качка... [4]). Все время пролежалъ, ничего не видя и не желая видѣть. А небо удивительно ясно. Наконецъ знакомый запахъ... [5]) возвѣстилъ намъ близость Марсели. Ужасная духота въ городѣ. Скучныя таможенныя хлопоты. Лабандъ [6]). Весь вечеръ провалялся какъ убитый.

28 (9), воскресенье. Марсель. Утро до $4^1/_2$ дома. Ужасная духота и вонь. Обѣдалъ у Лабанда. Прекрасный вечерній видъ съ его террассы. Голыя утесистыя горы бѣлы, обагренныя лучами солнца, и надъ ними алое небо; тысячи бастидъ и бѣлый городъ на блѣдно-зеленомъ фонѣ оливъ. Что-то похожее на жилище духовъ. Князь Хилковъ и Бланшнѐ у консула. Въ 10-мъ часу домой.

---

29 (10), понедѣльникъ. Выѣздъ изъ Марсели. Поутру въ ванну. Укладка. У меня Лабандъ, Бланшнѐ и Хилковъ. Замѣчаніе о таможнѣ. Право конфисковать. Выѣздъ въ $^1/_2$ 6. Дорога черезъ дикія, уже знакомыя мѣста; деревья у дороги, покрытыя ужасною пудрою. Прекрасный замокъ съ густыми аллеями, лугомъ и фермою посреди деревьевъ. Захожденіе солнца, чудесное, очаровательная окрестность, янтарное небо, черныя горы, алыя облака. Въ Эксѣ въ Hôtel des princes. Краснорѣчивая хозяйка. Порядочно, но дорого.

30 (11), вторникъ. Переѣздъ отъ Aix до Оранжа. Обѣдали въ Оронѣ; проѣхали Авиньонъ. Въ Оранжѣ огромный почтовый дворъ съ комнатами старинными.

31 (12), середа. Переѣздъ отъ Оранжа до Валансы. Ужасный ми-

---

[1]) Опера Россини.

[2]) Festa della Rosa, опера итальянскаго композитора Піетро Коппола (Coppola).

[3]) Извѣстный американскій писатель (р. 1783 † 1859).

[4]) Одна фраза при печати выпущена.

[5]) Одно слово при печати выпущено.

[6]) См. выше, стр. 270, прим. 1-е.

страль. Густыя облака пыли душатъ и слѣпятъ. Онъ лишилъ насъ обозрѣнія тріумфальныхъ воротъ близъ Оранжа. Обѣдали въ Монтелимарѣ. Послѣ обѣда тише. Чѣмъ ближе къ Валансу, тѣмъ пріятнѣе сторона: равнина, покрытая садами, нивами, шелковичными и орѣховыми деревьями. Кругомъ горы; въ низкихъ густыхъ берегахъ скрывается Рона. Ночь въ Валансѣ. Прекрасный трактиръ Hôtel de la poste. Маріанна и Марія.

1 (13) іюня, четвергъ. Отъ Валанса до Гренобля вся дорога идетъ долиною Изеры. Справа величественные Альпы удивительной формы съ разнообразными вершинами. Цвѣтъ бѣловатый и зеленожелтоватый утесовъ. На широкомъ днѣ долины холмы, составляющіе хребетъ. Долины покрыты густыми каштанами, орѣхами, шелковицами. Широкія нивы, размежеванныя виноградными оградами, составляющими заборы; дерева, дома, дерева. Каштаны въ цвѣту. Обѣдали въ S.-Marcellin. Живописный спускъ къ Tullin. Бѣлые дома съ красными кровлями, Château de Veurée [1]). Удивительно живописные деревни и замки. Копны сѣна и запахъ. Тополи. Дорожки боковыя, осѣненныя деревьями. Проѣздъ сквозь огромныя ворота утесовъ. Утесъ направо чудной формы. Виноградъ около деревьевъ, вмѣсто фесто(но)въ трельяжъ и колья. На высотѣ горъ вмѣсто елей каштаны, пажити, хижины. Гренобль за Изерою. Паспортъ. Несносная ночь въ Hôtel des ambassadeurs.

2 (14), пятница. Переѣздъ изъ Гренобля въ Aix-les-Bains. Такая же сторона, какъ и вчера, не столь разнообразна. Дождь. Шамбери въ прелестной долинѣ, окруженный зелеными каштановыми и тополевыми аллеями. Mont Cénis. Утесы, въ коихъ скрыта La Grande Chartreuse [2]). Въ Aix Hôtel Grillon очень чистый. Дождь. Передъ окнами площадь. Дилижансы. Лавка кондитора.

3 (15), суббота. Переѣздъ изъ Экса въ Женеву. Бой непогоды съ солнцемъ. Плодоносная сторона. Каштаны и орѣхи. Альбервиль. Предика нищимъ. Обѣдъ въ колескѣ. Время къ вечеру исправилось. Пріѣздъ въ 5 часовъ въ Женеву. Наконецъ день прекрасный въ Женевѣ. Поѣздка въ лавки. Потомъ за горо(до)мъ черезъ Преньи и Шамбези. Видъ на Монбланъ и на массу горъ при солнечномъ захожденіи. У Привà [3]).

4 (16), воскресенье. Рейтернъ отправляется на пароходѣ. Я остаюсь для консультаціи. Переѣздъ изъ Женевы въ Вернѣ.

---

[1]) Т. е. Veurey.

[2]) Знаменитый монастырь, въ департаментѣ Изеры, основанный въ XI вѣкѣ св. Бруно.

[3]) О большинствѣ лицъ, упоминаемыхъ въ дневникѣ за время пребыванія Жуковскаго въ Вернѣ и Лозаннѣ въ іюнѣ и іюлѣ 1833 года, см. выше, въ примѣчаніяхъ на стр. 242—263.

5 (17), понедѣльникъ. Отдохновеніе.

6 (18), вторникъ. Писалъ къ Гизану. Чтеніе журналовъ. Пляска.

7 (19), середа. Писалъ письма [1]).

8 (20), четвергъ. Письма къ Северину и M-elle Wildermeth. У насъ Бокъ и Лютернò.

9 (21), пятница. Чтеніе Бунзена [2]).

13 (25), вторникъ. Въ 10 часовъ сдѣлана операція [3]).

14 (26), середа. У меня Бокъ.

16 (28), пятница. У меня Лютернò.

17 (29), суббота. Лютернò. Покупка гравюръ.

18 (30), воскресенье. У меня Пиливе.

21 (3 іюля), середа. Пріѣздъ Лори. Вѣсти изъ Марсели. Письмо отъ Жиля.

22 (4), четвергъ. Письмо отъ Мердера.

26 (8), понедѣльникъ. Несчастіе съ Міею [4]).

27 (9), вторникъ. Отъѣздъ Лори. У насъ чтеніе.

28 (10), середа. Вторая операція.

29 (11), четвергъ. Каламъ [5]).

1 (13) іюля, суббота. Расплатился съ Майоромъ [6]).

3 (15), понедѣльникъ. У насъ Бокъ.

4 (16), вторникъ. Разсчетъ съ Гизаномъ.

5 (17), среда. Въ 10 часовъ поутру выѣздъ изъ Вернѐ. Прибытіе Привà. Рисовалъ съ дороги. Въ Вевѐ у Бланшнѐ, на почтѣ и у Жантона. Ост(ановился) въ 3 Couronnes. Чтеніе Гёте и его французскаго переводчика. Разговоръ объ аристократіи съ Тургеневымъ. Прогулка въ S.-Martin.

6 (18), четвергъ. Выѣздъ въ $^1/_2$ [7]) на пароходѣ Жантонъ. Бокъ. Музыка. Американецъ съ больною женою. Добрый Привà. Прощанье [8])

---

[1]) Между прочимъ, отъ этого числа есть письмо Жуковскаго къ наслѣднику Александру Николаевичу, съ припискою отъ 14 іюня (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, стр. 396—398.

[2]) См. выше, стр. 263, прим. 3-е.

[3]) Объ этой операціи Жуковскій упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ наслѣднику Александру Николаевичу (въ припискѣ отъ 14 іюня) (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, стр. 398).

[4]) Съ Міею (Маріею) Рейтернъ († 1847), будущею свояченицею Жуковскаго.

[5]) Быть можетъ, невшательскій политическій дѣятель, литераторъ и публицистъ Henri-Florian Calame (р. 1807†1863), племянникъ той M-elle Calame, о которой см. выше, стр. 245, прим. 1-е, и ниже, подъ 6 іюля.

[6]) Докторомъ, производившимъ операцію Жуковскому.

[7]) Часъ въ дневникѣ не означенъ.

[8]) Андрюши Воейкова съ M-r Privat, въ пансіонѣ котораго онъ находился. Жуковскій увозилъ съ собой въ Россію Андрюшу Воейкова.

и слезы. Je veux à Genève [1]). У M-elle Calam(e). У Лагарпа. У Девеле. Обѣд(алъ) у Лагарпа. Въ penitencière.—Чай у Лагарпа. Разговоръ о Польшѣ.

7 (19), пятница. Jour de nai(ancess) de Reutern [2]). Выѣздъ изъ Лозанны въ 7 часовъ. Обѣдали въ Мудонѣ (трактиръ, лѣстница винтомъ). Между Мудономъ и Пайерномъ пріятная долина. Замокъ Lussens [3]). Пайернъ. Старинная церковь. Лошади отдыхали, а я пѣшкомъ съ Андрюшей [4]). (Экзаменъ. On ne peut pas bouger) [5]). Аллея за городомъ вдоль дороги. Авеншъ. На высотѣ старинная церковь; часы какъ въ рукахъ; терасса съ тѣнистыми деревьями за городомъ. Артисты на трубахъ.

8 (20), суббота. Ночевалъ въ Муртенѣ. Трактиръ La Couronne очень порядочный и чистый на берегу озера. Пирамиды. Переѣздъ въ Бернъ. Видъ на рядъ горъ. Остановился въ Faucon. Обѣдъ вмѣстѣ съ Віолье [6]). Къ Лори. Къ Ольферсу [7]). Вильмотъ. Опять къ Лори. Домой.

9 (21), воскресенье. Поутру въ 8 часовъ отправился съ Андрюшею въ Блуменштейнъ къ Сѣверину. Минеральныя воды у подошвы Штокгорна. Эрмитажъ. Curhaus. Явленіе графа Строганова. Обѣдъ за общимъ столомъ съ 60 гостями. Танцы послѣ обѣда. Покупка коляски. Возвращеніе въ 8½ часовъ.

10 (22), понедѣльникъ. Поутру у Лори и у Ольферса. У меня обѣдалъ Сѣверинъ съ Віолье. Чай пилъ у Сѣверина.

11 (23), вторникъ. Выѣздъ въ 8 часовъ. Перемѣна лошадей въ Золотурнѣ. Небольшой городъ, окруженный каменными бастіонами. Замки. Биль въ сторонѣ слѣва. Клусъ надъ дорогою посреди узкаго утесистаго прохода. Бальсталь въ долинѣ между двумя замками. Живописные утесы. Отъ Бальсталя переѣздъ черезъ Hau(e)nstein. Спускъ вплоть до Базеля.

12 (24), среда. Базель—Фрейбургъ. Поутру. Въ библіотеку. Картины и рисунки Гольбейна [8]). Неблагородство Христа. Рисунки Страсти выразительно. Портретъ жены, Эразма [9]), семейство Моруса [10]). Пляска смерти. Римскія древности. Каѳедр(альная) церковь наст(оящаго) готи-

---

[1]) Т. е. Мнѣ хочется въ Женеву (слова Андрюши Воейкова).
[2]) Т. е. День рожденія Рейтерна.
[3]) Т. е. Lucens.
[4]) Воейковымъ.
[5]) Т. е. Нельзя двигаться.
[6]) См. выше, стр. 239, прим. 3-е.
[7]) См. выше, стр. 212, прим. 8-е.
[8]) Ганса Гольбейна Младшаго (р. 1497†1543).
[9]) Знаменитаго ученаго Эразма Роттердамскаго († 1536).
[10]) Томаса Моруса (Мура, † 1535), великаго канцлера Англіи, автора Утопіи".

ч(ескаго) стиля. Святой Георгій и Мартынъ изъ камня. Рѣзная каѳедра; гробы жены Рудольфа Габ(сб)ургскаго [1]) и Эразма [2]). Нижняя церковь и гробы. Зала собора. Фальцъ [3]) съ прекрасными деревьями, Kreuzgang=C(ampo) Santo. Ратуша, старинная зала и стекла. Камера-обскура—видъ на Рейнъ и 3 Könige. Переѣздъ въ Эммендингенъ. Kalte Herberge. Грубіанъ почталіонъ. Въ Фрейбургѣ коляска съ англичанками и студенты. Андрюша и солнце. Dieu est plus grand que la terre [4]). Ночев(алъ) въ Эммендингенѣ. Adler. Прекрасныя комнаты. Rehbraten [5]).

13 (25), четвергъ. Переѣздъ изъ Эммендингена въ Баденъ. Обѣдъ въ Оффенбургѣ. Кладбище. Въ 7 часовъ въ Баденѣ. Долгое исканіе квартиры. Тѣсная комната въ Sonne. Вечеръ у Мердеръ. Здѣсь Жомини [6]), Шторхъ [7]), принцъ Фридрихъ [8]).

14 (26), пятница. У Жомини. Писалъ къ в(еликому) кн(язю) [9]). Поѣздка въ Герренбаль. Обозрѣніе Эберштейна, хорошо убраннаго эрцгерцогомъ. Въ salon de conversation. Жомини: программа, Хатовъ [10]) и Бутурлинъ [11]). Pixerécourt [12]) и M-e Jomini съ дочерьми.

15 (27), суббота. Поутру у Мердера, потомъ у Шторха въ домѣ графа Мантейфеля. Обѣдъ въ Badische Haus. Послѣ обѣда Заблоцкій. Страхъ отъ Андрюшки. Ende [13]) и Энгельгартъ. Чай у Мердера. Прусскій посланникъ Оттерфельдъ [14]).—Балъ. Графъ Мантейфель. Виттъ. Князь Голицынъ и нѣсколько бородъ.

---

[1]) Императрицы германской Анны († 1281).

[2]) См. выше, стр. 305, прим. 9-е.

[3]) Pfalz—терасса, обсаженная каштановыми деревьями.

[4]) Т. е. Богъ больше земли.

[5]) Жаркое изъ дикой козы.

[6]) Извѣстный генералъ баронъ Жомини (р. 1779 † 1869); въ 1837 г. онъ преподавалъ наслѣднику Александру Николаевичу стратегію.

[7]) Андрей Карловичъ Шторхъ (р. 1766†1835), академикъ, извѣстный трудами по статистикѣ и политической экономіи, бывшій чтецомъ у императрицы Маріи Ѳеодоровны и наставникомъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей.

[8]) Принцъ Фридрихъ Прусскій (см. выше, стр. 226, прим. 6-е).

[9]) См. это письмо въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 398—399.

[10]) Александръ Ильичъ Хатовъ (р. 1780 † 1846), генералъ, военный писатель и составитель картъ.

[11]) Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ (р. 1790 † 1849), военный историкъ, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта и директоръ Императорской Публичной Библіотеки.

[12]) René-Charles-Gilbert Pixerécourt (р. 1773†1844), плодовитый французскій драматическій писатель.

[13]) См. выше, стр. 198, прим. 2-е.

[14]) Фамилія написана въ дневникѣ ошибочно; надо читать: баронъ Otterstedt.

16 (28), в(оскресенье). Баденъ—Дармштатъ. Завтракалъ въ Раштатѣ. Площадь съ церковью. Головы живописныя въ salle de compagnie Обѣдалъ въ Брухсалѣ. Ночевалъ въ Дармштатѣ, Darmstädter Hof.

17 (29), п(онедѣльникъ). Ганау—Франкфуртъ. Пріѣздъ во Франкфуртъ; въ Weidenhof. Рейтернъ. Викулинъ [1]). Бехтѣевъ [2]). Къ Югелю [3]) и Эрдману. Обѣдъ за table d'hôte. Поѣздка въ Ганау. Жиль.—Вечеръ дома.

18 (30), вт(орникъ). Ганау—Франкфуртъ. Weidenhof. Югель. Анштетъ [4]). О портретѣ Рейтерна. Лауницъ [5]). Письма взялъ съ почты. Книгу Сѣверина. Бѣлье и платье. Отъѣздъ Рейтерна. Писалъ письма: къ в(еликому) князю [6]), къ Аренту [7]), къ Е(катеринѣ) Аѳанасьевнѣ [8]), къ Сѣверину, къ Тургеневу [9]). Обѣдалъ у Бехтѣева. У Багрѣевой [10]). Къ Жиллю. У меня Сафоновъ и Жилль.

19 (31), ср(еда). У меня Лауницъ и Бехтѣевъ. Къ Югелю. Къ Эрману. Къ князю Григорію Гагарину [11]). Заказалъ платье и бѣлье. Отъѣздъ въ Шлангенбадъ черезъ Вейльбахъ. Въ Висбаденѣ встрѣча съ Кутузовымъ и Блиссенбахомъ [12]). Въ Шлангенбадѣ остановка въ Nassau(er) Hof. Весь вечеръ все приводилъ въ порядокъ. Здѣсь Бернсторфъ [13]), в(еликая) княгиня [14]) подъ именемъ гр(афини) Романовой. Цвирлейнъ [15]) съ Штольтерфотъ [16]) и М-е Viollier [17]).

20 (1 августа), четвергъ. Шлангенбадъ. Ванны. У Цвирлейна, у

---

[1]) См. выше, стр. 192, прим. 1-е.

[2]) См. выше, стр. 222, прим. 2-е.

[3]) См. выше, стр. 202, прим. 7-е.

[4]) См. выше, стр 165, прим. 2-е.

[5]) См. выше, стр. 230, прим. 6-е.

[6]) См. это письмо (съ датою 19 (31) іюля 1833 г.) въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 399—400.

[7]) Къ лейбъ-медику Н. Ѳ. Арендту.

[8]) Протасовой.

[9]) См. это письмо (съ датою 19 (31) іюля) въ „Письмахъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 280.

[10]) У дочери М. М. Сперанскаго, Елизаветы Михайловны Фроловой-Багрѣевой (р. 1799†1857).

[11]) Къ князю Григорію Ивановичу Гагарину (р. 1782 † 1837), товарищу Жуковскаго по Университ. благородному пансіону и въ то время бывшему нашимъ посланникомъ въ Мюнхенѣ.

[12]) См. выше, стр. 227—228.

[13]) Прусскій министръ, графъ Христіанъ Бернсторфъ (р. 1769 † 1835).

[14]) Великая княгиня Анна Ѳеодоровна (первая супруга цесаревича Константина Павловича), какъ это видно изъ дальнѣйшихъ записей въ дневникѣ.

[15]) См. выше, стр. 227, прим. 1-е.

[16]) См. выше. стр. 187, прим. 3-е, и стр. 227, прим. 2-е.

[17]) См. выше, стр. 181.

M-e Viollier, у Бернсторфа. Жена его, похожая на Сашу [1]). У в(еликой) княгини. Ея сестра графиня Менсдорфъ [2]).

21 (2), п(ятница). Обѣдалъ у великой княгини.

22 (3), с(уббота). Пасмурная погода. 1 ванна. У Бернсторфа.

23 (4), в(оскресенье). У меня князь Лопухинъ [3]). Поѣздка въ Швальбахъ. У Анштета. У Бернсторфъ.

24 (5), понедѣльникъ. Пилъ чай у в(еликой) княгини. Герцогъ Кобургскій, братъ ея [4]), и сестра графиня Менсдорфъ.

26 (7), среда. Ввечеру у меня Раухъ [5]) и Свербѣевъ [6]).

27 (8), четвергъ. Пріѣздъ Жилля. Отъѣздъ Рауха и Свербѣева. Молчаливый обѣдъ.

28 (9), пятница. У меня Сперанскій [7]). Поѣздка въ Швальбахъ и обѣдъ у Анштета. Письмо отъ Рейтерна.

29 (10), суббота. За общимъ столомъ обѣдалъ вмѣстѣ съ графинею Бернсторфъ, ея племянницею и зятемъ. Послѣ обѣда у Бернсторфъ. Принцъ Г(ессенъ)-Гомбургскій. Бернсторфъ съ дочерьми, Брандевштейнъ и другою. У Данекера [8]). У в(еликой) княгини подъ деревомъ. Разговоръ о королѣ [9]) съ Бернсторфомъ: A quel(le) cour peut on voir cela? Tout le monde est assez loin du roi, qui voit rarement les hommes, et personne ne craint l'intriguer [10]).

30 (11), воскресенье. Обѣдъ за table d'hôte съ семействомъ Бернсторфъ. Арнимъ [11]). Послѣ обѣда прогулка по большой дорогѣ. M-e Beck съ дочерьми. Ссора съ Андрюшею.

31 (12), понедѣльникъ. Прогулка съ Андрюшею къ Raventhal.

1 (13) августа, вторникъ. Завтракъ на терассѣ. Поутру у Бернс-

---

[1]) На Александру Андреевну Воейкову.

[2]) Старшая сестра великой княгини Анны Ѳеодоровны, принцесса Софія Саксенъ-Кобургская была замужемъ за фельдмаршаломъ-лейтенантомъ австрійской службы графомъ Эммануиломъ Менсдорфомъ.

[3]) См. выше, стр. 276, прим. 3-е.

[4]) Будущій король бельгійскій Леопольдъ.

[5]) См. выше, стр. 76, прим. 6-е.

[6]) См. выше, стр. 217, прим. 3-е.

[7]) О поѣздкѣ Сперанскаго за-границу въ 1833 году ничего не говорится въ „Жизни графа Сперанскаго" барона М. А. Корфа. Въ этомъ трудѣ (т. II, стр. 350—352) разсказывается лишь о поѣздкахъ его за границу въ 1830 и 1832 годахъ.

[8]) См. выше, стр. 161, прим. 16-е.

[9]) О королѣ Прусскомъ Фридрихѣ-Вильгельмѣ III.

[10]) Т. е. При какомъ дворѣ можно видѣть что-либо подобное? Всѣ держатся довольно далеко отъ короля, который рѣдко видитъ людей, и никто не боится его безпокоить.

[11]) См. выше, стр. 156, прим. 4-е.

торфъ. Разговоръ о свободѣ книгопечатанія и о цензурѣ. Бернсторфъ. Прогулка по швальбахской дорогѣ.

2 (14), среда. Посѣщеніе Карла Карловича [1]).

3 (15), четвергъ. Обѣдалъ у в(еликой) княгини. У Бернсторфа поутру съ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ. Ввечеру у меня Лауницъ.

4 (16), пятница. Выѣздъ изъ Шлангенбада. Въ Вейльбахѣ. У меня ввечеру Бехтѣевъ, въ Hôtel Weidenhof.

5 (17), суббота. Во Франкфуртѣ. Поутру у Югеля, Анштета, М-е Göthe, Маркеловой [2]), гра(фини) Алопеусъ [3]). Обѣдалъ у Анштета. Въ театрѣ: Tancrède [4]). У Маркелова. Жадимировскій. Дома. Альбомъ М-е Göthe.

6 (18), воскресенье. Выѣздъ изъ Франкфурта. Проѣхалъ Фридбер(г). Гунгенъ. Ночевалъ въ Грюнбергѣ.

7 (19), понедѣльникъ. Переодѣвался въ Альфельдѣ (готическое зданіе противъ трактира). Пріѣздъ въ Виллин(г)сгаузенъ [5]). Семейство за столомъ. Дочери Фрица Шверцеля [6]). Ввечеру смотрѣлъ валъ, Остенде и Ватерло. Музыка.

8 (20), вторникъ. Въ Виллингсгаузенѣ. Поутру показывалъ свои рисунки и смотрѣлъ клодовеки. Прогулка въ саду. Gartenlaube. Старыя деревья. Мостъ черезъ Неву. Семейныя деревья. Мѣсто Рейтерна. Кавказъ. Ель. Липа. Послѣ обѣда клодовеки. Прогулка: деревня, кладбище. Церковь. Кассельская дорога. Клодовеки. Музыка. Праздникъ свадьбы Рейтерна.

9 (21), среда. Въ Виллингсгаузенѣ. Ссора съ Андрюшею. Передъ обѣдомъ разсматривалъ клодовеки. Прогулка. Послѣ обѣда показывалъ свои рисунки. Пріѣздъ Фрица [7]). Музыка. Les deux journées.

10 (22), четвергъ. Отъѣздъ изъ Виллингсгаузена въ $^1/_2$ 12. Рейтернъ со мною до Цигенгайна. Веселая сторона, покрытая холмами и рощами. Вабернъ, гдѣ заложили мнѣ свѣжую лошадь. Диссенъ; большой почтовый домъ съ широкимъ дворомъ. Въ Касселѣ въ König v(on) Preussen на круглой площади.

11 (23), пятница. Переѣздъ изъ Касселя въ Готу. Ночевалъ въ Готѣ, Hôtel der Moor. Рисунки Гётевы. Гравюры Рафаеля. Рембрантовы рисунки. Подарки Гамбурга. Въ кабинетъ; бѣдность и Geschmacklo-

---

[1]) Мердера.

[2]) См. выше, стр. 230, прим. 5-е.

[3]) См. выше, стр. 276, прим. 3-е.

[4]) Опера Россини.

[5]) Замокъ недалеко отъ Касселя, въ которомъ жилъ Гергардъ Рейтернъ съ своимъ семействомъ.

[6]) Шурина Гергарда Рейтерна.

[7]) Шверцеля.

sigkeit [1]). Раздѣленіе часовъ. Портретъ Наполеона. Бюстъ императрицы и вѣнцы. Mehr Licht [2]). Спальня. Библіотека; манускрипты. Къ M-elle Pogwich [3]). Альма и Вольфгангъ. Къ в(еликой) княгинѣ. Spiegel [4]) съ дочерью. Бьелке [5]). Санти [6]) съ женою. Вечеръ у великой княгини. Обозрѣніе дворца.

12 (24), суббота. Переѣздъ изъ Готы въ Веймаръ. Пріѣздъ въ 3-мъ часу. Остановился въ Erbprinz. Къ канцлеру Миллеру [7]). Сънимъ къ Бьельке, къ Фицтуму. Въ театръ Jeanne d'Arc [8]). Послѣ театра къ Санти. Кудрявскій [9]). Анекдоты о Гёте. Nie in einem schl(echten) Theater sich zu langweilen, nie ein Kompliment zu sagen ohne es aufrichtlich gedacht zu haben.—Von solchen Dingen spreche ich nur mit Gott [10]).

13 (25), воскресенье. Веймаръ. Поутру съ Крейтеромъ въ библіотеку. Бюстъ Гёте Давида [11]). Ошибка. Перспектива. Шиллеръ. О привязанности Гёте къ Шиллеру. Виландово письмо о Гёте къ Якоби. Письма отца и матери. Въ башню. Альбомы далѣ 16-го вѣка. Въ домѣ Гёте. Комната медалей: медали Среднихъ вѣковъ; бронзы; слѣпокъ съ Шиллерова черепа (исторія, какъ онъ найденъ). Смерть Шиллера 1804, погребеніе; въ 1815; соединеніе скелета; черепа; бюстъ Данек(ер)а; портреты; входъ по билетамъ; Шиллеровъ слуга; два зуба. Черепъ Вандика.

14 (26), понедѣльникъ. Веймаръ—Мерзбургъ. Поутру у канцлера Миллера. О Гётевомъ Фаустѣ. О Гумбольтѣ. У великой княгини. Ея библіотека. Рисунки сына [12]). Отъѣздъ въ $12^1/_4$. Ночевалъ въ Мерзбургѣ. Die Sonne очень чистый трактиръ.

15 (27), вторникъ. Мерзбургъ—Виттенбергъ. Каѳедральная церковь.

---

[1]) Т. е. Отсутствіе вкуса.

[2]) Болѣе свѣта! (слова, сказанныя Гёте передъ смертью).

[3]) На одной M-elle Pogwisch былъ женатъ сынъ Гёте.

[4]) Баронъ Шпигель былъ гофмаршаломъ саксенъ-кобургскаго двора.

[5]) Гофмаршалъ саксенъ-веймарскаго двора (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 62).

[6]) Графъ В. А. Санти (о немъ см. выше, стр. 180, прим. 4-е) былъ въ это время нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при саксенъ-веймарскомъ дворѣ.

[7]) См. выше, стр. 203, прим. 9-е.

[8]) Шиллера.

[9]) Вѣроятно, правитель канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ Емельянъ Аѳанасьевичъ Кудрявскій.

[10]) Т. е. Никогда не скучать въ дурномъ театрѣ, никогда не говорить комплимента, если по совѣсти искренно не можешь его сказать.—О такихъ вещахъ я бесѣдую только съ Богомъ.

[11]) Бюстъ Гёте въ болѣе чѣмъ натуральную величину, исполненный въ 1831 году Давидомъ d'Angers.

[12]) Карла-Александра-Августа, впослѣдствіи великаго герцога (р. 1818 † 1901).

Гробы герцоговъ. Картина Лукаса Кранаха. Положеніе во гробъ и Распятіе; на послѣдней три Лютера. Святая Екатерина Альберта Дюрера. Гробъ епископа Труге. Казненны(й) камердинеръ. Одежда Оттона и св. Кунигунды. Рука Рудольфа. Проѣхалъ черезъ Виттенбергъ. Осмотръ ратуши. Десять заповѣдей Кранаха. Мечъ Г(устава)-Адольфа. Четки Лютера. Ночевалъ въ Трейенбритценѣ.

16 (28), среда. Потсдамъ. Письма. Редернъ [1]). День въ Потсдамѣ. Въ Einsiedlei. Въ С(анъ)-Суси. Галлерея. Въ Шарлоттенгофъ. God save the king [2]). Разгов(оръ) объ Италіи. Билліарды. У пр(инца)-Вильгельма. M-elle Block. M-e Verdeck. Принцъ Карлъ. Разг(оворъ) съ пр(инцемъ) Вильгельмомъ. Пр(инцъ) Виртембергскій.

17 (29), четвергъ. Берлинъ. Письмо къ Лауницу [3]). Для Рейтерна свидѣтельство. Визиты. Покупки. Рисунки Гёте Рейтерну. Въ Берлинъ. Къ Сперанскому. У меня Массовъ. Къ князю Витгенштейну. Къ королю. Встрѣча съ Сперанскимъ. О Кругѣ. У короля: мундиръ. Въ музеумъ, въ собраніе египетскихъ рѣдкостей. Дома. У меня Витгенштейнъ. Къ Шенку. Къ Мальтицу [4]). Къ Рибопьеру [5]). Къ Радзивилъ. Къ Клейсту. Къ Радовицу. Жаркой разговоръ о Римѣ и абзолутизмѣ.

18 (30), пятница. Берлинъ. Къ Сперанскому. Къ Фикельмону [6]). Къ Вихману [7]). Къ Штакельбергъ. Въ музеумъ. Къ Радовицу, у котораго обѣд(алъ) съ Клейстомъ. Вечеръ у Гуфланда.

19 (31), суббота. Къ Вихману. Къ Гропіусу. Къ принцессѣ Радзивилъ. Гумбольдъ. Къ Шинкелю. Лес(с)ингова [8]) картина. Къ Клейсту. Къ Радовицу.

---

[1]) Графъ Вильгельмъ Редернъ, бывшій главноуправляющимъ королевскими театрами съ 1828 по 1842 годъ.—О большинствѣ другихъ лицъ, съ которыми видѣлся Жуковскій въ 1833 г. въ Берлинѣ, свѣдѣнія имѣются въ примѣчаніяхъ къ его дневнику за время пребыванія въ Берлинѣ въ 1821 и 1822 гг. (см. выше, на стр. 75—120).

[2]) Гимнъ.

[3]) См. выше, стр. 230, прим. 6-е.

[4]) Барону Францу Петровичу Мальтицу (р. 1794 † 1857), въ то время совѣтнику нашего посольства въ Берлинѣ, а впослѣдствіи бывшему посланникомъ въ Гаагѣ (см. выше, стр. 78 прим. 4-е).

[5]) Къ Александру Ивановичу Рибопьеру (впослѣдствіи графу, р. 1785 † 1865), нашему посланнику въ Берлинѣ, а потомъ бывшему членомъ Государственнаго Совѣта.

[6]) Вѣроятно, графъ Фикельмонъ, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ.

[7]) Къ скульптору Вихману, которымъ былъ сдѣланъ бюстъ Жуковскаго (см. письма Жуковскаго къ И. И. Дмитріеву, отъ 19 февраля и 28 апрѣля 1834 года, въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 433—435). Было два брата Вихмана, скульптора: Карлъ-Фридрихъ (р. 1775†1839) и Лудвигъ-Вильгельмъ (р. 1788 † 1859).

[8]) Живописца Карла-Фридриха Лессинга (р. 1808†1880).

20 (1) сентября, воскресенье. У Вихмана. Поутру съ Клейстомъ и Радовицемъ въ королевскій дворецъ. Рафаелевы копіи. Картины: Лессинга, Бендехагена, Зона [1]). Визиты. Обѣдалъ у Радовица.

21 (2), понедѣльникъ. Утромъ у Вихмана. У Рауха и Тика. У Крюгера [2]). У Шенка. Обѣдъ у Радзивилъ Передъ обѣдомъ у Радовица. Послѣ обѣда у Клейста. Вечеръ у Радзивилъ: Радовицъ, герцогъ Кембрійскій.

22 (3). Поутру у Вихмана. Съ Радовицемъ къ Дюмлеру [3]) и Шенку. У гр. Грёбенъ. Съ Клейстомъ въ діораму и панораму Залбурга. Домой. Обѣд(алъ) у Радзив(илъ) съ Радовицемъ. Послѣ обѣда въ Singakademie съ Клейстомъ. Домой. Вечеръ у Радовица. Чтеніе о душѣ, привидѣніяхъ, музыкѣ.

23 (4), середа. У Шенка. У Витгенштейна. У пр(инцессы) Радзивилъ. У Радовица обѣдалъ. Къ Гензелю (Христосъ передъ судилищемъ). Въ театръ: Robert le Diable [4]). Дома. У меня Клейстъ и Радовицъ.

24 (5), четвергъ. Ландсбергъ. Ночевалъ на почтѣ.

25 (6), пятница. Ландсбергъ. Ястровъ. Извѣстіе о государѣ [5]). Встрѣча въ Вальденбергѣ съ Адлербергомъ [6]). Ночью встрѣча съ Волхонскимъ [7]).

26 (7). Ястровъ. Диршау. Обѣдалъ въ Черскѣ. Ночевалъ въ Диршау. Rothe Krug.

27 (8), воскресенье. Диршау. Бранденбургъ. Осматривалъ Маріенбургъ.

28 (9), понедѣльникъ. Бранденбургъ. Тильзитъ.

29 (10), вторникъ. Тильзитъ. Кольмъ. Худая ночь.

30 (11), среда. Кольмъ—Рига. Петерсенъ [8]). Фрейманъ [9]). Ренне-

---

[1]) Живописецъ Карлъ-Фердинандъ Зонъ (р. 1805 † 1867).

[2]) Быть можетъ, у портретиста Франца Крюгера (р. 1797 † 1857).

[3]) Быть можетъ, къ Фердинанду Дюмлеру (Dümmler, р. 1777 † 1846), книгоиздателю въ Берлинѣ.

[4]) Опера Мейербера.

[5]) 15 августа 1833 года императоръ Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Петербурга для свиданія съ королемъ Прусскимъ и съ императоромъ Австрійскимъ. 24 августа (5 сентября) произошло свиданіе государя съ королемъ Прусскимъ въ Шведтѣ, а 29 августа (10 сентября) съ императоромъ Австрійскимъ въ Мюнхенгрецѣ въ Богеміи.

[6]) Владиміромъ Ѳедоровичемъ (впослѣдствіи графомъ), въ то время генералъ-адъютантомъ и начальникомъ военно-походной канцеляріи.

[7]) Съ министромъ императорскаго двора княземъ П. М. Волконскимъ.

[8]) Евстаѳій Ѳедоровичъ, лифляндскій губернскій прокуроръ (см. выше, стр. 177, прим. 4-е).

[9]) Романъ Антоновичъ Фрейманъ, совѣтникъ Лифляндскаго губернскаго правленія.

кампфъ. M-elle Wolmerange [1]). Milly Reutern [2]). Бредерло [3]): его картины. Вандикъ. Новые ландшафты и марины. Картоны Рафаеля.

31 (12), Рига. Въ Энгельгардсгофъ, помѣшательство.

1 (13) сентября, пятница. Энгельгардсгофъ — Лоддигеръ [4]). Юлія Рейтернъ одна [5]). Пріѣздъ Германа [6]) съ женою. Письма. Loewe Гердеровъ и Drei Wanderer. Пріѣздъ Эммы, Натали [7]) и Унгерна [8]). Пѣніе. Извѣстіе о Христофорѣ [9]). Разговоръ съ Унгерномъ.

2 (14). Loddiger. Wolmar. Отъѣздъ въ три часа.

3 (15). Wolmar—Дерптъ. Ночь въ Петербургскомъ трактирѣ.

4 (16). Дерптъ. Свиданье съ Карамзиными [10]). Визиты: къ Асмусу [11]), къ Блуму [12]), къ Парроту [13]), къ Зенфу [14]). Обѣд(алъ) у Екат(ерины) Аѳан(асьевны) [15]). Вечеръ у Карамзиныхъ, потомъ дома. Погребеніе малютки Мещерскаго [16]).

5 (17). Дерптъ. Именины Лизы [17]). У Борга [18]), Еше [19]) и Эрдмана [20]).

---

[1]) Ср. выше, стр. 213.

[2]) Кто именно изъ семейства Рейтерновъ—неизвѣстно.

[3]) См. выше, стр. 223 и 256.

[4]) Имѣніе Рейтерновъ.

[5]) Жена Карла Рейтерна, рожденная фонъ-Шверцель.

[6]) Брата Гергарда Рейтерна; онъ былъ женатъ на графинѣ Наталіи-Луизѣ-Еленѣ Меллинъ.

[7]) Эмма и Натали—дочери Германа Рейтерна.

[8]) Барона Виктора Унгернъ-Штернберга, за котораго въ 1833 году вышла Наталія Рейтернъ.

[9]) О Христофорѣ Рейтернѣ (р. 1782 † 1833), генералъ-лейтенантѣ, старшемъ братѣ Гергарда Рейтерна.

[10]) Вдова исторіографа Е. А. Карамзина съ семьею жила въ Дерптѣ.

[11]) Мартинъ Асмусъ (Asmuss, р. 1784†1844), содержатель школы въ Дерптѣ по методѣ Песталоцци, писавшій также и стихи.

[12]) Карлъ-Людвигъ Блумъ, профессоръ географіи и статистики въ Дерптскомъ университетѣ.

[13]) Ректоръ Дерптскаго университета и профессоръ физики, Фридрихъ Парротъ, извѣстный своимъ заступничествомъ за Сперанскаго предъ Александромъ I.

[14]) Карлъ-Августъ Зенфъ, съ 1805 г. бывшій учителемъ (а потомъ профессоромъ) рисованія и гравюромъ въ Дерптскомъ университетѣ.

[15]) Протасовой.

[16]) Внука исторіографа, сына его дочери, княгини Екатерины Николаевны Мещерской.

[17]) Елизаветы Николаевны Карамзиной, другой дочери исторіографа.

[18]) Карлъ-Фридрихъ фонъ деръ Боргъ, университетскій синдикъ.

[19]) Готлибъ-Веніаминъ Іеше (Iäsche, р. 1762 † 1842), профессоръ теоретической и практической философіи въ Дерптскомъ университетѣ.

[20]) Іоганнъ-Фридрихъ Эрдманъ, деканъ медицинскаго факультета Дерптскаго университета.

Обѣдалъ дома. Пріѣздъ Вяземскаго [1]). Ввечеру у Карамзиныхъ. Изломанное колесо. Сѣверное сіяніе. У меня Боргъ, Рейцъ [2]), Блумъ и Еше.

6 (18). Дерптъ. Зенфъ у меня. Обѣдалъ у Карамзиныхъ. Рожденіе княгини Вяземской [3]). У меня Рейцъ и Парротъ. На обсерваторію: луна и Юпитеръ. Димлеръ, Муравьевъ, Золотаревъ и Тютчевъ.

8 (20). Дерптъ—Чудлей.

9 (21). Чудлей—Кипень.

10 (22). Кипень—Царское Село. Пріѣхалъ въ 10-ть часовъ утра.

1837.

[4 мая]. Иверскій монастырь [4]). Василій Васильевичъ Мотягинъ. Колокольный заводчикъ, кожевен(ный) и свѣчной [5]). Архимандритъ Арсеній. Іаковъ чудотворецъ [6]). Кельи. Портреты митрополитовъ.... [7]).

8 мая. Угличъ. Полицмейстеръ Арсеньевъ [8]). Супоневъ. Осмотръ собора. Постр(оенъ) въ XVII вѣкѣ. Рака [9]). Палаты Димитрія [10])

---

[1]) Князя Петра Андреевича.

[2]) Извѣстный профессоръ россійскаго законодательства въ Дерптскомъ университетѣ Александръ Рейцъ.

[3]) Княгини Вѣры Ѳедоровны, супруги князя П. А. Вяземскаго.

[4]) Замѣтки Жуковскаго за то время, когда онъ сопровождалъ въ 1837 г. наслѣдника Александра Николаевича въ его путешествіи по Россіи, сохранились не въ полномъ видѣ; за нѣкоторыя числа въ дневникѣ Жуковскаго имѣются пробѣлы.—Великій князь выѣхалъ изъ Царскаго Села 2 мая; 3 мая былъ въ Новгородѣ, а 4 мая пріѣхалъ въ Валдай и ѣздилъ въ Иверскій монастырь, основанный патріархомъ Никономъ.

[5]) Въ Валдаѣ.

[6]) Мощи преподобнаго Іакова Боровицкаго почиваютъ въ Иверскомъ монастырѣ.

[7]) Дневникъ путешествія 1837 года, къ сожалѣнію, писанъ бо́льшею частью карандашомъ, наскоро, почеркомъ неразборчивымъ, при чемъ мѣстами иныя слова не поддаются прочтенію. Такія не прочтенныя мѣста означены здѣсь и далѣе точками.

[8]) Замѣтки о посѣщеніи Углича и Рыбинска находятся не въ дневникѣ Жуковскаго, а написаны имъ въ тетради, содержащей въ себѣ первоначальную редакцію 14 пѣсней „Наля и Дамаянти“ (относящуюся къ маю—іюню 1837 г.), о чемъ см. мое сообщеніе въ изданной Н. И. Стояновскимъ брошюрѣ „В. А. Жуковскій. Чествованіе его памяти въ С.-Петербургѣ 29 и 30 января 1883 года“ (Спб. 1883), стр. 55—56.—Александръ Павловичъ Арсеньевъ былъ городничимъ въ Угличѣ.

[9]) Св. благовѣрнаго князя Романа Угличскаго

[10]) Св. царевича Димитрія.

четвероугольное зданіе. Древняго только форма; остальное выкрашено. Образъ Спаса Нерукотвореннаго. Одно окно выше другихъ; спальня. Церковь на крови [1]). Рака; земля, напитанная кровью [2]), и образъ. Нижняя церковь. Лампада. (Оправданіе православія. Для будущаго вѣра, для настоящаго смиреніе, для прошедшаго благословеніе). Энтузіасмъ; чувство святое, слезы; но ребяческое. La raison. Le sentiment [3]). Дѣло правительства.

Рыбинскъ [4]). Дорога грязная, слѣды прежняго глупаго распоряженія Видъ на Мышкинъ. Выходъ на берегъ. Пріѣздъ въ Рыбинскъ. Тѣ же сцены crescendo. Голова Тюменевъ. Нынѣ день проѣзда Екатерины [5]). Ея кресло въ соборѣ. Осмотръ пристани. Набережная съ желтою рѣшеткою. Дорога отъ Рыбинска берегомъ Волги [6]).

[11 мая]. Смотръ Бѣлевскаго и Тульскаго егерскихъ полковъ [7]) въ дерев(няхъ). Ростовъ. Неживописное озеро. Взглядъ на древній соборъ. Рѣчь архимандрита [8]). Быстрое посѣщеніе Яковлевскаго монастыря. Рака святаго Димитрія митр(ополита).—Переяславль. Прекрасный видъ на озеро. Никитскій монастырь. Мощи и вериги [9]). Живописный видъ Переяславля. Десять вѣтреныхъ мельницъ у въѣзда въ городъ.

Юрьевъ-Польскій. Поздній пріѣздъ. Остановились въ двухъ домахъ. Проѣздъ черезъ Симу [10]). К(нязь) Голицынъ. Нейдгардъ [11]).

12 мая. Переѣздъ въ Суздаль. Осмотръ монастыря [12]). Евангелія и

---

[1]) На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ св. царевичъ Димитрій.

[2]) Ковчежецъ съ землею, пропитанною кровью св. Димитрія царевича, вдѣланъ въ образъ, лежащій на ракѣ и пожертвованный въ церковь царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

[3]) Т. е. Разумъ. Чувство.

[4]) Т. е. Переѣздъ изъ Углича въ Рыбинскъ.

[5]) Императрица Екатерина II посѣтила Рыбинскъ 8 мая 1763 года.

[6]) 8 же мая наслѣдникъ прибылъ въ Ярославль, откуда выѣхалъ 11 мая.

[7]) Эти два полка прибыли на работу шоссе между Ярославлемъ и Ростовомъ.

[8]) Рѣчь въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ произносилъ не архимандритъ, а находившійся на покоѣ епископъ (бывшій оренбургскій) Августинъ (Сахаровъ, † 1842), какъ объ этомъ вѣрно сообщалъ своей женѣ состоявшій при наслѣдникѣ С. А. Юрьевичъ (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 447).

[9]) Преподобнаго Никиты Переяславскаго.

[10]) Богатое село въ Юрьевскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, принадлежащее князьямъ Голицынымъ. Оно было пожаловано въ 1708 г. Петромъ Великимъ князю М. М. Голицыну за побѣду надъ шведами при деревнѣ Лѣсной.

[11]) Вѣроятно, генералъ-адъютантъ Александръ Ивановичъ Нейдгардъ († 1845), въ то время бывшій командиромъ 6 армейскаго корпуса.

[12]) Суздальскаго Спасо-Евѳиміева.

плащаница Пожарскаго [1]). Шапка Евфимія [2]). Мѣсто погребенія Пожарскихъ. Домъ сумасшедшихъ. Швецовъ... Монастырь женскій [3]). Гробъ Соломоніи [4]), гробы Бѣльскихъ и Глинскихъ. Вклады. Голова.—Переѣздъ въ Шую. У купца Киселева [5]): ковры, картины, золоч(еные) кивоты съ образами—и тараканы. Интрига городничаго. Купецъ Посилинъ голова, торгующій съ Персіею. Соборъ; иконостасъ изъ серебра. Церковь Крестовоздвиженская. До 100.000 Посилину и Киселеву [6]). Престолъ Campioni [7]). Смѣсь вкусовъ. Плащаницы арзамасской работы. Книги Киселева. Его библіотека [8]).

[15 мая]. Переѣздъ изъ Макарьева въ деревню Гомзиху. Поутру въ монастырь. Рака [9]). Уединеніе. Гробы. Дворъ, поросшій травою Колодезь. Видъ на Унжу. Дорога по берегу Унжи. Видъ на лѣсъ, который кажется моремъ. Исторія помѣщика Налетова. Двѣ переправы; прекрасный видъ на Унжу. Гусянки. Гористое мѣсто. 24 горы на 24 верстахъ, а у горъ 20 переправъ. Глупая система исправленія дорогъ. Ночлегъ у Жадовскаго. Русскій помѣщичій домъ. Портреты Петра и Екатерины. Равновѣсіе Европы. Русскій: все мое; полякъ .... [10]); шведъ: кто болѣе; турокъ: совсѣмъ раздавленъ; пруссакъ: продали дополня; гол(л)андецъ: еще живъ [11]).

[20 мая]. Переѣздъ изъ Вятки въ Глазовъ. Прощанье съ Вьельгорскимъ. Живописецъ. Видъ Вятки. Хлопоты в(еликаго) князя. Слободской. Посѣщеніе двухъ ..... Завтракъ у священника. Вотяки. Пере-

---

[1]) Князя Д. М. Пожарскаго.

[2]) Преп. Евѳимія Суздальскаго.

[3]) Покровскій.

[4]) Великой княгини Соломоніи Юрьевны, первой жены великаго князя Василія III Іоанновича.

[5]) Мѣстнаго богача.

[6]) Т. е. украшеніе ея стоило купцамъ Посилину и Киселеву до 100 тысячъ рублей.

[7]) Работѣ итальянскаго художника Кампіони принадлежитъ не только престолъ, но и ковчегъ, жертвенникъ и паникадило въ этой церкви (см. В. Борисовъ, Описаніе города Шуи, М. 1855, стр. 117).

[8]) Изъ Шуи наслѣдникъ отправился 13 мая въ Кострому, въ которой пробылъ до 15 мая.

[9]) Преподобнаго Макарія Желтоводскаго.

[10]) Затѣмъ на двухъ слѣдующихъ строкахъ карандашъ сильно стерся.

[11]) Затѣмъ слѣдуетъ тринадцать строкъ, въ которыхъ не все можно прочесть, ибо карандашъ мѣстами почти стерся, а нѣкоторыя слова писаны весьма неразборчиво. Вотъ, что можно прочесть: Картина таинствен(ная)... Богиня съ цѣпями на рукахъ. 1. Письмо къ императрицѣ и журналъ. 2. Собирать вѣдомости. 3. Собирать все характеристичное. 4. Рисунки. 5. Просьбы читать: Ар(сеньеву), М (мнѣ?), Ю(рьевичу).—Послѣ Макарьева наслѣдникъ посѣтилъ Орловъ и Вятку, откуда выѣхалъ 20 мая.

правы; двѣ черезъ Вятку; одна черезъ Чепцу. Глазовъ. Ноги Урала. Въ Глазовѣ у вотяка. Комната въ одномъ домѣ съ великимъ княземъ. Спалъ на тюфякѣ. Бѣдная церковь на площади, окружен(ная) деревянными домишками. Колонія вотяковъ.

Мая 21. Изъ Глазова на Ижевскій заводъ. Завтракъ на станціи. Виды горъ. Покрыты камнями и елями. Вездѣ гориз(онтъ) ограниченъ видами лѣса. Дымъ. Снѣгъ. Маленькія долины какъ ребра, между ними ели какъ цвѣты. Быстрыя лошади. Прекрасная дорога. Пустынность. Чепуха. Почта.

22 мая. Ижевскій заводъ, Воткинскій заводъ.—Нератовъ генералъ [1]); полковникъ Гренъ. Запруженная Ижь. Твердость плотины. Отвозъ ружей до Камы. До 40.000 въ [2]). Желѣзные обрѣзки. Вытягиваніе, загибаніе, свариваніе, сверленіе. Шустеніе, обтачиваніе, полировка. Прицѣлы. Бракъ. Лекала. Проба штыковъ. Безцѣльная выдумка. Проба ружей. Разрывъ отъ худыхъ ружей. Мѣсто худой сварки..... Укладка ружей..... ..... — Переѣздъ изъ Ижевскаго завода на Воткинскій: кричное производство, пудлингованье, стальное, якорное, плющильное, оковка лафетовъ. Ночевалъ у англичанина. Вечеръ писалъ письма.

23. Переѣздъ изъ В(откинскаго) завода въ Пермь.

Пермь. 24 числа. Поутру осмотръ выставки. Въ гимназіи. Барановъ. Швецовъ. Князь Максутовъ. Антроповъ директоръ гимназіи. Вице-губернаторъ Андрей Ѳедоровичъ [3]). Бывшій губернаторъ Гаврило Корнѣевичъ [4]). Хозяйка Розенъ. .... Послѣ осмотра выставки у архіерея [5]). Разговоръ о раскольникахъ. Миссіи. Камышловскій миссіонеръ Оглоблинъ. Послѣ обѣда у меня Швецовъ. Катанье по Камѣ. Хозяйка Розенъ. Визитъ къ вице-губернатору и къ губернатору. Писалъ послѣ бани письма.

25. Переѣздъ изъ Перми въ Бисерскъ. Виды по дорогѣ Урала. Ночевали въ Бисерскѣ на почтовой станціи.

26. Переѣздъ изъ Бисерска въ Екатеринбургъ. Обѣдъ. Осмотръ завода, золотопромывальни, гранильной фабрики, монетнаго двора. Мен-

---

[1]) Командиръ Ижевскаго завода, генералъ-лейтенантъ Иванъ Александровичъ Нератовъ.

[2]) Фраза не дописана.

[3]) Для фамиліи оставленъ пробѣлъ; вице-губернаторомъ былъ А. Ѳ Кабритъ

[4]) Для фамиліи оставленъ пробѣлъ; губернаторомъ былъ Г. К. Селастенникъ.

[5]) Архіепископомъ пермскимъ былъ въ то время преосвященный Аркадій (Ѳедоровъ), впослѣдствіи бывшій архіепископомъ олонецкимъ († 1870), извѣстный своею дѣятельностью противъ раскола.

шенинъ [1]). Ввечеру поѣздка по городу. Иллюминація. Квартира у Харитонова [2]).

27, четвергъ. Пребываніе въ Екатеринбургѣ и переѣздъ въ Нижнетагильскъ. Осмотръ завода Верхнеисетскаго. Больница. Домъ Китаева. Удивительное устройство. Чугунное производство. Тюремный замокъ. Похититель изумрудовъ въ острогѣ съ убійцами..... Судъ шемякинъ. Больница. Обѣдня. Разговоръ миссіонера. Поѣздка въ Тагиль на тарантасахъ. Я вмѣстѣ съ Меншенинымъ. О Зотовѣ. О Харитоновѣ. Дѣло горноблагодатскаго полицмейстера, убившаго унтеръ-офицера. Дѣло лѣкаря, похитившаго золото. Дорога снача(ла) неживописная и дикая. Потомъ виды прек(р)асные; видъ на Уралъ и рощи частыя. Невьяновскій заводъ. Старинный домъ Демидова. Колокольня око(ло) древней церкви и дворъ. Здѣсь пили чай. Въ Тагиль подъ вечеръ. Мнѣ квартира во флигелѣ.

28, пятница. Обозрѣніе Тагиля. Заводъ. Чугунныя издѣлія. Мѣдное производство. Лудильное производство. Литье чугунное: доски. Выставка издѣлій: чугунъ, желѣзо, мѣдь, золото, платина. Училище на 130 мальчиковъ. Тѣсно и низко. Больница въ прекрасномъ состояніи; аптека (три лѣкаря). Монументъ Демидову [3]), возстановителю Тагиля, учащіеся, выучившіеся, служащіе, покровительствуемые .... Желѣзный рудникъ. Пароходка [4]). Промыванье золота. Спускъ въ малахитномѣдный рудникъ, 36 саженъ. Спускъ по стремянкѣ, всходъ по лѣстницѣ. Малахитовая масса въ 2 сажени длины, въ $^1/_2$ сажени толщины и въ $1^1/_2$ сажени вышины. Отбытіе вел(икаго) князя на Кувшинскій заводъ. Я остался отдыхать въ Тагилѣ. Фотій Ильичъ Швецовъ. Александръ Анисимовичъ Любимовъ. Павелъ Даниловичъ Даниловъ. Дмитрій Васильевичъ Бѣловъ. Управленіе. Послѣ сна разборъ геологической карты тагильской. Объѣздъ деревни. До 4.000 домовъ. До 5 капитала 100.000. До 200 отъ 50.000 до 10.000. Переселенцы изъ Чернигова. Трудность доставленія золота и самое нездоровое производство. Возвращеніе в(еликаго) князя въ $^1/_2$ 11-го.

29, суббота. Возвращеніе изъ Тагиля въ Екатеринбургъ. Дорогою

---

[1]) Бергъ-инспекторъ Уральскаго горнаго правленія Дмитрій Степановичъ Меншенинъ.

[2]) Въ домѣ богатаго купца-заводчика, старообрядца Харитонова, который былъ сосланъ на жительство въ Кексгольмъ (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года книга вторая, стр. 457).

[3]) Николаю Никитичу (р. 1773 † 1828).

[4]) „Тутъ (на Нижнетагильскомъ заводѣ) есть образчикъ желѣзной дороги на разстояніи 300 саженъ и паровозъ (устроенія крестьянина Черепанова)“ писалъ С. А. Юрьевичъ своей женѣ (см. „Русскій Архивъ“ 1887 г., книга первая, стр. 459).

жалобы работниковъ и жандармъ Косинскій. Въ шесть часовъ послѣ обѣда поѣздка на Березовые золотые промыслы. Розсыпи и жилы. Бочка песку. Больница. Промывальня. .... Осмотръ шахты и жилъ стараго разрушеннаго гребня, въ коемъ кварцъ золотоносный. Взрывъ..... Жаль очень, что я не записалъ многихъ выраженій Швецова. Визитъ Меншенину. Карты. Димитр(ій) Степан(овичъ) Меншенинъ.

30 мая, воскресенье. Разговоръ съ Китаевымъ. На обсерваторію. Подполковникъ Варванскій [1]). Викарій Евлампій.—Переѣздъ изъ Екатеринбурга въ Камышловъ. Пріятная природа, ровныя мѣста, разсѣянныя березовыя рощи. Переѣздъ съ Арсеньевымъ [2]). Чтеніе записки Китаева и разговоръ о старообрядцахъ. Чудесная дорога памятникъ Модераха [3]). Камышловъ .... и богатый народъ. Крупные люди. Живое любопытство. Ѳедоровъ профессоръ астрономіи [4]).

31 мая. Переѣздъ изъ Екатеринбурга въ Тюмень. Длинный городъ на берегу Туры. Пріѣздъ въ дождь. Встрѣча. Толпа. Бульвары. Я ночевалъ у вдовы Матрены Алеиной. Характеръ физіономій жителей. Три нюанса встрѣчи: искренность, простое любопытство, благодарность. Переѣздъ изъ Камышлова въ Тюмень. Дорога ровная и прекрасная; по сторонамъ березовыя рощи мелкія; между ими пашни. На первой станціи великій князь сѣлъ верхомъ. Ко мнѣ больше вниманія. Разговоръ за обѣдомъ о дѣлѣ Каковина. Безъ суда да не накажется. О подающихъ просьбы [5]). Граница Сибири. Песокъ и березы. Тугульмъ. Народъ собирается со всѣхъ сторонъ. В(еликій) к(нязь) въ закрытой колескѣ. Болѣе чистоты въ постройкѣ нѣкоторыхъ избъ. Чистота происхожденія въ наружности и физіономіи крестьянина. Дорога песчаная и мягкая. Черноземъ.

---

[1]) Іовъ Игнатовичъ Варванскій, помощникъ горнаго начальника Екатеринбургскихъ заводовъ.

[2]) Константиномъ Ивановичемъ, академикомъ, преподававшимъ наслѣднику статистику.

[3]) Бывшаго при Александрѣ I пермскаго губернатора († 1819).

[4]) Вѣроятно, Василій Ѳедоровичъ Ѳедоровъ (р. 1802†1855), ранѣе бывшій помощникомъ директора Дерптской обсерваторіи и въ 1832—1836 гг. находившійся въ ученой командировкѣ въ Юго-Западной Сибири. Въ 1837 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ астрономіи въ университетъ св. Владиміра (см. Біографическій словарь профессоровъ университета св. Владиміра, Кіевъ, 1884, стр. 796—797).

[5]) Во время объѣзда наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 году 30 губерній на имя его высочества было подано до 16 тысячъ прошеній (главнымъ образомъ о пособіи); большая ихъ часть передавалась затѣмъ, для исполненія, мѣстнымъ начальникамъ губерній; прошенія же болѣе важнаго содержанія были посылаемы отъ наслѣдника министрамъ и непосредственно самому государю (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 454, примѣчаніе).

1 іюня. Переѣздъ изъ Тюмени въ Тобольскъ [1]). Городъ [2]) бѣдный. 10 деревянныхъ, 6 каменныхъ обывательскихъ домовъ, не считая казенныхъ. Присутственныя мѣста въ постояломъ домѣ. Голова Иконниковъ. Улучшенная имъ больница городская. Ужасное состояніе острога и больницы ссыльныхъ. Болѣзни. Венерическая болѣзнь. Городничій Игольниковъ воинъ и кавалеръ [3]). Привилегія до 1842 года для купцовъ 2-ой гильдіи имѣть права 1 гильдіи. Переправа по Турѣ весьма продолжительная. Высадка на берегъ въ 7 часовъ. Кожевенные заводы затопленные. Дорога по прекрасному ровному полю. Растенія полевыя разнообразныя. Черноземъ. . . . . разбойникъ Vollbaum. Переправа черезъ Туру и обѣдъ въ Іевлевѣ. Прекрасныя сосновыя рощи. Пашни. Два перевоза. Татарскія деревни. Сторожевыя караульни плетеныя. Бѣдность деревень. Пріѣздъ въ Тобольскъ въ 12 часовъ. Переѣздъ 260 верстъ съ 11-ю переправами. Кн(язь) Горчаковъ [4]). Иллюминація. Высокій берегъ Иртыша, перемѣн(и)вшаго мѣсто.

2 іюня. Пребываніе въ Тобольскѣ. Ширковъ. Евгеній Милькѣевъ [5]). Ершовъ. Осмотръ училища и выставки. Пріемъ чиновниковъ. Архіерей Аѳанасій. Губернаторъ Повало-Швейковскій [6]). Голофеевъ. Комендантъ Жерве. Мурзы киргизскіе. Иванъ Семеновичъ Пестовъ [7]). Чтеніе бумагъ к(нязя) Горчакова. О соединеніи Сибири. О ссыльныхъ. — Послѣ обѣда у Горчакова съ Арсеньевымъ. Въ 9 часовъ балъ. Вечеръ послѣ бала дома. Простуда.

---

[1]) Подъ 1 іюня помѣщена въ дневникѣ еще запись въ слѣдующей редакціи: [„1 іюня, вторникъ. Татарскія деревни. Кладбище въ рощѣ. Мечеть. Бѣдныя избы. Скирды съ хлѣбомъ. Разливъ Туры. Пустыя деревни. Множество утокъ. Весьма бѣдныя деревни]“.

[2]) Тюмень.

[3]) Городничій Тюмени Иванъ Евдокимовичъ Егольниковъ, какъ видно изъ Адресъ-календаря на 1838 годъ, имѣлъ знакъ отличія св. Георгія и медаль въ память войны 1812 года.

[4]) Генералъ-губернаторъ Западной Сибири князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ († 1868).

[5]) Евгеній Лукичъ Милькѣевъ, служившій помощникомъ столоначальника въ канцеляріи генералъ-губернатора Западной Сибири. Онъ далъ прочитать нѣсколько своихъ стихотвореній Жуковскому, въ которыхъ послѣдній нашелъ много таланта; по желанію Жуковскаго Милькѣевъ представилъ ему о себѣ записку, которую Жуковскій напечаталъ въ 1838 году въ „Современникѣ“, т. XII, стр. 12—20. См. также о Милькѣевѣ въ письмѣ Жуковскаго къ С. П. Шевыреву, отъ 9 марта 1838 г., напечатанномъ въ „Русской Старинѣ“ 1901 года, іюль, стр. 98. Стихотворенія Милькѣева вышли въ 1843 году въ Москвѣ отдѣльною книжкою.

[6]) Христоферъ Христоферовичъ Повало-Швейковскій.

[7]) Совѣтникъ отъ министерства финансовъ въ Главномъ управленіи Сибири.

Центральная Рабочая
библиотека-читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

224/-12/V			3835-18	
188-12/IV			2642-30/XII	
2642-10/VIII				